

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2024

ТОМ 9 № 3

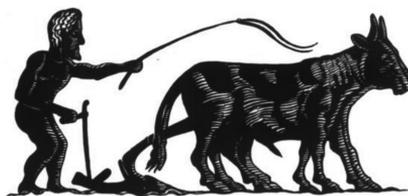
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Крестьянская семья (Святое семейство)». Филонов П. Н. 1914.
Русский музей, Санкт-Петербург

© РАНХиГС, 2024

Содержание

От редакции. 6

Теория

Оносов А. А. Крестьянский вопрос философии общего дела. 7

Гачева А. Г. Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело». 25

Никулин А. М. Николай Сетницкий и Александр Чайанов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы. 47

Кнорре (Константинова) Е. Ю. Философия земли М. М. Пришвина в контексте экотеологии. 73

Звонова Е. Е. Бессмертие животных в оптике русского космизма: научные и религиозные аспекты. 92

Титаренко Е. М. Крестьянский космос русского авангарда и эстетический супраморализм Н. Ф. Федорова. 105

Интервью с исследователем

Бернштейн А., Сивков Д. Ю. «Воскрешение может быть не только для людей». 119

Архив

Сетницкий Н. А. Трудовое мироотношение. Из архива философа 127

История

Барсуков Е. В., Идимешев А. А. Деревни «Кетского края» XVII–XVIII веков: перспективы археологического и исторического изучения. 149

Шаратов С. В. Крестьянство в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области). 169

Андреевков С. Н. Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 годы. 185

Современность

Фадеева О. П. Сельский рынок труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников. 204

Андреанов В. Р., Кацеева А. Р. Актеры местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления. 229

Амбрушкевич К. В., Хайруллина Н. Г. Новое ремесленничество: место и роль в культуре современных россиян. 249

Рецензии

Троцук И. В. Социально-пространственные особенности китайской (суб)урбанизации. 265

Куракин А. А. Последствия аграрных реформ. 280

Архипова Л. М. «Нравственная жизнь требует памяти о прошлом». 288

Russian peasant studies

Vol. 9. 2024. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

Editor's foreword 6

THEORY

Onosov A. A. Peasant question in the common cause philosophy 7

Gacheva A. G. The fight against hunger in the philosophy of Russian cosmism: N. F. Fedorov and Universal Cause collections 25

Nikulin A. M. Nikolai Setnitsky and Alexander Chayanov: On ideals, exploitation, non-capitalist systems and regulation of nature 47

Knorre (Konstantinova) E. Yu. Prishvin's philosophy of land in the context of ecotheology 73

Zvonova E. E. Animal immortality in Russian cosmism: Scientific and religious aspects 92

Titarenko E. M. Peasant cosmos of the Russian avant-garde and N. F. Fedorov's aesthetic supra-moralism 105

INTERVIEWS

Bernstein A., Sivkov D. Yu. "Resurrection is possible not only for people" 119

ARCHIVE

N. A. Setnitsky. Labor worldview: From the philosopher's archive 127

HISTORY

Barsukov E. V., Idimeshev A. A. Villages of the "Ket Ridge" in the 17th – 18th centuries: Prospects for an archaeological-historical study 149

Sharapov S. V. Peasantry of collective farms: Subsistence ethics during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region) 169

Andreenkov S. N. Labor behavior of collective farmers in Siberia under the state agrarian policy in 1953–1964 185

THE PRESENT TIME

Fadeeva O. P. Rural labor market: Agricultural education, agrarian involvement and rural settlement of younger workers 204

Andrianov V. R., Kashcheeva A. R. Actors of local self-government: Identification in the single-tier management system 229

Ambrushkevich K. V., Khairullina N. G. New craftsmanship: Its place and role in the contemporary Russian culture 249

REVIEWS

Trotsuk I. V. Social-spatial features of the Chinese (sub)urbanization 265

Kurakin A. A. Consequences of agrarian reforms 280

Arkhipova L. M. "Moral life needs memories of the past" 288

От редакции

Крестьяноведение под знаком космизма

Этот номер нашего журнала в значительной степени является тематическим, потому что его рубрики «Теория», «Интервью с исследователем» и «Архив» посвящены проблематике крестьянской жизни, сельского и экологического развития, изучаемых в таком фундаментальном направлении философской, религиозной, социально-экономической мысли России и мира, как космизм. Крестьянство, с его существованием среди природы, стремлением к ее постижению, преобразованию, преображению, со своим особым культом сельской общинности и уважением к памяти предков, — пристально и плодотворно осмысливается в различных направлениях космизма.

Блок раздела «Теория» открывается статьей А. А. Оносова, посвященной рассмотрению отношений родоначальника русского космизма Н. Ф. Федорова к крестьянству и крестьянскому вопросу как важнейшим темам федоровских социально-философских исканий. Проблематика трагедии голода и путей его преодоления в исследованиях космистов конца XIX — начала XX века представлена в статье А. Г. Гачевой. Сравнение социально-экономических и социально-философских воззрений двух ученых и мыслителей А. В. Чаянова и Н. А. Сетницкого на альтернативы развития общества, его идеалов и взаимодействия с природой — тема исследования А. М. Никулина. Вопросы отношения к земле в философии хозяйствования М. М. Пришвина в контексте экотеологии рассматриваются в статье Е. Ю. Кнорре. Крестьянский космос в эстетике русского авангарда в связи с супраморализмом Н. Ф. Федорова анализируется в исследовании Е. М. Титаренко. Наконец в беседе-интервью антрополога А. Бернштейн и социолога Д. Ю. Сивкова поднимаются столь важные для космизма темы воскрешения в междисциплинарных и региональных контекстах как классических, так и новейших исследований. Архивные материалы, связанные с интеллектуальным наследием Н. А. Сетницкого, представлены А. Г. Гачевой.

Редакция журнала, пойдя на этот своеобразный интеллектуальный эксперимент, связанный с разработкой темы «крестьянство и космизм», надеется привлечь к ней междисциплинарное внимание различных ученых, в чьих исследованиях ведется работа над вопросами гармоничного, вселенского преображения человека и природы.

Крестьянский вопрос философии общего дела

А. А. Оносов

Александр Аркадьевич Оносов, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; старший научный сотрудник Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН). 125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1; доцент факультета гуманитарных и социальных наук РУДН имени Патриса Лумумбы. 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: o.ksandr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена экспликации и содержательному анализу «крестьянского вопроса», являющегося одним из смысловых средоточий философии общего дела Н. Ф. Федорова. В различных формулировках и аналитических срезях крестьянский вопрос — это та идейно рельефная тема космизма, в которую вплетены множественные антиномии бытия — городского и сельского, наличного и должного, мирского — всемирно-мещанского и священного — космически-крестьянского. При рассмотрении причинно-следственной связности крестьянского вопроса выясняется, что его многозначность обусловлена предельным онтологическим напряжением главного нерва философии космизма — вопросом «о жизни и смерти» в его нравственно-родовом осознании — как вопроса о смертных сынах человеческих, утративших братственность и всеобщее отечество, и отцах, ожидающих телесного воскрешения, восстания к пакибытию. В статье раскрывается супраморалистическое значение вопроса о «хлебном труде», различные предметно-жизненные, планетарно-космические выражения земледелия в цивилизационной практике и проективном целеполагании космофилософии. Подчеркивается, что в глубоком ретроспективном и перспективном историческом анализе мыслитель ясно осознавал крестьянскую сущность вопроса о жизни, и в этом отношении являлся сугубым прагматиком жизни — жизни актуально бессмертной и совершенной всех сынов человеческих, психократически интегрированных в «совершеннолетнее общество».

Ключевые слова: Н. Ф. Федоров, философия общего дела, космизм, супраморализм, крестьянство, крестьянский вопрос, земледелие, село, регуляция природы, воскрешение

Нынешним веком, наконец, начинаются изобретения, которые могут создать *всемирно-крестьянскую историю*, дать орудия действия на землю в ее целостности, всем людям в их совокупности, и не ради эксплуатации в конкурентной борьбе не столько за существование, сколько за прихоти и комфорт, а ради всеобщего спасения и мира в мире.

Н. Ф. Федоров

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-7-24

На протяжении минувших почти полутора столетий крестьянская тема периодически вызывала и продолжает вызывать волны дискуссий, в ходе которых определялись черты идентичности россий-

ского крестьянства, выяснялись содержание и границы его субъектности как особой социальной общности (см., напр.: Великий незнакомец..., 1992; Современное крестьяноведение..., 2015; Гордон, Никулин, 2017). Кажется паралогичным, что в условиях технологического выхода глобальной цивилизации на информационную орбиту Индустрии 4.0 «крестьянский вопрос» не только не утратил актуальность, но и звучит в особой — эсхатологической — тональности: его решение осмысливается в контексте будущности планетарно-космического человечества, способного, в катастрофическом исходе истории, «открыть шлюзы» техногенного апокалипсиса, или же, напротив, в благом эволюционном разрешении, — к гарантированному обеспечению жизни, достигающей бессмертия и совершенства в каждом «сыне человеческом».

В философии общего дела «крестьянский вопрос» в его различных формулировках и аналитических срезах — та идейно рельефная тема учения Федорова, в которую вплетены множественные антиномии бытия — городского и сельского, наличного и должного, мирского — всемирно-мещанского и священного — космически-крестьянского. В категории крестьянства сверхнравственно сочленяются представления о неученых и ученых, верующих и неверующих; в проблеме земледелия содержательно раскрывается многослойная структура противоречий, связанных с «разделением разума», антиномических вопросов «о двух логиках и двух этиках», «о двух волях», «о двух чувствах» и «о двух нравственностях», «о двух мировоззрениях» (см.: Федоров, 1995а: 39б, 40б; Федоров, 1997: 352).

Крестьянский вопрос в его причинно-следственной связности и понятийной многозначности для концептуального строения *супраморализма*¹ выполняет логическую функцию «несущей частоты» смысловой генерации учения Федорова, в свою очередь порожденной предельным онтологическим напряжением главного нерва философии космизма — вопросом «о жизни и смерти» в его нравственно-родовом осознании — как вопроса о смертных сынах человеческих, утративших братственность и всеобщее *отечество*², и отцах, «сущих во гробех» и ожидающих телесного вос-

1. «Супраморализм» — наиболее строгое терминологическое определение Федоровым его этико-философской системы, использовавшееся им наряду с другими («Общее дело», «Пасхальные вопросы»). Супраморализм означает «самую высшую и, безусловно, всеобщую нравственность» как активное начало, проявляющееся долгом воскресения отцов-предков (см.: Федоров, 1995а: 388).
2. Отечество, в учении Федорова, — всеземная праотчина человечества, восстановленного в его максимальном историческом объеме, включающем воскресенных отцов всех поколений, т. е. это всепоколенческое планетарное общество всех исторических эпох социального времени. До воскресения прошлых родичей отечество — это земля отцов, хранящая в себе их прах и в целом отождествляемая с прахом предков.

крещения, восстания к пакибытию — жизни бессмертно-новой и преображенно-совершенной.

В супраморалистическом *экзистенциально-эмпирическом значении* и геоисторическом выражении земледелие — насущный «хлебный труд» для действительного и полного решения *продовольственного вопроса*³ — избавления от угрозы голода — и *санитарного вопроса*⁴ — безусловного дления человеческой жизни. Хлеб, в представлении Федорова, имеет религиозно-сакральное значение: это средство не только для питания живущих сынов, но и для поминовения умерших отцов. Поэтому в супраморализме продовольственно-санитарный вопрос получает священное значение, он религиозизируется, его решение направлено на обеспечение жизни всех людей — и ныне живущих, и уже отшедших, проективно подлежащих воскрешению. В проекте общего дела санитарно-продовольственный вопрос обозначает одно из главных направлений мирового дела земледельцев — управление природными процессами и явлениями, открывающее перспективу положительного сверхэмпирического решения третьей антиномии Канта⁵ — о свободе и необходимости: в философии космизма проективно понимаемая свобода невозможна «без власти над природою и без управления ею» (Федоров, 1995б: 78). В расширенном смысловом формате крестьянский вопрос — это вопрос об экзопланетном земледелии, поскольку даже технологическая возможность «производить зерно фабричным путем» (Федоров критически осмысливал такую неестественную перспективу) не гарантирует глобальной продовольственной безопасности, «ибо средства земного шара не безграничны... условия, от коих зависит урожай, вообще растительная жизнь, не ограничиваются даже пределами земной планеты» (Федоров, 1995а: 252–253).

В супраморалистическом *пасхальном значении* и семейно-родовом выражении земледелие — возделывание новой жизни: это «хлеб живой» (Ин. 6:51), подъятый из земли и возвращенный — именно возрожденный — сынами из праха отцов; это обновляющее вос-

А. А. Оносов
Крестьянский
вопрос философии
общего дела

3. Продовольственный вопрос заключается в избавлении от голода, зависимости в питании от слепой силы бессознательной природы и таким образом — в гарантированном обеспечении человечества продовольствием.
4. Санитарный вопрос включает в себя задачу активного здраво- и жизнеохранения человечества, обеспечения безусловной жизнеспособности человеческого организма; в определении Федорова, это «*восстановление здоровья телесного и душевного всего рода человеческого, освобождение от болезней не только хронических и эпидемических, но и от наследственных, органических пороков*» (Федоров, 1995б: 311).
5. Третье противоречие трансцендентальных идей И. Канта: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность» (тезис) — «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы» (антитезис) (Кант, 2020: 261).

крещение умерших отцов-предков в новых телах для пакибытия в социально полном отечестве. В этом смысловом измерении крестьянский вопрос — о *братотворении*⁶ и долге *патрофикации*⁷. Поэтому вопрос о родственном чувстве, сыновне укорененном самой землей отцов, — в противовес чувственности, потребительски культивируемой блудным городом, — является нравственно выразительной доминантой крестьянского вопроса. Сознание священного родства, крестьянский реликт родственности, по выводу Федорова, связаны с тем, что на селе живут «по понятиям народа... у могил отцов, у праха предков» (Федоров, 1995б: 29). Пасхальное земледелие означает возделывание земли: в высшей нравственной метрике земля как почва есть прах отшедших отцов-предков, а Земля как космическое тело — планетарное кладбище смертных сынов человеческих всех исторически минувших поколений, и поэтому, «как имеющая историю, она заключает в себе большее содержание, чем все миры, такой истории не имеющие» (Там же: 231).

В супраморалистическом *теосоциальном значении* и космологическом выражении земледелие — возделывание жизни в новых звездных мирах, на других планетах-землях, согреваемых иными солнцами, осваиваемых и одухотворяемых поколениями воскрешаемых землян. В космократической перспективе крестьянский вопрос — это вопрос о космическом земледелии: культивировании, т. е. преобразении пространственно-временной ткани Вселенной из первичной материи хаоса в истинный космос; это вопрос о становлении универсальной — совершенной и автономной — жизни и мироздания как космического отечества.

В архитектонике супраморализма значимость крестьянского вопроса определяется тем, что крестьянство — социообразующий, можно сказать, в буквальном смысле корневой, от самой земли выросший, народный феномен исконно земледельческой России — как социума, так и государства. В глубоком ретроспективном и перспективном историческом анализе мыслитель ясно осознавал крестьянскую сущность вопроса о жизни; Федоров, как бы это ни прозвучало неожиданно, сугубый прагматик жизни — но жизни совершенной и вечной — актуально *лично* бессмертной и пол-

6. Братотворение — исполняемое в ходе общего дела восстановление нравственно-родственных связей людей, трансформация гражданского общества в братский союз. В логике супраморализма, братотворение есть признание сынами своего естественного братства по общим для всех отцам-предкам и принятие долга их воскрешения, т. е. воссоздания всечеловеческого отечества.

7. Патрофикация (греч. *πατήρ* — отец, *πάτρα* — отечество), или *отцествование* — специальные термины, служащие в космософии для выражения задачи воскрешения умерших отцов, преодолевающего традиционное вытеснение из жизни старшего поколения младшим, безнравственную утрату блудными сынами отечества и их сиротство.

ноорганичной, психократически интегрированной в бытие совершенного общества⁸, устроенного по типу Св. Троицы.

В земледелии Федоров видел прообраз воскрешения мертвых: подобно тому, как к жизни возвращается погребенное зерно (природно-естественное христианское начало крестьянского труда), «посеянные» в тлене тела отцов должны быть воскрешены, обрести пакибытие в новых телах (нравственно-естественное активно-христианское начало исторического полного отечества). При этом Федоров отмечал, что природное земледелие, «обращая прах предков в пищу» (ибо сама земля есть прах отцов), «лишь мнимо служит умершим отцам» (Федоров, 1995а: 97); оно не восстанавливает жизни отцов в действительности и потому земледелие как естественная, *языческая* пасха должно быть супраморалистически обобщено и историзировано в общесыновнем деле отцетворения, в действительной *христианской* Пасхе. Проективной технологической основой патрофикации должны стать «естественное тканетворение», «органосозидание» и «телостроение»⁹, собирающие прах умерших предков и облекающие его новой плотью. В супраморализме земледельческий труд, село и сельский быт, ассоциировавшиеся с крестьянами как сословием, как неучеными и верующими, представляют антиномический противовес занятиям теоретической мыслью, свойственной интеллигенции, городу, городскому порядку жизни и мировоззрению, учености и ученым, религиозной аномии и неверию. Так, антиномия «сельский и городской» раскрывает основное противоречие цивилизационного порядка бытия, порождающего губительные исторические метастазы и знаменующего всеобщую *неродственность*¹⁰, которая разъедает общество, вызывает «разъединение миров» (Федоров, 1995б: 338), обуславливает немирное онтологическое состояние Мира в целом.

Высшей точкой идейно-нравственного стояния супраморализма является безусловный долг воскрешения всех когда-либо живших и ныне мертвых предков всех исторических эпох. Именно для

А. А. Оносов
Крестьянский
вопрос философии
общего дела

8. Совершеннолетнее общество, в представлении Федорова, — психократически проникнутый братский союз всех оживших поколений «сынов человеческих» во всеедином отечестве; это нравственно вызревшее общество, устроенное «по типу Троицы», а не «по типу организма».
9. Естественное тканетворение, органосозидание — термины, обобщающие предполагаемые Федоровым способы генерации органических тканей человека — создания и воссоздания «тех тканей, из которых слагается человеческий организм» (Федоров, 1999: 320), возможность продуцировать, совершенствовать и восстанавливать необходимые органы совершенного человека; органо- и телостроение — «восстановление разрушенных тел, праха, в живое тело» (Федоров, 1995б: 294).
10. Под *неродственностью* Федоров понимал смертоносный порок установившегося порядка взаимобытия природы, общества и человека в их взаимочуждом и убийственно-враждебном проявлении. Это система исторически сложившихся отношений людей между собой и отношения «слепой природы к разумным существам» (Федоров, 1995а: 396).

воскрешения «необходим переход от города к селу» (Федоров, 1997: 375) — таково императивное заключение супраморализма. Более того, само земледелие, в максимально строгом определении мыслителя, должно превратиться в воскрешение (см.: Федоров, 1999: 465). Решение крестьянского вопроса в логике общего дела — это нравственно-научное «возвращение» города в село, воссоединение бездельного знания с неученым делом — обретения цельности теоретического и практического разума, служащего природной регуляции — сначала планетарно-метеорологической, а затем и теллуру-соляриной, осуществляемой в пределах Солнечной системы, и астро-космической, т. е. вселенской.

Федоров определял земледельцев как «природных христиан», считая православие именно *крестьянской* верой, а самого крестьянина — синонимом христианина¹¹, и в этом качестве — носителем мира и устройтелем жизни (см.: Федоров, 1995а: 68, 175; Федоров, 1997: 216). При этом «природность» христианского характера православного землепашца выражается, следуя логике мыслителя, не только в смысле собственной, имманентной христианской *натуры* крестьянина, но и по его деятельному *призванию* — именно активно-христианскому долгу управления природными явлениями и процессами, онтологически преобразующего *мир* (вселенскую природу), в единстве с богодействующим человеком, становящимся *миром* — гармонизированным состоянием умиротворенной реальности. В этом мире, уже вышедшем из-под власти «слепой силы, производящей вражду», не будет «ни борьбы, ни смерти, потому что рожденные, или сыны, по причине безграничной любви к родившим уже не будут рождать смертное, а будут воссоздавать умерших, т. е. бессмертное» (Федоров, 1995а: 424). Поэтому крестьянский вопрос о хлебе насущном — это и деятельно-христианский, в православном духе решаемый вопрос о прочном обеспечении существования, которое «в последнем результате есть бессмертие» (Там же: 199). Аксиоматическим положением философии общего дела является трудовой принцип: вытрусить общим делом действительно гарантированное существование возможно лишь путем природной регуляции, в преобразующем потоке охватывающей как внешнюю среду — все процессы и явления материального мира, так и природу самого человека и претворяющей его бранный психофизиологический статус.

В крестьянской формуле «*не земля, а небо нас кормит*», стихийно признающей критическое значение метеорологических явлений в «хлебном труде», Федоров видел естественные, в буквальном смысле «небесные» указания на необходимость «регуляции слепой силою, носящую в себе голод, язву и смерть», т. е. действительного,

11. Аналогичным образом сущностные черты земледельца совмещал Ф. М. Достоевский: это «христианин-крестьянин», и потому «государство есть по преимуществу христианское общество и стремится стать церковью» (см.: Достоевский, 1984: 80).

основанного на синтетическом и коллективном знании управления, «имеющего своим предметом самую природу, а единым художником — все человечество» (см.: Федоров, 1995б: 343). В этом аспекте село, земледельцы, в представлении философа общего дела, — «поклонники неба», уповающие на «благорастворение воздухов» и мифологически переносящие на небо умерших отцов-предков, тогда как город — «создание блудных сынов, забывших отцов, а с ними и небо, увлекшихся земною красотой» — в паралогическом выводе мыслителя — «поклонник земли» (см.: Федоров, 1997: 362). Естественная необходимость природной регуляции совершенно очевидно определяется тем, что Россия — «земледельческое царство», «Россия вся-село» (см.: Там же: 18, 138). Страна «климатических крайностей», «неурожаев от засух и ливней», «земля голода» (см.: Федоров, 1995а: 68; Федоров, 1997: 19, 306) не может не заняться решением «санитарно-продовольственного вопроса в обширном смысле, т. е. как вопроса *об объединении всех <...> в труде* познания природы, как общего предмета крестьянской или сельской науки, которая должна иметь приложение в регуляции метеорических явлений земного шара» (Федоров, 1997: 19).

Переход от дарового («кормления») небом к трудовому решению «санитарно-продовольственного вопроса, который и составляет предмет крестьянской науки» (Там же: 306), означает необходимость предварительного решения вопроса о разделении и единстве разумов — о покаянном возвращении *теоретического* разума, вышколенного городом, к *практическому*, эвристически наученному селом, т. е. возвращении в село, в небесно-земледельческую практику. В синтезе разумов, обосновывающем «единый совершенный опыт всех разумных существ», относящемся «к природе как единому целому, ко всей слепой силе, опыта, через который последняя вся обращается в управляемую коллективным разумом», Федоров видел начало истории всемирно-крестьянской *как акта*, искупляющего историю всемирно-мещанскую *как факт* (см.: Федоров, 1995б: 97). В эсхатологически предельной постановке это вопрос о двух путях: жизни и смерти. Первый — «*путь жизни, христианский и крестьянский*», родственный, *космоургический*; второй — путь смерти, «*языческий, городской, юридический, экономический*» (Там же: 293).

Критически осмысливая исторически сложившуюся систему социоприродного бытия, Федоров выявляет причинно-следственную прогрессию цивилизационных процессов, обусловивших немирное состояние мира. Исходной точкой, ставшей поворотной в возникновении и развитии неродственности, мыслитель считал отделение города от села, сопряженное с этим социально-профессионально-культурное расслоение общества, подмену родственности юридическими отношениями, очужествление и небратство¹², отстранение

12. Очужествление — особый термин философии общего дела, фиксирующий факт нарастающей в ходе цивилизационного развития несовершеннолет-

теоретического знания от практического, изворот естественного земледелия, «имеющего дело с живою природою, живущего одною с природою жизнью» (Федоров, 1995а: 230), в мануфактурный промысел — индустрию, производящую искусственные подделки из мертвого вещества, — те факты мировой истории, которые обусловили социальный вопрос и безнадежную, в рамках утвердившейся парадигмы прогресса, неразрешимость продовольственного и санитарного вопросов. В супраморалистическом размыкании фундаментальный порок социальной организованности выражается антиномией «двух культур»: противоречием между праздной-городской культурой, технологическим умерщвлением живого и производством искусственного, — и хозяйственно-сельской культурой, крестьянским возделыванием жизни, воспроизводством естественного. В субъективно-психологическом измерении это смыслодержательный разрыв между заботой об индивидуальном наслаждении и долгом исполнения общего дела. В урбанизации России, в ее раскрестьянивании Федоров видел угрозу религиозно-городского протеста земледельческой России: перерождения православного сельского-родственного миропонимания и жизнеотношения в городское протестантское, не испытывающее нравственной нужды в воспитании «благоговейных чувств к отдаленным предкам» (Там же: 367, 244).

Логически сосредотачиваясь на исходном звене причинно-следственной цепи, Федоров полагал, что пока не будет решен существенный вопрос об отношении «города к селу, крестьян к горожанам», до тех пор «небратское состояние не уменьшится, а, напротив, только увеличится» (Федоров, 1995б: 419). Так, именно отделение города от села и образование городского сословия положило начало современной науке, заменившей практическое изучение природных явлений, их «гнетущей силы», субъективным знанием (Федоров, 1995а: 230; Федоров, 1997: 140). Ученые, даже из числа естествоиспытателей, теоретически оторвавшись от проблем сельской жизни, хлебопашеских забот крестьян, уже «не признают обязанности научить их, не признают за собою долга учительства», т. е. научно обосновать решение продовольственного вопроса (Федоров, 1997: 140). Такое «равнодушие города к земледелию», замечал Федоров,

него общества деградации и разрушения нравственно-родственных связей людей; выражается социально-исторически обусловленным утверждением отношений небратства и сиротства сынов человеческих, всеобщей неродственности и чуждости людей. В содержательном определении очуждение является супраморалистической антитезой братотворению. Небратство в философии общего дела — проявление неродственных внутритроколенческих отношений в обществе, именно — между «блудными сынами», забывшими своих отцов-предков и потому утратившими знание и чувство своей естественной, по общим для них отцам существующей, родственности. Небратственные отношения соответствуют нравственно-исторической стадии несовершеннолетнего общества.

«не только не нравственно, а даже и неразумно», поскольку создает апокалиптические риски для человечества (Федоров, 1995а: 251; Федоров, 1997: 140). В свою очередь, отделение теоретического разума от «народного, практического, верующего (христианского или крестьянского)» привело к замене самого вопроса о жизни и смерти «городским вопросом о бедности и богатстве» (Федоров, 1995а: 395), т. е. подтасовке вопроса о *естественной* бедности (природном пауперизме — смертности) и *истинном* богатстве (бессмертной жизни и всеобщем воскрешении) социальным вопросом об *искусственном* пауперизме и *мнимом* богатстве, или «о всеобщем обогащении» (Там же: 390, 395). Анализируя существующий экономический уклад, философ пришел к выводу: «Торгово-мануфактурная промышленность не только не ставит себе задачей разрешение продовольственно-санитарного вопроса, что составляет сущность земледелия и литургии, но она действует прямо в противоположном разрешению этого вопроса смысле, т. е. она есть обращение живого в мертвое» (Там же: 264).

Исследуя смысл и содержание сельского труда в сверхнравственном контексте задач общего дела, Федоров отмечал «крайнее легкомысленное отношение» (Федоров, 1995б: 368) творческой интеллигенции — ученых, писателей, художников — к крестьянскому делу, главному вопросу земледелия — решению продовольственного вопроса. Мыслитель предельно критично относился к публичным призывам Л. Н. Толстого, предлагавшего «по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански» (Толстой, 1937: 181), разом и всем народом «налегнуть» на общее дело рода человеческого и на крестьянский «хлебный труд». Федоров считал совершенно неприемлемыми такие представления «бывшего рабовладельца» (Федоров, 1999: 26), фактически отвергавшего «науку о земле, воде и обо всем, от чего зависит урожай» (Федоров, 1995б: 345). Признавая необходимость участия всех в сельско-земледельческом труде, философ настаивал, что крестьянский труд должен быть возвышен «до участия в регуляции, в научном опыте» (Там же: 344), сила этого труда — «не в пахании и не в сеянии только... сила земледельческого труда заключается в управлении самими условиями растительной и животной жизни... Только управление этими условиями, в которое входит все естествознание в самом обширном смысле (да и не одно естествознание!), может предохранить урожай от всех случайностей, делает его всегда верным; только при такой власти над силами природы земледелец перестанет быть подобным игроку, земледелие — игре, а урожай — выигрышу» (Там же: 347). Категорически возражая Толстому, Федоров убеждал: «Одною пахотой да косьюбою» нельзя получить «исцеление от всех зол» (Там же: 344). Кроме того, в супраморалистическом понимании земледелие как основа решения санитарно-продовольственного вопроса и исполнения долга патрофикации требует не одномоментного — ситуативно разового — соединения в по-

знавательно обестворченном и тяжелом сельскохозяйственном труде, а подлинного и всеродового братотворения в литургическом священно-отеческом деле всех сынов человеческих, включая все их воскрешенные поколения. И тем, что «все, бросив науку, сделали пахарями» (Там же: 345), не достичь всеобщего примирения.

Критикуя размышления другого автора, земледельца Т.М. Бондарева¹³, Федоров твердо настаивал на том, что решение крестьянского вопроса требует *«не работы только, но и знания. И только при исполнении этого требования, при принятии на себя и учеными и неучеными двойного труда — учеными не одного только знания, но и действия, а неучеными не просто работы только, а работы, направляемой знанием, наукою, — только при этом условии и можно надеяться, что заповедь Божия: “в поте лица снеси хлеб твой” — будет действительно исполнена»* (Федоров, 1995б: 347).

Критике Федорова по крестьянской теме также подверглись взгляды философа В. С. Соловьева, сосредоточившего свое внимание преимущественно на низком культурном уровне сельского быта и необходимости технологических усовершенствований в земледелии (см.: Соловьев, 1989), но не сумевшего подняться до понимания масштаба действительного управления всеми метеорологическими, теллуру-соляными и теллуру-космическими циклами крестьянского взаимодействия с землей: сделать ее познавательно-деятельным «предметом всех в совокупности» (Федоров, 1999: 88), что, по мысли Федорова, означало бы переход от истории «всемирно-мещанской» к истории «всемирно-крестьянской».

В проективном задании общего дела земледелие должно стать «исследованием природы... сделаться обращением слепых сил природы в сознательные», «отнимая прах предков» (Федоров, 1995а: 241) и облекая его новыми телесными покровами для пакибытия. Поэтому в супраморалистической логике земледелие должно стать «всеобщим занятием», требующим «возвращения из городов в село, к праху отцов» (Федоров, 1995б: 338). Это будет «началом исправления» сознания сынов и в конечном счете станет «пробуждением отеческого чувства» (Федоров, 1995а: 244), и тогда же продовольственный вопрос станет главным делом. Такое возвращение Федоров определил как «всеобщее сельское ополчение, или сельскую воинскую повинность» (см.: Там же: 241). В супраморалистической интерпретации эта идея выражает переход от исторически-традиционного, воинствующего милитаризма, к сельскому — народному и священно-научному: милитаризму, защищающему не безнравственно прогрессирующие, ненасытные потребительские интересы

13. Бондарев Т. М. (1820–1898) — земледelec, стихийный религиозно-крестьянский философ, автор сочинения «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», в сокращенном виде опубликованного в журнале «Русское дело» в 1888 (№ 12), в полном виде изданного в 1906 г. (см.: Бондарев, 1906).

блудных сынов, а прах отцов. В логике сельского милитаризма орудия вооруженной борьбы с себе подобными, технические средства ведения войн превращаются в орудия борьбы со смертоносной природной стихией в целях обеспечения прочного существования человечества, «превращения смертоносной слепой силы в живую» (Федоров, 1997: 516); происходит замена «*взаимного истребления действительным возвращением жизни жертвам борьбы*» (Федоров, 1995б: 305), и в этом аспекте — волевой и благой исход из бытийных кругов природной необходимости. Угроза Апокалипсиса, который, по убеждению Федорова, есть лишь условное пророчество¹⁴, активно-исторически преодолевается действительным *апокатастасисом* — спасением всех из ада *посюсторонне* (имманентная цивилизационная данность: правовое государство, гражданское общество, промышленно-торгово-потребительская цивилизация) и *потустороннего* (изведение душ из Ада трансцендентного). В «земледельческой армии» войска, занимающиеся «настоящею полевой службою», превращаются в «воинство сынов, воссозидающее прах в живые тела отцов» (Федоров, 1997: 516; Федоров, 1995б: 352, 305).

Однако, замечает философ, «одним отрицанием всего созданного городом, в том числе науки и искусства, одним возвращением к земле как источнику только средств к жизни, одним опрощением, принятием участия в земледельческих работах, т. е. принятием лишь внешнего образа сельских жителей, вопрос о разделении не разрешается» (Федоров, 1995а: 423). Для решения вопроса требуется нравственное, душевное перерождение, когда «опростившиеся горожане... увидят в земле не источник лишь средств к жизни, но и прах отцов, требующий возвращения жизни» (Там же).

Решение крестьянского вопроса в супраморалистической экстраполяции его содержания (продовольственно-санитарные гарантии бессмертной жизни, воскрешение мертвых, небесная антропология эмпирического человека и утверждение психократии¹⁵) императивно требует нравственно-социальной — родственной братско-отеческой — интеграции человечества, ныне раздробленного по политическим, экономическим, религиозным, этнокультурным и иным линиям разлома, во «всословную земледельческую общину» (Там же: 254). Это сельская воинская мобилизация, приобретающая смысл всесыновнего собирания социальных страт в общепотеческом деле. В таком родственно и целно соединенном — самой землей уродненном — обществе ученые призваны исполнять

14. «Фатальная... развязка есть вымысел книжников и разных академий» (Федоров, 1995а: 275).

15. Психократия — проективная форма совершенного общества, устроенного «по типу Св. Троицы». Психократическое общество основано на полной душевной открытости, достигаемой взаимознанием о внутренних свойствах человека по его наружным и внешним выражениям.

должность исследователей и научных наставников в управлении природными процессами, служить делом выработки практического знания — всеобъемного регулярного «крестьянского или христианского естествознания», которое должно быть «имманентной синтетикой с опытом естественным и всеобщим (делом всеобщим)» (Федоров, 1995б: 95). Всенаучное «естествознание будет душою и разумом земледелия» (Федоров, 1995а: 346), в котором все будут участниками в знании и его практическом — жизнеутверждающем и патрфикационном — приложении.

Глубокий синтез разума теоретического — «смерть и жизнь познающий (вопрос о смерти и жизни)» — с разумом практическим — «жизнь возвращающий и смерть тем побеждающий (вопрос о всеобщем деле воскрешения)», — во взаимном отрыве являющимися, по мнению Федорова, «двумя невежествами», означает также соединение разума научного с верующим — крестьянским и христианским; соединившись же, они «воссияют двойным светом» (Там же: 395). Примирение и синтез знания и веры становится прологом примирения церкви и религий, которое Федоров мыслил на основе активно исповедующего и вероисполняющего православия; примирения крестьянского духовного и интеллигентского светского — всеобщего межсословного примирения, возвышающегося до истинного братотворения сынов. В проективном взаимопроникновении христианская вера и наука становятся именно крестьянской гносеоургией¹⁶, осуществляющей внехрамовую службу мировой регуляции, в которой «интеллигенция должна будет принять на себя труд, подвиг всяческих исследований, и вместе на ней же будет лежать обязанность руководить, быть наставником, учителем в деле исследований всех сочленов общины земледельцев, будет лежать обязанность сделаться служилым сословием наравне с крестьянами» (Федоров, 1995а: 260) в мировом предприятии регуляции. Всеобъемлющее управление природой как гносеоургический кумулятив сельского знания и сельского дела, выражающее научно-нравственный материализм, должно «привести к естественному решению крестьянского вопроса» (Там же: 41, 436). Замечательным примером «взаимодействия интеллигенции и народа в стремлении сохранить и развить крестьянский образ жизни в союзе с современным научным и техническим знанием» (Никулин, 2022: 244) — по сути, стихийной операционализации и приложения идей Федорова — можно считать факт аграрной истории России: «К началу XX в. в России развился институт так называемой общественной агрономии — сети земских консультационных агрономических ор-

16. Федоров предполагал, что в проекте общего дела гносеология — теория познания, обретет функциональную полноту гносеоургии — дела знания и одновременно познания делом, в котором знанию предназначено стать научным наставником и практической методологией мировой регуляции (см.: Федоров, 1999: 78).

ганизаций, достаточно эффективно и самоотверженно работавших над развитием сельскохозяйственного просвещения среди крестьян, обучая их полезным знаниям и приемам современной аграрной науки» (Там же: 241).

Научно-технологическими заделами регуляции Федоров считал «опасные опыты» «поморского крестьянина» Ломоносова с громоотводом и его исследования атмосферного электричества (см.: Федоров, 1997: 389; Ломоносов, 1952). Еще более прочное обоснование, по убеждению Федорова, проект регуляции получал в технологических идеях «метеороурга» В. Н. Каразина¹⁷ (см.: Федоров, 1995б: 260–264), его метеорологических инженерно-изобретательских предложениях: громоотвод, поднятый «на аэростат-самолет, воздухоплав» (Федоров, 1997: 389). Федоров полагал, что, когда «предлагаемое Каразиным орудие будет в руках всех общин, тогда весь метеорический процесс земного шара будет регулируем, ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара как общего хозяйства» (Федоров, 1995а: 253). При этом Федоров оценивал потенциал «орудия Каразина» в нравственно-историческом и эсхатологическом масштабе: «Нынешним веком, наконец, начнутся изобретения, которые могут создать *всемирно-крестьянскую историю*, дать орудия действия на землю в ее целостности, всем людям в их совокупности... ради всеобщего спасения и мира в мире» (Федоров, 1995б: 97). В таком смысловом раскрытии природная регуляция и практическое решение крестьянского вопроса означает решение вопроса «о двух историях».

Примирение города и села в деле регуляции является одним из обязательных условий «естественного умиротворения», преодоления неродственного состояния мира. Поэтому вопрос о переходе города в село, включая сопряженные вопросы «о двух разумах (теоретическом и практическом), о двух сословиях (т. е. ученых и народе)» (Федоров, 1999: 167), — весь комплекс «Пасхальных вопросов» об умиротворении мира, супраморалистически понимаемых как переход от истории *всемирно-городской*, всемирно-гражданской и мещанской, какой она фактически является в своем содержании, к истории *всемирно-крестьянской*, всемирно-родственной, какой она должна быть в активно-историко-христианском делании (см.: Федоров, 1997: 320, 326), Федоров мыслил «открыть и поднять» на научно-религиозной Конференции мира, повесткой кото-

17. Каразин В. Н. (1773–1842) — просветитель, ученый и инженер, статистик, общественный и государственный российский деятель. В числе революционных идей Каразина, «не оцененных современниками и слишком рано забытых потомками» (Федоров, 1997: 126), особое место занимает его настоятельное предложение организации регулярных — постоянно и повсеместно осуществляемых — метеорологических наблюдений в России. В философии Федорова идея метеорегуляции и подлинного метеотворчества, исполняясь содержанием уже космического задания мировой регуляции, послужила одним из закладных камней всего корпуса общего дела.

рой в идеологическом супремуме должна стать планетарно-космическая крестьянская историософия.

На исторических этапах выработки теoантропологических и теосоциальных свойств разумной жизни космизирующемуся человечеству предстоит переопределить формы хозяйственно-промышленной жизнедеятельности — они должны выразить супраморалистическую сущность *экономики спасения*. Это означает глубокую структурную трансформацию всей индустриальной деятельности человечества, братски соединившегося в отеческом деле: не сельское хозяйство должно быть отраслью экономики, а, напротив, промышленность должна быть интегрирована в земледелие, «перевес должен перейти на сторону земледелия» (Федоров, 1995а: 252). Индустриализм как преимущественно фабрично-заводское производство мыслился Федоровым конверсирующим в сельское дело и переходящим «более и более от искусственного производства тканей и орудий к созиданию тех тканей, из коих слагается человеческий организм» (Федоров, 1999: 320). Промышленно-земледельческий синтез, смена характера хозяйственной деятельности человечества — переход от внешнего технологизма к внутреннему органицизму — означает становление сельского, земледельческого, и одновременно — семейного, священно-научного индустриализма, нравственно-научно подчиненного решению вопроса «о смерти и жизни», выработке новой антропологии эмпирического человека.

Помимо управления внешними природными процессами земледелие, в познавательном-исследовательском расширении его предметной сферы, «будет все глубже входить в жизнь растительную, усвоить себе растительные процессы, пользоваться созидающей силой живого организма, чтобы самому себе фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия» (Федоров, 1995а: 265). Это активно-эволюционная идея полноорганности¹⁸ как результата небесной антропологии, основанной на органической технике естественно-тканетворения, органосозидания — обретения ветхим человеком статуса совершенного бессмертного существа, открытие научного искусствознания «анастатики» — действительного, а не мнимого воскрешения всех прошедших поколений отцов-предков.

В возвращении города к селу, по замыслу Федорова, ключевую роль призван играть музей, по своему генетическому смыслу со-

18. Полноорганность — инновационное понятие учения Федорова, выражающее идею проективно-культурной антропологии. В самом общем определении полноорганность — это способность совершенного человека выработать путем внутренней — психофизиологической — регуляции любые нужные специализированные органы, ситуативно принимать различные формы и приобретать конкретные, актуально востребованные качества организма, жизненно необходимые «для существования во всех мирах и во всех средах» (Там же: 292).

единяющий настоящее с прошлым, живых — с прежде жившими, сынов — с отцами (см.: Федоров, 1995б: 393). Структурно такой музей должен представлять всенаучно-исследовательско-образовательное учреждение, сочленяющее в своей деятельности функции музея, храма (музей-храм), обсерватории (музей-храм-лаборатория) и школы (музей-храм-школа) (см.: Федоров, 1997: 20). В школах-храмах должна «по-крестьянски научно» преподаваться светская крестьянская наука «для объединения всех в деле исследования слепой метеорической силы с производимыми ею неурожаями и эпидемиями, для осуществления христианского дела» (см.: Там же). В синтетике рационального и чувственного начал «музейский храм-школа, ставящий своим предметом знание и почитание отцов, все знание природы делает средством для выражения этого почитания» (Там же: 45), воспитания нравственного чувства детей к их родителям. Федоров считал, что для школ-храмов метеорология — самая необходимая наука и потому в целях общего дела он предполагал повсеместное открытие таких школ, по сути, школ-лабораторий, которые бы занимались разносторонними наблюдениями, «обнимающими не землю только, но и небо» (Там же: 128), поскольку метеорология небесная в материалистическом понимании как знание атмосферы уже есть пролог астрономии (Там же: 144, 147), знания космических процессов.

В истинном познавательном аспекте, по мнению Федорова, «в основе сельского дела лежит астрономия» как непосредственное сельское знание — «конкретная физика и химия» (Федоров, 1995а: 231) метеорического процесса, явлений растительной и животной жизни. Сама же астрономия с возвращением в село обретет характер и содержание дельной предметно-крестьянской науки, «станет предметом дела» (Федоров, 1997: 362). Это и есть крестьянский космизм: из эмпирического обобщения «не земля, а небо кормит» супраморализм восходит к закономерному выводу о необходимости регуляции природы, т. е. метеорологического процесса, который есть выражение космического процесса, что означает нравственно-естественный переход от земли к небу, т. е. от смертности к бессмертию, от смерти к воскрешению, от питания прахом к возделыванию праха — воскрешению и воскресению в новом онтологическом пространстве-времени совершенной жизни.

Анализируя познавательный потенциал крестьянского дела, Федоров проецировал его в масштабе космических процессов: «если село будет иметь науку, то эта наука будет небесною» (Федоров, 1999: 341), в которой «крестьяне-пахари имеют наибольшее значение... Для села менее препятствий сделаться гражданином вселенной» (Федоров, 1995а: 262–263). По твердому убеждению мыслителя, сельское хозяйство «не может ограничиваться пределами земли, ибо условия, от коих зависит урожай, или вообще растительная и животная жизнь на земле, не заключаются только в ней самой» (Там же: 291). Обобщая, Федоров пришел к выводу: «весь

теллуросоляренный процесс должен бы войти в область сельского хозяйства» (Там же: 291–292), которое таким образом астрономически расширяется и приобретает космологическую функцию. В космоургическом проявлении сельский труд послужит основой космической эстетики, обретению космосом художественной выразительности через образы космического искусства и архитектуры; «сельский труд возвысится до знания мировых, теллуросоляренных процессов; космогонический эпос будет переходить тогда от слов к делу, и к делу такому же широкому, как и эпическая поэма» (Там же: 263). В образовательно-педагогическом отношении «космогонический эпос» как преодоление «земной трагедии» будет служить нравственному воспитанию и научному просвещению сынов человеческих для мирового предприятия природной регуляции.

В предельном супраморалистическом обобщении космическое земледелие должно стать вселенской культурой возделывания звездных миров и планет, которые тоже есть земли в иных солнечных системах. Земледельческая космогония тогда обратится в активную мировую эволюционику, определенную Федоровым как «коперниканское зодчество» — деонтологическое утверждение высшего состояния мира: возделывание Земли как актуального Рая — имманентного, а не трансцендентного, посюстороннего, а не потустороннего; и это творческое окормление вселенной, энтропийно склоняющейся к хаосу, в подлинный Космос — нарядный порядок, или упорядоченную красоту, согласно эллинским представлениям. Во вселенской литургии природной регуляции звездные миры, одушевленные и одухотворенные воскрешенными поколениями, объединенные в хорорывы садов цветущей жизни, станут проявлением эстетического супраморализма, означающего «Аз делаю» — богодейственное устройство космического лона мировой разумной жизни; мироздание тогда приобретет архитектурно-художественный образ вселенского храма как воплощения живой архитектуры, дышащей и духотворящей мирами, организованными в Церковь мирового спасения. В бесконечном звездном приложении вектор космологического зодчества совершеннолетнего человечества направлен на превращение «земледелия во вне-храмовую Евхаристию или Пасху, на прахе отцов совершаемую в союзе со всеми живущими, распространяя священнодействие на вземзные, небесные пространства и на преисподняя земли» (Федоров, 1999: 465).

Библиография

- Бондарев Т. М. (1906). Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца. СПб.: Посредник.
- Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире (1992) / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс.
- Гордон А. В., Никулин А. М. (2017). От «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяйину-труженику»... // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 33–52.

- Достоевский Ф. М. (1984). Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука.
- Кант И. (2020). Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проект.
- Ломоносов М. В. (1952). Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений*. Т. 3. Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 15–99.
- Никулин А. М. (2022). Николай Федоров и Александр Чаынов: проекты крестьянского преобразования России // *Философ общего дела: материалы Международных научных чтений памяти Н. Ф. Федорова* / Ред.-сост. А. Г. Гачева. М.: ЦБС ЮЗАО. С. 237–253.
- Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке (2015) / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: РОССПЭН.
- Соловьев В. С. (1989). Народная беда и общественная помощь // *Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2*. М.: Правда. С. 370–383.
- Толстой Л. Н. (1937). О переписи в Москве // *Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 25*. М.: Художественная литература. С. 173–181.
- Федоров Н. Ф. (1995а). Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1995б). Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1997). Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция.
- Федоров Н. Ф. (1999). Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция.

Peasant question in the common cause philosophy

Alexander A. Onosov, PhD (Philosophy), Leading Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. *Lomonosovsky Prosp., 27–4, Moscow, 119991, Russia*. E-mail: o.ksandr@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the explication and analysis of the “peasant question” as one of the semantic centers of N. F. Fedorov’s common cause philosophy. In its various formulations and analytical sections, the peasant question is an ideologically complex issue of cosmism, which combines multiple antinomies of being — urban and rural, present and due, secular (universal-philistine) and sacred (cosmic-peasant). The cause-and-effect analysis of the peasant question shows that its polysemantic nature is determined by the extreme ontological tension of the main nerve of the cosmism philosophy — issues of “life and death” in its moral-family form as issues of mortal sons who lost brotherhood and universal fatherland, and as issues of fathers awaiting bodily resurrection, a rebirth. The article identifies the supra-moralistic significance of the “bread labor” — various subject-life, planetary-cosmic expressions of agriculture in civilizational practices and projective goal setting of cosmosophy. The author emphasizes that in his deep retrospective and prospective historical analysis Fedorov clearly realized the peasant essence of the question of life and was a pure pragmatist of life as immortal and perfect for all sons of men, psychocratically integrated into the “adult society”.

Key words: N. F. Fedorov, common cause philosophy, cosmism, supra-moralism, peasantry, peasant question, agriculture, village, regulation of nature, resurrection

References

- Bondarev T. M. (1906) *Trudolyubie i tuneyadstvo ili torzhestvo zemledeltsa* [Hard Work and Idleness or the Triumph of the Farmer], Saint Petersburg: Posrednik.
- Dostoevsky F. M. (1984) *Polnoe sobranie sochineniy*, t. 27 [Complete Works, vol. 27], Leningrad: Nauka.

- Fedorov N. F. (1995a) *Sobranie sochineniy*, t. I [Collected Works, vol. I], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1995b) *Sobranie sochineniy*, t. II [Collected Works, vol. II], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1997) *Sobranie sochineniy*, t. III [Collected Work, vol. III], Moscow: Traditsiya.
- Fedorov N. F. (1999) *Sobranie sochineniy*, t. IV [Collected Works, vol. IV], Moscow: Traditsiya.
- Gordon A., Nikulin A. (2017) Ot "cheloveka obshchiny" ya vyshel k khozyajstvuyushchemu na zemle sub`ektu, "khozyainu-truzheniku" ["From a 'commune member' to the economic agent — a farmer, an 'owner and hard worker'..."]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 33–52.
- Kant I. (2020) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Moscow: Akademichesky projekt.
- Lomonosov M. V. (1952) Slovo o yavleniyah vozduzhnyh, ot elektricheskoy sily proiskhodiyashchih [Oratio de meteoris vi electrica ortis]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 3, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 15–99.
- Nikulin A. M. (2022) Nikolay Fedorov i Aleksandr Chayanov: proekty krestyanskogo preobrazheniya Rossii [Nikolay Fedorov and Alexander Chayanov: Projects for the peasant transformation of Russia]. *Philosopher of Common Cause*, Moscow: TsBS Yu-ZAO, pp. 237–253.
- Solovyev V. S. (1989) Narodnaya beda i obshchestvennaya pomoshch [People's misfortune and public assistance]. *Sochineniya*, vol. 2, Moscow: Pravda, pp. 370–383.
- Sovremennoe krestyanovedenie i agrarnaya istoriya v XX veke* [Contemporary Peasant Studies and Agrarian History in the 20th Century] (2015), Moscow: ROSSPEN.
- Tolstoy L. N. (1937) O perepisi v Moskve [On the census in Moscow]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 25, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 173–181.
- Veliky neznakomets* [The Great Stranger] (1992), Moscow: Progress.

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

А. Г. Гачева

Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, руководитель Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук, главный библиотекарь, научный сотрудник Библиотеки № 180 им. Н. Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы. 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования, рассматривающего особенности подхода к проблеме голода в философии русского космизма. Решение этой проблемы деятели течения полагали на путях исследования природных процессов и управления ими, подчеркивая, что дело регуляции требует полноты знания и всечеловеческой солидарности. Выделены взгляды Н. Ф. Федорова, который ставил вопрос о преодолении голода в христианский контекст и рассматривал регуляцию природы как исполнение заповеди об «обладании землей». Представлена динамика восприятия голодной проблемы в первом сборнике «Вселенское дело» (1914) и в проекте второго сборника, составленном А. К. Горским и Н. А. Сетницким в 1920 г. в период разрухи Гражданской войны. Проанализированы материалы однодневной газеты «На помощь!», выпущенной в связи с голодом 1921–1922 гг.

Ключевые слова: философия космизма, проблема голода, регуляция природы, наследие Н. Ф. Федорова, А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, «Вселенское дело»

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-25-46

В философии русского космизма, начиная с Н. Ф. Федорова, ее «синкретического родоначальника» (Семенова, 2020), значимое место занимал вопрос о хозяйстве. Представители религиозно-философской ветви течения — В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, В. Н. Муравьев и деятели естественнонаучного его крыла — Н. А. Умов, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский — рассматривали хозяйственную деятельность человечества как часть его мироустроительной активности, заданной бытийно, определяемой его местом и ролью в природе. «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою» (Федоров, 1995b: 239), — писал Н. Ф. Федоров, подчеркивая преобразовательный и организующий характер действия человека в мире, а В. И. Вернадский полагал человеческий разум, «великую геологическую, быть может, космическую, силу» (Русский космизм, 1993: 288), ключевым фактором развития биосферы Зем-

ли, способствующим ее переходу в новое качество, формированию ноосферы, неотъемлемой частью которой является хозяйственный труд, неразрывно связанный с развитием научного знания, орудий и технологий, содействующий планетизации человечества, идущий рука об руку с развитием этики, совершенствованием общественных отношений и межчеловеческих связей. Своей хозяйственной деятельностью в природе человек способствует космизации мира, увеличению его «стройности» (Русский космизм, 1993: 122), борется с энтропией. По мысли христианских космистов, перекидывающих мост между научным и религиозным сознанием, человек является соработником Бога в деле преобразования мира, орудием «Логоса» как «начала эктропии» (Флоренский, 1988: 114); он призван исполнить заповедь «обладания землей», данную ему при сотворении. С. Н. Булгаков в программной книге «Философия хозяйства» (1912) выводит формулу «Мир как хозяйство» (Булгаков, 1993: 47), возводя экономику к «ойкономии», представляя ее частью Божественного домостроительства, «трудового восстановления мира» в его «истинное» состояние (Булгаков, 1993: 170), в котором соучаствует человек.

Опираясь на проективный подход, деятели космизма стремились выстроить совершеннолетнюю и ответственную модель хозяйствования. Главным ее принципом Н. Ф. Федоров и космисты 1920–1930-х гг. — А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, В. Н. Муравьев — полагали принцип регуляции, противопоставляя его наличному, паразитарно-хищническому мироотношению, когда человек пользуется естественными богатствами, не умея и не желая их возобновлять, гонясь за прибылью, истощает и засоряет природу, провоцируя то, что современные ученые назовут антропогенной нагрузкой на биосферу. Подчеркивая кризисность и самоубийственность «эксплуатирующего, но не восстанавливающего» вектора цивилизации, при котором она «не может иметь иного результата, кроме ускорения конца» (Федоров, 1995а: 197), философы-космисты призывали перейти к глобальному исследованию, а затем регуляции природных процессов, результатом которой станет преодоление смертного статуса бытия, закона обособленности и борьбы существ, всецелое обновление мира, восстановление его «в то благолепие нетления, каким он был до падения» (Федоров, 1995а: 401).

Ключевым вопросом философии хозяйства, акцентированным в русском космизме, был вопрос о борьбе с голодом. Выдвижение этого вопроса на первый план в эпоху жизни и действия родоначальника течения Н. Ф. Федорова и его продолжателей, развернувших свою деятельность в первой трети XX в., было оправдано исторически и в то же время метафизически обосновано. Соединение истории и метафизики, метафизики и экономики позволило задать проблеме борьбы с голодом широкий религиозно-философский масштаб и одновременно придать ей конкретно-практический смысл, вывести в область действия.

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

«От детских лет <...> сохранились у меня три воспоминания. Видел я черный-пречерный хлеб, которым, говорили при мне, питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал же я в детстве войны объяснение на мой вопрос об ней, который меня привел в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга... Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, и чужие, а что сами родные — не родные, а чужие» (Федоров, 1999: 161). Автобиографическая запись, обнаруженная после смерти Н. Ф. Федорова в его бумагах, — ключ к рождению его проекта восстановления всечеловеческого родства, своего рода ген всего корпуса малых и больших сочинений, заметок и писем Московского Сократа, посмертно собранных учениками мыслителя В. А. Кожевниковым и Н. П. Петерсоном в трех томах «Философии общего дела», два из которых вышли в свет в 1906–1913 гг., а материалы к третьему тому уже после смерти издателей печатались на протяжении XX века, войдя наконец в четырехтомное издание сочинений Федорова 1995–2000 гг. Тема голода выдвинута в записи на первый план, является исходной точкой представления о «небратском, неродственном, т. е. немирном, состоянии мира» (Федоров, 1995а: 35), явившегося будущему философу в раннем детстве, в ту пору жизни, когда ребенок не знает о существовании смерти, не делит на своих и чужих, открыт и доверчив людям и миру¹, выражая собой «критерий нравственности» (Семенова, 2019: 44). При этом тема голода, радикального бедствия человечества, грозящего и оборачивающегося смертью, завязана в автобиографическом тексте с двумя другими кардинальными для философа темами: войны как крайней степени небратства и розни, и неродственности, проникающей в святая святых человека — в семейство, которое, по убеждению как самого Федорова, так и его собрата в культуре и духе Ф. М. Достоевского, является «практическим началом любви» (Достоевский, 1976b: 249), завязью будущего организма всечеловеческого и всемирного братства. Голод, война и небратство — маркеры несовершенного, раздробленного состояния мира, они взаимозависимы и взаимно усугубляют друг друга. И преодолевать их, по Федорову, нужно совместно, воплощая в межчеловеческих отношениях и внося в саму природу принцип Троицы, распространяя данный в Ней образ неслиянно-нераздельного, держащегося любовью единства на все бытие.

Черный-пречерный хлеб философ видел в 1833–1834 гг., когда жил в Тамбовской губернии в селе Белоречье в имении своего дяди

1. Вспомним слова Достоевского: «Дети, пока дети, до семи лет например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой» (Достоевский, 1976а: 217).

К. И. Гагарина². Тогда в результате неурожая 1833 г. голод охватил целый ряд российских губерний — от Витебской и Смоленской до Тамбовской, Орловской, Рязанской, Черниговской, Херсонской и Полтавской, Астраханской и Харьковской и др. Когда началась педагогическая деятельность философа, связанная с его работой в уездных городах Средней России — Липецке, Богородске, Богородицке, Угличе, Одоёво, Боровске, Подольске (1854–1868), — ему периодически приходилось наблюдать бедствия населения, страдавшего от неурожая, вызванных засухами, заморозками, многодождем, заливавшим посевы. Уже в московский период жизни Федоров был современником и голода 1873–1874 гг., охватившего Поволжье и Оренбург, и неурожая, и голода 1883–1884 гг. в Курской, Казанской, Харьковской, Вятской губерниях (Щепкин, 1886), и страшного голода 1891–1892 гг. (Пьянков, Михалев, 2015), всколыхнувшего всю Россию, вызвавшего широкое общественное движение помощи голодающим, в котором участвовали и Л. Н. Толстой (Аксенова, 2018; Рогожина, 2021), и В. И. Вернадский (Аксенов, 2014: 117–120), и В. Г. Короленко. В заметке «Вопрос о голоде как вопрос священный, религиозный», одном из многочисленных текстов философа общего дела, прямо или косвенно касающихся голодной проблемы³, Федоров предложил создать в России Музей голода, собрав в нем «образчики всех суррогатов хлеба, которыми питается народ в этот тяжелый год» (Федоров, 1997: 313), подчеркивая, что этот музей должен стать нравственной инстанцией, *совестью* современников и потомков пострадавших и погибших от голода и в то же время — центром исследования причин голода и путей к их устранению.

Человек отзывчивого сердца, всегда помогавший ближним, делившийся жалованьем с нуждающимися, однажды продавший свой вицмундир, чтобы помочь семье ученика, потерявшей кормильца (Кожевников, 2004: 65–66; Семенова, 2019: 49–50), сам неоднократно жертвовавший на голодающих (Федоров, 1999: 246–247), Федоров был убежден, что частная благотворительность, даже обретающая масштабный характер, как в голодную кампанию 1891–1892 гг., не способна решить проблему голода, что для решения этой проблемы необходимо доискиваться коренных причин голода, лежащих, по мнению мыслителя, не только и не столько в недостатках социально-экономического развития, отсталости крестьянских хозяйств, изъянах законодательства, сколько в возможности повлиять на ход естественных процессов, чтобы за-

2. Новые материалы к изучению раннего периода жизни Н. Ф. Федорова представлены в исследовании А. Н. Акиншина: Акиншин, 2022.
3. Согласно частотному словарю языка Н. Ф. Федорова, слово «голод» встречается в его текстах 428 раз, а производные от него: «голодать» — 34 раза, «голодный» — 45 раз, «голодовка» (в смысле — «голодный год») — 8 раз (Петров, 2020).

суха не губила посевы, саранча их не уничтожала, наводнения и иссушения почвы не вредили ее плодородию, чтобы человеческий организм не был так фатально зависим от питания и энергии, как теперь.

Наличный порядок природы, в котором всякое последующее вытесняет предыдущее, жизнь кончается смертью, а обеспечение существования находится под дамокловым мечом внезапных климатических, температурных и прочих естественных катастроф, — вот, по мысли Федорова, подлинная причина голодных трагедий, периодически вспыхивающих то в одной, то в другой точке земного шара. Отсюда стремление мыслителя подчинить «вопрос о голоде», равно как и «вопрос о богатстве и бедности», с которым устойчиво связывала его социально-экономическая мысль XIX в., демонстрируя взаимообусловленность голода и нищеты, всеобъемлющему «вопросу о смерти и жизни» (Федоров, 1995а: 390–391), выводящему проблему голода в онтологический план. Решение голодной проблемы мыслитель вводит в общее дело регуляции природы, управления земными и космическими явлениями, конечной целью которого является всеобщее воскрешение, преобразование Вселенной, творческое действие в ней всех воскрешенных поколений.

Улучшение земледелия, совершенствование управления сельским хозяйством, техническая оснащенность деревни, даже химический синтез пищи, предложенный выдающимся французским химиком Пьером Бертло, — все это для Федорова, паллиативные меры, позволяющие смягчить последствия природных бедствий, провоцирующих неурожай и ведущих к голодной смерти, но не справиться с этими бедствиями. Для того чтобы человеческий род был прочно обеспечен от голода, необходима полнота знания и опирающегося на знание управления как процессами, протекающими во внешней природе, так и психофизиологическими процессами: человек должен стать «зодчим храма тела своего», превращающим «питание» в «созидание», творческое строительство своего организма (Федоров, 1997: 315). «Голод и смерть, — утверждает мыслитель, — происходят от одних и тех же причин, а потому вопрос о воскрешении есть вопрос и об освобождении от голода. Человек, чтобы быть обеспеченным от голода, должен настолько познать себя и мир, чтобы иметь возможность производить себя из самых основных начал, на которые разлагается всякое человеческое существо» (Федоров, 1995а: 250).

Как указывает С. Г. Семенова, Федоров, говоря о новом типе питания, представляющем собой «сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани» (Федоров, 1995а: 281), фактически предвосхищает идею автотрофности В. И. Вернадского, одного из ведущих представителей естествонаучного космизма. Автотрофность человечества в контексте федоровских идей — это «творчески-трудовое обретение такого прин-

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

ципально нового способа обмена веществ с окружающей средой, который в пределе не будет иметь конца» (Семенова, 2019: 220).

Полнота управления органическими процессами, обеспечивающая прочное избавление от голода и смерти, по Федорову, может быть достигнута только тогда, когда человек станет не только «самосозидающим», но и «воссозидающим», не просто обновляющим свой организм, но и восстанавливающим умерших, причем в преображенном, бессмертном качестве. Всеобщее воскрешение как высшее выражение регуляции — необходимое условие победы над голодом, накрепко сцепленным со смертью: «только чрез воскрешение умерших живущие могут воссоздать и себя в жизнь вечную» (Федоров, 1995а: 250).

Регуляция, обеспечивающая всецелое преодоление голода, болезни и смерти, с точки зрения Федорова, утверждает представление о человеке как активном, творческом, самосозидающем существе, призванном все «даровое» обратить в «трудовое» (Федоров, 1995а: 255). В этом, по Федорову, не только нет «узурпации», но проявляется смысл явления человека в природе как существа, призванного, опираясь на творящую силу жизни, внести в нее свет сознания и нравственный закон. В требовании заменить даровое, рожденное трудовым, воскрешенным Федоров видит и Божий завет человеку, которого Господь «создает через него самого» (Федоров, 1995b: 137), «воспитывает <...> собственным его опытом», его творческим действием «воссоздает мир, воскрешает все погибшее» (Федоров, 1995а: 255).

Излагая учение всеобщего дела в ответе Ф. М. Достоевскому, который в процессе многолетней работы вырос в масштабное сочинение «Вопрос о братстве, или родстве...» (1878–1893), Федоров выстраивал его четвертую часть — «В чем наша задача» — как масштабный проект исследования мира и регуляции, направленный на преодоление смертного статуса жизни, уязвимости и конечности индивидуального существования. Ключевой частью проекта он считал разрешение «продовольственного вопроса», т. е. вопроса о голоде, и неразрывно с ним связанного вопроса «санитарного» — вопроса об эпидемиях, подтачивающих силы жизни не меньше, чем голод. Соединение двух этих вопросов у философа общего дела, мыслившего не абстрактно и отвлеченно, а конкретно-практически, имело реальное основание: голод в России, как и в других точках земного шара, привычно был связан с эпидемиями (Кондрашин, Корнилов, 1921; Суворин, 2015). Страшный голод 1833–1834 гг., поразивший воображение Федорова-ребенка, усугублялся эпидемией холеры. То же было и во время голода 1891–1892 гг., когда холера присоединилась на второй год народного бедствия. Со своей стороны, Федоров выводил объективную связь голода и эпидемий из фатальной зависимости человеческого существования «от слепой силы природы» (Федоров, 1995а: 250), подчеркивая, что как проблему голода нельзя решить путем изменения социально-экономического строя и даже самой широкой благотвори-

тельностью, так и вопрос об эпидемиях, борьба с которыми требует ограничительных мер, не может быть решен только этими мерами. Последовательная борьба с эпидемиями путем изоляции и дезинфекции, в том числе «истребление огнем всех гниющих веществ» (Федоров, 1995а: 250), — угрожает оскудением почвы, лишаящейся естественного удобрения, а значит — новыми голодными бедствиями. Разорвать этот замкнутый круг может лишь регуляция, ареал действия которой не ограничен пределами земной планеты, но «выводит нас за пределы земного мира» (Федоров, 1995а: 250), и задачи которой не исчерпываются только живущими, расширяясь до всех умерших. «Таким образом, вопрос санитарный, как и продовольственный, приводит нас ко всеобщему воскрешению» (Федоров, 1995а: 250).

Называя вопрос о голоде «вопросом священным, религиозным», Федоров перебрасывал смысловой мост к центральному христианскому таинству — Евхаристии, литургическому пресуществлению хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Дело регуляции, при котором происходит претворение распавшегося праха умерших в живые плоть и кровь, философ называл Внехрамовой литургией, подчеркивая, что она совершается на всем пространстве земли как метафизическом центре Вселенной, ибо именно на земле Господь сотворил человека как своего сына и сорботника, именно здесь насадил Эдемский сад, заповедав людям возделывать и хранить его, и именно на маленькую планету, «ничтожную песчинку» в составе звездных миров, приходит Христос с проповедью Царствия Божия, преображенного строя мира, призывая человека быть его соучастником.

Встраивая вопрос о борьбе с голодом в активно-христианский контекст, Федоров предлагал толковать проективно саму Молитву Господню с ее центральным прошением «Да приидет Царствие Твое», подчеркивая, что через молитвенное обращение «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» в нее входит и «прошение о регуляции, т. е. об исполнении заповеди, данной при творении» (Федоров, 1995b: 52). Здесь же мыслитель отмечал связь прошения о регуляции с прошением «о всеобщем соединении»: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» (Федоров, 1995b: 52), тем самым подчеркивая единство санитарно-продовольственного и социального вопросов, обнимающих всю сферу человеческой жизни, задающих ей ценностный вектор.

Стремясь оправдать идею регуляции перед лицом Церкви, Федоров указывал на сугубое почитание на Руси Илии-пророка, через молитву и действие которого Господь низвел дождь на иссохшую землю Самарии (3 кн. Царств. 18:30–46), на то, что у христиан-земледельцев «и архангелы Михаил и Гавриил, и св. Георгий стали громовниками», «и даже Николаю Чудотворцу усвоено название “Мокрого”» (Федоров, 1995b: 248). Комментируя негативную реакцию архиепископа Харьковского Амвросия на сообщения российской прессы об опытах искусственного вызывания дождя, прошед-

ших в США и увенчавшихся положительным результатом (владыка увидел в них гордость и дерзость против Бога, противопоставив измышлениям науки и техники молитву православного народа о дожде), он указывал на то, что противопоставление веры и науки, молитвы и дела губительно для самой веры, которая есть не только «чаяние», но и «осуществление чаемого» (Евр. 11, 1). Это противопоставление оставляет веру без орудия действия, а науку без религиозного целеполагания, в то время как соединение «веры, дела и молитвы» (Федоров, 1995b: 41) превращает человеческую активность в природе в христианское служение, сотрудничество Творцу, выводя ее из области голой прагматики, служения интересам торгово-промышленной цивилизации, требованиям конкуренции и борьбы.

Вопрос о повороте от истощающего землепользования, провоцирующего голод и смерть, к восстанавливающему земледелию, включенному во внехрамовую литургию, Федоров тесно связывал с вопросом о преодолении разрыва между городом и селом, между ученым, интеллигентским сословием, ограничившим себя теоретическим знанием, и миром неученых, крестьянством, поставленным перед ежедневной, ежечастной необходимостью вырастить и сохранить урожай, призывая и тех, и других объединиться в деле регуляции, этом поистине «небесном опыте» (Федоров, 1997: 130), возводящем мысль и действие человека на новую, божескую ступень. Он выстраивал модель новой школы, преодолевающей разрыв между духовным и светским образованием, формирующей у учащегося цельную картину мира и построенной на соединении преподавания с исследованием природы, на широком участии педагогов и учеников в наблюдениях над небесными и земными явлениями, которые приготавливают к делу регуляции.

Федоров активно следил за обсуждением вопроса о неурожаях и голоде в русской печати, тем более что в работах российских ученых, анализировавших причины народного бедствия и намечавших пути к их устранению, звучали идеи, созвучные его установкам. Так, в 1892 г. вышла в свет книга почвоведом В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь», в которой указывалось на прогрессирующее опустынивание и обезлесение черноземной России, разрушительное влияние оврагов, идущее рука об руку с истощающим землепользованием. В. В. Докучаев указывал на «надорванное, надломленное, ненормальное состояние» «южного степного земледелия», которое многократно усиливается вторжением финансовых интересов, желанием «выжать» как можно больше из измученной, изнуренной земли, и намечал систему мер, которые «одровили бы наш земледельческий организм», ликвидировали «то зло, которое уже сделано частью стихийными силами, а частью и самим человеком» (Докучаев, 1892: 107). Среди этих мер Докучаев предлагал комплексное «регулирование рек», «регулирование оврагов и балок», «регулирование водного хозяйства в открытых сте-

пях, на водораздельных пространствах», определение оптимальных норм соотношения «пашен, лугов, лесов и вод» и разработку наиболее благоприятных «приемов обработки почвы», направленных на эффективное использование влаги и культивацию растений (Докучаев, 1892: 107–111).

В том же году появилась и книга А. С. Ермолова, ученого-агронома, в то время — товарища министра финансов и управляющего Министерством государственных имуществ, «Неурожай и народное бедствие», в которой главными причинами недорода и голода 1891 г. объявлялись неблагоприятные метеорологические условия, приведшие к иссушению земель Черноземья, обмелению естественных водоемов, понижению уровня грунтовых вод и т. д. А. С. Ермолов говорил о необходимости масштабного «изучения естественных условий русского земледелия», разработки комплексных мер, направленных на предотвращение последствий климатических катастроф и восстановление нарушенного равновесия экосистемы. Он настаивал на неотложном создании системы метеорологических и агрономических станций и опытных полей с широкой программой «испытаний и наблюдений», а также координирующего их учреждения — «Центрального Агрономического Комитета», состоящего из авторитетных ученых, теоретиков и испытателей (Ермолов, 1892: 65). Ермолов подчеркивал, что для устранения самой возможности повторения в будущем неурожаев и голода, необходимо всестороннее, систематическое изучение природы, «которая ныне так страшно нас победила и в борьбе с которой мы бессильны» (Ермолов, 1892: 35), необходимо опираться на «опыт, соединенный со знанием» (Ермолов, 1892: 69), объединяя усилия правительства, общества, сельских хозяев, крестьянства. Ученый предупреждал, что повторение неурожаев и голода в будущем «даже более чем вероятно до тех пор, пока деятельность человека будет направлена не к улучшению естественных условий нашей страны, а только к их ухудшению, как в настоящее время, путем самой неразумной эксплуатации и расхищения природных богатств русской земли» (Ермолов, 1892: 78).

Включаясь в дискуссии о преодолении голода, Федоров стремился расширить их смысловое поле, их этический и аксиологический фундамент, точнее и глубже определить конечную цель. Борьба с голодом для него — это не только борьба за хлеб, повышение производительности земли, улучшение приемов земледелия, а изменение самого типа хозяйствования человека в природе, приближение его к образу «райского», благого управления миром, исполнение заповеди «обладания землей».

Утверждая проективный подход к голодной проблеме, Федоров подчеркивал необходимость перехода от метеорологии, изучающей состояние земной атмосферы и предсказывающей ее изменения, к метеороургии, управляющей атмосферическими процессами, способной в засуху вызывать дождь или, напротив, предотвратить

выпадение лишних осадков, не менее губительных для урожая, чем наличие засухи. Первым приступом к этому делу виделись философу опыты искусственного вызывания дождя, к проведению которых он настойчиво призывал и в 1880-е гг., и особенно в эпоху страшного голода 1891–1892 гг., апеллируя и к наследию общественно-го деятеля и ученого В. Н. Каразина, предложившего еще в 1817–1818 гг. первый проект метеорологической регуляции (Каразин, 1910), и к работам французского физика Д. Ф. Араго, собравшего историю использования пушечных выстрелов в борьбе с грозами (Араго, 1859), и к идеям Э. А. Ляцкого, высказавшего надежду на то, что в будущем армии будут сражаться не с себе подобными, а с грозowymi тучами (Ляцкий, 1885: 88), и к корреспонденции В. Н. Мак-Гахан в газете «Русские ведомости» от 24 августа 1891 г., в которой рассказывалось об опытах искусственного вызывания дождя в Техасе, когда для воздействия на тучи активно использовались артиллерийские снаряды. Факт использования военных орудий, предназначенных для уничтожения войск противника, в деле спасения от голода выступал в сочинениях мыслителя примером обращения зла в добро, возможности перенаправить новейшие средства и достижения науки и техники на дело спасения и сохранения жизни, В 1898–1899 гг., отталкиваясь от инициативы российского правительства, предложившего созвать конференцию о мире, он в целой серии статей развивает проект обращения армии в естествоиспытательную силу, включения ее в исследование природных явлений и их регуляцию, открывающий путь к тому, чтобы сделать «войско христолюбивым в истинном смысле этого слова», «дать истинно братский исход накопившимся громадным силам» (Федоров, 1995b: 273).

Стремясь донести свои идеи до известных деятелей России, дабы они выступили с ними публично, философ общего дела осенью 1891 г. подвиг филолога И. М. Ивакина, учителя детей Л. Н. Толстого, обратиться к писателю с развернутым письмом, в котором был представлен проект борьбы с неурожаями путем атмосферической регуляции, подчеркивалось, что от словесных протестов против войны «опасность войны не уменьшается» и нужно не воевать, а употребить оружие «на борьбу с силою, производящую метеорические погромы» (Федоров, 1999: 655), несущую голод, болезни и смерть. Отклик Л. Н. Толстого был доброжелателен: «О воздействии на движение туч, на то, чтобы дождь не падал назад в море, а туда, где он нужен, я ничего не знаю и не читал, но думаю, что это не невозможно и что всё, что будет делаться в этом направлении, будет доброе. Это именно одно из приложений мирозозерцания Н[иколая] Ф[едоровича], которому я всегда сочувствовал и сочувствую, т. е. дело, стоящее труда, и дело общее всего человечества» (Толстой, 1953: 85).

В том, что только замена войны регуляцией примирит и «обратотворит сословия и народы, чего нельзя достигнуть никакими

революциями» (Федоров, 1999: 247), настойчиво убеждал Федоров и В. С. Соловьева, активно выступавшего в 1891 г. по вопросам организации помощи голодающим, настаивавшего на содействии образованного класса народу в разработке основ рационального земледользования. Федоров призывал своего младшего современника составить призыв к общему делу, высказать от себя «план объединения в деле спасения от голода» (Федоров, 1999: 247), приурочив этот призыв к его выступлению в Московском психологическом обществе с рефератом «О причинах упадка средневекового мирозерцания».

Соловьев, ссылаясь на «обстоятельства публичного свойства» (Федоров, 1999: 244), не сделал этого. Но спустя несколько месяцев, в 1892 г. поместил в журнале «Русская мысль» статью «Враг с Востока», подняв в ней вопрос о прогрессирующем истощении и иссушении земли: «На нас надвигается Средняя Азия стихийною силою своей пустыни, дышит на нас иссушающими восточными ветрами, которые, не встречая никакого препятствия в вырубленных лесах, доносят вихри песку до самого Киева» (Соловьев, 1989: 432). Апеллируя к книгам А. С. Ермолова и В. В. Докучаева, он подчеркивал, что неурожай и голод 1891 г. суть объективные следствия естественных природных бедствий и катастроф, необратимых изменений почв, рельефа, климата, усугубляющихся хищнической хозяйственной деятельностью человека. В финале статьи философ заявлял «о грозной *общей* беде», в противостоянии которой должны примириться враждующие партии, оставив политические и религиозные распри и соединившись против «действительного и страшного врага» — «надвигающейся на нас с Востока пустыни» (Соловьев, 1989: 444).

В призыве к общественному примирению Соловьев прямо следовал Федорову. Философ общего дела резко противился превращению вопроса о голоде в орудие политической борьбы, подчеркивая, что политизация провоцирует небратство, вражду и войну, причинно-следственную связь которых он почувствовал еще в раннем детстве. Об этом он говорил «ишутинцу» Н. П. Петерсону, пришедшему к нему в Богородске 15 апреля 1864 г. с проповедью революционных идей и ставшему после разговора с мыслителем его преданным учеником. Спустя почти 30 лет философ выступил с резкой критикой антиправительственной позиции Л. Н. Толстого, которую он усмотрел в статье «О голоде», напечатанной 14 января 1892 г. в лондонской газете Daily Telegraph, подчеркивая, что статья провоцирует противостояние между обществом и государством в момент страшной народной беды, когда необходимо единение и согласие в поиске средств ее преодоления.

В проект регуляции, призванной избавить живущих от дамочлова меча голода, Федоров встраивал целый ряд государственных инициатив. Видевший в самодержавии силу воспитательную и организующую, призванную вести народ к нравственному совер-

шеннолетию, он считал неотложной задачей введение всеобщего обязательного образования, необходимость которого широко дискутировалась в пореформенной России, понимая под ним не базовый набор знаний и навыков, а включение каждого жителя страны, от крестьянина до дворянина, в дело познания мира по принципу «все должны быть познающими и все должно быть предметом знания, но так, чтобы знание не отделялось от дела» (Федоров, 1995а: 77). Приветствуя введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности, мыслитель подчеркивал ее роль не только в воспитании умственных и нравственных качеств призывников в противовес «нравственной разнузданности и бесхарактерности» (Федоров, 1999: 380), но в вовлечении их в дело познания мира и управления им, открывающее путь от войны к миру, от борьбы с себе подобными — к регуляции «той слепой силы, которая носит в себе голод, язву и смерть» (Федоров, 1995а: 76). Откликаясь на широко обсуждавшуюся в печати в связи с голодом 1891–1892 гг. инициативу введения подоходного налога, к уплате которого были бы привлечены представители всех сословий, философ радикально переосмыслил его смысл, подчеркивая, что введение налога может дать толчок «переходу нашего общества от юридического к нравственному состоянию, ибо можно будет обратиться к правительству с просьбой, чтобы к требованию обязательного налога присоединить предложение добровольного взноса и тем соединить в одних руках и налог, и его пожертвование, а не раздроблять последнее между частными обществами, которые не только менее заслуживают доверия, но могут вести и не к единению...» (Федоров, 1999: 243).

Борьба с голодом и история «Вселенского дела»

После выхода в свет в 1906–1913 гг. I и II томов «Философии общего дела» идеи Федорова оказались в поле зрения деятелей богоискательства, писателей и мыслителей Серебряного века, и не только ученых, но и неученых. Среди откликнувшихся были крестьяне — представители того самого сословия, на мирозерцании и действии которого Федоров воздвигал фундамент учения о воскрешении. Один из них — Василий Николаевич Хомутский, крестьянин села Пехлец Рязанской губернии, бывший толстовец, который после знакомства с учением Федорова стал его горячим последователем. В сочинении «Призыв жизни», написанном в 1913 году, языком неученых, людей земледельческого сословия, он перелагал проект мыслителя, представляя его как важнейший и значимый для людей, работающих на «кормилице-землице», на которой «очень часто стали бывать» «неурожаи и голодовки» (Pro et contra, 2008: 215).

Для Хомутского, крестьянина, живущего на земле, несущего все тяготы добывания хлеба насущного, федоровский призыв к борьбе

с голодом через регуляцию стоял в центре учения всеобщего дела: «Я живу, работаю, а мою работу ломает слепая сила природы, морозом побила табачную рассаду и огурцы» (Pro et contra, 2008: 237); «даровое мы все взяли, что можно было брать, надо сейчас всего для жизни себя заявлять, на каждый год и день. Лесов нет, хату сделать стало не из чего, и кирпича тоже не стало, лесу нет, обжигать нечем и топить печи нечем, дров нет, соломы нет, не стала родиться на даровщинку. Смерть со всех сторон к нам идет, так и напирает на нас, а мы все забавляемся своими делишками, даже боимся подумать, дать отпор» (Pro et contra, 2008: 214), — писал он ученику Федорова Н. П. Петерсону. Глубоко проникнув сердцем и умом в суть федоровского проекта, Хомутский призывал людей веры и знания, горожан и крестьян объединиться в труде на «нашей кормилице-землице», которая есть «общее поле всего человечества» (Pro et contra, 2008: 214), подчеркивая, что если не объединиться в общем деле регуляции, начиная с борьбы против засух, с организации плотин, искусственных резервуаров воды, то настает час, когда «ни в одной стране не будет хлеба, не родится, тогда и купить и продать нечего будет <...> и тогда все человечество очутится в равном достоинстве в всечеловеческом голоде» (Pro et contra, 2008: 215).

Перелагая федоровский проект «всесловной земледельческой общины» (Федоров, 1995а: 254), изложенный в четвертой части «Вопроса о братстве, или родстве...», В. Н. Хомутский соединял «продовольственный» и «санитарный» вопросы, представляя их двумя створками общего дела спасения и восстановления жизни. Крестьянин-федоровец сетовал на слабость медицинской помощи в селах и деревнях: «один доктор на всю волость и поезжай больной за десять верст, а должен доктор у больного быть, а не больной у доктора» (Pro et contra, 2008: 216), противопоставляя медицине наживы медицину спасения: «Санитарные дела должны идти рука об руку с верой и церковью, где церковь — и тут же должны быть и находиться школа медицины, и доктора, в школу доступ должен быть таков, как в церковь, только тогда станет правильно действовать медицина и вступит в борьбу со всеми болезнями и старостью и смертью» (Pro et contra, 2008: 216). Проявляя крестьянскую мудрость и практическую сметку, В. Н. Хомутский подчеркивал, что сама смерть, главный враг человека, создает условия... для будущего воскрешения: «Хотя смерть и разрушает организм человека, но не совсем, а только очищает его, подсобляет науке в чистом виде его собрать и восстановить снова, мумии сухие, кости чистые и сухие лежат тысячелетия в целости, значит, есть исход этому, когда-нибудь восстановить опять человека или воскресить» (Pro et contra, 2008: 216).

Для крестьянина-земледельца вопрос о хлебе, голоде и регуляции составлял сердцевину вопроса об общем деле. Иные акценты были сделаны авторами первого федоровского сборника под говорящим названием «Вселенское дело», который начали соби-

рать в 1913 г. молодой выпускник Московской духовной семинарии, философ, литературный критик, поэт Александр Константинович Горский (1886–1943) и бывший священник, лишенный сана за политические убеждения, один из лидеров движения голгофских христиан, поэт, публицист Иона Пантелеймонович Брихничев (1879–1968). В центр внимания они поставили тему «Федоров и современность», намечая широкий разворот исследований, касающихся той главной цели, в осуществлении которой, по мысли Федорова, должны объединиться все люди земли во всей совокупности профессий, творческих служений и дарований. В проспекте издания, выпущенном в Москве, в том же для Федорова поминальном году, значилось 23 направления, предложенных издателями к разработке: от проявления идеи воскрешения в философии, литературе, богословии (у отцов древней Церкви), в мировых религиях, музыке, живописи, архитектуре, от трактовки «истории как дела воскрешения» и «археологии как попытки к воскрешению» до презентации в оптике воскресительной идеи естествознания, медицины, химии, биологии, осмысления «современной техники и открытий как симптомов близкой победы над пространством и временем» (*Pro et contra*, 2008: 88–89). Однако в развернутом перечне направлений и тем, среди которых были и характерные для эпохи Серебряного века, легко увлекавшейся мистическими, оккультными и теософическими течениями, предложения рассмотреть «идею воскрешения и преобразования всего сущего в теософии, оккультизме, спиритизме и ментализме» (*Pro et contra*, 2008: 89), не нашлось места вопросу о голоде, крестьянской и агрономической теме. Сам Федоров назвал бы такой проспект издания произведением умствующей интеллигенции, горожан, оторванных от нужд народа, живущих продуктами села и не чувствующих своей ответственности перед ним.

Впрочем, в оправдание издателей «Всеенского дела» нужно сказать, что, не вынося тему борьбы с голодом на первый план в сборнике, призванном актуализировать идеи Федорова здесь и сейчас, они исходили из относительно благополучной экономической ситуации, сложившейся в России в 1913 г., в год 300-летия воцарения Романовых (недаром именно этот год станет эталоном для сравнения экономических, демографических и других показателей развития России на протяжении XX века). Острой, требующей неотложной реакции им представлялась другая проблема — социально-классовой розни, протivостояния политических партий, революционного кризиса 1905–1907 гг., множащихся и усиливающихся год от года идейных и общественных разделений, неблагополучия в международных делах, конфликтов между странами и народами, грозящих обернуться всемирной войной. И потому в программном предисловии ко «Всеенскому делу», напечатанном сначала в проспекте, а затем в самом сборнике, нет ни одного прямого слова о голоде и преодолении его причин, зато звучит лозунг «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний,

всех верований и убеждений — соединяйтесь!» (Вселенское дело, 1914: VIII), перефразирующий знаменитый лозунг коммунистического манифеста. Но если классовый призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» имплицитно предполагал соединение одних классов (трудящегося человечества) против других (трутней-капиталистов), то призыв авторов «Вселенского дела», вышедшего в 1914 г. незадолго до начала Первой мировой войны, был обращен абсолютно ко всем, ориентируя на преодоление разделений, на соединение в общем действии и общей задаче — «борьбы со смертью» и всеобщего воскрешения.

Впрочем, проблема голода и борьбы с ним путем регуляции все же прозвучала в сборнике — из уст самого Федорова. С разрешения учеников философа В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, во «Вселенском деле» было помещено предисловие Н. Ф. Федорова к изданию в газете «Дон» письма Ф. М. Достоевского от 24 марта 1878 г., в котором писатель ставил ряд вопросов к федоровскому учению. Апеллируя к выражению Достоевского «долг воскресенья преждеживших предков», Федоров разворачивал проект регуляции смертоносных и голодоносных сил мира и, указывая на опыты вызывания искусственного дождя в Америке, призывал к переориентации военной отрасли на исследование метеорологического процесса, к «обращению орудий истребления в орудия спасения от голода и язвы» (Вселенское дело, 1914: 29). А в статье А. К. Горского «Тяга земная», посвященной истории идейно-творческих взаимоотношений В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова, приводилась обширная цитата из статьи Н. П. Петерсона, в которой речь шла об общении двух мыслителей осенью 1891 г., когда Федоров убеждал Соловьева в «необходимости сделать призыв <...> к делу спасения всех от голода» (Вселенское дело, 1914: 146). И все же даже по частоте упоминания слово «голод» оказывалось на страницах первого «Вселенского дела» на самых задворках.

Иначе было в 1920 году, когда А. К. Горский, с конца 1912 г. живший в Одессе, и философ, экономист, статистик, поэт Н. А. Сетницкий, познакомившийся с ним на заседании Литературно-артистического общества и ставший его другом и сподвижником в федоровских проектах, решили издать второй выпуск «Вселенского дела». Это издание было предпринято с целью осмысления исторических сдвигов и катаклизмов эпохи: Первой мировой войны, двух революций, Гражданской войны и сопровождавших ее разрухи, эпидемий и голода, начавшегося в ряде областей Советской России в 1920 г., а в 1921–1922 гг., после засухи и неурожая, охватившего все Поволжье и Южную Украину. Федоровский «вопрос о смерти и жизни» зазвучал для мыслителей-космистов предельно конкретно, без всякой теоретической отвлеченности, а призыв бороться со смертью, который они вновь обращали к современной эпохе, актуализировался ситуацией усиленной смертности, спровоцированной масштабным голодом.

В составленном А. К. Горским и Н. А. Сетницким новом проспекте издания именно тема борьбы с голодом, соединенная с темой всемирной войны и преодоления мировой катастрофы, стала центром воззвания, завершавшегося тем же призывом, который прозвучал в первом сборнике:

«Постигшее Россию голодное бедствие, в идейном отношении ликвидирующее все попытки отложить на будущее время, как на пути коллективизма, так и на пути индивидуализма, борьбу с бездушной и безумной стихией, ставит пред нами все ту же задачу, что и семь лет назад. Но мы думаем, что в этой задаче мы уже не столь одиноки. Пережитая седмица лет заставила миллионы людей, помимо своей воли втянутых в воронку смертоносного смерча, продумать все то, что думалось нами. Правильным будет сказать, что теперь мир — богатая взрытая почва для нового сева новых мыслей. <...>

Наша цель не закрывать глаза на непобежденную до сего дня слепую бессознательную природу — стихию, но и не откладывать борьбу с ней на годы, десятилетия и столетия.

Как семь лет назад, мы снова зовем всех, без различия пола, возраста, расы, класса, вероисповедания и мировоззрения, на борьбу с врагом извечным и сильным, но победимым и побеждаемым

Смертные всех стран, соединяйтесь!» (Pro et contra, 2008: 369).

В отличие от проспекта «Вселенского дела» 1914 года, хлестаковски поражавшего широтой захвата масштабных тем, из которых реально оказались разработаны в первом сборнике только немногие, проспект второго «Вселенского дела» был аскетичен и тематически заострен. Отталкиваясь от осмысления опыта Первой мировой войны, этой «вселенской провокации», направленной на срыв жизнеспособных усилий человечества как творческого авангарда природы, акцентируя идею перехода от войны с себе подобными к «борьбе со смертью» (в лексике эпохи этот сюжет был назван «боевой биологией»), авторы сборника переходили к осмыслению «теории относительности» и ее значения для построения «практики планетарно-космического действия». Далее должен был следовать материал, посвященный проблемам построения «нового общества», ставящего своей целью преодоление смерти, и два внутренне единых сюжета, связанных с темой перестройки экономической системы человечества в перспективе задач всеобщего дела («Экономика регуляции») и перехода от «эксплуатирующего» природопользования, усугубляющегося расстройками природных циклов, климатическими катастрофами, к разумно-творческому управлению атмосферическими процессами («Агония планеты и задача метеороургии») (Pro et contra, 2008: 368).

План издания не был осуществлен. Как свидетельствовал позднее Н. А. Сетницкий, добыть средства на издание сборника помешала «голодная катастрофа и инфляция» (Pro et contra, 2008: 368). Но темы, заявленные в проспекте, А. К. Горский и Н. А. Сетницкий сделали ведущими темами своей философской работы в 1920-е гг. А когда Сетницкий, с 1925 г. живший в Харбине, в конце десятилетия вернулся к замыслу «Вселенского дела» и в 1934 г. выпустил новую версию книги, призванную, как и первый сборник, «освещать основные вопросы современности с точки зрения их соответствия или несоответствия идеям “Общего Дела” и задаче преобразования мира и воскрешения мертвых» (Вселенское дело, 1934: IV), он представил тему голода и связанной с ним регуляции во фрагментах переписки Федорова с Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым и в публикации письма И. М. Ивакина Л. Н. Толстому о дождевании и книжном обмене, написанного в голодный 1891 год (Вселенское дело, 1934: 149–159).

С проспектом «Вселенского дела» 1920 г., так и оставшимся на бумаге, был тематически связан выпуск однодневной газеты «На помощь!», посвященный проблеме голода и перспективам борьбы с ней. В отличие от проекта сборника, застрявшего на этапе декларации намерений, газетный номер увидел свет. Его центральными материалами, выделявшими подготовленный космистами номер из череды подобных однодневных изданий, которые выпускались тогда в разных областях Советской России в пользу голодающих, были статья Н. А. Сетницкого «Учение о борьбе с голодом», вводившая в контекст современности идеи Н. Ф. Федорова о регуляции, и стихотворение А. К. Горского «Пустыня», представлявшее голодную катастрофу следствием трусости и пассивности человечества, не дерзнувшего взять на себя подвиг разумно-творческой регуляции мира: «Не вырос, не встал властелином стихии / Растерзанный разум земли» (Горский, 2018b: 195).

Указывая на то, что обрушившиеся на Россию недород и голод намного масштабнее даже страшного голода 1891–1892 гг., Н. А. Сетницкий призывал направить усилия не на «паллиативную борьбу с голодовками» (устранение следствий), а на исследование естественных причин неурожаев и планомерную работу по их устранению. Философ напоминал о статье В. С. Соловьева «Враг с Востока», в которой выдвигалась задача борьбы с пустыней путем культивации «степных и пустынных пространств», их «облесенья и обводнения», акцентировал проекты Федорова, связанные с «метеорологической регуляцией жизни нашей планеты», писал об идеях В. Н. Каразина и американских опытах искусственного вызывания дождя, демонстрируя, с одной стороны, неотложность постановки вопроса о регуляции, а с другой — практическую возможность начать ее осуществление уже сейчас (Сетницкий, 1921). Более того, говоря о «Философии общего дела», Сетницкий подчеркивал, что вопрос о голоде не был для Федорова «каким-то случай-

ным делом, результатом случайно возникших размышлений по поводу российского недорода и голодной катастрофы конца прошлого столетия»: «Планомерная борьба с голодом входит в систему учений Федорова в качестве органической части и связывается со всеми этими учениями тысячами нитей» (Сетницкий, 1921).

В газете «На помощь!» Горский и Сетницкий призывали не просто к хлебной и денежной поддержке голодающих, а к радикальному решению вопроса о голоде, требующему постановки целого спектра задач: организация экономики, культуры и научного знания, поиск новых форм «взаимоотношения города с деревней», новых форм развития социума (Сетницкий, 1921). Масштабность задания питалась источно религиозным характером проекта регуляции, который был внятен и Горскому, и Сетницкому, но обозначать который напрямую в печати по понятным причинам они не могли. Некоторые намеки были сделаны в стихотворении «Пустыня»: художественная форма давала возможности большей свободы. Голод в Поволжье Горский символически соотносил с голодом «сынов Израилевых» во время сорокалетнего странствования по пустыне, подчеркивая, что, в отличие от иудеев, которых Господь питал в ответ на их жалобы, посылая им манну небесную, людям современности, «отчаянно чаявшим хлеба», уже бессмысленно ждать манны, нужно действовать самим, превращая пустыню в сад и управляя атмосферическими процессами.

Тема регуляции тесно связывалась для Горского и Сетницкого с темой путей России, с перспективами пореволюционного строительства жизни. Еще в 1919 году в докладе «Крест над вьюгой» о поэме А. А. Блока «Двенадцать» Горский ставил вопрос о прочности революционного действия, коль скоро оно совершается в смертном, хаотическом мире, где на пустынных пространствах разгуливает ледяной ветер и пурга дни и ночи напролет пылит в глаза кучке революционных матросов, ищущих «незримого врага», беспорядочно палящих в темноту. Напоминая слова Блока из его статьи «Стихия и культура» (1909) о бессилии человечества «перед трусом, гладом и мятежом», он подчеркивал, что «новый мир» станет реальностью только тогда, когда будет воздвигнута «война со стихией, с природой — война до полной победы» (Горский, 2018а: 282). Эта схватка — не с себе подобными, а со слепой силой, сеющей смерть, религиозно оправданна, недаром впереди красноармейцев незримо идет Христос, обладающий подлинной властью над стихиями мира.

В 1920 г. Горский начинает работать над книгой «Воздушная власть. Задачи метеороургии и атмосферической музыки (К истории русской религиозной мысли)», планируя изложить в ней идею регуляции природы сквозь призму активно-христианских идей Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева, для которых человек должен соработать Творцу в созидании «нового неба и новой земли». Убеденный в том, что христианство ставит перед человеком предельные задания, верит в человека и утверждает полноту его ак-

тивности в мире, философ стремится преодолеть антирелигиозную риторику советской власти, но не лобовым столкновением, а подспудным влиянием. Переехав в 1920 г. в Воскресенск и став заведующим лекторским бюро местного Политпросвета, он готовит и читает курс лекций «Научно-трудоустройственный фронт», посвященный теме строительства новых форм жизни, вводя в названия лекций говорящую христианскую символику, связанную с темой эсхатологического преображения: «Небо и Земля. Источники энергии (условия технического и производственного прогресса)»; «Рай на земле (успехи нового творческого земледелия)»; «Небо и Земля. Небесные силы и управление ими, атмосферическая и метеорическая регуляция»⁴ и т. д. Планирует мыслитель и выпуск тематических брошюр — «Библиотеку Научно-трудоустройственного фронта», которая должна была познакомить рабочих с тем, что позднее в одной из работ он назовет «Организацией мировоздействия» (Горский, 2018а: 711). Сохранившийся в архиве мыслителя план библиотеки касается теоретических и практических аспектов регуляции: «1) Человек и природа; 2) Союз труда и науки; 3) Облава на смерть; 4) Небесное Царство; 5) В поход за энергией (аргонавты); 6) Ниспровержение времени; 7) Солнечная руда; 8) Перестройка тела»⁵.

Ставя вопрос о «новом творческом земледелии», Горский рассматривает его не инструментально-прагматически, а целостно-религиозно, подчеркивая, что его смысл не в эффективном производстве продуктов питания, а в регуляции материи, управлении процессами жизни, преображении человеческого организма, пресуществлении праха в живые тела. Размышляя о том, как психологически преодолеть потребительское отношение к природе, присущее человеческому хозяйствованию, он предлагает отказаться от пресловутой формулы «природа-мать», от восприятия природы как матери, жертвенно отдающей своему дитяти последние силы, но восчувствовать природу как дочь, как «наше *создание*»⁶, требующее от нас жертвенности, любви и заботы.

В связи с темой жизнотворческого отношения к земле Горский активно развивал тему «атмосферической музыки». Еще в его статьях 1910-х гг. о творчестве А. Н. Скрябина и В. И. Ребикова звучала тема гармонизирующего и преображающего воздействия музыкальных волн на материю, в том числе о «влиянии музыки на тело» [Горский, 2018а: 219]. А в пореволюционные годы призыв Блока слушать музыку революции заострялся для мыслителя в собственный лозунг: творить музыку регуляции, звучащую на земных и небесных пространствах, музыку преображения, умиротворяющую атмосферические катаклизмы, управляющую атмосферой,

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:

Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

4. Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого. Папка «Научно-трудоустройственный фронт».

5. Там же.

6. Там же.

воздвигающую борьбу против «князя мира сего» (Ин. 12:31), «князя власти воздушной» (Еф. 2:2), «имущего державу смерти» (Евр. 2:14).

Библиография

- Акиншин А. Н. (2022). Родственное окружение Н. Ф. Федорова // *Философ общего дела: Материалы международных научных чтений памяти Н. Ф. Федорова*. М.: ОКЦ ЮЗАО. С. 8–29.
- Аксенов Г. П. (2014). Три биографии Владимира Вернадского. М.: Архив РАН.
- Араго Ф. (1859). Гром и молния. СПб.: Торг. дом С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о.
- Ахметова М. А. (2018). «Помощь людям может быть только живой...» (о деятельности Л. Н. Толстого в голодные годы) // *Ученые записки Орловского государственного университета*. № 4(81). С. 86–90.
- Булгаков С. Н. (1993). Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда.
- Вселенское Дело (1914). Вып. 1. Одесса: Тип. Венске и Любек.
- Вселенское Дело (1934). Вып. 2. Рига [Харбин]: Orient.
- Горский А. К. (2018а). Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН.
- Горский А. К. (2018б). Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН.
- Докучаев В. В. (1892). Наши степи прежде и теперь. СПб.: Тип. Е. Евдокимова.
- Достоевский Ф. М. (1976). Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука.
- Достоевский Ф. М. (1976). Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Л.: Наука.
- Ермолов А. С. (1892). Неурожай и народное бедствие. СПб.: Тип. В. Киршбаума.
- Каразин В. Н. (1940). Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина. Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберберг и сыновья.
- Кожевников В. А. (2004). Опыт изложения учения Н. Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М.: Мысль.
- Кондрашин В. В., Корнилов В. Е. (2021). История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // *Уральский исторический вестник*. № 1(70). С. 6–13.
- Ляцкий З. А. (1885). Новое объяснение грозы, всех трех родов молнии и огней св. Эльма. Поневеж: Тип. Н. Фейгензона.
- Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2 (2008). М.: РХГА.
- Петров С. Т. (2020). Частотный словарь языка Н. Ф. Федорова. URL: <http://enc-nffedorov.ru/w/images/7/72/Slovník-poln-a-z.pdf> (дата доступа: 04.08.2024).
- Пьянков С. А., Михалев Н. А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2015. № 1. С. 44–55.
- Рогожина А. С. (2021). Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX века // *Научный диалог*. № 4. С. 423–437.
- Русский космизм: Антология философской мысли (1993). М.: Педагогика-пресс.
- Семенова С. Г. (2019). Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академ. проект, Парадигма.
- Семенова С. Г. (2020). Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия.
- Сетницкий Н. А. (1921). Учение о борьбе с голодом // *На помощь!* [Однодневная газета]. Одесса. 15 августа.
- Соловьев В. С. (1989). Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Правда.
- Суворин Р. В. (2015). Эпидемические заболевания в тамбовской губернии в первой половине XIX в.: причины, проявления, меры по преодолению // *Вестник Тамбовского государственного университета*. Вып. 8(148). С. 151–156.
- Федоров Н. Ф. (1995а). Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1995б). Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1997). Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция.

- Федоров Н. Ф. (1999). Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция.
 Флоренский П. А. (1988). Автореферат // Вопросы философии. № 12. С. 108–119.
 Толстой Л. Н. (1953). Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 66. М.: ГИХЛ.
 Щепкин В. Н. (1886). Голода в России (Исторический очерк) // Исторический вестник. Т. XXIV. Июнь. С. 489–521.

А. Г. Гачева
 Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма:
 Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело»

The fight against hunger in the philosophy of Russian cosmism: N. F. Fedorov and Universal Cause collections

Anastasia G. Gacheva, DSc (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian and Researcher, N. F. Fedorov Library No. 180 in the South-West Administrative District of Moscow. 25A, bld. 1, Povarskaya st., Moscow, 121069. E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

Abstract. The article is the first part of the study of the issues of hunger in the philosophy of Russian cosmism. Its representatives believed that we need to study natural processes and their management to solve the problem of hunger, emphasizing that regulation requires complete knowledge and universal solidarity. The article examines the ideas of N. F. Fedorov, who suggested to consider the issue of overcoming hunger in the Christian context, defining the regulation of nature as the fulfillment of the commandment to “possess land”. The author reconstructs the dynamics of the perception of the hunger problem in the first collection *Universal Cause* (1914) and in the draft of the second collection compiled by A. K. Gorsky and N. A. Setnitsky in 1920 during the devastation of the Civil War. The article also presents the results of the analysis of the one-day newspaper *To the Rescue!* published under the famine of 1921–1922.

Key words: philosophy of cosmism, problem of hunger, regulation of nature, legacy of N. F. Fedorov, A. K. Gorsky, N. A. Setnitsky, *Universal Cause*

References

- Akin'shin A. N. (2022) Rodstvennoe okruzhenie N. F. Fedorova [N. F. Fedorov's Related Environment]. *Filosof obshchego dela: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy pamyati N. F. Fedorova* [The Philosopher of Common Cause: Materials of International Scientific Conferences in Memory of N. F. Fedorov], Moscow: OKTs YuZAO, pp. 8–29.
- Aksenov G. P. (2014) *Tri biografii Vladimira Vernadskogo* [Three Biographies of Vladimir Vernadsky], Moscow: Arkhiv RAN.
- Arago F. (1859). Grom i molniya [*Thunder and Lightning*], Sankt-Petersburg.: Torg. dom S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K°.
- Akhmetova M. A. (2018) «Pomoshch' lyudyam mozhet byt' tol'ko zhivoy...» (o deyatelnosti L. N. Tolstogo v golodnye gody) [The Help to People can be Only Vital... (About the L. N. Tolstoy's Activity During Lean Years)]. *Scientific Notes of Orel State University*, vol. 4, no 81, pp. 86–90.
- Bulgakov S. N. (1993) *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 2], Moscow: Pravda.
- Dokuchaev V. V. (1892) *Nashi stepi prezhde i teper'* [Our Steppes Before and Now], Sankt-Petersburg: E. Evdokimov Publ.
- Dostoevskiy F. M. (1976) *Poln. sobr. soch.: v 30 t., t. 14* [Complete Works in 30 vol., vol. 14], Leningrad: Nauka Publ.
- Dostoevskiy F. M. (1976) *Poln. sobr. soch.: v 30 t., t. 15* [Complete Works in 30 vol., vol. 15], Leningrad: Nauka Publ.
- Ermolov A. S. (1892) *Neurozhay i narodnoe bedstvie* [Crop Failure and national disaster], Sankt-Petersburg.: Kirshbaum Publ.

- Fedorov N. F. (1995a) *Sobranie sochineniy, t. I* [Collected Works, vol. I], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1995b) *Sobranie sochineniy, t. II* [Collected Works, vol. II], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1997) *Sobranie sochineniy, t. III* [Collected Work, vol. III], Moscow: Traditsiya.
- Fedorov N. F. (1999) *Sobranie sochineniy, t. IV* [Collected Works, vol. IV], Moscow: Traditsiya.
- Florenskiy P. A. (1988). Avtoreferat [Abstrakt]. *Voprosy filosofii*, no 12, pp. 108–119.
- Gorskiy A. K. (2018a) *Sochineniya i pis'ma. Kn. 1.* [Essays and Letters. Book 1], Moscow: IMLI RAN.
- Gorskiy A. K. (2018b) *Sochineniya i pis'ma: V 2 kn. Kn. 2.* [Essays and Letters. Book 2], Moscow: IMLI RAN.
- Karazin V. N. (1910) *Sochineniya, pis'ma i bumagi V. N. Karazina* [Writings, Letters and Papers by V. N. Karazin], Khar'kov: M. Zil'berberg i synov'ya Publ.
- Kozhevnikov V. A. (2004) *Opyt izlozheniya ucheniya N. F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedeniyam, perepiske i lichnym besedam* [Presentation of the Teachings of N. F. Fedorov on Published and Unpublished Works, Correspondence and Personal Conversations], Moscow: Mysl'.
- Kondrashin V. V., Kornilov V. E. (2021) *Istoriya goloda i epidemiy v Rossii: istoriograficheskaya situatsiya* [Russia's Famine and Epidemics History in Russia: Historiographical Situation]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no 1(70), pp. 6–13.
- Lyatskiy Z. A. (1885) *Novoe ob'yasnenie grozy, vsekh trekh rodov molnii i ogney sv. El'ma* [A New Explanation of the Thunderstorm, All Three Kinds of Lightning and St. Elmo's Lights], Ponevezh: N. Feygenzon Publ.
- N. F. Fedorov: *pro et contra*: V 2 kn. Kn. 2 (2008), Moscow: RKHG.
- Petrov S. T. (2020) *Chastotnyy slovar' yazyka N. F. Fedorova* [The Frequency Dictionary of the N. F. Fedorov Language]: <http://enc-nffedorov.ru/w/images/7/72/Slovník-poln-a-z.pdf> (accessed: 4 August 2024).
- P'yankov S. A., Mikhalev N. A. (2015) *Golod 1891–1892 gg. v Rossii v sovetskoj i sovremennoj otechestvennoj istoriografii* [The Famine of 1891–1892 in Russia in Soviet and Modern Russian Historiography]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no 1, pp. 44–55.
- Rogozhina A. S. (2021) *Golod i prodovol'stvennaya politika Rossijskoj imperii v kontse XIX — nachale XX vekov* [Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries]. *Nauchnyy dialog*, no 4, pp. 423–437.
- Ruskii kosmizm: Antologija filosofskoj mysli* (Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought) (1993), Moscow, Pedagogika-press.
- Semenova S. G. (2019) *Filosof budushchego: Nikolaj Fedorov (Philosopher of the Future Nikolaj Fedorov)*, Moscow, Akademicheskij proekt Publ., Paradigma Publ.
- Semenova S. G. (2020) *Sozidanie budushchego: filosofija russkogo kosmizma (Creating the Future: The Philosophy of Russian Cosmism)*, Moscow: Nookratia Publ.
- Setnitskiy N. A. (1921) *Uchenie o bor'be s golodom (The Doctrine of the Fight Against Hunger). Na pomoshch'!* [Odnodnevnyy gazeta], Odessa. 15 avgusta.
- Shchepkin V. N. (1886) *Goloda v Rossii (Istoricheskiy ocherk)* [Famine in Russia: A Historical Sketch]. *Istoricheskiy vestnik*, vol. XXIV. Iyun', pp. 489–521.
- Solov'ev V. S. (1989) *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2], Moscow: Pravda.
- Suvorin R. V. (2015) *Epidemicheskie zabolevaniya v tambovskoj gubernii v pervoy polovine XIX v.: prichiny, proyavleniya, mery po preodoleniyu* [Epidemic Diseases in Tambov Province in the First Half of the XIX Century: Causes, Symptoms, Measures to Overcome]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 8(148), pp. 151–156.
- Tolstoy L. N. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy*: vol. 66. (Collected Works, vol. IV), Moscow: GIKhL.
- Vselenskoe Delo* (1914) Vyp. 1. [The Universal Cause. Issue 1], Odessa: Venske i Lyubek Publ.
- Vselenskoe Delo* (1934) Vyp. 2. [The Universal Cause. Issue 2], Riga [Kharbin]: Orient.

Николай Сетницкий и Александр Чаянов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы¹

А. М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 119571 Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В статье с применением сравнительного биографического метода рассматриваются и анализируются социально-философские и политэкономические взгляды, а также междисциплинарное интеллектуальное наследие замечательных российских ученых Н. А. Сетницкого и А. В. Чаянова по вопросам идеалов общественного развития, характеристикам капиталистических и некапиталистических экономических систем, проблемам регуляции взаимоотношений человека и природы с учетом особенностей исторического времени 1920–1930-х годов. Отмечаются принципиальные мировоззренческие особенности «аграрника-релятивиста» Чаянова и «космиста-апокалиптика» Сетницкого, заложенные в основания их теоретико-методологических подходов к познанию и преобразованию действительности. Особое внимание уделяется сравнительной аналитической оценке утопических и футурологических прогнозов и проектов обоих ученых. В заключении делаются выводы о значении интеллектуального наследия Сетницкого и Чаянова для исследования современных политических, экономических и экологических проблем России и мира.

Ключевые слова: Сетницкий Н. А., Чаянов А. В., капитализм, некапиталистические системы, город, село, эксплуатация, природа, утопия, космизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-47-72

Николай Сетницкий и Александр Чаянов: 1888–1937, сравнительные хроники жизни

В своей жизни замечательные российские ученые Николай Александрович Сетницкий и Александр Васильевич Чаянов оказались ровесниками не только по годам рождения, но и смерти. Чаянов, родившись 29 января 1888 года и расстрелянный 3 октября 1937 года, прожил лишь на 10 месяцев дольше Сетницкого, родившегося 12 декабря 1888 года и расстрелянного 4 ноября 1937 года.

Но по биографическим событиям работы и творчества, а также местам проживания их судьбы основательно различались. Чаянов

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

был москвичом. От рождения и до политической высылки из столицы в 1930-е годы его жизнь была в значительной степени связана с Москвой. Родившийся в московской купеческой семье, учившийся в московской гимназии, в Московском сельскохозяйственном институте (Петровской (Тимирязевской) академии), став там полным профессором, заведующим кафедрой, директором Института сельскохозяйственной экономики, лидером так называемой организационно-производственной школы, экономист Чаянов даже в своих гуманитарных, историко-культурных занятиях был часто увлечен историей, современностью, будущностью именно Москвы. В его исторических, художественных, футуристических произведениях Москва почти всегда в фокусе внимания и эпицентре событий. Хотя, конечно, ему пришлось побывать, поучиться, поработать в разных городах и странах. Еще будучи аспирантом перед Первой мировой войной, он путешествовал по Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии, пройдя в это время и стажировку в ведущих центрах аграрно-экономического знания германских и французских университетов. А после Революции и Гражданской войны, в 1920-е годы, уже как ведущий советский эксперт-экономист Чаянов опять бывал в странах Европы, включая и Англию.

Собственно, в России ему довелось работать в революционном Петрограде 1917 года, в составе комиссий Временного правительства, принимая самое деятельное участие в разработке проектов российских аграрных реформ, дослужившись до поста товарища (заместителя) министра земледелия за месяц до большевистского переворота. Конечно, и до Революции, и после Чаянов по своей научно-педагогической деятельности бывал в различных городах Российской империи и Советского Союза — от Русского Севера до Средней Азии. В 1930 году по обвинению в создании контрреволюционной Трудовой крестьянской партии Чаянов был брошен в тюрьму. К середине 1930-х он оказался в казахстанской ссылке в Алма-Ате, где во время Большого террора был вновь арестован и расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Англии.

География мест жизни и работы Николая Сетницкого выглядит менее цельной, более драматически причудливой и прихотливой. Он родился в городе Ольгополе Подольской губернии в семье русского чиновника, служившего фабричным инспектором в городах Польши, от Лодзи до Варшавы. Детство и юность его были менее обеспечены, чем у Чаянова. Поступив в Петербургский университет на отделение восточных языков, он по просьбе родителей перевелся на юридический факультет, по окончании которого поступил на службу в Министерство торговли и промышленности. В 1915 году был призван на фронт Первой мировой войны (Чаянов в этом же году мог быть призван в армию, но все же остался при кафедре). Демобилизованный из-за травмы в революционном 1917 году Сетницкий оказывается в Одессе, где в годы Гражданской войны

работает по статистической части, дослужившись к окончанию Гражданской войны до должности заведующего Одесским губернским статистическим бюро. А во время Гражданской войны даже попадает более чем на год в плен к петлюровцам, претерпев опасные испытания в духе пастернаковского доктора Живаго.

К середине 1920-х годов Сетницкий оказался на пару лет в Москве, где работал в основном по научно-статистической части в различных советских учреждениях. Затем на целое десятилетие он отправился на Дальний Восток в Харбин на службу в экономическом бюро КВЖД, работая и преподавателем на юридическом факультете в Харбине. Во второй половине 1930-х годов, когда КВЖД полностью переходит под контроль Маньчжоу-Го и Японии, Сетницкий возвращается в Москву. Там ему не сразу (сначала пришлось послужить экономистом в плановом отделе Московско-Казанской железной дороги), но все же удается наконец-то приступить к исключительно научной работе в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Впрочем, вскоре Сетницкий был арестован и расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

По мрачной иронии москвича Чаянова убили в глубине Азии, а дальневосточника Сетницкого — в Москве.

Экономисты и идеалы

Принято считать, что экономисты, в силу своих преимущественно счетоводно-калькулирующих занятий, связанных с рациональным выбором и оптимизацией текущей хозяйственной деятельности, имеют мало времени и желания заниматься всякого рода метафизическими вопросами смысла и перспектив существования рода человеческого. Такие экзистенциальные заботы традиционно полагается оставлять философам, иногда историкам, социологам и, конечно, поэтам.

В случае с Сетницким и Чаяновым, при всем уважении к их профессиональным компетенциям экономистов, мы должны подчеркнуть присущий им обоим междисциплинарно-энциклопедический характер личного знания. И так же как по прошествии времени экономические сочинения Карла Маркса в большей степени интересуют нас с их социально-философской, чем с конкретно-эмпирической стороны, так и именно социально-философское наследие экономистов Чаянова и Сетницкого все более актуализируется в наше время.

Как экономист Сетницкий опубликовал почти полсотни экономико-статистических работ, включая целую монографию про сою на мировом рынке (Сетницкий, 1930). У Чаянова экономических в узком смысле слова публикаций более сотни. Рынки сои он не исследовал, зато достаточно много занимался, например, в отраслевом разрезе экономикой льноводства, сахарной свеклы,

хлопка и так далее². В институциональном отношении Чаянов много и плодотворно изучал экономику крестьянских домохозяйств и кооперации, а также крупных коллективных и государственных аграрных предприятий.

При этом надо подчеркнуть, что как экономисты Сетницкий и Чаянов были не только статистиками-отраслевиками-плановиками, но и политэкономами. В своих сочинениях они исследовали многие фундаментальные категории и тенденции экономической жизни общества, связанные с понятиями эксплуатации и экологии, труда и капитала, стихийности и планомерности, анархии и государства, капитализма и социализма.

А в целом они занимались не только экономикой. Сетницкий публиковал работы в области философии и религиоведения, истории и литературоведения. У Чаянова не найдешь чисто философских, тем более религиозных сочинений, но им были также написаны исторические и искусствоведческие работы. Наконец, Сетницкий и Чаянов проявили себя как даровитые писатели и поэты. Безусловно, оба были замечательными футурологами. Анализу их футурологических идей и посвящена эта статья.

Возвращаясь к характеристике Сетницкого и Чаянова как ученых-экономистов, надо подчеркнуть, что Чаянов в своей карьере сполна реализовался именно как академически-университетский экономист широкого профиля. В этой связи ему в значительной степени была присуща и глубина познаний как в классических, так и новейших течениях экономической российской и западной экономической мысли. Сетницкий не получил специального экономического образования, тем не менее его работа в различных экономических организациях была достаточно интенсивно связана с теоретической университетско-преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

Обращаясь к характеристикам мировоззрения Сетницкого и Чаянова, необходимо подчеркнуть, что они оба являлись яркими представителями культуры Серебряного века. Чаянов с юности оставался поклонником идейно-эстетического направления «Мира искусства». Сетницкий в годы своей молодости был участником петербургского интеллектуального кружка профессора Рейснера, издававшего журнал «Рудин».

Революция оказала огромное влияние как на Чаянова, так и на Сетницкого. Чаянов проявил себя в ней сполна и как незаурядный экономический политик, которому порой по работе

2. См., например: *Чаянов А. В.* (1918). Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М.: Центральное товарищество льноводов. *Чаянов А. В.* (1927). К вопросу о себестоимости хлопка-сырца в хозяйствах Средней Азии // Вопросы хлопковой экономики: Сборник статей. М.; Л.: Промиздат. *Чаянов А. В.* (1928). Себестоимость сахарной свеклы. М.: Правление Сахаротреста.

напрямую приходилось контактировать с вождями революции Черновым, Лениным, Калининим, Молотовым. В конце концов в ряде своих исследований он предложил Русской революции так называемую чайновскую крестьянско-кооперативную альтернативу развития советской экономики. Ее, и тому есть свидетельства, имел в виду Ленин при разработке и реализации новой экономической политики.

Оказавшись в революционной Одессе, Сетницкий участвовал в заседаниях ХЛАМа — объединения художников, литераторов, артистов, среди которых были Э. Багрицкий, В. Катаев, И. Ильф, Ю. Олеша, Г. Шенгели. Там же он познакомился и подружился на всю жизнь с религиозным философом и поэтом А. Горским, через которого стал верным и замечательным последователем «Философии общего дела» космиста Николая Федорова.

В результате Сетницкий принялся за разработку специального социально-экономического сочинения «Эксплуатация или регуляция», в котором предпринималась попытка создания своеобразной политической экономии русского космизма. Работавший над этим, возможно, главным трудом своей жизни урывками, озабоченный зарабатыванием хлеба насущного, а также участием в иных важных интеллектуальных проектах, Сетницкий по мотивам своего задуманного научного труда опубликовал с 1926 по 1933 год три объемных статьи (Сетницкий, 1926).

Другая фундаментальная, уже социально-философская и религиозная работа Сетницкого «О конечном идеале» вышла в свет в 1932 году (Сетницкий, 1932). Она чрезвычайно важна для понимания не только жизненного кредо автора, но и фактически для прояснения теоретико-методологических оснований его подхода к постижению и преобразованию окружающей действительности.

Дискуссия о возможных идеалах развития общества была чрезвычайно актуальной в первой трети XX века в российской и европейской культуре. В первой, полемической части своей книги Сетницкий сосредоточился на критике двух, безусловно, ярких сочинений либерала П. Н. Новгородцева и национал-большевика Н. В. Устрялова. Оба автора разных мировоззрений, одинаково скептически относились к идее обоснования и реализации некоего конечного, самого совершенного, прогрессивного идеала развития общества, подвергая впечатляющей критике соответствующие концепции конечных идеалов коммунистов, анархистов, а также теологов. Оба отмечали роковое искажение всякого идеала в попытках реального его воплощения в жизнь. Оба полагали, что будущее в значительной степени неопределенно, трагично, непредсказуемо, поэтому проблематично навязывать ему некий самый конечный и совершенный образ, стремиться во что бы то ни стало воплотить его в жизнь из-за непременных роковых просчетов, провалов, несовершенств очередного конечного идеала. Или как писал сам Устрялов в своей критике теорий оптимистического прогресса, ссылаясь на Новгородцева: «В русской социально-философской литературе

последних десятилетий немало писалось об “утопиях земного рая”. Наибольшей прославленностью отмечено соответствующее исследование П. И. Новгородцева “Об общественном идеале”. Критический вывод автора достаточно известен: “надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем, достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории”. Прогресс бесконечен, и никогда человечество не повторит знаменитое фаустовское восклицание: “остановись, мгновенье, ты прекрасно!”» (Устрялов, 1931: 14).

Именно с подобного рода утверждениями Сетницкий и был категорически не согласен. В своем исследовании «О конечном идеале» он разработал специальную концепцию дробных идеалов — несовершенных и частных, в которых, как правило, не ставится вопрос о финале человеческой истории. Как писал Сетницкий: «Кроме того, все дробные идеалы за исключением религиозных отводят от себя самую постановку вопроса о конце, скрывая свое отношение к основному вопросу о жизни и смерти. Можно утверждать, что все вообще дробные идеалы молчаливо признают смерть как последний конец...» (Сетницкий, 2010: 134).

В этом отношении, по мнению Сетницкого, Новгородцев и Устрялов высказывали свой скепсис прежде всего по поводу дробных идеалов. Но такого рода идеалы подвергал критике и сам Сетницкий. Что касается конечного и действительно совершенного идеала, то, утверждал Сетницкий, его обоснование и пути к его осуществлению были представлены именно в учении общего дела Николая Федорова, через объединение усилий всего человечества в преодолении смерти и воскрешении всех умерших поколений.

А как дела с идеалами обстояли у экономиста Чаянова? Специальных работ о прогрессе он не писал, но создал одно небольшое литературное произведение — утопию, где в художественно-ироничной форме попробовал высказать свое видение проблем прогресса и идеалов. Его утопия начинается с размышлений главного героя — коммуниста, руководителя одного из подразделений Мирсовнархоза, руководящего аппарата победившей мировой революции, — как раз об идеалах и утопиях. Этот персонаж честно признается самому себе, что после победы мировой революции не настало рая на Земле (приходится даже ему на черном рынке добывать масло и кофе), но, кажется, история кончилась и ее новых возмущений не будет: «Новое восстание. Где же оно? И во имя каких идеалов? — думалось ему. — Увы, либеральная доктрина всегда была слаба тем, что она не могла создать идеологии и не имела утопий”.

Он улыбнулся с сожалением. О вы... Новгородцевы... какую же утопию вы начертаете на ваших знаменах?! Что, кроме мракобесия капиталистической реакции, имеете вы в замену социалистического строя?! Я согласен, мы живем далеко не в социалистическом раю, но что вы дадите взамен его?» (Кремнев [Чаянов], 1981: 21).

А далее герой все же попадает в новую утопию — чаяновскую крестьянско-кооперативную — очень привлекательную своим материальным, но главное, рафинированно культурным изобилием, впрочем, также не совсем совершенную, тем более вокруг нее на Земле существуют другие утопические страны.

Говоря языком Сетницкого, в своем произведении Чаянов лишь создал композицию новых drobных утопических идеалов. И это, пожалуй, действительно так. В чаяновской утопии говорится о том, что прогресс человеческой этики если и совершается, то очень медленно — со скоростью геологических процессов. В чаяновской утопии с почтением и заботой упоминаются пантеоны, кладбища, но смерть в этой утопии не побеждена, федоровский вопрос о ее преодолении никак не ставится. Дух этой утопии скорее соответствует устряловскому утверждению: «В этой жизни — сплошные гнезда антиномий, клубки тупиков, конфликты ценностей. Прозрачен и чист логический облик идеала, как формального принципа, — тернист реальный жизненный путь. И при этом, в каком-то смысле, тернистость реального жизненного пути — совершеннее и выше логической непогрешимости идеала (как идеала)» (Устрялов, 1931: 18).

Но в чем, пожалуй, идеалы Сетницкого и Чаянова совпадали, так это в утверждении, что господствовавший уже в их время капиталистический экономический порядок является отнюдь не идеалом. По их мнению, капитализм должен и может быть преодолен. Оба автора сформулировали свое видение капитализма как экономической системы, оба разрабатывали концепции иных, некапиталистических систем существования человечества.

Капитализм, эксплуатация и проектирование некапиталистических систем

Капитализм, как правило, ассоциируется с понятием эксплуатации. Критики капитализма настаивают на особо изощренном системно-всеохватывающем характере эксплуатации при капитализме. Сторонники капитализма если и признают сам факт капиталистической эксплуатации, то, как правило, непременно возражают, что бывают ведь эксплуатации и похуже капиталистической — при рабовладении, феодализме, а также при тоталитарном коммунистическом строе. В сравнении с перечисленными вариантами некапиталистических эксплуатаций, с такой прокапиталистической точки зрения, в некоторых случаях капиталистическая может оказаться почти что благом.

Николай Сетницкий прояснению всех этих вопросов посвятил две свои работы «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова» (1926) и «Эксплоатация» (1928).

Первая являет собой ясное и аккуратное обозрение федоровских сочинений, в которых рассматривается проблематика капитализма.

Здесь Сетницкий с федоровской точки зрения доказывает, что, по своей сути, господствующее в современном мире третье сословие — буржуазия в создаваемых ею все более привлекательных и роскошных витринах потребления разнообразных выставок, ассамблей и т. д. стимулирует человечество к бесконечному удовлетворению желаний наслаждения, из которых самым глубинным (здесь, возможно, точки зрения Федорова и Фрейда совпадают) является страсть полового удовлетворения. Это бесконечное педалирование стремления ко все увеличивающимся потребительским наслаждениям достигается ценой хищнического разграбления мира и общества на путях конкурентной розни, «войны всех против всех». При этом роскошно-привлекательные витрины буржуазного образа жизни воздвигнуты на бедных и уродливо-грязных основаниях жизни фабрично-заводской, где четвертое сословие — пролетариат после тягот своих трудовых дней также стремится оттянуться в наслаждении по выходным — в сексе для бедных и небогатых — среди кабаков и публичных домов.

Но эксплуатация городской фабричной жизни покоится на еще более глубоко и фундаментальном основании — эксплуатации городом села — эксплуатации пятого сословия, крестьянства. С федоровской точки зрения, город по отношению к селу ведет себя как хищник по отношению к травоядному, именно в сельско-городском неравенстве гнездятся корни самой глубинно бессовестной всемирной эксплуатации.

В этой картине мира, впрочем, имеется еще особое, промежуточное — ученое сословие университетов и академий. В основном оно, исходя из своих корпоративных интересов, во-первых, поддерживает статус разделения этого мира на людей ученых и неученых, а во-вторых, стремится добывать как в естественных, так и в гуманитарных науках знания в поддержку дальнейшего господства буржуазии, находясь фактически у нее на службе и содержании.

Из подобного рода картины следует такое федоровско-сетницкое заключение: «Построенное по образцу организма, капиталистическое общество хищнически-паразитарное по своей природе, замкнуто в круге безысходных противоречий, угрожающих ему извне и изнутри. Гнет и рознь, характерные черты его, с течением времени не только не смягчаются, но принимают все новые и новые формы. Конечное завершительное устремление этого строя есть смерть, и сам он представляется самому себе на своей социальной вершине и в качестве осуществляемого идеала: брачным торжеством и пиршеством, праздником непрерывным и вечным, постоянной ярмаркой и развлечением, но в то же время извне все это является пиром смерти, непрекращаемой борьбой и схваткой противоборствующих, неразумно-влекущихся к столкновению слепых стихий, укорененных в среде самого человечества» (Сетницкий, 1926: 14).

Далее Сетницкий утверждает, что такой строй погибнет от своей неуклонной хищнической эксплуатации природы, а также беспрестанного внесения борьбы и разлада в человечество. Впрочем, капитализм даже может погибнуть, потому «...что, будучи паразитарно-хищническим по своей природе, он должен будет отступить перед строем принципиально хищническим» (Там же).

Это загадочно-пророческое утверждение Сетницкий более основательно прояснит уже в другой своей работе «Эксплуатация». Понятию «эксплуатация» Сетницкий придает принципиально фундаментальное значение, утверждая, что именно она является настоящей основой жизни хозяйствующего человечества в его отношениях с природой вообще и с собственной человеческой природой в особенности.

При этом в человеческой истории Сетницкий специально различает периоды докапиталистической и капиталистической эксплуатации. И до капитализма человек, оставаясь хищником, жил, паразитируя на дарах природы, но делал он это «с оглядкой», с ощущением своих кровнородственных уз с природой, опасаясь при этом, что «природа-мать» может покарать его за неразумное, излишне жадное потребление ее так называемых даров. Вот почему во всех традиционных обществах бытовала идеология уважительно-просительного отношения к «землекормилице». Все традиционные хозяйственные системы в той или иной степени существовали в паразитарно-хищническом симбиозе с природой, при этом стараясь соблюдать, не нарушать определенный баланс получения «даров» природы от такого симбиоза, опасаясь, что в случае излишней человеческой жадности эти «дары» оскудеют и положат предел относительно устойчивому существованию локальных традиционных сообществ.

Поэтому экономика докапиталистических обществ, по Сетницкому, существовала в условиях еще своеобразной кровнородственной примитивной, наивной эксплуатации, а вот основа современной экономики есть принципиальная эксплуатация без сантиментов.

Ибо человек новой капиталистической эпохи, утверждает Сетницкий, коренным образом переменяет свое отношение к природе. Он активно и безжалостно отнимает у природы все ему необходимое. Природа ему уже не мать. В результате современный человек в своем отношении к природе или ее боится и ненавидит, или вообще относится к ней безразлично. Теперь нормой поведения становятся неприкрытые насилие, захват и добыча. Человек все далее отделяется от природы в создаваемой искусственной среде за стенами городов с их машинно-автоматическим существованием. В итоге: «...не равенство, а борьба, не “дар”, а насилие и кражи. Таково отношение современного человечества ко всему, что и внутри его и что вне его» (Сетницкий, 2010: 537).

Сетницкий в «Эксплуатации» много размышляет над сутью человека как хищника не только по отношению к природе,

но и по отношению к себе подобным, к самому обществу. Он отмечает, почти в духе художественных миров Джека Лондона, что подобного рода хищничество формирует своеобразную общественную иерархию, в которой большие и малые «хищники» борются меж собой, а также за возможность эксплуатации относительно «травоядных» особей.

Так что же такое «эксплуатация» по Сетницкому? На страницах своего исследования он неоднократно и подробно характеризует эксплуатацию в следующих утверждениях: «Эксплуатацию мы будем иметь тогда, когда выделивший себя из природной среды человек индивидуально или коллективно противопоставляет себя ей и в то же время ставит себя к ней в такое отношение, при котором себя он расценивает как нечто возвышающееся над нею и в известном смысле самоцельное. Соответственное отношение его к среде построено на принципе субординации среды человеку во всех ее элементах...

Все, что не “я”, все это мне должно быть подвластно или может быть подчинено и покорено...

Все, что существует, есть предмет для такого воздействия человека: и природа, и люди как единицы, и само общество как целое, и даже сам человек как предмет собственной эксплуатации. Выражение: “эксплуатировать себя”, “свои способности” и т.п. — выражение нередкое для нашего времени» (Там же: 543).

Отметим, что это понятие «эксплуатации» как человеческого «выделения» себя от природы и людей отчасти схоже с понятием «отчуждения», также важнейшим основанием для марксистского понятия «эксплуатация».

В отношениях эксплуатации Сетницкий выделял и анализировал оттенки паразитизма и хищничества. Он определял паразитизм «...как пользование даровым, в противоположность трудовому как самостоятельному, действительному напряжению, преодолевающему и видоизменяющему соответственную среду» (Там же: 544). Особенность же хищничества заключается в его активности: «...хищник не ждет и получает, а идет и добывает» (Там же). Иными словами, хищничество есть специфическое поведение паразита, активно движущегося в поисках питания для своего существования.

Но что в таком случае представляют собой отношения не «эксплуатации», где пределы этой самой «эксплуатации»? Сетницкий следующим образом отвечает на эти вопросы:

«Условия сотрудинчества, кооперации, обменного симбиоза и взаимодействия создают условия не только “взятия”, но и “отдачи”, отсюда человек даже на природу перенес функцию отдачи, говоря о “дарах” матери-природы...

В понятии “отдачи” лежит предел эксплуатации. Вся система социально-хозяйственных отношений представляет не что иное, как совокупность разнообразных отношений по “получению” и “отдаче”. Отношения эксплуатации всегда разлагаются на какие-то “получения” и “отдачи”» (Сетницкий, 2010: 546).

Таким образом, «эксплуатация» есть процесс последовательного преобладания «получений» над «отдачами», лежащий в основе всех до сих пор существующих хозяйственных систем. Размышление над феноменом хозяйственных систем, опыты их некоторой классификации мы также обнаруживаем у Сетницкого, утверждающего, что мир этот лежит во зле паразитарно-хищнических эксплуатаций: «Всюду, где наблюдается попытка взять возможно больше и отдать возможно меньше, мы всегда приходим к паразитарно-хищническим отношениям в социальной среде. От чистого хищничества: грабеж, кража, мошенничество, захват тех или иных благ, вплоть до получения нетрудового дохода, до получения избыточной прибыли и прибавочной ценности, мы можем протянуть непрерывный ряд хищнически-паразитарных отношений в современном обществе» (Там же).

Классификация Сетницким хозяйственных систем изначально основывается на различении так называемых «наивных» и «принципиальных» систем эксплуатации.

К наивным, то есть докапиталистическим, Сетницкий относит системы: «...патриархально-земледельческого строя, скотоводческие и охотничьи организации хозяйства, близкие к формам так называемого первобытного коммунизма. К этим же группам должны быть отнесены феодально-земледельческий и цехово-ремесленный типы и другие промежуточные формы хозяйства» (Там же: 549).

Принципиальными системами эксплуатации, по Сетницкому, являются капиталистическая и еще только нарождающаяся в XX веке, некапиталистическая система так называемого социализма или коммунизма³. Примечательно, что в понятия «наивное» и «принципиальное» Сетницкий не только по Федорову, но даже, кажется, по Достоевскому привносит рационально-этическую оценку эксплуатации в духе раскольнического императива из «Преступления и наказания». Наивные хозяйственные системы в своем осознании эксплуатации числят себя «тварями дрожащими», обворовывающими мать-природу и одновременно старающимися оправдаться перед ней, как-то задобрить ее. Принципиальные хозяйственные капиталистическая и коммунистическая системы в своей эксплуатации утверждают, что «право имеют» природу грабить, губить и насиловать.

При этом Сетницкий особо подчеркивает, что: «...отчетливой и принципиальной разницы в вопросе об эксплуатации между обеими названными системами: капиталистической и коммунистической наметить нельзя. И та, и другая система в основе хозяйственной жизни одинаково видит необходимость удовлетворить потребности человека как такового, в его наличном и современном виде» (Сетницкий, 2010: 549).

3. Под социализмом или коммунизмом Сетницкий без каких-либо пояснений, по-видимому, прежде всего имеет в виду господствующую систему хозяйства советской России.

И все же между этими двумя системами имеются нюансы эксплуатации не столько природы, сколько человека и человеческого общества. По мнению Сетницкого, при капитализме в принципе допускается полная и безоговорочная эксплуатация человека человеком, а при коммунизме для такой эксплуатации полагаются ограничения: эксплуатация человека человеком декларируется недопустимой, запрещаются персонально-эксплуататорские отношения. Поэтому, по Сетницкому, система капитализма — это система принципиальной неограниченной, свободной эксплуатации, а коммунистическая система, являясь также принципиальной системой эксплуатации, все же создает ряд ограничений и норм в отношениях эксплуатации человека человеком.

Иными словами, при капитализме получателем и распорядителем благ может быть каждый эксплуатирующий кого-либо или что-либо. При коммунизме-социализме таким благополучателем является, как правило, коллектив, а распорядителями блага являются представители данного коллектива.

Чрезвычайно интересны дальнейшие размышления Сетницкого об отличиях организации эксплуатации при коммунизме сравнительно с капитализмом.

В коммунизме паразитизм и хищничество отрицаются не только в отдельных частях, но и во всей социальной организации, поэтому откровенно хищнические и паразитические элементы подвергаются особому преследованию. Отрицается само право на их существование. Они старательно загоняются в подполье общественной жизни. В этих условиях характерным для коммунистических систем будет формирование особой организации для борьбы с так называемыми остаточными паразитарно-хищническими явлениями. Но! Энергия этой организации сама по себе не имеет характера продуктивной производственной деятельности. Борясь с паразитарно-хищническими свойствами общественной жизни, такая организация сама превращается в паразитарное образование на теле общества. Ничего не производя, не преобразуя, она для поддержания своей деятельности «...питается и живет от той части, в которой и во имя которой она действует» (Сетницкий, 2010: 554).

А в целом, по Сетницкому, в обеих хозяйственных системах как капитализма, так и коммунизма выделяются и концентрируются паразитические-хищнические группы, при капитализме явные, а при коммунизме замаскированные.

Обращаясь далее к сравнению экономической эффективности двух систем, Сетницкий отмечает, что при коммунизме, как ограниченной системе эксплуатации, затрачивается больше непроизводительной деятельности, направленной на искоренение так называемого внутреннего хищничества.

В дальнейших размышлениях Сетницкого о коммунизме как системе ограниченной эксплуатации можно обнаружить провидческие предсказания ее стагнации и термидорианского

переворота, инициированного паразитарной верхушкой общества ради неограниченной системы эксплуатации.

Более того, Сетницкий предсказывает перманентную, циркулярную борьбу между хозяйственными системами принципиальной ограниченной и неограниченной эксплуатации, когда от их имени приходящие к власти правящие элиты, придерживающиеся противоположных капиталистических или коммунистических взглядов, будут, сменяя друг друга, расширять эксплуатацию человека и природы.

Финальные выводы очерка Сетницкого носят вполне апокалиптический характер: «Таким образом, циркулярно связанные системы принципиальной эксплуатации с неизбежностью создают условия самопоглощения и самоуничтожения. Конечная гибель хищничающих и паразитических организаций есть тот исход, к которому они с неизбежностью стремятся и который с необходимостью наступит в силу самого начала, заложенного в основе самого процесса эксплуатации... Это отношение, санкционирующее вытеснение и уничтожение поколений, и процесс, подготавливающий окончательное падение и истощение окружающей человека среды, и деятельность, обеспечивающая окончательную гибель человечества» (Там же: 574).

По всем этим вопросам — о капитализме, эксплуатации, некапиталистических хозяйственных систем, Чаянов в те же 1920-е годы, но все же несколько ранее Сетницкого, в двух своих сочинениях «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) и «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1924) сформулировал собственные суждения в более альтернативно-ироничной и менее фаталистически-серьезной манере, чем Сетницкий.

Что касается капитализма, то Чаянов, конечно, соглашаясь с его громадным значением в преобразовании социально-экономической деятельности современного человечества, тем не менее никогда не признавал за ним никакого окончательного всечеловеческого господства. Один из героев чаяновской утопии, возможно, слишком легкомысленно отзывался о капитализме, как всего лишь о сильном припадке, поразившем в основном городскую обрабатывающую промышленность, но малоспособным оказать воздействие на сельское хозяйство и подчинить его себе. А социализм, по мнению все того же утопического персонажа, «...был зачат как антитеза капитализма; рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией измученного подневольной работой городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его» (Кремнев [Чаянов], 1981: 54). Таким образом, Чаянов скептически относился к исключительному вниманию противопоставления друг другу экономических систем

А. М. Никулин
Николай Сетницкий и Александр Чаянов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы

капитализма и социализма, призывая увидеть в мире человеческой народно-хозяйственной деятельности реальное и потенциальное многообразие.

В чаяновской утопии предсказывается драматическая борьба именно таких разнообразных народно-хозяйственных систем, в которых так же происходит смена либеральных, консервативных, социалистических, народнических элит.

Чаяновский политэкономический трактат «К вопросу теории некапиталистических систем» в более строгой научной форме содержит в себе рассмотрение этой проблематики разнообразия форм хозяйственной деятельности. И на его первых страницах мы обнаруживаем сентенцию, которую можно истолковать как определенный упрек политэкономической теории Сетницкого, в которой основополагающее значение отдается категории «эксплуатация», лежащей якобы в основании любой хозяйственной системы.

Ибо по Чаянову: «...каждая из этих систем по своей природе глубоко индивидуальна, и попытка обобщить все системы в рамках какой-либо одной общеупотребительной теории может породить лишь общие, лишенные смысла фразы вроде известных и идеально типичных “преувеличивающих” констатации фактов, что, мол, во всех системах предприятие стремится добиться максимального эффекта при минимальных затратах, и тому подобные сентенции. Поэтому в теоретической экономике представляется более рациональным для каждого народно-хозяйственного режима разрабатывать частную политическую экономию» (Чаянов, 1989: 115).

Между прочим, в этом своем политэкономическом сочинении Чаянов вообще ни разу не употребил основополагающий термин Сетницкого «эксплуатация». Впрочем, у Чаянова при характеристике крестьянского хозяйства все же встречается термин «самоэксплуатация». Этот термин упоминал и Сетницкий, но опять же в более абстрактно расширительном контексте.

Итак, в отличие от Сетницкого, Чаянов пошел по пути обоснования различных ключевых, системообразующих категорий экономической деятельности, в определенной уникальной комбинации присущих той или иной народнохозяйственной системе. У капитализма как системы, по Чаянову, имеется своя комбинация ключевых экономических категорий, а у других систем — другая комбинация. Иногда одни и те же экономические категории встречаются в различных системах и тогда эти категории могут приобретать иные смыслы. Чтобы почувствовать разницу в политэкономических подходах Сетницкого и Чаянова в понимании и реконструировании хозяйственных систем, отобразим концепцию Сетницкого в форме соответствующей таблицы, а вслед за ней воспроизведем знаменитую сводную таблицу народнохозяйственных систем Чаянова.

Наивные (докапиталистические) системы эксплуатации	Принципиальные (современные) системы эксплуатации
патриархально-земледельческий строй скотоводческие и охотничьи хозяйства формы первобытного коммунизма феодально-земледельческие хозяйства цехово-ремесленные хозяйства другие промежуточные формы хозяйства	капиталистическая система хозяйства коммунистическая система хозяйства

А. М. Никулин
Николай Сетницкий и Александр Чайнов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы

Источник: реконструкция автора статьи.

Сводная таблица народнохозяйственных систем Чайнова

Народно-хозяйственные категории	Народно-хозяйственные системы							
	Капитализм	Семейные формы		Рабовладельческое хозяйство	Оброчное крепостное хозяйство	Феодальные * системы		Коммунизм
		Товарного	Натурального			Помещичье хозяйство	Крестьянское хозяйство	
хозяйства	+	+	—	+	+	+	—	—
Цена товара	+	+	—	+	+	+	—	—
Единый недельный трудовой доход семьи	—	+	+	—	+	—	+	—
Технический процесс производства и восстановления средств производства	+	+	+	+	+	—	+	+

Необходимые для поддержания рожима внеэкономические меры принуждения	Государственный производственный план	Цена на землю	Дифференциальная рента	Цена на раба и соотв. на крепостного	Рабовладельческая и соотв. крепостная рента	Заработная плата	Процент на капитал в форме дохода рантье	Авансируемый предпринимателем капитал, циркулирующий по формуле Д-Т-д+п
—	—	+	+	—	—	+	+	+
—	—	+	+	—	—	—	+	—
+	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	+	+	+	+	—	+	—
+	—	+	2*	+	+	—	+	+
+	—	+	3*	+	+	—	—	—
+	—	—	—	+	+	—	—	—
+	+	—	—	—	—	—	—	—

Источник: Чаянов А. В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. С. 140.

Мы видим, что хозяйственные системы, по Сетницкому, словно нанизаны на осевое историческое время эксплуатации природы и человека, стремящееся, если не дать делу правильный федоровский ход, к своему апокалиптическому концу. Хозяйственные системы в чаяновской таблице равноположены и равноправны во времени и пространстве, смысл и эволюция их существования не предопределены никаким, в том числе апокалиптическим исходом.

В пояснении к этой таблице Чаянов уделяет и определенное внимание возможностям симбиотических комбинаций различных систем меж собой, а также и вероятностям внутренней трансформации отдельных систем, требующих новых политэкономических объяснений. Например, о перспективах развития различных форм капитализма Чаянов пронизательно отзывался следующим образом: «По всей вероятности, формы непрерывно развивающейся системы трестирования капиталистической промышленности и коммунального капитализма, заявившие о себе в начале XX века, также не улягутся в готовые схемы классической политической экономии и потребуют пересмотра ее положений» (Чаянов, 1989: 142). Действительно монополистический капитализм и капиталистическое государство типа велфер-стейт стали новыми стратегически важными направлениями развития капитализма в XX веке.

Что касается чаяновской характеристики так называемого антипода капитализма — коммунизма, то Чаянов вполне резонно сетовал, что ни Маркс, ни его последователи не создали какой-либо подробной политэкономии коммунизма. Тем не менее, ссылаясь на некоторые замечания Маркса, работы Бухарина и Варги, а главное — революционные опыты коммунистического строительства России и нескольких европейских стран в 1918–1920 годах, Чаянов, прежде всего, подчеркивал, что в коммунистической системе предпринимаются радикальные попытки уничтожить все экономические категории капитализма — капитал, процент на капитал, заработную плату, ренту, но с сохранением и даже усовершенствованием всего технического аппарата современной экономики.

Вся специфическая экономика коммунистического режима заключается в разработке сбалансированного государственного плана потребления и производства общества, существующего как единое государственное домашнее хозяйство.

Исключительно государство определяет уровень благосостояния каждого отдельного работника. Здесь стимулом работника к труду является общественное сознание плюс государственные меры принуждения, иногда определенная премиальная система.

Чаянов завершает свой анализ следующим выводом: «В отличие от всех изученных до сих пор народнохозяйственных систем, которые могут существовать чисто автоматически, элементарно, для поддержания и развития коммунистического экономического

строю согласно государственному плану необходимы непрерывные общественные усилия, а для пресечения возникновения не предусмотренной государственным планом хозяйственной деятельности — целый ряд мер экономического и внеэкономического принуждения» (Там же: 138).

В заключение своего исследования Чайанов приходил к выводу, что, как изучая экономические системы прошлого, настоящего, так и прогнозируя экономические системы будущего, не имеет смысла создавать одну-единственную универсальную теорию народнохозяйственной жизни. Предстоит еще разработка ряда теоретических систем разнообразных социально-экономических укладов, а также их взаимодействия между собой.

Этот политэкономический взгляд он сполна воплотил в своей утопии, где в увлекательной форме изобразил в воображаемом будущем эволюцию сосуществования различных укладов. В его многоукладной стране кооперативно-крестьянской утопии находится локальная ниша и для капиталистического уклада. Капитализм в этой утопии контролируют, но не искореняют, полагая, что капиталистический предпринимательский гений с его хищническим азартом будет с пользой будоражить другие уклады по пословице «На то и щука в воде, чтобы карась не дремал». Таким образом, Чайанов признавал в обозримом будущем XX века некоторые элементы хищничества, которые так критиковал Сетницкий. Утопическая героиня кооперативной Москвы конца XX века влюбилась в прибывшего революционера из капиталистическо-коммунистической Москвы начала XX века именно за то, что он, по ее словам, «...человек необыкновенный, хищный и прекрасный как волк» (Кремнев [Чаянов], 1981: 82). Впрочем, это не удивительно. В чайановской московской утопии 1984 года со всеми другими странами и народами, с точки зрения Сетницкого, должно быть, продолжается «...хищническая, паразитическая *эксплуатация* жизненных ресурсов земли, ничтожных отбросов солнечных энергий...» (Сетницкий, 1933: 188).

Но был в этой утопии упомянут один технократический элемент, который не мог не вызвать искреннего сочувствия и воодушевления Сетницкого. Ведь Чайанов описывал работу в небе России системы аппаратов управления климатом: ветра и дождя. А с точки зрения русского космизма Федорова и его последователей именно планетарная регуляция климата должна стать в будущей эволюции человечества ключевой на пути взаимного антиэксплуататорского, антихищнического, посткапиталистического преобразования природы и общества.

Проектируя направления регуляции

Нам до сих пор неизвестно, знакомы ли были лично Чайанов и Сетницкий, знал ли Чайанов о работах Сетницкого?

Но свидетельством тому, что Сетницкий имел некоторое представление о профессоре Чайнове и его исследованиях, является зачин заключительного раздела IV обширной статьи Сетницкого «СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции»⁴. Этот свой раздел Сетницкий начинает упоминанием и комментарием ключевых идей чайновского сочинения «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Он полагает, что чайновская работа интересна именно с точки зрения продолжения федоровских идей регуляции климата, утверждая, что, возможно, и Ленин обратил внимание на чайновскую утопию, проектируя переход к новой экономической политике⁵.

В целом эта статья Сетницкого представляет собой попытку наметить некоторые положительные пути развития человечества на путях регуляции новых взаимоотношений природы и общества. Если в рассмотренных нами двух предыдущих статьях Сетницкий концентрировался прежде всего на критике господствующей в мире капиталистической эксплуатации в развитии идей Федорова, то в этой он пытался наметить, говоря его же собственным языком, пути возникновения и развития нового целостного общественного идеала. В отличие от первых двух работ Сетницкого, носивших преимущественно абстрактный политэкономический характер, междисциплинарная работа содержит в себе также разнообразные оригинальные идеи в области российской международной экономической и политической географии, геополитики как экполитики и сопровождается рядом авторских футурологических прогнозов и выводов.

Сетницкий уделяет особое внимание и перечню технологических и технократических проектов в СССР и за рубежом, связанных с проектами регулирования природопользования. Ведь именно на этих путях, полагал Сетницкий, надо искать исхода из эры воинственной эксплуатации природы и человека в эру их мирной регуляции.

Кратко характеризуя эту экологическо-технократическую часть работы, надо отметить ценный обзор Сетницкого истории проектов ирригации и попыток искусственного вызывания дождя в СССР 1920–1930-х годов. В этой же связи он обращался к анализу «Плана капитальных работ СССР» (Сетницкий, 1933: 200), в котором четко ставилась задача борьбы с экспансией

4. Статья эта, написанная в 1933 году, являет собой последний опубликованный обширный фрагмент незавершенной книги Сетницкого «Эксплуатация или регуляция».
5. Сетницкий и ранее, еще в начале 1920-х годов упоминал утопию Чайнова, например, в своей лекции о Чайнове и Уэллсе. См.: Сетницкий Н. А. [Конспект лекции]. Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого. Папка 22.

«языка пустыни», «вылизывавшего» влагу земель Юга России, приводя к иссушению и обезлесиванию ее плодородных почв «от Волги до Днестра и от Урала до Полесья» (Там же). Ссылаясь еще на дореволюционные почвоведческие исследования В. В. Докучаева, А. С. Ермолова и ряда других ученых, Сетницкий связывал большие надежды с советскими программами пятилеток по восстановлению и развитию ирригационных систем Средней Азии, Юга Поволжья и Украины, бережно перечислял публикации по искусственному дождеванию, с энтузиазмом упоминал создание в 1932 году Института искусственного дождя, призванного осуществить «вызывание дождя в засушливых районах», «искусственное прекращение затяжных дождей в районах с избыточной влажностью», «стабилизацию облаков», «борьбу с туманами — на аэродромах, в гаванях и городах», «искусственное образование туманов для борьбы с заморозками», «борьбу с градобитием» и так далее. Особо здесь надо отметить по-федоровски бережное отношение Сетницкого к учету предшествующего, порой древнего удачного и неудачного опыта человечества в его ирригационных проектах борьбы со смертельным зноем пустыни. В этой связи Сетницкий упоминал об исчезнувшем поясе средневековых оазисов, тянувшемся в свое время от Афганистана до Каспийского моря, когда, по словам цитируемого Сетницким арабского автора, «кошка от Калькутты до Каспия могла пройти, не замавав лапок» (Сетницкий, 1933: 200): прогуливаясь по крышам домов густонаселенных оазисов Центральной Азии. И теперь Сетницкий всячески поддерживал идею создания даже трех подобных обширных поясов оазисов СССР: на Юге Украины, в Центральном и Южном Поволжье и особенно в Средней Азии. Он предлагал поддержать проектирование и сооружение обширных ирригационных систем, направляющих течение вод Амударьи не только в Арал, но и в Каспийское море, утверждая, что в древние оазисные времена не только Волга, но и Амударья впадала в Каспий (Там же: 204).

И здесь от экономической географии Сетницкий обращался уже к географии политической. Он отмечал, во-первых, что проектирование и реализация подобного рода амбициозных ирригационно-дождевальных проектов, безусловно, потребует тесного международного, межгосударственного сотрудничества. Например, «язык пустыни», с которым были призваны бороться три советских пояса оазисов (украинский, поволжский и туркестанский), находился даже не в пустынях советской, а в китайской Азии. Значит, для действительно эффективной борьбы с этим «языком» предстояло объединить государственные усилия экологического ирригационного сотрудничества СССР и Китая. В свою очередь, дождевые осадки над Азией, по мнению Сетницкого, в значительной степени зависели

от непредсказуемого поведения могучего тихоокеанского муссона. И тогда уже в проектах, опытах регулирования климата гигантских дождевых тихоокеанских масс должна была бы к континентальным СССР и Китаю подключиться островная Япония.

Мы, конечно, помним, что именно в это время между этими тремя странами существовали чрезвычайно напряженные политические отношения, в ближайшее десятилетие обернувшиеся для них чередой как локальных военных конфликтов, так и полномасштабных войн. Сетницкий же как раз и подчеркивал, что нужно помнить об экологической уязвимости обширных ирригационных систем ввиду разрушительных военных действий (Сетницкий, 1933: 208). И именно в этой связи он в определенной степени надеялся, что разработка подобного рода экологических проектов будет способствовать перековке мечей милитаризации на орала регуляции.

По-видимому, и к сожалению, Сетницкий не был знаком с двумя другими более поздними работами Чаянова «Проблема урожая» (1926) и «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), которые имели непосредственное отношение к проблематике регуляции природы и общественной жизни (Проблемы урожая, 1926; Чаянов, 1928: 260–285). Мы не будем подробно анализировать эти чаяновские тексты, так как в значительной степени такая работа уже проделана нами (Никулин, 2020).

Отметим лишь, что в своих метеорологических и футурологических прогнозах Чаянов был более строго академичен и систематичен. Его тексты содержат в десятки раз больше, чем статья Сетницкого, библиографических ссылок на специализированные труды российских и зарубежных ученых в области отраслевых сельскохозяйственных наук и метеорологии. В чаяновских работах отсутствует геополитика, но в значительной степени проработана возможная футуристическая экономическая география сельской России, а также возможные технологические этапы будущего прогресса в производстве продовольствия всего мира. Так, например, предсказываются не только направления прогнозирования погоды и управления ею в будущем, но эволюция взаимоотношений города и деревни, связанных с перспективами производства искусственного продовольствия и развития возобновляемой солнечной и ветровой энергетики.

Снова обращаясь к геополитическим аспектам статьи Сетницкого, отметим его пронизательный анализ роли СССР среди экономик стран мира и следующие из этого анализа выводы. Сетницкий на основе сравнения межстрановых ключевых экономических показателей считал, что Советская Россия находится по уровню экономического развития где-то в середине, сохраняя в своей народнохозяйственной системе

многие черты, сходные не столько со странами Запада, сколько со странами Азии. Он полагал, что следующей стратегической целью Советского Союза после осуществления индустриализации и обретения на основе этого политической и экономической самостоятельности, должны стать именно комплексные проекты преобразования природы нашей планеты в союзе с упомянутыми Китаем, Японией и, возможно, другими странами Азии, прежде всего для решения вопросов всемирной продовольственной безопасности. Определенным образом такое видение ситуации близко к тезисам аналитической записки А. В. Чаянова В. М. Молотову (1927) (Чаянов, 1989: 210–219).

В своем обращении к Молотову Чаянов также отмечал, что и по уровню развития и институциональной организации сельского хозяйства СССР находится где-то посередине между Востоком и Западом, США и Китаем. Чаянов предлагал также учитывать это непростое, но уникальное положение советской сельской России, если страна будет двигаться по крестьянско-кооперативному пути развития, являющемуся чрезвычайно актуальным для большинства сельских регионов мира.

Заключение

В своих политэкономических работах и футурологических проектах Сетницкий и Чаянов поставили ряд вопросов в области экономики, политики, экологии, остающихся актуальными и для нашего времени. Целый ряд направлений так называемого «великого сталинского плана преобразования природы» 1940–1950-х годов, а также политики сотрудничества СССР с развивающимися странами в XX веке, или сотрудничества со странами БРИКС, Глобального Юга в XXI веке были в определенной степени предсказаны Сетницким и Чаяновым.

Предложения Сетницкого и Чаянова по регулированию природы с высоты нашего времени могут показаться слишком оптимистическими, наивными и неосторожными. Например, несмотря на безусловные успехи в прогнозировании погоды, человечеству до сих пор не удается в каких-либо широких масштабах устойчиво контролировать климат и управлять им. А некоторые реализованные амбициозные проекты преобразования природы в СССР и за рубежом часто оборачивались непредсказуемо негативными экологическими последствиями. Так, развитие ирригации вокруг Амударьи привело к почти полному исчезновению Аральского моря. Кстати, Чаянов даже предсказывал подобное исчезновение Арала со всем его рыболовством, но вряд ли он предполагал еще целую цепь негативных экологических последствий от такого исчезновения.

Что ж, в таком случае нам стоит вспомнить подзаголовок последней статьи Сетницкого: «Начальные пути регуляции». Действительно в начале XX века антропогенное воздействие человека всерьез только начиналось. Хотя человечество уже всю амбициозно заявляло о себе в планетарных проектах радикального преобразования природы, но при этом фактически двигалось часто вслепую, методом проб и ошибок. Тем более что стремительно ускоряющееся антропогенное воздействие на регионы Земли до сих пор мало сопровождается так необходимой глубокой гуманистической перестройкой регуляции общественных институтов и человеческих душ.

В этой связи неоднозначно сложными остаются оценки Чайновым и Сетницким динамики развития капитализма и некапиталистических систем в различных симбиотически-конгломератных сочетаниях паразитизма, хищничества и эксплуатации, продолжающих свое существование и по сию пору. Капитализм, несмотря на все сотрясающие его кризисы, продемонстрировал изрядную способность к трансформации, он по-прежнему в основном господствует на планете и даже стремится быть во главе «зеленой повестки» борьбы с глобальным потеплением (Никулин, 2018: 555–566). Вместе с тем вокруг капитализма и даже внутри его также развиваются различные некапиталистические, неформальные, эксплоярные экономические системы (Неформальная экономика, 1999).

Сравнение социально-философских, политэкономических и экологических интуиций экономистов Чайнова и Сетницкого для нас важно еще и потому, что их мировоззрения покоились на различных экзистенциально-ценностных основаниях.

Применив известную метафору Исайи Берлина о разделении интеллектуалов по принципу «лисицы» и «ежа», где «лисица» оперирует огромным множеством разнообразных идей, комбинируя их меж собой, а «еж» тем временем думает себе одну великую думу, исходя из нее во всех случаях жизни, мы можем сказать, что Чайнов по характеру своей интеллектуальной деятельности был «лисом», а Сетницкий — «ежом» (Берлин, 2002: 513–595). Чайнов неутомимо исследовал и комбинировал в своем творчестве многоукладность социальной жизни, являясь преимущественно агностиком-релятивистом. Сетницкий во главу своих интеллектуальных занятий поставил принципы федоровского общего дела, будучи православным максималистом.

Сложение и сравнение этих в значительной степени полярных интеллектуально-нравственных подходов, возможно, послужит при поиске обоснования некоего срединного пути (так называемых теорий среднего уровня), ради моделирования новых идеалов взаимодействия человека, общества и природы. Или, как писал все тот же современник Чайнова и Сетницкого Устрялов, погибший, как и они, в 1937 году: «А если все же настаивать

на какой-то временной “точке”, в которой гнездится мнимый “идеал”, то где порука, что эта точка должна быть в конце, а не в середине? В конце имеет обыкновение располагаться не совершенство, а смерть. Расцвет, разгар, апогей — скорее всего подходит именно середине» (Устрялов, 1931: 21). Впрочем, тут Сетницкий мог бы возразить, что середина — это излюбленная мечта drobных идеалов, которые в конце полагают лишь смерть. Целостный идеал в финальном конце обязательно провидит начало вечной жизни.

Библиография

- Берлин И. (2002). Ёж и лисица (Об исторических взглядах Л. Н. Толстого) // Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+. С. 513-595.
- Кремнев (А. Чаянов) (1981). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Серебряный век. Нью-Йорк.
- Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. (1999). М.: Логос.
- Никулин А. М. (2020). Школа Чаянова: утопия и сельское развитие. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Никулин А. М. (2018). Через «озеленение» капитализма к спасению мира? // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 3. С. 555-566.
- Проблемы урожая (1926): Сборник статей / Под ред. А. В. Чаянова. М.: Экономическая жизнь.
- Сетницкий Н. А. (1926). Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова. Харбин.
- Сетницкий Н. А. (1928). Эксплоатация: Очерк // Известия юридического факультета. Т. 5. Харбин. С. 215–258.
- Сетницкий Н. А. (1930). Соевые бобы на мировом рынке. Эконом. Бюро Кит. Вост. жел. дор. Харбин.
- Сетницкий Н. А. (1932). О конечном идеале. Харбин.
- Сетницкий Н. А. (1933). СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции. Харбин. 1933 // Известия юридического факультета. Харбин. Т. 10. С. 187-247.
- Сетницкий Н. А. (2010). Избранные сочинения. [Сост., автор вступ. ст., коммент. А. Г. Гачева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Устрялов Н. В. (1931). Проблема прогресса. Харбин.
- Чаянов А. В. (1928). Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего. Социальные и научно-технические утопии. М.; Л.: Московский рабочий. С. 260-285.
- Чаянов А. В. (1989). Письмо В. М. Молотову; Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран [1927] // Известия ЦК КПСС. № 6. С. 210-219.
- Чаянов А. В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика».

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The author conducts a comparative biographical analysis to consider the social-philosophical and political-economic views and the interdisciplinary intellectual heritage of the remarkable Russian scientists N. A. Setnitsky and A. V. Chayanov on the ideals of social development, features of capitalist and non-capitalist economic systems, issues of regulating the relationship between man and nature in the 1920s–1930s. The article identifies the fundamental worldview ideas of the “agrarian-relativist” Chayanov and the “apocalyptic cosmist” Setnitsky, which determined their theoretical-methodological approaches to the cognition and transformation of reality, focusing on the comparative analytical assessment of their utopian and futurological forecasts and projects. The author concludes about the significance of the intellectual heritage of Setnitsky and Chayanov for the study of contemporary political, economic and environmental issues in Russia and the world.

Key words: N. A. Setnitsky, A. V. Chayanov, capitalism, non-capitalist systems, city, village, exploitation, nature, utopia, cosmism

References

- Berlin I. (2002) *Ezh i lisitsa (Ob istoricheskikh vzglyadah L. N. Tolstogo)* [The hedgehog and the fox: An essay on Tolstoy's view of history]. *Podlinnaya tsel poznaniya. Izbrannye esse*, Moscow: Kanon+, pp. 513–595.
- Kremnev (A. Chayanov) (1981) *Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krestyanskoj utopii. Serebryany vek* [The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia, Silver Age], New York.
- Neformalnaya ekonomika* (1999): *Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World] (Ed. by T. Shanin), Moscow: Logos.
- Nikulin A. M. (2020) *Shkola Chayanova: utopiya i selskoe razvitie* [Chayanov's School: Utopia and Rural Development.], Moscow: Izdatelsky dom “Delo” RANKhiGS.
- Nikulin A. M. (2018) Cherez “ozelenenie” kapitalizma k spaseniyu mira? [“Green” capitalism as a way to save the world?]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 3, pp. 555–566.
- Problemy urozhaya* (1926) [Harvest Issues] (Ed. by A. V. Chayanov), Moscow: Ekonomicheskaya zhizn.
- Setnitsky N. A. (1926) *Kapitalistichesky stroy v izobrazhenii N. F. Fedorova* [Capitalist System as Described by N. F. Fedorov], Harbin.
- Setnitsky N. A. (1928) *Ekspluatatsiya: Oчерk* [Exploitation: An essay]. *Izvestiya Yuridicheskogo Fakulteta*, vol. 5, pp. 215–258.
- Setnitsky N. A. (1930) *Soevye boby na mirovom rynke* [Soybeans on the World Market], Ekonomicheskoe Byuro Kitaisko-Vostochnoy zheleznoy dorog Harbin.
- Setnitsky N. A. (1932) *O konechnom ideale* [On the Final Ideal], Harbin.
- Setnitsky N. A. (1933) SSSR, Kitay i Yaponiya: Nachalnye puti regulyatsii [USSR, China and Japan: Initial regulation paths]. *Izvestiya Yuridicheskogo Fakulteta*, vol. 10, pp. 187–247.
- Setnitsky N. A. (2010) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. (Sost., avtor vstup. st., komment. A. G. Gacheva), Moscow: ROSSPEN.

6. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

- Ustryalov N. V. (1931) *Problema progressa* [The Question of Progress], Harbin.
- Chayanov A. V. (1928) *Vozmozhnoe budushchee selskogo khozyaystva* [Possible future of agriculture]. *Zhizn i tekhnika budushchego. Sotsialnye i nauchno-tekhnicheskie utopii*, Moscow–Leningrad: Moskovsky rabochy, pp. 260–285.
- Chayanov A. V. (1989) Pismo V. M. Molotovu: Zapiska o sovremennom sostoyanii selskogo khozyaystva SSSR po sravneniyu ego s dovoennym polozheniem i polozheniem selskogo khozyaystva kapitalisticheskikh stran [1927] [Letter from A. V. Chayanov to V. M. Molotov on the current state of agriculture in the USSR compared with its pre-war state and the situation in agriculture of capitalist countries]. *Izvestiya TsK KPSS*, no 6, pp. 210–219.
- Chayanov A. V. (1989) *Krestyanskoe khozyaystvo. Izbrannye trudy* [Peasant Economy. Selected Works], Moscow: “Ekonomika”.

Философия земли М.М. Пришвина в контексте экотеологии

Е. Ю. Кнорре (Константинова)

Елена Юрьевна Кнорре (Константинова), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а; доцент кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 127051, Москва, Лихов переулок, д. 6, стр. 1. E-mail: Lena12pk@yandex.ru

Аннотация. В статье реконструируется идея хозяйствования на земле в экофилософии Михаила Пришвина. Впервые проводятся параллели философии земли у Пришвина с трансцендентализмом Г. Торо, эколитурикой Т. Горичевой, эсхатологической проблематикой в экотеологии Дж. Хота. Мотив сокрытой по грехам от человека земли коррелирует у Пришвина с мифом о Невидимом граде Китеже, ушедшем под воду, источниками которого являются учение Аврелия Августина о Граде Божием и граде земном, платоновский миф о пещере, идея возвращения падшей Софии к миру в Боге (Благобытию) в философии В. Соловьева. Миф об утраченной райской земле прочитывается Пришвиным в контексте критики рационально-позитивистского мировоззрения механистической цивилизации, определяющей отношение к земле, природе в целом как неживому объекту, подчиненному воле человека. Человечеству, делящему землю на враждующие части во время войн и революций, перекраивающему пространство земли в проектах мелиорации 1920–1930-х годов, противопоставляется хозяйственное поведение Адама, русского Парсифаля, собирательного героя Пришвина, в свете «родственно-го внимания» «любви раз-личающей» выявляющего имени твари, «воскрешающего из числа» «Россию личную», землю, ушедшую под воду. Делается вывод о том, что идея хозяйственного поведения на земле как различающего внимания, отношения к земле как совокупности лиц, «сообществу творения», восстанавливающего утраченное целое разноликого космоса, Весьчеловека, предложена Пришвиным как альтернатива объектному мышлению, не различающему «лиц», воспринимающему землю утилитарно, как свое владение, что сближает христианский персонализм Пришвина с традицией духовного сопротивления обезличивающей цивилизации в русской и зарубежной экофилософии XIX–XX веков.

Ключевые слова: М. Пришвин, Г. Торо, Т. Горичева, Дж. Хот, романтизм, трансцендентализм, христианская экология, экотеология, эколитурика, Парсифаль, Весьчеловек, космическая евхаристия, христианский персонализм

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-73-91

<...> мы осели на земле и позабыли о небе.
Мы восприняли христианство
лишь как улучшенное землеустройство.
На этом свете мы выстроили
себе фамильный особняк,
а для того света — фамильный склеп.

Г. Торо

Живем не нынче только на этом клочке земли,
а жили и будем жить вечно там, во всем.

Л. Толстой

Теперь от «мира» осталось
«мы» маленькое,
обывательское,
община современная есть крестьянская,
а не христианская.

М. Пришвин

Тема восприятия человеком Земли как космического целого, «живого личного космоса», ставшая одним из источников современного экологического мышления, возникает в русской философии XX века как ответ позитивизму, «механизации мира»¹, объектному мышлению в культуре и науке, продолжая традицию критики утилитарного отношения к земле и природе в целом в светском богословии XIX века — Н. Федорова, Ф. Достоевского, В. Соловьева, а также критики утилитарной цивилизации в немецком и американском романтизме (Ф. Шеллинг, Новалис, Г. Торо и др.). Традиция духовного сопротивления обезличивающей цивилизации, когда «механический взгляд на мир», лишив вещи смысла, сделал всю вселенную бесстыдно-прозрачной» (Горичева, 2015: 285), продолжается в творчестве философов-китежан, христианских персоналистов — А. Мейера, М. Бахтина, А. Ухтомского, в трудах последователей Н. Федорова — космистов А. Горского, Н. Сетницкого, В. Муравьева, в панпсихизме Д. Андреева.

Поиск путей спасения в мире «обезлюдивших цифр» (Юнгер), в век «поставы» (Хайдеггер) — ключевая интуиция и лесной сотеариологии Михаила Пришвина (Кнорре, 2023). В его творчестве проявляется своеобразная философия «Китежа советского времени» (Кнорре, 2019, 2021), когда утопизму больших проектов, теоретическому мышлению, пропускающему личность, вычисляющему «Среднее Должное», противопоставляется опыт живой тропы, практика творческого поведения, своеобразный опыт освоения Земли и ее пространств, поиск иных форм хозяйствования на земле.

В исследовательской литературе экологические аспекты мышления Пришвина только обозначены и требуют дальнейшей разработки (Кнорре, 2023; Козырев, 2023). И хотя основные моменты космической философии Пришвина описаны в работах С. Г. Семеновой (Семенова, 2021), Э. Я. Холодовой (Холодова, 2000), Е. Ю. Кнор-

1. См. подробнее о возникновении понятия «механизация мира» (Вальтер Ратенау) в книге: (Михайловский, 2024: 12); а также манифест одного из представителей философии жизни — «Человек и Земля» члена мюнхенского кружка «космистов» Людвига Клагеса (1913) (Михайловский, 2024: 11, 106).

ре (Константиновой), выявлены пересечения с немецкой романтической традицией Новалиса, М. Хайдеггера, Э. Юнгера (Кнорре, 2019, 2023), на данный момент не обозначены ключевые сюжеты о земле, сближающие персонализм Пришвина с религиозно-экологическим разворотом мышления в творчестве Г. Торо, как одного из предтеч энвайронментализма и экологизма XX века, определяющие близость Пришвина современной экотеологии Т. Горичевой и Дж. Хота.

Какое понимание земли открывает нам опыт Пришвина?

Е. Ю. Кнорре
(Константинова)
Философия земли
М.М. Пришвина
в контексте
экотеологии

Земля — сокровенная кладовая: от трансцендентализма Торо к персонализму Пришвина.

Миф о земле как сокрытой «завесой бытия» полноте Божьего мира, града Невидимого, — ключевой мотив мифопоэтики Пришвина, источниками которого являются учение Аврелия Августина о граде земном и Граде Божием, платоновский миф о сокрытой стеной теней «истинной земле», соловьевский софийный миф о восхождении падшей Софии (творения) к Благобытию, миру в Боге (Кнорре, 2019: 24).

Философия всеединства, лежащая в основе представления о природе как сокрытой кладовой, отсылает к идее Ф. Шеллинга о сокрытой Душе мира, которую открывает странствующий герой Новалиса, Генрих фон Офтердинген, обретя способность вновь чувствовать живую связь с мирозданием — утраченную способность говорить на языке птиц и деревьев (Кнорре, 2019: 242-245).

Мотив земли как кладовой появляется и у американского философа-романтика Г. Торо (1817—1862), в творчестве которого своеобразно преломляется трансцендентализм Р. У. Эмерсона, где, как и у Пришвина, сочетается оптика натуралиста и философа-неоплатоника, восприятие земли как материи, противоположности духовному миру («вещество смерти и разложения») (Покровский, 1989: 85) и одновременно ностальгия по утраченному сакральному чувству земли, восприятию земледелия как «священного занятия» (Торо, 1962: 107).

Путь Торо — это путь горожанина, который уходит в лес, чтобы пережить опыт подлинной жизни, вернуть человеку ощущение земли как части сакрального целого Природы, дома Божия. Философия ухода из города у Торо, как отмечает Н. Покровский, — это «не уход в сельскую общину, “на землю”, в архаику, а уход в себя на фоне девственной природы» (Покровский, Никулин, 2023: 143). Однако причиной ухода в природу становится не мизантропия и отрицание ценности человеческого общения, романтическое противопоставление непонимающему тебя обществу. Случай Торо демонстрирует ценность не одиночества, но уединения, «где твоим партнером, собеседником и наставником выступает природа»,

и если «одиночество — это чисто городской феномен, где ты находишься в бесконечном конфликте с окружающим миром. Одиночество всегда конфликтно и разрушительно», то «уединение может быть продуктивным» (Покровский, Никулин, 2023: 150). Как отмечает Покровский, «Уолденская утопия и уолденский эксперимент лишь по внешней форме антисоциальны. “Думаю, что я люблю общество не менее большинства людей <...> Я от природы не отшельник...” — писал Торо. <...> Уходя в лес, философ во все не отрицал тем самым социальный опыт и социальную природу человека. Он хотел одного: коренной переделки сознания человека, очищения его от превратных форм общественной идеологии» (Покровский, 1989: 158).

В книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) Земля предстает как часть сакральной кладовой природы, живого органического целого, которое нужно не использовать, а познавать, вкапываясь вглубь холмов, открывать «правду неба» — «сокровенную суть вещей» (через природу познавать мир как творение Божие): «Ум человеческий — острый тесак, он находит путь к сокровенной сути вещей. <...> В моей голове есть и руки, и ноги. Я чувствую, что в ней сосредоточены все мои способности. Инстинкт говорит мне, что это орган, предназначенный рыть в глубину, как рыльце и передние лапы некоторых животных; я хотел бы врыться им в эти холмы. Мне кажется, что где-то здесь залегает богатейшая жила; я сужу об этом по волшебному ореховому прутику и встающему туману; здесь-то я и начну копать» (Торо, 1962: 65).

Эта интуиция диалога с землей, «Природой» как живым целым, Божьим творением, проникнутым его замыслом и путями, звучит у Торо как ответ современному городу, хозяйствованию соседних фермеров, для которых земля только свой надел, источник накопления материальных благ. Утрата сакрального отношения к земле как к живому лицу, Матери, Церере, в понимании античного космоса, удручает Торо: «<...> земледелие было некогда священным занятием, а мы занимаемся им с кощунственной поспешностью и небрежностью и с единственной целью: чтобы усадьбы и урожаи были побольше. У нас нет торжественных церемоний и праздников урожая, которые напоминали бы земледельцу о святости его дела и позволяли выразить благоговейное к нему отношение <...> фермера больше всего прельщают премии и выпивка. Не Церере и не Земному Юпитеру приносит он жертвы, а скорее Плутону, властителю ада» (Там же: 107-108).

Фермеры, жизнь которых наблюдает Торо, воспринимают землю как собственность, забывая, что вся земля — возделываемый высшими силами сад, который не принадлежит только человеку: «Себялюбие, стяжательство и гнусная привычка, от которой никто из нас не свободен, — считать землю прежде всего собственностью или средством накопления — уродуют наши пейзажи, унижают земледельческий труд и обрекают фермера на жалкое прозяба-

ние. К Природе он относится, как грабитель. Катон говорит, что плоды земледельческого труда особенно праведны и чисты <...>, а у Варрона сказано, что древние римляне “звали землю Матерью, или Церерой, и считали жизнь земледельцев самой праведной и полезной, а их самих — единственными потомками царя Сатурна”. Мы склонны забывать, что солнце равно светит на возделанные поля, на прерии и на леса. <...> Пред лицом его вся земля — возделанный сад. Будем же пользоваться его светом и теплом доверчиво и великодушно (Там же: 108).

Утилитарному отношению к земле Торо противопоставляет восприятие земледельческого труда как священного, как особой формы взаимодействия с природой: не хищнического использования, но творческого возделывания ее. Не стяжая блага на земле, истинный земледелец отдает часть урожая, жертвуя небу. Земледельческий труд понимается как священнодействие, где есть и свое жертвоприношение Богу — разделение трапезы со всем населением полей и благодарение высшим силам за урожай. Дары земли в его понимании есть не только плоды человеческого труда, но и Божья милость всей твари, населяющей округу: «Что из того, что я купил семена бобов, а осенью собрал их? Поле, которое я так долго созерцал, не мне одному обязано урожаем; высшие силы поили его влагой и заставляли зеленеть. Не мне и собирать весь урожай. Разве суркам тоже не принадлежит в нем доля?» (Там же: 108).

В этом нестяжательстве земных благ Торо видит христианское отношение к земле, не понятное современным ему обществом фермеров, которые воспринимают землю как средство накопления богатств, стремясь собрать побольше урожая со своего надела: «<...> мы осели на земле и позабыли о небе. Мы восприняли христианство лишь как улучшенное землеустройство. На этом свете мы выстроили себе фамильный особняк, а для того света — фамильный склеп» (Там же: 26).

Христианское хозяйствование на земле заключается в особом аскетизме созерцания и внимания: в смирении и удивлении, возделывании и благодарении, где плодом становится надежда проросшего зерна — духовное обетование Бога о будущем преображенном мире — «новый лес и луг иной»², которого чаёт душа странника-Торо: «Пшеничный колос <...> не должен быть единственной надеждой земледельцев, ибо он вынашивает не одни только зерна <...> Тогда нам не придется бояться неурожая. Отчего бы нам не радоваться также и сорнякам? Ведь их зерна — житница птиц. Не так уж важно, чтобы урожай наполнил закрома фермера. Истинный земледелец должен жить без тревог — ведь не заботится же белка о том, чтобы каштаны непременно каждый год урождались <...> пусть не притязает на весь урожай своих полей и прино-

2. Торо пишет о своем странствии как пути «в новый лес и в луг иной», цитируя Джона Мильтона «Лицидас», песнь 1 (Торо, 1962: 113).

сит мысленно в жертву не только первые, но и последние их плоды» (Там же: 108).

Земля как часть большого космического целого Природы скрывает другое изобилие, иные богатства — знание о божественном устройстве вселенной, которое как удочкой пытается уловить герой Торо, нащупывая льняные нити³ — связи всего сущего: «<...> длинная льняная нить соединяла меня с таинственными ночными рыбами, обитавшими на глубине 40 футов <...> я тащил по пруду 60 футов лесы, временами ощущая в ней легкое подергивание <...> Это очень странное чувство — особенно темной ночью, когда уносишься мыслями в беспредельный космос, — ощутить вдруг этот слабый рывок, прерывающий твои грезы и снова соединяющий тебя с Природой. Казалось, я мог бы забросить удилище не только вниз, но и вверх, в воздух, почти такой же темный. И я как бы ловил двух рыб на один крючок» (Там же: 114).

Уединение Торо действительно продуктивно: уходя от общества людей, он открывает подлинную общность — ощущение родственной связи всех существ во вселенной, где его друзьями становятся озера, которых он зовет по имени (Уолден, Флинтлов пруд, Белый пруд), приходящие к его дому животные, окружающие его растения: «Никогда еще я не чувствовал себя одиноким, никогда не бывал подавлен чувством одиночества <...> Среди этих мыслей, под шум тихого дождя, я внезапно ощутил — в падении дождевых капель, в каждом звуке и каждом предмете вокруг дома — нечто бесконечно дружественное, и это меня поддержало <...> Каждая сосновая игла наливалась симпатией и предлагала мне свою дружбу. Я так явственно ощутил нечто родственное даже в тех аспектах природы, которые принято называть мрачными и дикими, так ясно понял, что ближайшим кровным моим родичем не обязательно должен быть человек и сосед, что отныне не буду чувствовать себя чужим ни в какой глуши (Там же: 87).

Это сакральное знание о родственности всех частей мира Торо, подобно Новалису, пытается передать людям, что делает его опыт социальным, открывает людям иные формы хозяйствования во вселенной, сострадательное внимание к земле, к Природе и ее обитателям, самоопределение человека как части большого «сообщества творения». Схожие принципы отношения к природе сформулируют позже М. Пришвин в своей концепции «родственного внимания»,

3. См. мотив ткачества у Гете, который позже воспроизводит Пришвин через метафору пряжи Богородицы, покрывающей землю, а также в своем представлении о связи всего сущего в сердце мудреца (см.: «Мудрец знает закон природы и закон бунта человеческого, где рвется человеческий нерв, штопает обыкновенными льняными нитками связи» (Пришвин, 1994: 248). Мотив трансцендирования за пределы своего «я» («уширить себя до всего сущего»), понимание религии как связи себя со всем сущим, звучит и у С. Дурьлина (см.: Кнорре, 2019).

космисты А. Горский и В. Муравьев в идее вселенской литургии, современные экотеологи Т. Горичева, Р. Бокхэм, Дж. Хот и др.⁴

Диалектика земли как материи смерти («вещество смерти и разложения») (Покровский, 1989: 85), скрывающей в своей толще и благодатные плоды — тайны мироздания, является основой и мифопоэтики М. Пришвина. Тема слепоты человека, заключенного в пещеру собственного «эго», созерцающего мир теней, заслоняющий подлинный целостный мир, «истинную землю»⁵, становится оптикой восприятия Пришвиным катастрофических событий XX века.

С одной стороны, земля у Пришвина — это «мертвая материя», «завеса числа», «завеса мира», «толща катастрофы», скрывающая разноликий живой мир Божий. И здесь символика земли созвучна у Пришвина платоновскому мифу в творчестве его современников, философов-космистов Горского и Муравьева, где ослепленный человек подобен Вию, глаза которого засыпаны землей, а человечество, ведомое Софией, восходит к Благобытию, сквозь «толщу ничто и хаоса», хаотическую тьму («вечной тьмы-матери»): «Мы все еще слепом косоглазы и подслеповаты. Нас, как Вия, засыпала еще черная толща земли» (Горский, 2018: 436).

Трагедию современного человека Пришвин видит в теоретическом, пропускающем «живую личность» мышлении. Человек не чувствует себя частью большого целого Земли. Утрата священного отношения к земле, когда «пастушечье время» (Пришвин, 2007: 23)⁶ сменилось временем обезличенных машин, делящим мир как мертвый объект, становится, по Пришвину, причиной «мировой катастрофы» — войн и революций: «Так ясно и почему мы мучимся над разрешением мировой задачи и не можем ее разрешить: просто мы не живем полной жизнью, не причащаемся ее постижению собственным подвигом» (Там же: 163).

Миф о Китеже — Невидимом Божьем граде, «истинной земле», Пустыне девы Февронии⁷, собирающей вокруг себя тварь Божию, становится оптикой восприятия Пришвиным отчуждения современного ему человечества от земли, «близкой реальности»⁸ Божьего мира. Целостная райская земля, Божий град, стала невидимой для людей, зрение которых закрыто «завесой бытия», «кровавой завесой мира», «кащевой цепью» объектного восприятия человека, растения, зверя. Земля у Пришвина — это ждущая внима-

4. См. подробнее: Vaukham, 2020.

5. См. об «истинной земле» в диалоге Платона «Федон».

6. См.: «В пастушечье время, когда жили по солнцу, по месяцу, по звездам, до того эти неизменные в своем беге светила обживал человек, что солнце, звезды, месяц были ему как родные, и чувство он к ним имел личное, такое далекое от нас чувство, из которого рождались слова: “Солнце, остановись!”» (Пришвин, 2007: 23).

7. См. также главу «Пустыня» в поэме Пришвина «Фацелия» (1940).

8. См. о понятии «близкая реальность» (антитеза утопии) в статье В. Хализева (Хализев, 1998).

ния человека цветущая пустыня (пустынь), против которой согрешил человек⁹, разделивший «имение Божие» братоубийственными войнами и революцией, продолжающий делить землю и ее существо во время преобразовательных проектов 1920–1930-х годов (в повести «Журавлиная родина» звучит мотив затопления болота ради построения гидроэлектростанции, что может стать причиной гибели реликтовой водоросли Клавдофоры), арифметически вычислять «Должное»¹⁰, разделяя мир во время Второй мировой войны.

Во время Первой мировой войны Пришвин пишет об оскудении внимания современного человека к многоликой жизни земли, когда «пустыня закрыла и лицо свое, и голос ее умолк для всех, кто проходит ее без всей полноты крестного труда и страдания. Желтой зеленью и голубыми цветочками светящиеся орошенные льны не говорят теперь сердцу обыкновенно, по-старому живущего человека о возможности обыкновенного счастья здесь, на земле» (Пришвин, 2007: 204). Тема земли, которая ждет внимающего ее голосу человека, появляется и в годы Второй мировой войны — 12 июля 1943 г.: «земля вся напряженно ждет нашего внимания, стоит чуть-чуть принудить себя, всмотреться, и сейчас же увидишь гриб или ягоду, или след какой-нибудь птицы, зверушки» (Пришвин, 2012: 526).

Мотив сокрытой от человека земли как разноликой цветущей райской пустыни, прообразе Китежа девы Февронии, рифмуется с образом «атомной пустыни», которой обернулась земля забывшему ее человеку¹¹: «13 июля 1950. <...> нас, детей, учили верить в науку и эту веру называли прогрессом и всякое хорошее дело на свете называли прогрессивным <...> Лев Толстой поколебал нашу веру, а вскоре и все мы сами увидели в делах, что научные и технические открытия не всегда непременно повышают уровень нашего нравственного сознания. Так мало-помалу мы дошли и до атомной пустыни, расколовшей человечество на два враждеб-

9. См. рассказ С. Н. Дурылина «Грех Земле» (1919) (Резниченко, 2017).

10. См.: «Ужасная идея “большой войны” заключалась в том, чтобы миллионами истраченных жизней современных людей создать вечное благополучие будущих людей всего мира... Ужасная идея рождалась не как рождается вся жизнь на земле, в муках, а выходила из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции: среднего несуществующего, которое должно существовать. В этом Должном, выведенном арифметически, и состояла ужасная идея, собравшая над городами самолеты, нагруженные зажигательными и фугасными бомбами» (Пришвин, 2012: 534).

11. Мотив превращения земли в душе странника появляется еще в ранних дневниках: земля как мертвый минерал может обернуться родной, если человек внутренне изменился — обратил к земле родственное внимание: «<...> ноги идут по чужой минеральной земле, а в душе родная, настоящая, бесконечно большая земля <...> С той радостью я шел совсем как-то в ином измерении» (Пришвин, 2007: 647–648).

ных лагеря <...> если так дальше идти и влагать свою веру в прогресс, то можно даже и всю планету взорвать» (Пришвин, 2016: 149).

Отвечая на вопрос о путях спасения человека в механистическом мире «числа», Пришвин обращается к соловьевскому мифу о распаде и восстановлении когда-то целостного многоликого мира — распавшегося во грехе розни Восьчеловека: «Нравственная пустыня объяла человечество, <...> может быть, и не раз в истории нашей планеты такая страшная пустыня подбиралась к душе человека <...> когда-то очень давно, в незапамятные времена на земле не было ни животных, ни растений, а жил только человек в полном единстве себя самого и во множестве лиц, как и теперь. <...> подошла к душе великого единого человека пустыня еще более страшная, чем теперь, и в душе чистого единого человека начался панический страх. Тогда от ужаса кто-то закричал и сразу же обратился в суслика, кто-то залаял и побежал шакалом, кто-то прыгнул и полетел птичкой или зайцем побежал, и кто-то в безумье остановился и остался на месте расти деревом, и так возникла природа в распаде единого человека. Среди всех падших существ, составляющих так называемый мир природы, не было человека, и в то же время он был в каждом живом существе» (Пришвин, 2016: 149).

Завершается притча о распаде целого описанием путей спасения — собирания распавшегося в сердце преодолевшего страх человека, который расколдует мертвую материю, в свете любви-различающей воскресит утраченные лица зверей и людей: «Страх был причиной распада, и кто больше боялся, тот стал жертвой, кто меньше — стал хищником, а кто ничего не боялся, тот, понимая человеческое начало в каждом живом существе, стал собирать всех в прежнее единство» (Там же).

Как распавшегося Восьчеловека Пришвин изображает и современное ему человечество, поглощенное жаждой накопления, стремящееся поделить землю на отдельные наделы, не видя целого. Усадьба «Лысые горы», упомянутая в дневниках Первой мировой войны, становится частью сюжета о распавшемся имении — доме Божиим («[Лысые горы] — делили имение во время войны. Отличный сюжет: дележ имения, дележ всей земли» (Пришвин, 2007: 126)). Пришвин рассказывает историю матери, имение которой после ее смерти поделили дети, утратив его прежнюю целостность: «<...> каждый на своем клочке стал хозяйствовать с утра до вечера. Имение, разделенное, по-прежнему было имение, каждая часть его жила теперь отдельно <...> Каждый из участников думал теперь не о всем имении и не о ближних своих, а только о себе самом, вокруг своей усадьбы насаживая отдельный сад, и когда приходили гости в эти отдельные усадьбы, они не узнавали прежнего места, прежнего имения. И чувство большого имения совсем утратилось — стали хутора. Никто не думал, не знал, что он служит одному общему имению» (Там же: 347).

В дневниках 1914 года звучит близкое Торо различие христианского отношения к земле, плоды которой принадлежат всей твари, и крестьянского, обывательского восприятия земли как собственности, средства накопления личного богатства, что создает конфликт хозяйственного индивидуализма, с одной стороны, и разбойного желания завладеть имением брата своего, с другой, ставший причиной черного передела, высвобождения энергии братоубийственной Гражданской войны: «На этой земле, нищей, раздробленной на мельчайшие полоски, вырос чудесный христианский цветок, имя ему “Мир” (“Mir”)» (Пришвин, 2007: 5); «Теперь от “мира” осталось “мы” маленькое, обывательское, община современная есть крестьянская, а не христианская. В этом споре маленьких “я”, составляющих обывательский “мир”, есть особое острое “я”, как стремление быть во что бы то ни стало свободным; на этой почве вырастает с одной стороны “я” Каиново — хозяйственный индивидуализм, кулачество, и [с другой —] “я” разбойниче — хулиганство» (Там же: 6).

Во время Гражданской войны Пришвин расширяет символический смысл образа утраченного родного имения Хрущево: личная утрата обретает параллель с потерянным общим домом, «Россией личною», невидимой теперь общей землею, градом Китежем, ушедшим под воду, сокрытым от людей по грехам их. О. А. Богданова пишет «о произошедшем в огне революции 1917 года разрыве понятий “земля” и “народ”, которые в русской культуре практически отождествлялись в течение столетий» (Богданова, 2017: 448). В поэме «Цвет и крест» Пришвин сравнивает Россию с неустроенным имением, а стремящиеся к переделу земли государства Европы — с крестьянскими наделами, которые также пытаются расширить свои владения, вызвав мировой передел: «Вот, — показывал я, — огромное неустроенное имение Россия, возле него маленькие, как наши крестьянские наделы, лежат государства Европы, и им так же хочется земли, они так же ждут выхода из своего положения, как наши крестьянские хозяйства <...> Я всегда думала, — сказала матушка, — что война бывает из-за земли» (Пришвин, 2004: 144). Россия как большое имение — это, по Пришвину, непонятое народом «колоссальное наследство»: «Большевики разорвали завещание, спутали все расчеты и вызвали мировой передел» (Там же: 114-115).

По Пришвину, разрушение индивидуального, разбойного («я»), домика «эго» открывает путь к Божьему Домостроительству: «Надо бы условиться, что *ego* означает *ego* и индивидуальность, которая есть домик личности, сознающей себя во всех и во всем, так что эгоизм (национализм) означает бытие на земле — это одно состояние, и совершенно другое состояние вне этого домика, то есть духовное» (Пришвин, 1994: 276). 22 апреля 1918 года Пришвин пишет: «Мушкетеры отняли у меня все, и землю полевую, и пастбище, и даже сад, я сижу в своем доме, как в тюрьме <...> Три дня я очень горевал

и весны для меня не было, хотя солнце светило богатое, весеннее. Оно было для меня будто черное» (Там же: 65). Преодолевая внутренний бунт, сожаление о своем наделе земли как утраченной собственности, Пришвин вспоминает о земле как мире Божьем, солнце которого встает надо всеми (ср. у Торо: «Мы склонны забывать, что солнце равно светит на возделанные поля, на прерии и на леса. <...> Пред лицом его вся земля — возделанный сад» (Торо, 1962: 108)). Откровение земли как большого сада, принадлежащего всем живым существам, звучит как разрешение внутреннего конфликта в душе alter ego автора и в дневниках Пришвина: «<...> “Неужели же солнце, и звезды, и весеннюю траву-цветы любил я только потому, что солнце и звезды светили мне на моей собственной земле и травы-цветы росли в моем собственном саду?” Утром я почувствовал, что в сердце моем восходит богатое солнце, открыл ставню, и солнце мое встречается с солнцем небесным: так мне стало радостно, так весело. Я напился чаю, взял железную лопату и стал в чужом саду раскапывать яблоньки» (Пришвин, 1994: 65).

В дневниках и повестях Пришвина появляется мотив ухода из городской цивилизации как возвращения к подлинному бытию, откровения кладовой природы, «живого личного космоса», где человек чувствует родственную связь с животными и растениями. Как и Торо, Пришвина упрекали в антисоциальности его творчества. Вместе с тем его «уход в лес» приносит иное осмысление социальности — понимание всего тварного мира как сообщества, в котором свое место занимает и человек — новый Адам, дающий имена твари, спасающий мир «из числа», возвращающий распавшийся после грехопадения мир к Богу.

С. Семенова отмечает, что «бергсоновский *homo faber* стал для Пришвина ключом к пониманию глубинной общности капитализма и социализма: это один ущербный путь развития, исповедующий пафос механизации и рационализации жизни» (Семенова, 2021: 436), стремящийся, по Пришвину, «подчинить себе все живое, растворить в механике живую индивидуальность и превратить мир в громадную фабрику» (Пришвин, 1995: 222).

В «Мирской чаше», посвященной переделу земли во время событий революции и Гражданской войны, Пришвин описывает притчу о двух братьях как двух человеческих типах, разделившихся на жителя деревни и жителя города. «Окончательный мужик», лицо которого как «восходящее тесто в деже», «живущий животно-природной жизнью» (Семенова, 2021: 437), и брат, который ушел из дому, его «сердце не чувствует красоту, плечи сильные, голова математическая, в очках и плешивая, это человек механизации мира, окончательный интеллигент: *homo faber*» (Пришвин, 2004: 398). Главный герой повести — учитель Алпатов — «чувствует себя представителем третьего вектора развития, творчески преодолевающего человеческую природу, причем — на путях органических, не механических, он между этих “братьев”

как сцепщик между двумя прущими навстречу вагонами — вот-вот сплющат, <...> “без меня на земле останется одна математика и тесто в деже” (Семенова, 2021: 437).

Герои Пришвина — это не «мужик в деже» и не «интеллигент в очках», чья голова «математическая». Его герои — горожане-отшельники, ушедшие в лес — юродивые странники, выпадающие из социальных связей мира «числа», открывающие пути к иной общности — многоединому целому цветущей земли, целостного космоса как града Божия. Среди этих героев и прапорщик, бывший в мирное время бухгалтером, отказавшийся застрелить лошадь, так как она посмотрела на него «человечьими глазами»; это и прапорщик-химик, который во время Русско-японской войны, покинув поле боя, ушел в леса Маньчжурии, где, преодолев войну в душе, открыл вместе с китайцем Лувеном чудесный плод земли — заветный корень жизни женьшень. Это инженер-мелиоратор Алпатов, который, отказавшись осушать болото ради жизни водоросли Клавдофоры, оказывается в конфликте с идеологией прогресса, государственными планами мелиорации — перекраивания земель с целью улучшения жизни людей, игнорирующими при этом голоса других существ, которые могут погибнуть.

Собирательный образ будущего человека — Адама, «русско-го Парсифаля» (Кнорре, 2019: 171), учителя-краеведа Алпатова, «воскрешающего из числа»¹² распавшийся мир, свидетельствует во время Гражданской войны идеал христианского хозяйствования на земле. В мире, где одна частица суши давит другую, мир поделен на «красных» и «белых», а человек вместо лица «другого» видит мундир, герой Пришвина учит детей краеведению — в свете «родственного внимания» «любви различающей» выявлять имена растений, животных, пригорков и рек.

Кульминацией сюжета собирания распавшейся земли, Весь человека, становится образ восстановления связей всех существ в природе — пряжи Богородицы: «Не просто даются имена и животным, и растениям, все обживает и очеловечивается, даже всякий камень обжитый имеет свое отдельное имя. Скажешь имя, и животное выходит из стада, а что из стада пришло, то имеет лицо отдельное, оттого что его вызвала из стада человеческая сила любви различающей, заложенная в имени. Будем же записывать имена деревень, животных, ручьев, камней, трав и под каждым именем писать миф, был и сказ, песенку, и над всеми земными именами поставим святое имя Богородицы: это она прядёт пряжу на всех зайцев, лисиц и куниц» (Пришвин, 2004: 374-375). Человеку, обращенному к земле в свете любви различающей, кладовая природы открывает разноликий собор твари, возвращенный рай: «<...> и свет солнца в душе человека есть любовь раз-

12. См.: «И я раб обезьяний, раб, ожидающий воскресения себя из числа» (Пришвин, 2004: 374).

личающая. В согласии с солнцем, с любовью и светом мы можем войти так в природу, что возле муравейника скажем имя знакомого, и тот муравей отложит дела и на минуточку выбежит поздороваться» (Пришвин, 2004: 375). «И тогда весной, когда высоко поднимутся травы, украшенные изображением солнца, мы встретим мир природы новым и прекрасным и, как первые люди в раю, будем давать любимым животным, растениям, камням свои имена» (Пришвин, 2004: 375).

От персонализма Пришвина — к экотеологии Т. Горичевой и Дж. Хота

Критика мышления, видящего землю как мертвый объект, механическое сочетание чисел вместо органического целого «имен» сближает персонализм Пришвина с критикой механистической, обезличенной цивилизации в философских размышлениях М. Хайдеггера и Э. Юнгера. Как и у Пришвина, в знаменитом эссе Юнгера «Уход в лес» (1951) появляется мотив пустыни как пространства «обезлюдевших цифр» — стены материального, сокрывшей земное изобилие тварного мира. Зов проселочной дороги, который не слышит современный человек, слух которого оглушен грохотом машин, появляется и в эссе Хайдеггера «Проселок» (1949).

Мотив пустыни, подступившей к душе современного человека, появившийся в дневниках Пришвина, звучит и в экотеологии Татьяны Горичевой, где она ставит проблему хозяйствования человека на земле, роли человека в космосе как творения Божиим, говорит о литургическом отношении к земле. Продолжая критику утилитарного, инструментального отношения к земле, Горичева пишет об утрате сакрального восприятия Земли как собора твари: «Человек, который должен был бы возделывать Божий сад и давать имена животным, призван был быть священником для всей твари. Но получилось нечто на священство совсем не похожее. Человек превратился в хищника и потребителя. С позиции ограниченного и утилитарного сознания была уничтожена тайна творения. “Я мыслю, следовательно, существую» — вот что пришло на место сада. Пустыня убогой и субъективной мысли “ни о чем”» (Горичева, 2015: 257). «Мы подменили Евангелие Декартом — именно в его философии произошло радикальное деление на человеческое и животное, с тех пор животное стало для нас какой-то нечувствующей машиной» (Там же: 256). Критикуя идею господства человека над природой, подчинения и использование земли и живых существ, дурную бесконечность накопления и потребления, философ напоминает о ценностях внимания человека к твари, удивления перед творением Божиим и благодарения за плоды земли.

Специальный раздел в своей книге «О священном безумии» Горичева посвящает философии земли. В споре со светской эко-

логией, считающей, что христианство не стремится заботиться о земной жизни, предпочитая ее будущей жизни после смерти, философ обосновывает идею христианской экологии, обращаясь к русской религиозной философии (богословию мирян — русской *Laientheologie* XIX столетия, по определению о. Павла Хондзинского (Хондзинский, 2016) — А. Хомякова, Ф. Достоевского, Н. Федорова, Вл. Соловьева, к идее присутствия Бога в творении, сотрудничества человека и Бога в возделывании земли — «плоти мира», идее творения как «святой плоти» в философии русского религиозного Ренессанса (Д. Мережковский, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.). К этому направлению экологической мысли близок и христианский персонализм Пришвина с его интерпретацией вселенской литургии как священства в мире будущего человека, нового Адама, в свете родственного внимания собирающего распавшееся многоединое тело земли, Вещьчеловека. Идея Вещьчеловека Пришвина прочитывается и в символе космического прачеловека, который, как отмечает Горичева, «перешел и в христианство» (Горичева, 2015: 268): «Непосредственно точкой соприкосновения была космология Стои, где мир — видимое тело невидимого Бога, а Бог — невидимая душа видимого мира <...> Развертывается космическая литургия, Христос становится главой, а вселенная Его телом, единство мироздания выявляет себя как единство одного человека, космического Адама. Об этом писали и Бальтазар и Мольтманн» (Там же: 268).

Отношение к миру в свете родственного внимания у Пришвина близко литургико-органическому пониманию целого земли в христианской экологии Горичевой: «Механическому взгляду на природу православие противопоставляет взгляд литургико-органический. Механическое мировоззрение — это отдельные атомы. Это целое, как сумма атомов. Православно-энергетический взгляд иной: в начале было отношение, а не вещь» (Горичева, 2015: 261). Разворачивая понятие эколитургии, Горичева развивает идеи «внехрамовой литургии» в русской религиозной философии Н. Федорова и С. Булгакова, обращается к теме «вселенской мессы» в богословии Тейяра де Шардена (Гачева, 2021), «космической литургии» в трудах о. Павла Евдокимова, к идее активного созерцания природы, «космологии общения» в трудах Оливье Клемана.

Идея сакрального отношения к земле, понимающего землю не только как пространство смерти и распада, место временного пребывания человеческого духа, но как возделываемое человеком творение Божие, развивается и в эссе теолога Ричарда Бокхэма «Быть человеком в сообществе творения. Библейская перспектива» (Bauckham, 2020). Раскрывая идею христианского отношения к земле, Бокхэм критикует декартовскую и бэконовскую традицию Нового времени, представляющую природу как объект «господства» и «покорения», противопоставляет ей теорию «Божественного повеления», где речь идет об ответственной заботе человека о тво-

рении Божиим, о том, что человек — часть «сообщества творения» («Community of Creation»), развивает идею уважительного общения всех существ во вселенной.

Близкое философии природы Михаила Пришвина и христианской экологии Татьяны Горичевой, развивающих экологические идеи христианского персонализма и русского религиозного космизма, и то направление экотеологии, которое «основывается на идее участия Творца в жизни творения, что в интерпретации лютеранского богослова Нильса Хентрика Грегерсона определяется как “глубокое воплощение”» (Кнорре, Кнорре, 2022: 160). В эссе теолога Джона Ф. Хота «Незавершенное таинство творения. Христианская вера и обетование, заложенное в природе» осуществляется попытка внести в экотеологию ракурс эсхатологии. Христианские богословы, по мнению Хота, определяют экологическое значение таких религиозных добродетелей, как «смирение, сострадание, воздержание, справедливость, благодарность и надежда», «находят новый смысл в духовности, основанной на доктрине воплощенного присутствия Бога в физическом мире» (Кнорре, Кнорре, 2022: 161; Naught, 2020: 166). По мнению Джона Хота, современная экотеология не учитывает эсхатологическую значимость священного писания, не рассматривает «библейскую тему о том, что вся вселенная, а не только человеческая история, является выражением божественного обетования, открытого для будущего, в котором все творение подлежит обновлению» (Кнорре, Кнорре, 2022: 161; Naught, 2020: 167).

Как Н. Федоров и Вл. Соловьев, развивающие идею продолжающегося творения, Джон Хот противопоставляет эсхатологии апокалиптических пророчеств «разрушения физической вселенной» «подлинно эсхатологическую веру», которая «поощряет открытость божественному обетованию о грядущем свершении»: «Вселенная все еще может иметь будущее обновленного творения и “более полного бытия”. Эсхатологическая вера страстно надеется, что приход “царства Божьего” и ниспослание Святого Духа обновят лицо земли. Она включает в себя убеждение в том, что первоначальное творение Бога (*creatio originalis*) продолжается даже сейчас (*creatio continua*) и что оно достигнет завершения только в будущем (*creatio nova*), но христианской теологии еще предстоит сделать эсхатологическую веру самой сердцевинной экологической морали» (Кнорре, Кнорре, 2022: 161; Naught, 2020: 169).

Е. Ю. Кнорре
(Константинова)
Философия земли
М.М. Пришвина
в контексте
экотеологии

Библиография

- Богданова О. А. (2017). Новые референции концепта «земля» в русской литературе революционных лет (1917–1920-е) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*.
Гачева А. Г. (2021). «Вселенская месса» П. Тейяра и «внехрамовая литургия» Ф. М. Достоевского и русских религиозных мыслителей // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. Т. 4. № 3. С. 98-129.

- Горичева Т. (2015). О священном безумии. Христианство в современном мире: философское эссе / Ред.-сост. Т. И. Ковалькова. СПб.: Алетейя.
- Горский А. (2018). Огромный очерк // Горский А. К. Сочинения и письма. В 2 кн. Книга 1 / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН.
- Кнорре Е. Ю. (2019). Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг. Дисс. ... канд. филол. наук (10.01.01). М.: ИМЛИ РАН.
- Кнорре Е. Ю. (2021). «Китеж советского времени»: образ «небесной коммуны» в «усадебном мифе» М. М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950 гг.) // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова. Сер. «Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 6». М.: ИМЛИ РАН, «Мелихово». С. 205–217.
- Кнорре Е. Ю. (2023). «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // Вопросы философии. № 11. С. 16–22.
- Кнорре Е. Ю., Кнорре Б. К. (2022). «Принести исцеление нашей израненной планете»: от экотеологии к метаэтике. Рец. на: Ecotheology: a Christian Conversation / Kiara A. Jorgenson, Alan G. Padgett, ed. Grand Rapids: Eerdmans, 2020. 240 p.) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. Вып. 104. С. 157–162.
- Козырев А. П. (2023). Взросление духа. О некоторых философских истоках экологического мышления М. М. Пришвина // Вопросы философии. № 11. С. 10–15.
- Михайловский А. (2024). Маятник модерна. Дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект.
- Покровский Н. Е., Никулин А. М. (2023). «Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств» // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 140–158.
- Покровский Н. Е. (1989). Генри Торо. М.: Мысль.
- Пришвин М. М. (2007). Дневники 1914–1917 гг. / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”».
- Пришвин М. М. (1994). Дневники 1918–1919 гг. / Коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. М.: Московский рабочий.
- Пришвин М. М. (2004). Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. А. Фатеева. СПб.: Росток.
- Пришвин М. М. (2012). Дневники. 1940–1941 / Подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН.
- Пришвин М. М. (2016). Дневники. 1950–1951 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”».
- Резниченко А. И. (2017). «Погубил Челованьицё Хрёстное...»: Рассказ С. Н. Дурылина «Грех Земле» (1919), его история, контексты и интерпретации // Христианское чтение. № 1. С. 189–211.
- Семенова С. Г. (2021). Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие».
- Торо Г. Д. (1962). «Уолден, или Жизнь в лесу». М.: Издательство Академии наук СССР.
- Хализев В. (1998). Нравственная философия Ухтомского // Новый мир. № 2.
- Холодова З. Я. (2000). Художественное мышление М. М. Пришвина: Содержание, структура, контекст. Дисс. ... д-ра фил. наук (10.01.01). Иваново: 2000.
- Хондзинский П., прот. (2016). «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ.
- Haught J. (2020). The unfinished sacrament of creation: christian faith and the promise of nater // Ecotheology: A Christian Conversation / Ed. by A. K. Jorgenson, A. G. Padgett. Grand Rapids: Eerdmans. P. 165–203.
- Vauckham R. (2020). “Being human in the community of creation a biblical perspective” // Ecotheology: A Christian Conversation / Kiara A. Jorgenson, Alan G. Padgett (ed.). Grand Rapids: Eerdmans. P. 15–66.

Elena Yu. Knorre (Konstantinova), PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Orthodox Saint Tikhon University for the Humanities, Povarskaya St., 25a, Moscow, 121069, Russia.
E-mail: Lena12pk@yandex.ru

Е. Ю. Кнорре
(Константинова)
Философия земли
М.М. Пришвина
в контексте
экологии

Abstract. The article reconstructs the idea of land management in the ecophilosophy of Mikhail Prishvin. For the first time, the author shows parallels between Prishvin's philosophy of land and H. Thoreau's transcendentalism, T. Goricheva's ecoliturg and eschatological issues in J. Haught's ecotheology. Prishvin's motif of land hidden for man's sins correlates with the myth of the Invisible City of Kitezh, which went under water. Such ideas were borrowed from the teaching of Aurelius Augustine about the City of God and the earthly city, Plato's myth of the cave, and the return of fallen Sophia to the world in God (Blissful Being) in the philosophy of V. Solovyov. Prishvin uses the myth of the lost paradise land to criticize the rational-positivist worldview of the mechanistic civilization as based on the idea of earth and nature as inanimate objects subordinated to the will of man. Prishvin contrasts humanity that divides land into conflicting parts during wars and revolutions or reshapes it through land reclamation projects of the 1920s and 1930s with the economic behavior of Adam, the Russian Parsifal, Prishvin's collective hero, who, in the light of "family attention" of "distinguishing love", reveals the name of the creature "resurrecting from among" "the personal Russia" as the land that once went under water. The author concludes that the idea of economic behavior on land as distinguishing attention and the perception of land as a community of people, "community of creation" that restores the lost whole of the multifaced cosmos, the Whole Man, was proposed by Prishvin as an alternative to the objective thinking that does not distinguish "faces" and perceives land utilitarianly, as its possession. Thus, Prishvin's Christian personalism is close to the tradition of spiritual resistance to a depersonalizing civilization in the Russian and foreign ecophilosophy of the 19th–20th centuries.

Key words: M. Prishvin, H. Thoreau, T. Goricheva, J. Haught, romanticism, transcendentalism, Christian ecology, ecotheology, ecoliturg, Parsifal, Whole-Man, cosmic Eucharist, Christian personalism

References

- Bauchham R. (2020) "Being human in the community of creation a biblical perspective. *Eco-theology: A Christian Conversation* (Ed. by A. K. Jorgenson, A. G. Padgett), Grand Rapids: Eerdmans, pp. 15–66.
- Bogdanova O.A. (2017) Novye referentsii kontsepta "zemlja" v russkoj literature revoljucionnyh let (1917–1920-e) [New references of the concept of "land" in the Russian literature of the revolutionary years (1917–1920s)]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 62, no 2, pp. 247–258.
- Gacheva A.G. (2021) "Vselenskaja messa" P. Teilharda i "vnekhamovaja liturgija" F.M. Dostoevskogo i russkih religioznyh myslitelej ["Ecumenical mass" by P. Teilhard and "extra-temple liturgy" by F.M. Dostoevsky and Russian religious thinkers]. *Filosoficheskie Pisma. Russko-Evropejsky Dialog*, vol. 4, no 3, pp. 98–129.
- Goricheva T. (2015) *O svjashchennom bezumii. Khristianstvo v sovremennom mire: filosofskoe esse* [On Sacred Madness. Christianity in the Contemporary World: A Philosophical Essay] (Ed. by T.I. Kovalkova), Saint Petersburg: Aletheia.
- Gorsky A. (2018) Ogoromny ocherk [A huge essay]. *Sochinenija i pisma v 2 kn. Kniga 1*. (Vstup. st., sost., podgot. teksta, komm. A.G. Gachevoj), Moscow: IMLI RAN.
- Khalizhev V. (1998) *Nravstvennaja filosofija Ukhtomskogo* [Moral philosophy of Ukhtomsky]. *Novy Mir*, no 2.

- Haught J. (2020) The unfinished sacrament of creation: Christian faith and the promise of Nater. *Ecotheology: A Christian Conversation* (Ed. by A. K. Jorgenson, A. G. Padgett), Grand Rapids: Eerdmans, pp. 165–203.
- Kholodova Z. Ja. (2000) *Khudozhestvennoe myshlenie M. M. Prishvina: Soderzhanie, struktura, kontekst* [Artistic Thinking of M. M. Prishvin: Content, Structure, Context] (PhD Thesis), Ivanovo.
- Khondzinsky P., archpriest (2016) *Tserkov ne est akademii: Russkoe vneakademicheskoe bogoslovie XIX veka* [The Church is Not an Academy: Russian Nonacademic Theology in the 19th Century], Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University.
- Knorre E. Yu. (2023) "Ushedshy v les" v poiskah "kladovoj solntsa": filosofija spaseniya Mikhaila Prishvina ["The one who went into the forest" in search of the "sun's storeroom": Mikhail Prishvin's philosophy of salvation]. *Voprosy Filosofii*, no 11, pp. 16–22.
- Knorre E. Yu., Knorre B. K. (2022) "Prinesti istselenie nashej izranennoj planete": ot ekoteologii k metaetike ["Bringing healing to our wounded planet": From ecotheology to metaethics]. *Vestnik PSTGU, Serija I: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*, vol. 104, pp. 157–162.
- Knorre E. Yu. (2019) *Syuzhet "puti v Nevidimy grad" v tvorchestve M. M. Prishvina 1900–1930-h gg.* [The Plot of the "Road to the Invisible City" in Prishvin's Works of the 1900s–1930s] (PhD Thesis), Moscow: IMLI RAN.
- Knorre E. Yu. (2021) "Kitez sovetskogo vremeni": obraz "nebesnoj kommuny" v "usadbenom mife" M. M. Prishvina (na materiale dnevnika pisatelya 1920–1950 gg.) ["Kitez of the Soviet era": The image of the "heavenly commune" in the "family estate myth" of M. M. Prishvin (based on the writer's diary of the 1920s–1950s)]. *Usadba realnaya — usadba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya*, Moscow: IMLI RAN, pp. 205–217.
- Kozyrev A. P. (2023) Vzroslenie dukha. O nekotoryh filosofskih istokah ekologicheskogo myshleniya M. M. Prishvina [Spiritual growing up. On some philosophical sources of M. M. Prishvin's ecological thinking]. *Voprosy Filosofii*, no 11, pp. 10–15.
- Mikhajlovsky A. (2024) *Majatnik moderna. Diskussii o tekhnike v Germanii* [Pendulum of Modernity. Discussions on Technology in Germany], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Pokrovsky N. E. (1989) *Henry Thoreau*, Moscow: Mysl.
- Pokrovsky N. E., Nikulin A. M. (2023) "Proiskhodit i budet proiskhodit territorialnoe pereformatirovanie selskikh prostranstv" [Territorial reformatting of rural spaces is taking place and will continue to take place]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 2, pp. 140–158.
- Prishvin M. M. (1994) *Dnevnik 1918–1919 gg.* [Diaries of 1918–1919]. (Komm. Ya. Z. Grishinoy, V. Yu. Grishina), Moscow: Moskovskiy Rabochy.
- Prishvin M. M. (2004) *Tsvet i krest. Neizvestnye proizvedeniya 1906–1924 godov* [Color and Cross. Unknown Works of 1906–1924]. (Sost., vstup. st., podgot. teksta i komm. V. A. Fateeva), Saint Peterburg: Rostok.
- Prishvin M. M. (2007) *Dnevnik 1914–1917 gg.* [Diaries of 1914–1917]. (Podgot. teksta L. A. Rjazanovoj, Ya. Z. Grishinoy; komm. Ya. Z. Grishinoy, V. Yu. Grishina), Saint Peterburg: Rostok.
- Prishvin M. M. (2012) *Dnevnik. 1940–1941* [Diaries of 1940–1941]. (Podgot. teksta Ya. Z. Grishinoy, A. V. Kiselevoj, L. A. Rjazanovoj; komm. Ya. Z. Grishinoy), Moscow: ROSSPEN.
- Prishvin M. M. (2016) *Dnevnik. 1950–1951* [Diaries of 1950–1951]. (Podgot. teksta Ya. Z. Grishinoy, L. A. Rjazanovoj; komm. Ya. Z. Grishinoy), Saint Peterburg: Rostok.
- Reznichenko A. I. (2017) "Pogubil chelovanyitsyo khryostnoe...": Rasskaz S. N. Durylina "Grekh Zemle" (1919), ego istorija, konteksty i interpretatsii ["He destroyed the humanity of Christ...": S. N. Durylin's story *Sin for the Earth* (1919), its history, contexts and interpretations]. *Khristianskie Chenija*, no 1, pp. 189–211.

- Semenova S. G. (2021) *Russkaja poezija i proza 1920-1930-h godov. Poetika — Videnie mira — Filosofija* [Russian Poetry and Prose of the 1920s–1930s. Poetics — World-view — Philosophy], Moscow: IMLI RAN, Nasledie.
- Thoreau H. D. (1962) *Walden, ili zhizn v lesu* [Walden, or Life in the Woods], Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Е. Ю. Кнорре
(*Константинова*)
Философия земли
М.М. Пришвина
в контексте
экологии

Бессмертие животных в оптике русского космизма: научные и религиозные аспекты

Е. Е. Звонова

Екатерина Евгеньевна Звонова, кандидат философских наук, доцент института социальных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет); старший научный сотрудник, Центр исследований космизма, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН). 119048, Москва, ул. Трубецкая, 8, стр. 2.
E-mail: inflammatur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу научных и религиозных аспектов феномена бессмертия животных в философской оптике русского космизма. Раскрывается идейная преемственность между русским космизмом и православной традицией, для которой обладающие значительным экологическим потенциалом «космические», а также «воскресные», пасхальные мотивы свойственны более, нежели для католицизма и протестантизма. Обосновывается следующая точка зрения: особое место человеческого существа в христианской картине мира, специфический для исторически христианских культур антропоцентризм не предполагают по умолчанию формирования мировоззрения, характеризующегося превозношением человека над тварным миром и животными, не подразумевают в обязательном порядке этически неоправданного спесицизма. Анализируются специфические черты людей и животных, согласно христианству, раскрывается связанная с грехопадением, утратой райского состояния вина человека по отношению к нашим меньшим братьям, его моральное превосходство над ними, приводятся религиозные доводы в пользу признания бессмертия представителей животного мира. Подчеркивается отсутствие разрыва между религиозно-философской и естественнонаучной ветвями космизма, пронизанность мышления ученых-космистов паттернами православного мировоззрения и национального менталитета. Идеи В. И. Вернадского об автотрофном человечестве и его влиянии на биосферу рассматриваются в качестве проявления тенденции к освобождению животных от «естественного» смертоносного порядка. Раскрывается имморталистическое содержание воззрений В. Ф. Купревича, обозначается уместность распространения перспективы обретения бессмертия посредством науки на животных. Обосновывается положительная роль техники в том, что касается избавления животных от смерти. Освещается «анималистический иммортализм» искусства русского космизма.

Ключевые слова: русский космизм, бессмертие, животные, экология, антропоцентризм, спесицизм, автотрофное человечество

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-92-104

Основоположник русского космизма Н. Ф. Федоров воспринимал созданное им учение как «активное христианство», не претендуя на создание чего-то принципиально нового, но ощущая

себя православным верующим, обращающим внимание на те аспекты православного мировоззрения, которые чаще всего остаются нераскрытыми или понимаются не вполне буквально. В отличие от католической и протестантской традиций, православная делает акцент на воскресении Христа, а не на пришествии его в мир (недаром главный праздник восточного христианства — Пасха, западного — Рождество). Кроме того, православие является наиболее «космичной» христианской конфессией, и это закономерно, учитывая, что его средоточием долгое время была Византия, ставшая преемницей «космоцентричной» античной философии; недаром Григорий Нисский говорил о космосе «Чудесно сочиненный гимн». Безусловно, «космические» и «воскресные» мотивы встречаются и в западном христианстве (достаточно вспомнить проповеди Франциска Ассизского, обращавшегося к одушевленной и неодушевленной природе, и утверждения Мартина Лютера о грядущем воскресении его пса Толпеля в виде новых толпелей «в шкуре из золота и серебра»); речь идет лишь о большей выраженности соответствующих веяний в православии. Неудивительно, что «воскресительные» мотивы и космическое мироощущение пронизывают космизм как продолжение православного христианства, как «Новую Пасху», учение об общем деле преобразования двуединого космоса, микро- и макрокосма (Гачева, 2020).

Показательны суждения православного философа и защитницы прав животных Т. М. Горичевой: «В православии (особенно в русском) космизм является неотъемлемой частью мироощущения и мировоззрения. Даже светская научная мысль в России движется в том же направлении: освоение космоса, идея о ноосфере» (Горичева, 2010: 11). Нетрудно заметить, что среди проявлений отечественной «светской научной мысли» указаны концепты, которые характерны для русского космизма, не только впитавшего православные паттерны, но и ставшего отражением русского менталитета. Сам Н. Ф. Федоров считал масштабные проекты вроде освоения космоса соответствующими русскому характеру: «Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» (Федоров, 1995–2000, т. I: 254). Идея ноосферы является формально светским и получившим научное обоснование аналогом интуиций соборности, «всемирности», «всечеловечности». Несмотря на стремление ученых к объективности, научное познание несет на себе отпечаток культуры, определяющий, какие аспекты реальности будут замечены в первую очередь, а также до определенной степени стиль исследования (Гачев, 1993).

Признавая важность учета религиозных и национальных, культурных факторов для понимания духа русского космизма, следует избегать его «приватизации». Сущность данного направления мысли, как можно судить по самому названию, не только в «русскости»,

но и в «космичности», т. е. универсализме; два обозначенных аспекта находятся в диалектическом единстве-противоборстве, невозможно друг без друга, подобно инь и ян. Соборность противопоставлена пагубному обособлению, самоизоляции людей и идей, мнимой непреодолимости национальных и конфессиональных границ. Вполне закономерно, что сходные с воззрениями русских космистов взгляды высказывали и зарубежные мыслители, хотя их идеи не составили отдельного течения. Наиболее известным среди них, безусловно, является французский католический теолог, философ и ученый П.-Т. де Шарден, глубоко осмысливший и прочувствовавший космические и воскресительные смыслы христианства (Семенова, 2009; Гачева, 2021a). Многие обстоятельства жизни этого человека весьма символичны: камни и минералы с детства привлекали его своей прочностью, «бессмертием», хотя позднее он связал упования на вечную жизнь с религиозной интерпретацией эволюционных воззрений; богослов признавался, что хотел бы умереть в Пасхальное воскресенье — так и случилось... Идея «Вселенской мессы» де Шардена родственна концепту «внехрамовой литургии» Федорова: оба распространяют таинство преображения («вовне»), на мировые процессы, освящают и космизируют окружающую реальность.

Очевиден во многом обусловленный религиозными корнями потенциал русского космизма для формирования экологического сознания (Платонова, 2004), бережного отношения к творению и всяческой твари, так же (если не более) страдающей от «вытесняющего», разобщающего, смертоносного порядка мира, как и сам человек. «Царь природы» не имеет морального права расстраивать гармонию «чудесно сочиненного гимна». Однако, согласно ключевой для космизма идее активной эволюции, человек не просто может, но должен ввести свой голос в «общий хор», чтобы его свобода не была, по выражению Ф. И. Тютчева, «призрачной», чтобы в ней сознавался не разлад с природой, но высшее проявление разумности естества (Тютчев, 1987: 220). Экологическая составляющая космической философии особенно актуальна сегодня: «В наше время темы природы, “окружающей среды”, безмолвного (и от этого еще более жуткого) страдания твари самым прямым образом связываются с христианской идеей спасения. От человека зависит судьба Земли и космоса, и от судьбы Земли и космоса зависит то, выживет ли человек физически и духовно» (Горичева, 2010: 9).

Сказанное выше позволяет утверждать, что свойственный исторически христианским культурам антропоцентризм не обязательно имеет своим следствием гордынное превозношение над миром вообще и животным миром в частности, не подразумевает по умолчанию этически неоправданного спесишизма (Коростиченко, 2022; Кнорре, Кнорре, 2022). Людям вовсе не следует отказываться от присущих им специфических качеств, чтобы по-человечески относиться к братьям нашим меньшим. Не обязательно прибегать к экспериментам, призванным освободить нас от «человечности», вроде опы-

та «Да живет лошадь во мне» французской художницы Марион Лаваль-Жанте, которая под наблюдением ученых вводила в свое тело иммуноглобулины крови лошади (Криман, 2023).

Человек не тождественен животному: он обладает самосознанием и разумом и с христианской точки зрения изначально создан по образу и подобию Творца, поставлен над творением и тварью, наделен свободой выбора. Именно Адам, согласно Книге Бытия, нарекает имена животным, определил их, тем самым обозначив пределы, за которые их существование «не выходит». Однако особое положение человека в тварном мире не предполагает его «лучшести» и наличия права жестоко эксплуатировать окружающую реальность. Если те же животные определены и потому конечны, завершены, совершены, в некотором смысле совершенны, то человек представляет собой незавершенный проект, он может лишь стремиться к божественной бесконечности, будучи способным сколь угодно близко подойти к Богу, но вовек не достигая предела, не становясь Богом. Человек никогда не совершенен и потому уступает животным в совершенстве. В отличие от них, он грешит, поскольку наделен свободой, неразрывно связанной с моральной ответственностью, и может не только бесконечно высоко вознестись, но и бесконечно низко пасть. Человек виноват перед животными, поскольку своим грехопадением обрекает их на подчинение вытесняющему, неразрывно связанному со смертью и взаимным истреблением порядку.

Будучи лишенными человеческих недостатков, представители животного мира, согласно христианским преданиям, порой превосходят людей в надлежащих последним достоинствах. Можно вспомнить Валаамову ослицу, зверей, которые отказывались вредить мученикам или даже защищали их, животных, стремившихся к святым отшельникам, обоняя, по выражению Исаака Сирина, «запах рая». Таким образом, при определенной интерпретации христианство склоняет к весьма радикальному выводу: животное, принципиально отличаясь от человека, достойнее последнего. Зверя нельзя обвинить в недостаточном соответствии собственной природе, но он заслуживает восхищения, когда успешно справляется с человеческим предназначением, предаваемом людьми. Порой кажется, что на животных вся надежда: «Бог умер, в еще большей степени умер и человек. Осталось лишь животное» (Горичева, 2010: 46). И воистину: «Животное, как икона, исчезнуть не должно» (Горичева, 2010: 121).

Итак, животные, будучи не хуже людей, страдают не по своей вине и обречены на смертность. Признание безысходности подобной ситуации, отрицание возможности бессмертия для братьев наших меньших, их вхождения в жизнь вечную с богословской точки зрения может рассматриваться как ключевой пункт в решении задачи обратной задаче теодицеи: «Если невзгоды, с которыми человек сталкивается в этом мире, могут — хотя бы в первом приближении — рассматриваться как наказание за грехи, то животные

не способны грешить, ибо не знают добра и зла и, получается, страдают безвинно, что ставит под сомнение справедливость и благость Бога» (Храмов, 2022). Неслучайно яркий представитель русского космизма и выразитель духа православия Н. А. Бердяев полагал: «Безобразно забывать об исчезновении хотя бы одного живого существа, примириться с этим. В смерти самой последней, самой ничтожной твари есть что-то невыносимое, и если она не побеждена в том, кого затрагивает, значит, мир не имеет никакого оправдания и его невозможно принять» (Бердяев, 1993: 216). И недаром глубоко укорененная в православии, называющая себя «насквозь христианкой» Т. М. Горичева утверждает: «Животные на генетическом уровне помнят о рае, о любви, соединяющей всех, об отсутствии печали, болезни, вражды. Неужели же им не найдется места в грядущем, вечном раю? Тогда я, как и Бердяев, не приемлю этого скучного, холодного рая» (Горичева, 2010: 179).

Однако христианская традиция дает достаточно оснований полагать, что животные обретут рай, состоящий из свободы от смерти и вражды друг с другом и человеком: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11:6). Впрочем, существует мнение, согласно которому пребывание в раю животных не означает, что это те самые животные, которые жили когда-то на Земле. Зачастую подчеркивается отличие души животного от человеческой души (Шукин, 2023), обуславливающее исключительное право последней на бессмертие и, соответственно, на обретение Царствия Небесного. Но признание возможности воскресения и последующей вечной жизни животных представляется в большей степени отвечающим не только милосердию Бога, но и Его справедливости. Если Он допускает спасение призванного соответствовать моральным заповедям и преступившего их человека, то тем более должен предусмотреть возможность спасения для существующих вне пространства нравственного долженствования невинных тварей.

Сущностным концептом русского космизма, как известно, является идея всеобщего воскресения и бессмертия. «Всеобщность» по умолчанию чаще всего отождествляется с охватом всех когда-либо существовавших людей. Однако те космические, универсалистские мотивы христианского мировоззрения, которые концентрирует русский космизм, без сомнения, намечают тенденцию к распространению имморталистских идей и на животных. Справедливость данного суждения иллюстрируется, в частности, приведенной выше цитатой из работы Бердяева «О назначении человека». Если сыны и дочери человеческие не могут быть вполне счастливы, сознавая, что их счастье оплачено страданием безвозвратно ушедших отцов, а также умерших братьев и сестер, вполне закономерно невозможно человеческого счастья в случае необратимой смерти животных, братьев наших меньших, которые

мучаются по вине человека. «Не может быть до конца счастлив христианин, если страдает самый последний таракан...» (Горичева, 2010: 132). Тем более если этот таракан умрет и никогда более не вернется к жизни. И не только христианин по букве, но и тот, кто является носителем мировоззренческих паттернов «космичного» христианства, т. е. в большей или меньшей степени практически любой русский человек.

Может показаться, что мы слишком увлеклись «космическим» аспектом православной традиции, забыв о нетождественности русского космизма православию. Действительно, различные мыслители-космисты придерживались разных религиозных убеждений, некоторые из них были людьми вполне светскими. Сам Федоров также обращался ко всем людям, верующим и неверующим; общее дело не было бы общим, если бы к нему были причастны только православные христиане. На первый план здесь выходит дух, а не буква, нравственное содержание, а не религиозная или светская форма. Не столь важно, Бог ли призвал человека к восстановлению его изначального состояния, неизбежно побуждающему преобразовывать, преображать мир, или природа «сама по себе» обладает программой, предполагающей возникновение на определенном этапе развития «активного эволюционера». Будучи православными по происхождению, идеи русского космизма легко переносятся на светскую почву (о феномене проявления паттернов православного мировоззрения в нерелигиозной форме писал тот же Бердяев (Бердяев, 1990)). Парадоксальным образом дух православия утверждается, отрываясь от формы, поскольку освобождается от фарисейского, сковывающего свободу «законничества», «дышит, где хочет».

Весьма символично, что в русском космизме традиционно выделяют два направления — философско-религиозное (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев) и естественнонаучное (Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Н. Г. Холодный, В. Ф. Купревич). При этом отмеченное деление весьма условно, поскольку тот же П. А. Флоренский был не только религиозным мыслителем, но и прекрасным математиком, а взгляды ученых-космистов, как уже было отмечено, несут на себе печать православного мировоззрения и национального характера. Утверждение о культурном аспекте научных изысканий представителей русского космизма справедливо и применительно к вопросу о бессмертии животных: наука выступает здесь в качестве способа достижения нравственного идеала, восходящего к пронизанной космическими мотивами разновидности христианства.

Так, Вернадский разрабатывал идею автотрофного человечества, выражающую тенденцию к отказу от умерщвления животных, их освобождению от «естественного» порядка взаимного истребления, неразрывно связанного со смертью. Ученый подчеркивал взаимную зависимость человека и других живых существ. С одной стороны, он полагал: «Непосредственный синтез пищи, без посред-

ничества организованных существ, как только он будет открыт, коренным образом изменит будущее человека» (Вернадский, 1993: 301). Действительно, победа над голодом, над ограниченностью ресурсов приближает человечество к преодолению смерти и ведущей к ней взаимной вражды. С другой стороны, о последствиях автотрофности человека Вернадский высказывается следующим образом: «Последствия такого явления в механизме биосферы были бы огромны» (Вернадский, 1993: 302). Иными словами, мыслитель предвидит «перестройку» всей сферы живого, включающей животных. Последние не просто будут избавлены от эксплуатации и умерщвления человеком, но с его помощью смогут сделаться автотрофными и окажутся интегрированными в иную глобальную целостность. Будучи порожденной биосферой, ноосфера преобразует ее, делая еще в большей степени сферой жизни, царством живого, а не мертвого. Закономерным завершением этой тенденции является распространение оптики иммортализма на животных, обеспечение им бессмертия средствами науки.

Отрицание необходимости смерти для живых организмов обосновывает также ботаник и мыслитель-космист В. Ф. Купревич: «Откуда следует, что каждое существо обречено умереть? Обычно отвечают: из наблюдений, опыта. Но опыт ежедневно убеждает нас, что Солнце обращается вокруг Земли... Маркс оставил нам великий принцип: все подвергай сомнению. В применении к науке это означает — проверять время от времени те общепринятые, «очевидные» истины, на которых она покоится» (Купревич, 1993: 348). Купревича, по его собственным словам, учили, что «все живое стареет и как бы содержит в себе семена своей неизбежной смерти». Однако исследователь подверг сомнению эту точку зрения вследствие профессионального изучения мира животных и растений. Биолог рассматривает смерть как феномен, появившийся в ходе эволюционного развития, обеспечивающий возможность возникновения живых организмов, которые наилучшим образом приспособлены к окружающей среде. По сути, смерть служила делу жизни и обусловила появление человека. Однако однажды возникшие, но более не способствующие выживанию биологические механизмы имеют тенденцию отмирать; если смерть становится бесполезной для жизни, она должна умереть, исчезнуть. Недаром Купревич называет ее «историческим анахронизмом» в ситуации, когда человек перестал быть детерминированным естественным отбором, когда его телесность и разумность вполне «установились». Перед наукой стоит задача ликвидации этого анахронизма.

Учитывая перспективу достижения бессмертия средствами науки, есть все основания для того, чтобы распространить ее на животных. С позиций нравственной оптики космизма подобную экстраполяцию можно рассматривать как долг перед предками, ведь существование рода людского обусловлено не только человеческими отцами, но и животными праотцами. Разумеется, для реализации

соответствующего сценария человечество должно стать не только автотрофным, но и вообще не использующим ресурсы, получение которых чревато гибелью для животных. Цель эта также представляется достижимой на пути активной эволюции, ноосферного развития, совершенствования науки и техники, которое позволит удовлетворять потребности, избегая лишения жизни представителей животного мира.

Горичева подчеркивает связь между техникой и смертью, указывая на то, что самые «технические» органы животных состоят из неживого вещества, и подвергает критике технократическую цивилизацию: «Человек забыл, что он создан несовершенным, недостаточным, поэтому и задыхается в отравленном им самим мире. Техника могла бы и служить человеку, как когда-то служили животные, но этот “царь мира” предпочел смерть, она надежнее и функциональнее» (Горичева, 2010: 42). О связи между обожествлением техники и стремлением к смерти, некрофилией говорят и другие мыслители, например, Э. Фромм (Фромм, 2004). Однако, с нашей точки зрения, как «неживые» приспособления защищают жизнь отдельных животных, так и техносфера способна защитить животный мир в целом именно потому, что она «надежнее и функциональнее». Нерационально эксплуатировать и умерщвлять животных, если техника позволяет обойтись без соответствующих действий и получить лучший результат. При использовании настоящих автоматов не возникает соблазна объявить автоматами тех же животных, как то сделал Р. Декарт, чтобы не страдать от угрызений совести. В качестве примера, подтверждающего справедливость высказанного нами мнения, можно привести практику замены подопытных животных роботами или виртуальными моделями, функционирование которых невозможно без технического обеспечения.

Наряду с философско-религиозным и естественнонаучным направлениями русского космизма иногда говорят о его литературно-художественной ветви. Как справедливо замечает А. Г. Гачева: «Образ человека, пуповинно связанного со всей лестницей живого и одновременно являющегося водителем твари, объединяет представителей философского и художественного космизма» (Гачева, 2021б: 66с). При этом разделяющие мироощущение русского космизма представители искусства использовали образы, отсылающие как к православной традиции, так и к науке. Ярким проявлением первой тенденции выступают, например, произведения В. Н. Черыгина, в самобытной творческой манере выразившего воскресительные, преобразовательные мотивы христианства (замечательно, что значительное влияние на художника имел детский опыт спасения больной лошади). Научные идеи о природе времени, об автотрофности привлекали Велимира Хлебникова, ратовавшего за синтез искусства и науки.

Из представителей «космистского» изобразительного искусства тему преобразования, «очеловечивания» животных (а зна-

чит, и их причастности к жизни вечной) наиболее полно раскрыл П. Н. Филонов («Животные», «Коровницы», «Масленица и вывод из зимы в лето» и т.п.): «Превозможение низшей природы, выход за пределы животности поданы здесь выражением лиц и глаз меньшей твари, являющим тайну психеи, сокровенной жизни души» (Гачева, 2021б: 661). Среди поэтов, разделяющих воззрения русского космизма, самым убежденным сторонником братьев наших меньших в борьбе за вечную жизнь был Н. А. Заболоцкий. Его произведения зачастую отсылают читателя к сценам поедания, пожирания, к действиям и картинам, которые предшествуют приему пищи, иллюстрирующему весь ужас смертоносного природного порядка: «Жук ел траву. / Жука клевала птица. / Хорек пил мозг из птичьей головы. / И страхом перекошенные лица / Ночных существ взирали из травы» (Заболоцкий, 1983: 169). Заболоцкий, однако, уповает на возможность переустройства мира тотальной конкуренции и взаимного истребления, в котором не побеждает даже сильнейший, поскольку и он умрет. Поэт, подобно своему учителю и вдохновителю Филонову, создает образы антропоморфных и автотрофных животных, действующих в духе активной эволюции, разумного преобразования мира: «Там кони, химии друзья, / Хлебали ши из ста молекул. / Иные, в воздухе вися, / Смотрели, кто с небес приехал. / Корова в формулах и лентах / Пекла пирог из элементов, / А перед нею в банке рос / Большой химический овес» (Заболоцкий, 1987: 129). Темы родственного отношения к животным, автотрофности, избавления братьев наших меньших от ига смерти характерны также для творчества С. А. Есенина, В. В. Маяковского, Велимира Хлебникова (Семенова, 2016). В знаменитой «Розе мира» Даниила Андреева есть глава «Отношение к животному царству» (Андреев, 2024: 282-305); мыслитель и поэт полагает, что по мере развития человека увеличивается и его долг по отношению к «ниже стоящим» (скорее хочется сказать: «подопечным»). Выдающийся мистик был убежден: необходимо возникновение целой науки — зоопедагогика, которая будет способствовать воцарению любви и гармонии между человеком и ныне страждущей и смертной тварью: «Подход к животным станет нов, / Когда ключом любви и знания / Перевернется до основ / Наука зоовоспитания. / Членораздельнейшую речь / Развив для них усиьем вдумчивым, / Цивилизацию стеречь / Поручим зайцам, зебрам, сумчатым» (Андреев, 1990: 278).

Итак, рассмотрение религиозных и научных аспектов бессмертия животных в оптике русского космизма позволяет сделать вывод о высокой степени его вероятности и желательности с позиций данного философского течения. Помимо этого, можно отметить следующее: сближение и взаимодополнение религиозной и научной точек зрения на один и тот же феномен свидетельствует об отсутствии границ, препятствующих диалогу между учеными и представителями церкви. Подобное суждение может показаться триви-

альным, однако оно весьма актуально и нуждается в обосновании, поскольку культурный миф о противостоянии науки и религии жив и по сей день, порождая ряд негативных последствий (Звонова, 2022). Наконец, соответствие тех христианских воззрений, продолжением и средоточием которых является русский космизм, современным представлениям о необходимости бережного отношения к природе, к животным, позволяет снять с христианства обвинения в том, что его сущностное содержание непременно склоняет к антропоцентристской мегаломании, чреватой экологическим кризисом и спешисизмом.

Библиография

- Андреев Д. Л. (1990). Железная мистерия: Поэма / Предисл. и примеч. В. Грушецкого. М.: Молодая гвардия.
- Андреев Д. Л. (2024). Роза Мира. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Бердяев Н. А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука.
- Бердяев Н. А. (1993). О назначении человека. М.: Республика. Б-ка этической мысли.
- Библия (2022). Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви.
- Вернадский В. И. (1993). Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли / С. Г. Семенова, А. Г. Гачева (сост.). М.: Педагогика-Пресс. С. 282-311.
- Гачева А. Г. (2021а). «Вселенская месса» П. Тейяра и «внехрамовая литургия» Ф. М. Достоевского и русских религиозных мыслителей // Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 4. № 3. С. 98-129.
- Гачева А. Г. (2020). «Пасха родилась с человеком, не оставит его никогда...». Николай Федоров о смысле Пасхи // Соловьёвские исследования. № 2(66). С. 137-153.
- Гачева А. Г. (2021б). Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей.
- Гачев Г. Д. (1993). Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
- Горичева Т. (2010). Блажен иже и скоты милует. Люблина: kud Logos.
- Заболоцкий Н. А. (1987). Вешних дней лаборатория. М.: Молодая гвардия.
- Заболоцкий Н. А. (1983). Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Звонова Е. Е. (2022). Христианская и «прометеевская» антропологии: противоречие или сущностное тождество // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 2. С. 84-89.
- Кнорре Е. Ю., Кнорре Б. К. (2022). «Принести исцеление нашей израненной планете»: от экотеологии к метаэтике // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. № 104. С. 157-162.
- Коростиченко Е. И. (2022). Этика отношения к животным и критика христианского антропоцентризма в философии Питера Сингера // Философия. Культурология. Политология. № 4. С. 4-21.
- Криман А. И. (2023). Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса в пространстве визуального // Наука телевидения. № 3. С. 21-41.
- Купревич В. Ф. (1993). Долголетие: реальность мечты // Русский космизм: Антология философской мысли / С. Г. Семенова, А. Г. Гачева (сост.). М.: Педагогика-Пресс. С. 345-351.

- Платонова Д. В. (2004). Экологические идеи в русском космизме. Дисс. ... канд. культурологии (24.00.01). М.: РГГУ.
- Семенова С. Г. (2009). Паломник в будущее — Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия.
- Семенова С. Г. (2016). Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма.
- Тютчев Ф. И. (1987). Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, (Библиотека поэта; Большая серия).
- Федоров Н. Ф. (1995–2000). Собр. соч.: в 4 т. / Вступ. ст. С. Г. Семеновой; сост., коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой. М.: Издательская группа «Прогресс»; Традиция.
- Фромм Э. (2004). Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ.
- Храмов А. В. (2022). Все псы попадают в рай: воскресение животных и проблема теодицеи в западном богословии // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви. № 2. С. 65–80.
- Щукин Т. А. (2023). Смертное животное, бессмертный человек. Учение Иоанна Филопона о животной душе в V и VI книгах трактата «О сотворении мира» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии Т. 24. № 2. С. 196–209.

Animal immortality in Russian cosmism: Scientific and religious aspects

Ekaterina E. Zvonova, PhD (Philosophy), Associate Professor, Institute of Social Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University; Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES). Trubetskaya st., 8, p. 2, Moscow, 119048, Russia.
E-mail: inflammatur@yandex.ru

Abstract. The article considers scientific and religious aspects of animal immortality in the Russian cosmism philosophy, showing its ideological connection with the Orthodox tradition, for which both “cosmic” and “resurrection”, Easter motifs with significant ecological potential are more typical than for Catholicism and Protestantism. The special place of man in the Christian picture of the world together with anthropocentrism specific to historically Christian cultures do not imply as a mandatory consequence a world-view characterized by the exaltation of man over the world and animals or ethically unjustified speciesism. The article focuses on the specific features of people and animals according to Christianity which emphasizes humanity’s guilt before our smaller brothers due to the fall (loss of the heavenly state) and the human moral non-superiority over animals, providing religious arguments for animal immortality. The author stresses the absence of gap between religious-philosophical and natural-scientific branches of cosmism, since the thinking of cosmists is filled with patterns of the Orthodox outlook and national mentality. Thus, V. I. Vernadsky’s ideas about the autotrophic humanity and its influence on the biosphere are considered as a manifestation of the trend of animal emancipation from the “natural” deadly order, V. F. Kuprevich’s immortalist views — as proving the appropriateness of the immortality-through-science perspective for animals, including the positive role of technology and the ‘animalistic immortalism’ art of the Russian cosmism.

Key words: Russian cosmism, immortality, animals, ecology, anthropocentrism, speciesism, autotrophic humanity

References

- Andreev D. L. (2024) *Roza Mira* [The Rose of the World], Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

- Andreev D. L. (1990) *Zheleznaja misterija: Poema* [The Iron Mystery: A Poem]. (Predisl. i primеч. V. Grushetskogo), Moscow: Molodaja gvardija.
- Berdyaev N. A. (1990 [1955]) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism], Moscow: Nauka.
- Berdyaev N. A. (1993) *O naznachenii cheloveka* [On Human Purpose], Moscow: Respublika.
- Biblija (2022) *Knigi Svjashchennogo Pisanija Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments], Moscow: Izdatelstvo Moskovskoj Patriarkhii RPTs.
- Fedorov N. F. (1995–2000) *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.] (Vstup. st. S. G. Semenovoj; sost., komm. A. G. Gachevoj, S. G. Semenovoj), Moscow: Progress; Traditsija.
- Fromm E. (2004) *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness], Moscow: AST.
- Gacheva A. G. (2021b) *Chelovek i istorija v zerkale russkoj filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature], Moscow: Vodolej.
- Gacheva A. G. (2020) “Pasha rodilas s chelovekom, ne ostavit ego nikogda...”. Nikolai Fedorov o smysle Pashi [Easter was born with the man, it will never leave him...”. Nikolai Fedorov on the meaning of Easter]. *Solovyovskie Issledovanija*, no 2, pp. 137–153.
- Gacheva A. G. (2021) “Vselenskaja messa” P. Teilharda i “vnekhramovaja liturgija” F. M. Dostoevskogo i russkih religioznyh myslitelej [“Ecumenical mass” by P. Teilhard and “extra-temple liturgy” by F. M. Dostoevsky and Russian religious thinkers]. *Filosoficheskie Pisma. Russko-Evropskij Dialog*, vol. 4, no 3, pp. 98–129.
- Gachev G. D. (1993) *Nauka i natsionalnaja kultura (gumanitarny kommentarij k estestvoznaniju)* [Science and National Culture (A Humanitarian Comment to Natural Science)], Rostov-on-Don: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta.
- Goricheva T. (2010) *Blazhen Izhe Iskoty Miluet* [Blessed are Those Who Show Mercy to Cattle], Ljubljana: Logos.
- Khramov A. V. (2022) Vse psy popadajut v raj: voskresenie zhivotnyh i problema teoditsei v zapadnom bogoslovii [All dogs go to heaven: Resurrection of animals and the question of theodicy in Western theology]. *Khristianskoe Chtenie*, no 2, pp. 65–80.
- Knorre E. Yu., Knorre B. K. (2022) “Prinesti istселение nashej izranennoj planete”: ot ekoteologii k metaetike [“Bringing healing to our wounded planet”: From ecoteology to metaethics]. *Vestnik PSTGU, Serija I: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*, vol. 104, pp. 157–162.
- Korostichenko E. I. (2022) Etika otnoshenija k zhivotnym i kritika khristianskogo antropocentrizma v filosofii Pitera Singera [Ethics of attitude towards animals and critique of the Christian anthropocentrism in Peter Singer’s philosophy]. *Filosofija. Kulturologija. Politologija*, no 4, pp. 4–21.
- Kriman A. I. (2023) Postgumanizm i sovremennoe iskusstvo: peresborka antropocentristskogo diskursa v prostranstve vizualnogo [Posthumanism and contemporary art: A re-assembly of the anthropocentric discourse in the visual space]. *Nauka Televidenija*, no 3, pp. 21–41.
- Kuprevich B. F. (1993) *Dolgoletie: realnost mechty* [Longevity: Reality of the dream]. *Russky kosmizm: Antologija filosofskoj mysli* (Ed. by S. G. Semenovna, A. G. Gacheva), Moscow: Pedagogika Press, pp. 345–351.
- Platonova D. V. (2004) *Ekologicheskie idei v russkom kosmizme* [Ecological Ideas in Russian Cosmism] (PhD Thesis), Moscow: RGGU.
- Semenova S. G. (2009) *Palomnik v budushchee — Pierre Teilhard de Chardin* [Pilgrim to the Future — Pierre Teilhard de Chardin], Saint Petersburg: RKhGA.
- Semenova S. G. (2016) *Russkaja literatura XIX–XX vekov: Ot poetiki k miroponimaniju* [Russian Literature in the 19th–20th Centuries: From Poetics to Worldview], Moscow: Akademichesky proekt; Paradigma.

- Shchukin T. A. (2023) Smertnoe zhivotnoe, bessmertny chelovek. Uchenie Ioanna Filopona o zhivotnoj dushe v V i VI knigah traktata "O sotvorenii mira" [Mortal animal, immortal man. John Philoponus' doctrine of the animal soul in Books V and VI of the treatise *On the Eternity of the World*]. *Vestnik RKhGA*, no 2, pp. 196–209.
- Tyutchev F. I. (1987) *Polnoe sobranie stikhotvorenij* [Complete Collection of Poems], Leningrad: Sovetsky pisatel.
- Vernadsky B. I. (1993) *Avtotrofnost chelovechestva* [Autotrophy of the Humanity]. *Russky kosmizm: Antologija filosofskoj mysli* (Ed. by S. G. Semenova, A. G. Gacheva), Moscow: Pedagogika-Press, pp. 282–311.
- Zabolotsky N. A. (1983) *Sobranie sochinenij: b 3 t., T. 1* [Collected Works: in 3 vols., Vol. 1], Moscow: Khudozhestvennaja literatura.
- Zabolotsky N. A. (1987) *Veshnih dnei laboratorija* [Laboratory of Spring Days], Moscow: Molodaja gvardija.
- Zvonova E. E. (2022) Khristianskaja i "prometeevskaja" antropologii: protivorechie ili sushchnostnoe tozhdestvo [Christian and "Promethean" anthropologies: Contradiction or essential identity]. *Medsitsina. Sotsiologija. Filosofija. Prikladnye Issledovanija*, no 2, pp. 84–89.

Крестьянский космос русского авангарда и эстетический супраморализм Н. Ф. Федорова

Е. М. Титаренко

Евгений Михайлович Титаренко, кандидат философских наук, доцент, филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; старший научный сотрудник Центра исследований космизма, Московская высшая школа социальных и экономических наук, 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.
E-mail: titem@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу темы крестьянского космоса в искусстве русского авангарда и идей эстетического супраморализма Николая Федоровича Федорова. Эстетический супраморализм как высшая нравственность или «Всеобщий синтез» — религиозно-философское учение Федорова, автора идеи космизма как проекта миропорядка, основанного на всеединстве, синтезе науки, искусства, религии. В образах крестьянского мира художники авангарда (К. Малевич, Н. Гончарова, П. Филонов, В. Чекрыгин) выразили свое понимание модуса человеческой сопричастности многогранным и сложным пространственным отношениям. Сопоставление антропологической проекции искусства русского авангарда с проектом эстетического супраморализма Федорова позволяет увидеть созвучность художественных образов крестьянского космоса идеям космизма о соотносительности макрокосма (Вселенной) и микрокосма (человека). В этом контексте интерпретируется феномен возвращения к фигуративности и антропоцентричности второго крестьянского цикла Малевича. Отдельный предмет рассмотрения — космические интуиции русского авангарда, связанные с опытом восприятия и осмысления сакрального пространства храма. Природа понимается как храм. Экфрасис православного храма у Федорова описывает литургический образ всеединства, родства, соединяющего крестьянский мир как космос. Малевич сводит описание к цветовому образу, ощущению, в которых растворяется предметность храма.

Ключевые слова: крестьянство, русский авангард первой четверти XX века, крестьянский космос в искусстве, супрематизм, К. С. Малевич, аналитическое искусство, эстетический супраморализм Н. Ф. Федорова, космизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-105-118

Тема крестьянства и образы крестьянского космоса нашли своеобразное и глубокое воплощение в искусстве русского авангарда. Это вызывает интерес не только с искусствоведческой точки зрения, но и с позиции историко-культурологического рассмотрения. В образах крестьянского мира художники выразили мифоантропологическую проекцию искусства авангарда, отразившего историю культурной трансформации крестьянской страны. Кроме того, обращение к миру крестьянского космоса в России первой четверти

XX века позволяет понять важные аспекты, указывающие на связь живописи с историей и философией русского космизма.

Особый интерес представляет сопоставление проективизма нового искусства с учением эстетического супраморализма Н. Ф. Федорова, вызвавшим в свое время глубокий интерес у Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и нашедшим отклик в русской культуре XX века. Типологическое сходство идей «Философии общего дела» Федорова с поисками новых путей искусства помогает увидеть их соприкосновение с магистральными линиями русской философии и с таким ее явлением, как космизм. На эту связь указывают исследователи творчества художников-авангардистов. Так, А. С. Шатских описывает типологическую близость философии Малевича духу русской философии, полагая, что «философия Малевича была плоть от плоти “самобытно-русской” философии, она несла на себе все ее родовые черты — синтетизм, универсальность, пророческий пафос, эсхатологически-мессианскую окраску» (Шатских, 2000: 52).

Сопоставление эстетики и теории искусства художников-авангардистов с идеями космизма философии Федорова — малоизученная тема. Влияние идей русского космизма прослеживается в концепции выставки «Космизм в русском искусстве» (ГРМ, 2021), на что указывают исследователи (Петрова, 2021: 5). Восприятие учения Федорова было рассмотрено одним из основателей художественного направления, сложившегося вокруг журнала «Маковец», — В. Чекрыгиным, являющимся последователем идей мыслителя и автором графического цикла, посвященного теме сыновства и воскрешения отцов. Исследуя этот феномен, А. Г. Гачева показывает глубину и своеобразие восприятия Чекрыгиным «Философии общего дела», учения, определившего мировидение и творчество художника (Гачева, 2010: 89). Чекрыгин начинает свой путь художника серией «Воскрешение мертвых» «Троицей» и проходит через влияние идей Федорова к реальности нового искусства, в котором мир становится космосом (Ракитин, 2005).

Эстетическим супраморализмом Федоров назвал проект, в котором «человек есть орудие самого Бога», воссоздающий мир в его полноте. Это будущее искусство, как пишет он, «будет оживляющим всех (умерших) и через них делает все миры сознанием управляемым» (Федоров, 1997: 353). Этика воскресительного долга (супраморализм) становится у Федорова эстетикой. Исходя из представления об условности апокалиптических пророчеств, Федоров видит задачу человечества в победе над смертью. Природа, управляемая человеком, станет искусством. «Мир как факт есть природа, — писал он, — а как проект — искусство, каким оно должно быть, в коем нет ничего чуждого, а все родное, нет ничего темного (непонятного), а все ясно, светло, прозрачно, и вместе с тем — прекрасно и величаво» (Федоров, 1997: 354).

Этот проект выражает мировидение христианского универсализма, идею всеобщего синтеза, единства религии, науки, искусства в творческом усилии объединенного человечества. Активное христианство видит в человеке дух и разум, осознающие несовершенство природы и поэтому являющиеся силой, воссоздающей разрушенное. Пафос идей Федорова, читателя Троицы и преподобного Сергия Радонежского, определялся чаянием преодоления вражды в мире. Именно от «неученых» к «ученым» обращено послание главного труда философа, названного «Записка от неученых ученым», где и излагается проект супраморализма, послание от простецов. Неученые — крестьяне, простецы, для которых создается Библия в красках ликами икон и храмовыми росписями. Но образы крестьян и народного искусства были одним из источников формирования и эстетики русского авангарда.

«Классический период» русского авангарда 1907–1932 годов объединил круг близких идейно-художественных явлений, как пишет А. Крусанов (Крусанов, 1996: 5). Для рассмотрения интересующей нас проблемы обратимся к художникам, в творчестве которых наиболее ярко проступали черты авангардного искусства, и тема крестьянства пересеклась с космическими, универсалистскими устремлениями. Среди них К. Малевич, П. Филонов, Н. Гончарова, В. Чекрыгин и др.

Прорыв к осмыслению крестьянского космоса в их искусстве связан с поиском национальных корней, интересом к крестьянскому искусству. Так, в творческой судьбе Малевича сошлись важнейшие линии поисков русского искусства, стремившегося понять онтологические основания творчества, проникнуть в тайну магической энергии образа, найти новые формы выразительности, которые открывали бы пути к будущему. Работа художника с изобразительным материалом сопровождалась его философским осмыслением. Его опыт обогащался педагогической деятельностью, общением с соратниками, созданием в Витебске в 1921 году художественного объединения УНОВИС («Утвердители нового искусства»). Входившие в это общество художники разделяли «представления о всемирном масштабе распространения и утверждения принципов творчества, провозглашаемых супрематизмом» (Шатских, 1993: 75).

Художественные течения той эпохи обращаются к идеям космизма, откликаясь на открытия науки и философии. Образы космоса появляются на полотнах Н. Рериха, К. Юона, М. Чюрлениса, выливаясь порой в циклы, как у П. Фатеева, одного из основателей объединения «Амаравелла», создавшего в начале 1920-х годов серию работ: «Дальний космос», «Клубящийся космос», «Коричневый космос», «Космос у порога», «Космические дали», «Цветной космос», «Рождение миров», на что указывают исследователи (Поспелов, 2007: 141). Тема космоса в связи с проблемой соотношения пространства мира и пространства картины развивается в теоретических работах Михаила Матюшина (1861–1935) — художника,

музыканта, теоретика, создателя теории «расширенного зрения», обосновывающего «космическое» состояние-наблюдение как средство передачи в живописи цветосветовой формы. «Видимое небо — не пустое пространство, а самое живое тело мира, плотности которого мы только не чувствуем. Земная орбита — не след движения тела, а самое тело (костяк) земли», — писал он (Матюшин, 2000: 22).

Обращение к теме космоса художника Павла Филонова отражало общие устремления авангарда к искусству, способному передавать невидимое. Две работы, созданные в период 1920–1928 годов — «Формула Вселенной», «Формула весны», — лишь часть произведений, вдохновленных образами Вселенной. В методе «аналитического искусства» художника различимы черты, сближающие его творчество с интенциями русского космизма. Его космизм пронизан духом органицизма, в котором интуиция и инициатива мастера-исследователя создает атомарно выраженную реальность. Идея «сделанности картины» выражена в лозунге «Я могу делать любую форму любой формой и любой цвет любым цветом, а произведение искусства — есть любая вещь, сделанная с максимумом напряжения аналитической сделанности» (Филонов, 1990: 199).

Этот принцип лежал в основе крестьянских образов, созданных Филоновым. Пафос деятельного познавательного усилия, единства науки и искусства в преображении мироздания сближает его искусство с проективным образом эстетического супраморализма Федорова. Возможность увлечения Филонова «Философией общего дела» допускает Е. Н. Петрова. По ее мнению, это нашло выражение в его произведениях библейской тематики «Крестьянская семья (Святое семейство)» (1914), «Трое за столом» (1914–1915), «Волхвы» (1914) (Петрова, 2021: 23).

В аналитическом искусстве Филонова крестьянская тема является одной из центральных. В его тяге к изображению крестьянского мира усматривают два аспекта: отношение к крестьянским ремеслам как феномену «сделанности», воплощающему единство целесообразности, аналитического подхода, трудового усилия и отношения к русскому крестьянству. Мир русской деревни в изображении Филонова иногда интерпретируется как «суровое описание ее отсталости и животного состояния», его крестьяне «уныло тянут свою лямку в замкнутом кругу земледелия», как пишет Дж. Болл (Болл, 1990: 49). Однако в ранних работах мы видим, что этот круг представляет сферу деревенского космоса, целостного единства, архетипические образы которого органично связаны сложными пространственными отношениями. Работа художника «Крестьянская семья» (1910) — символический образ времени, три возраста: юность, зрелость, старость; другая картина «За столом» (1912–1913) — соборное единство, молитвенное молчание, как перед таинством причастия; а «Коровницы» (1914) воплощают архетип кормилиц, объединяющий и коров, и крестьянок. «Крестьянская семья

(Святое семейство)» (1914) — картина, в образах которой выражен крестьянский космос, его райское состояние и священное единство мира. Иное впечатление производит полотно «Колхозник» (1931). Атомарный состав статичного лица человека, всматривающегося в пустоту, создает иллюзию растворенности одинокого образа в неизвестности космоса.

Идеи космизма нашли своеобразное отражение в теории и художественной практике Казимира Малевича. Еще в детстве и юности впечатления от порядка крестьянского мира сливались у художника с наблюдением за ночным небом. Малевич испытывал восторг от астрономических сеансов, которые проходили в Витебске. В трактате «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой» (1921–1922), написанном им в Витебске, содержится метафорический образ космоса, сопровождающий размышления о беспредметности природы вне разума. Картина космической реальности предстает как видение, подлинность которого недостижима. Художник писал: «Свободный в безумии, наш шар мчит неизвестно куда, без цели, логики и обоснования. Куда летит и к какой цели доставит нас? Или же он никуда не движется? Планеты и солнца блестят, как глаза остолбеневшего безумца...» (Малевич, 2000: 176).

Тема космоса выражает своеобразную антропологию Малевича, считавшего, что «человек тоже Космос или Геркулес, возле которого вертятся солнца и их системы, так возле него в вихре вертятся все созданные им предметы, он, как солнце, руководит ими и влечет за собою в неведомый ему путь бесконечного» (Малевич, 2000: 289). Для художника, стремящегося всегда быть соразмерным ритмам современности, искусство и человек видятся в свете вечной сообразности макрокосма и микрокосма. В этом мотиве явно слышны отголоски идей платоновского диалога «Тимей» (Платон, 1971: 541). Платоновский образ живого космоса сродни мифоонтологической космологии Малевича, который стал ярчайшим выразителем этой традиции.

Из пантеистических представлений, определяющих мифоонтологическую космологию художника, где природа есть «Бог совершенств», вырисовывается образ человека, отпавшего от абсолюта. «Именно эти истоки формировали коллективное подсознание народной крестьянской среды, в которой вырос и воспитался художник», — считает Шатских (Шатских, 2000: 46). В творчестве Малевич видит стремление человека к совершенству. На этом пути человек вынужден познавать природу. Он писал: «Но что же для этого нужно сделать — немного, управлять звездным пространством солнц, вселенными системами. А пока что земля наша будет его уносить в безумном своем падении в бесконечное ничто, в звоне беспредметного движения ритмического вихря Вселенной» (Малевич, 2000: 290).

Этот очерк космической судьбы человека и человечества перекликается с идеями эстетического супраморализма. В статье Фе-

дорова «Астрономия и архитектура» представлен проект будущего, где человек не только взирает на небо, но и «становится пловцом в небесных пространствах, и человеческий род в совокупности делается кормчим, экипажем, прислугой небесного корабля» (Федоров, 2000: 5). «Мироустройство» и «телоустройство» видится в этом проекте как преодоление разрушения, утверждаемого слепой силой природы, как преодоление смерти. «Искусство же разумного существа должно состоять именно в возвращении разрушенного слепую силою, в исправлении того, что произвела слепая сила по бездействию разумной», — считал Федоров (Федоров, 2000: 6). У него человечество мыслится соратником, в сизигии с Богом восстанавливающим разрушенное. Он определил этот процесс как «рекреатуру», утверждая, что смысл творчества не в создании, а в воссоздании.

Космичность бытия — одна из главных интуиций русского авангарда, выраженная не только в философских и теоретических работах, но и в художественном творчестве. Это в полной мере относится к так называемым крестьянским циклам, где тема связи человека и космоса нашла глубокое осмысление. Рождение идеи сверхискусства сопровождалось, например, у Малевича, поиском осязаемой опоры на чувственно — зримые, близкие зрителю образы, способные абсорбировать хаос бытия, передать без мелочности бытовизма архетипические основания мироустройства.

Для понимания крестьянских циклов представляется важным видеть произведения в контексте интеллектуальных и духовных открытий автора, его рефлексии, отклика на социальные и культурные реалии эпохи. Исследовательский интерес к проблеме синтеза крестьянской темы с супрематическими открытиями связан с осмыслением творческой эволюции художника, идущего «от кубизма к супрематизму» и вступившего на «возвратный путь», как считает Д. Сарабьянов (Сарабьянов, 1990: 143). В крестьянских циклах нашел выражение поиск модуса человеческой сопричастности многогранным и сложным, пространственным отношениям.

Детские впечатления стали одним из источников обращения Малевича к крестьянской теме. В его сознании запечатлелось ощущение органичности деревенской жизни, ритмы и краски крестьянского мира. Он писал: «Я с большим волнением смотрел, как делают крестьяне росписи, и помогал им вымазать глиной полы хаты и делать узоры на печке. <...> Вся жизнь крестьян меня увлекала сильно <...> Я подражал всей жизни крестьян. <...> Вот на этом фоне во мне развивались чувства к искусству, к художеству» (Малевич, 2004: 20). Стихия потока традиционного крестьянского искусства открылась художнику в новых гранях, благодаря знакомству с иконописью. «Москва иконная опрокинула все мои теории <...>. Через иконописное искусство я понял эмоциональное искусство крестьян, которое любил раньше, но не уяснил

всего того смысла, который открылся после изучения икон» (Малеви́ч, 2004: 28).

В крестьянском искусстве и в иконописи художник видит свободу от линейной и воздушной перспективы, полагая, что цвет и форма создаются здесь на основе эмоционального восприятия. В этих впечатлениях зарождается идея «цветоформы», присущая линии крестьянского искусства, на стороне которой оставался Малевич, осознавая существование другой линии искусства: «людей высшего слоя, аристократов и дворцов», античного искусства и Возрождения (Малеви́ч, 2004: 29).

Произведения первого крестьянского цикла создавались в 1911–1913 годах, в него вошли картины «Крестьянки в церкви», «Крестьянка с ведрами и ребенком», «Жница», «Косарь», «Женщина с ведрами и ребенком», «Уборка ржи», «Утро после вьюги в деревне», «Голова крестьянина». В 1911 году в сотрудничестве с художественным объединением «Бубновый валет» Малевич выставляет в конце года на выставке «Современная живопись» пять работ: «Женщина с ведрами и ребенком», «Жница», «Косарь», «Голова крестьянина» (Йоуп, 1990: 12). Значительные произведения крестьянской серии, такие как «Жатва», «Крестьянские похороны», «Косарь», «В поле», экспонировались в Санкт-Петербурге 4 декабря 1912 — 10 января 1913 года на выставке картин Общества художников «Союз молодежи», первого объединения художников авангарда (Арская, 2019: 11). Это образ крестьянской Вселенной, мира органического единства, космичности природы и человека. Труд и быт здесь определяются целесообразностью, отражаясь в простой и однозначной форме движения. Глубина и монументальность крестьянских образов Малевича являются несомненным достижением художника, вместе с тем крестьянский цикл стал основой для движения в сторону беспредметного искусства. Характерно, что и в пору своих супрематических исканий (1915) «Красный квадрат» имел подзаголовок «Живописный супрематизм крестьянки в двух измерениях» (Сарабьянов, 1990: 142).

Красный цвет у Малевича — свойство и выражение крестьянства. Первый крестьянский цикл предшествовал и фактически включался в русло поисков оснований для введения беспредметности в русское искусство. Проблема цвета доминирует в творческих поисках Малевича, его понятие «цветоформа» передает смысловое содержание всякого цвета, взятого в чистом виде, когда цвет становится формой. Крестьянская вселенная предстает как цветоформа красного.

Во втором крестьянском цикле Малевича выражено соприкосновение с сегодняшним и завтрашним днем крестьянского мира, прощающегося с теплом своей местной вселенной. В образной системе программы супранатурализма он создает одно из самых трагических произведений, примыкающих к крестьянскому циклу, — «Сложное предчувствие (Торс в желтой рубашке)». Это не реализм

Е. М. Титаренко
Крестьянский
космос русско-
го авангарда
и эстетический су-
праморализм
Н. Ф. Федорова

в духе таких художников, как А. Венецианов, А. Иванов или П. Федотов, здесь фигуры даются «в супрематической трактовке» (Малевич, 2004: 235). В этом же цикле интересна работа «Голова крестьянина» (1928–1929), в которой используется мотив житийных клейм как фон, в центре композиции в перекрестии креста дано белое лицо, это — скорее, лик, эйдос, «рамка для многочисленных возможностей многоликости» (Меденица, 2018: 589). В лице крестьянина выражена идея первоначала, первореальности еще не проявившихся потенций.

Крестьянская тема стала источником вдохновения и поисков для художницы Натальи Гончаровой. До 10 лет она жила в окружении деревенской жизни и впитала дух природного бытия, его краски и ритмы. Художница была глубоко увлечена народным искусством, и не только его декоративной стороной, но простотой и монументальной мощью архетипических образов, чей циклический поток запечатлен в произведениях 1907–1913 годов: «Бабы с граблями», «Стрижка овец», «Уборка хлеба», «Беление холста», «Сбор плодов», «Бабы», «Хоровод», «Мать», «Крестьяне», «Крестьяне, собирающие яблоки», «Косари», «Зима. Сбор хвороста», «Купание лошадей». В этих работах предстает не рассказ о событии, а как бы икона действия, извечно повторяющегося, подчиненного природной необходимости созидательного усилия, приобретающего образ ритуала. Ритм этого действия воспринял от Гончаровой Малевич, вспоминая, что «Н. Гончарова и я больше работали в крестьянском плане. Она писала «Сбор плодов», я — «Жатву», «Сенокосы», «Похороны» и т. д. Всякое наше произведение носило в себе содержание, люди наши, хотя и в примитивных формах выражены, носили социальный план» (Малевич, 2004: 35). Осваивая смысловое пространство крестьянской темы, Гончарова подходила к тайне невидимого.

Космические интуиции русского авангарда соприкасались с опытом восприятия и осмысления сакрального пространства храма, которое столетиями хранило крестьянский миропорядок. Для художников это было частью экзистенциального, этического и эстетического опыта, побуждающего к созданию новых художественных форм, глубоких и выразительных, способных открыть неизведанные пути творчества. Образ природы как храма высвечивается в религиозном сознании всякий раз при осмыслении сущности мироустройства, когда важно уяснить архитектонику, основу и первоэлементы, вещество и форму явления, порядок созидания целого, соответствующего замыслу и цели. Сопоставляя восприятие образа храма художниками, примыкающими к авангардным движениям, с художественно-эстетической программой супраморализма Федорова, представляется возможным увидеть особенности феноменологической редукции, выраженной в описаниях сакрального пространства храма. С этой целью уместно взглянуть на проблему и с позиции эстетического супраморализ-

ма Федорова, и с позиции Малевича, создателя мифоонтологии в живописи супрематизма.

В проекте эстетического супраморализма Федорова храм предстает сакральным центром, с которого начинается путь человечества к соборному единству всех и преодолению смерти. Его проект обретал, как замечает С. Г. Семенова, «архитектурно-живописное выражение» (Семенова, 1995: 24). Проективная эстетика Федорова ищет формы архитектуры, способной передать идею божественного домостроительства. С этой высоты видится идеальный образ храма и сакрального пространства, выражающего эсхатологические чаяния и надежду на спасение. Здесь скорее выражено стремление показать онтологическую связь религии, науки, искусства в творческой деятельности объединенного человечества. В свете этого представления объясним глубокий интерес Федорова к пространственному в крестьянской Руси обычаю строительства обыденных храмов, возводимых миром в один или три дня. В суждениях об обыденных храмах внимание концентрируется на образе отношений людей, участвующих в строительстве и расправляющих тем самым сакральное пространство. Возведение обыденных храмов так же, как и толока (помощь), — это совместная работа крестьян, возводящих дом для семьи, видится выражением духа эстетического супраморализма.

Крестьянские серии Малевича в этом контексте предстают не как иллюстрации этапов теоретической и художественной эволюции творца, а как выражение духовного опыта, ощущения трагической незащищенности, безотчетного осознания доли человека в потоке истории. Крестьянский космос с его устоявшимися ритмами и предсказуемостью уже не видится родным, величественным и обжитым домом. Предчувствие надвигающегося перелома заставляло всматриваться в горизонты будущего не только сквозь призму теоретических проектов, утверждающих принципы и формы нового искусства, но и обращаться к опыту религиозного откровения. Образ храма связан с космическими интуициями Малевича. Храм видится сакральным пространством, проекцией космического движения к совершенству. Религиозность Малевича несводима к конфессиональным особенностям вероисповедания, он ищет универсальную религию, способную открыть человеку мировое пространство и вдохновить на действие по ту сторону реальности в вечности. Отчаянное стремление Малевича к теории сопровождалось духовными поисками, которые привели к предчувствию новой религии — «Религии чистого действия». Художника захватил образ храма, литургического действия, объединяющего и преображающего людей, так храм становится для Малевича местом соединения физической и метафизической красоты.

О пересечении творческих поисков с религиозными переживаниями в опыте самосознания Малевича свидетельствуют его до-

Е. М. Титаренко
Крестьянский
космос русско-
го авангарда
и эстетический су-
праморализм
Н. Ф. Федорова

верительные признания, высказанные в письме О. М. Гершензону (11 апреля 1920 год, Витебск): «Много лет я был занят движением своим в красках, оставив в сторону религию духа, и прошло двадцать пять лет, и теперь я вернулся и вошел в мир религиозный, не знаю, почему так свершилось, я посещаю церкви, смотрю на святых и на весь действующий духовный Мир, и вот вижу в себе, а может, в целом мире, что наступает момент смены религий, я увидел, что как Живопись шла к своей чистой форме действия, так и Мир религии идет к религии Чистого действия» (Малевич, 2004: 127). В исповедальном тоне этих слов звучит тема устремленности к бесконечности. Исходной точкой на этом пути художнику видится храм как священное пространство, которое может расширяться в масштабах Вселенной, основываясь на новых формах восприятия и конструирования реальности.

Описание храмов Малевичем всецело соответствует методу супрематизма. Так же, как в крестьянских циклах, он обращается в описании к образам цветоформ. Эти образы формируются на основании ощущений, как бы проникающих в суть вещей, запечатлевая невыразимое. Так, в письме Гершензону от 21 декабря 1919 года из Витебска он сообщает: «Я посетил церкви Католическую, Православную, Иудейскую. Три разных ощущения, три фактуры поверхностной формы и три осязания. Духовное движение в церквях напоминает: первое бархатное на фоне солнечного луча, полного жизни, соединенной с полем и людьми, второе густое красного деревянного цвета света солнца которого не касается (так в тексте), сытое. Третье хрустальное, без цвета, без всякого храма, освещаемое солнцем ярким маленьким, но солнцем не живым, а отраженным, которое сильно трепетно блестит, не греет и не цветисто, освещает оно такой же мир серый гранный, покрытый сплошь горами, на которых не видно ни растений, ни животных, ни людей» (Малевич, 2004: 115-116). В этом описании художник не затрагивает истории строительства храмов, их архитектуры, символизма храмового действия. Малевич стремится наглядно показать храм как космос природы. Эти мистические откровения выливаются у Малевича в идею религии «Чистого действия», к которой нужно вывести народ. Он считал, что «народ нужно вывести из всех религий к религии Чистого действия, в котором не будет никаких наград и обещаний» (Малевич, 2004: 127).

Следующий шаг в истории русского авангарда сделал художник Василий Чекрыгин, выступив с программой нового искусства, идущего дальше кубизма и супрематизма и создавшего художественное направление «Искусство — жизнь», объединенное идеями, выраженными в журнале «Маковец» (1921–1922). Чекрыгин всецело принял и развил учение Федорова. В трактате «О Соборе Воскрешающего музея» (1921) и в графическом цикле «Воскрешение мертвых» он описал образ объединенного человечества, идею синтеза науки и искусства. Крестьянские образы различимы в его графиче-

ческом цикле «Голод в Поволжье» (1922), где они близки замыслу сюжетов фрески «Воскрешение мертвых» (1921–1922).

В образах крестьянского мира художники русского авангарда выразили свое понимание человеческой сопричастности мирозданию. Сопоставление антропологической проекции искусства авангарда с проектом эстетического супраморализма Федорова показывает созвучность художественных образов крестьянского космоса идеям космизма о соотнесенности макрокосма (Вселенной) и микрокосма (человека). Крестьянский космос стал для русского авангарда источником поисков нового языка и содержания искусства. Продолжая «линию» крестьянства в искусстве, русский авангард в каком-то смысле разделит трагическую судьбу русского крестьянства в эпоху великих перемен.

Е. М. Титаренко
Крестьянский
космос русско-
го авангарда
и эстетический су-
праморализм
Н. Ф. Федорова

Библиография

- Арская И. И. (2019). Общество художников «Союз молодежи» // Общество художников «Союз молодежи»: к истории петербургского авангарда. Вып. 562. СПб.: Palace Edition. С. 5-14.
- Боулт Д. Э. (1990). Павел Филонов и русский модернизм // Мислер Н., Боулт Дж. Филонов. Аналитическое искусство. М.: Советский художник. С. 12-81.
- Гачева А. Г. (2010). На путях к творчеству жизни (Н. Ф. Федоров и В. Н. Чекрыгин) // «Служитель духа вечной памяти» Николай Федорович Федоров (К 180-летию со дня рождения). Сборник научных статей: В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. А. Г. Гачевой. М.: Пашков дом. С. 88-100.
- Йоуп М. Й. (1990). Хронология жизни Казимира Малевича // Казимир Малевич. Художник и теоретик. Альбом. М.: Советский художник. С. 8-27.
- Крусанов А. В. (1996). Русский авангард: 1907–1932 (исторический обзор). В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб.: Новое литературное обозрение.
- Малевич К. (2000). Собр. сочинений в пяти томах. Т. 3. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой. С приложением писем К. С. Малевича к М. О. Гершензону (1918–1924) / Сост. А. С. Шатских. М.: Гилея.
- Малевич К. С. (2004). Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. В 2-х т. Т. 1 / Сост. И. А. Вакар, Т. Н. Мищенко. М.: RA (Русский авангард).
- Матюшин М. В. (2000). Об относительности наших пространственных наблюдений // Органика: Беспредметный мир Природы в русском авангарде XX в.: Выставка в галерее Гмуржинска, Кельн, 1999–2000. М.: RA (Русский авангард). С. 20-22.
- Меденица В. (2018). Мат в два хода: можно ли говорить о существовании сходстве между супраморализмом Н. Ф. Федорова и супрематизмом К. С. Малевича // Московский Сократ. Николай Федорович Федоров. Сборник научных статей / Под ред. А. Г. Гачевой. М.: Академический проект. С. 572-589.
- Петрова Е. Н. (2021). Космизм в русском искусстве. СПб.: Государственный Русский музей, Palace Edition.
- Платон (1971). Тимей // Платон. Сочинения в трех томах Т. 3, ч. 1 / Под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М.: Мысль. С. 455-541.
- Поспелов Д. А. (2008). Амаравелла: мистическая живопись Петра Фатеева. М.: Фантом Пресс.
- Ракитин В. И. (2005). Предварительное действие // Мурина Е. Б., Ракитин В. И. Василий Николаевич Чекрыгин. М.: RA (Русский авангард). С. 145-151.

- Сарабьянов Д. В. (1990). Малевич в эпоху «Великого перелома» // Малевич. Художник и теоретик. М.: Советский художник. С. 142-147.
- Семенова С. Г. (1995). Философия воскрешения Н. Ф. Федорова // Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4-х томах / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. Т. 1. М.: Прогресс. С. 5-32.
- Федоров Н. Ф. (1997). Эстетический супраморализм // Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. III. Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. М.: Традиция. С. 352-354.
- Федоров Н. Ф. (2000). Астрономия и архитектура // Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4-х томах. Дополнения. Комментарии к Т. IV / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. М.: Традиция. С. 5-7.
- Филонов П. Н. (1990). Основа преподавания изобразительного искусства по принципу чистого анализа как высшая форма творчества. Система «Мировый расцвет». 1923 // Мислер Н., Боулт Дж. Филонов. Аналитическое искусство. М.: Советский художник. С. 175-199.
- Шатских А. С. (1993). УНОВИС — очаг нового мира // Великая утопия: Русский и советский авангард 1915–1932. Каталог. М.: Галарт; Берн: Бентелли. С. 72-83.
- Шатских А. С. (2000). Малевич после живописи // Малевич К. Собр. сочинений в пяти томах. Т. 3. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой. С приложением писем К. С. Малевича к М. О. Гершензону (1918–1924) / Сост. А. Шатских. М.: Гилея. С. 7-68.

Peasant cosmos of the Russian avant-garde and N. F. Fedorov's aesthetic supra-moralism

Evgeny M. Titarenko, PhD (Philosophy), Associate Professor, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University; Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences. Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia. E-mail: titem@mail.ru

Abstract. The author conducts a comparative analysis of the peasant cosmos representations in the Russian avant-garde art and of Nikolai Fedorov's aesthetic supra-moralism based on the works of visual art, articles, treatises, autobiographies and letters of K. Malevich, N. Goncharova, P. Filonov and V. Chekrygin. Aesthetic supra-moralism as the highest morality or "Universal Synthesis" is Fedorov's religious-philosophical doctrine promoting the idea of cosmism as a project of world order based on the all-unity and a synthesis of science, art and religion. Avant-garde artists expressed their understanding of the human involvement in the multifaceted and complex spatial relationships through images of the peasant world. By comparing the anthropological projection of the Russian avant-garde art with Fedorov's project of aesthetic supra-moralism, the author shows the similarity between the artistic images of peasant cosmos and the cosmic ideas about the correlation between macrocosm (universe) and microcosm (individuals). In this context, the author explains Malevich's return to figurativeness and anthropocentrism in his second peasant cycle. The article also considers cosmic intuitions of the Russian avant-garde as related to the perception and interpretation of the sacred church space and of the nature as a temple. Fedorov's ekphrasis of the Orthodox church describes the liturgical image of all-unity and kinship, uniting the peasant world as a cosmos. Malevich reduces this description to a color image or a feeling, in which the temple's objectivity dissolves.

Key words: peasantry, Russian avant-garde of the first quarter of the 20th century, peasant cosmos in art, suprematism, K. S. Malevich, analytical art, N. F. Fedorov's aesthetic supra-moralism, cosmism

References

- Arskaya I. I. (2019) Obshchestvo khudozhnikov Soyuz molodezhi [Artists' society "Union of the Youth"]. *Obshchestvo khudozhnikov Soyuz molodezhi: k istorii peterburgskogo avangarda*, no 562, Saint Petersburg: GRM, pp. 5–14.
- Bowlit J. E. (1990) Pavel Filonov i russky modernizm [Pavel Filonov and Russian Modernism]. Misler N., Bowlit J. *Filonov. Analiticheskoe iskusstvo*, Moscow: Sovetsky khudozhnik, pp. 12–81.
- Fedorov N. F. (1997) Estetichesky supramoralizm [Aesthetic supra-moralism]. *Sobranie sochineniy v chetyreh tomah*. Vol. 3] (Sost., podgot. teksta i komm. A. G. Gachevoy, S. G. Semenovoy), Moscow: Traditsiya, pp. 352–354.
- Fedorov N. F. (2000) Astronomiya i arkhitektura [Astronomy and architecture], *Sobranie sochineniy v 4-h tomah. Dopolneniya. Kommentarii k T. IV*. (Sost., podgot. teksta i komm. A. G. Gachevoy, S. G. Semenovoy), Moscow: Traditsiya, pp. 5–7.
- Filonov P. N. (1990) Osnova prepodavaniya izobrazitel'nogo iskusstva po printsipu chistogo analiza kak vysshaya forma tvorchestva. Sistema Mirovoy rastsvet. 1923 [The basis for teaching fine arts on the principle of pure analysis as the highest form of creativity: The World Flourishing System, 1923]. Misler N., Bowlit J. *Filonov. Analiticheskoe iskusstvo*, Moscow: Sovetsky khudozhnik, pp. 175–199.
- Gacheva A. G. (2010) Na putyah k tvorchestvu zhizni (N. F. Fedorov i V. N. Chekrygin) [On the way to the life creativity of life (N. F. Fedorov and V. N. Chekrygin)], "Sluzhitel dukha vechnoy pamyati". *Nikolay Fedorovich Fedorov (K 180-letiyu so dnya rozhdeniya): v 2 ch. Ch. 2*. (Pod red. A. G. Gachevoy), Moscow: Pashkov dom, pp. 88–100.
- Krusanov A. V. (1996) *Russky Avangard: 1907 — 1932* (istorichesky obzor). V 3 t. T. 1. Boevoe desyatiletie [Russian Avant-Garde: 1907–1932 (A Historical Review)]. In 3 vols. Vol. 1: The Combat Decade], Saint Petersburg: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Malevich K. (2000) *Sobranie sochineniy v pyati tomah*. T. 3. Suprematizm. Mir kak bespredmetnost, ili Vechny pokoy. S prilozheniem pisem K. S. Malevicha k M. O. Gershenzonu (1918–1924) [Collected Works in 5 vols. Vol. 3: Suprematism. Peace as Pointlessness, or Eternal Rest. With the Appendix of K. S. Malevich's Letters to M. O. Gershenzon (1918–1924)] (Sost. A. S. Shatskih), Moscow: Gileya.
- Malevich K. S. (2004) *Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche. Pisma. Dokumenty. Vospominaniya. Kritika*. V 2-h t. T.1 [Malevich about Himself. Contemporaries about Malevich. Letters. Documents. Memories. Criticism. In 2 vols. Vol. 1] (Sost. I. A. Vakar, T. N. Mikhienko), Moscow: Russky avangard.
- Matyushin M. V. (2000) Ob otnositelnosti nashih prostranstvennykh nablyudeniy [On relativity of our spatial observations]. *Organika: Bespredmetny mir prirody v russkom avangarde XX v.: Vystavka v galeree Gmurzhinska, Keln, 1999–2000*, Moscow: Russky avangard, pp. 20–22.
- Medenitsa V. (2018) Mat v dva khoda: možno li govorit o sushchestvennom skhodstve mezhdu supramoralizmom N. F. Fedorova i suprematizmom K. S. Malevicha [Checkmate in two moves: Is it possible to talk about the essential similarity between N. F. Fedorov's supra-moralism and K. S. Malevich's suprematism]. *Moskovsky Sokrat. Nikolai Fedorovich Fedorov* (Pod red. A. G. Gachevoy), Moscow: Akademicheskyy proekt, pp. 572–589.
- Petrova E. N. (2021) *Kosmizm v russkom iskusstve* [Cosmism in the Russian Art], Saint Petersburg: GRM.
- Plato (1971) *Timaeus. Sosineniya* [Works: in 3 vols. Vol. 3] (Pod red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa), Moscow: Mysl, pp. 455–541.
- Pospelov D. A. (2008) *Amaravella: misticheskaya zhivopis Petra Fateeva* [Amaravella: Mystical Painting by Peter Fateev], Moscow: Fantom Press.
- Rakitin V. I. (2005) Predvaritel'noe deystvie [Preliminary action]. E. B. Murina, V. I. Rakitin. *Vasily Nikolaevich Chekrygin*, Moscow: Russky avangard, pp. 145–151.
- Sarabyanov D. V. (1990) Malevich v epokhu "Velikogo pereloma" [Malevich in the era of the "Great Turn"]. *Malevich. Khudozhnik i teoretik*, Moscow: Sovetsky khudozhnik, pp. 142–147.

- Semenova S. G. (1995) *Filosofiya voskresheniya N. F. Fedorova* [N. F. Fedorov's philosophy of resurrection]. *Sobranie sochineniy v 4-h tomah*, Vol. 1 (Sost., podgot. teksta i komm. A. G. Gachevoy, S. G. Semenovoy), Moscow: Progress, pp. 5–32.
- Shatskikh A. S. (1993) UNOVIS — ochag novogo mira [UNOVIS — the center of the new world]. *Velikaya utopiya: Russky i sovetsky avangard 1915–1932. Katalog*, Moscow: Galart; Bern: Bentelli, pp. 72–83.
- Shatskikh A. S. (2000) Malevich posle zhivopisi [Malevich after the painting]. Malevich K. *Sobranie sochineniy v pyati tomah*. T. 3. Suprematizm. Mir kak bespredmetnost, ili Vechnyy pokoy. S prilozheniem pisem K. S. Malevicha k M. O. Gershenzonu (1918–1924) (Sost. A. S. Shatskikh), Moscow: Gileya, pp. 7–68.
- Youp M. Y. (1990) *Khronologiya zhizni Kazimira Malevicha* [Chronology of Kazimir Malevich's life]. *Kazimir Malevich. Khudozhnik i teoretik. Albom*, Moscow: Sovetsky khudozhnik, pp. 8–27.

«Воскрешение может быть не только для людей»**А. Бернштейн, Д. Ю. Сивков**

Аня Бернштейн, профессор антропологии в Гарвардском университете, Cambridge MA 02138, США. E-mail: abernstein@fas.harvard.edu

Денис Юрьевич Сивков, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра исследования космизма МВШСЭН, 125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: sivkovd@mail.ru

Интервью с Аней Бернштейн — профессором антропологии Гарвардского университета, автором книг про бессмертие и трансгуманизм в России, посвящено ее новому исследованию — этнографии Плейстоценового парка в Якутии. Антрополог Денис Сивков выясняет контекст этого исследования, а также основные идеи отца и сына Зимовых — создателей Парка, в котором восстанавливают экосистемы — мамонтовой степи, возрождение видов и сохранение вечной мерзлоты. Разговор происходит на фоне более широкого контекста — концепций русского космизма и тем регуляции природы, бессмертия и воскрешения.

Ключевые слова: Плейстоценовый парк, почва, экосистема, вечная мерзлота, крионика, космизм, будущее, возрождение видов

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-119-126

Д. Ю. СИВКОВ: Аня, сейчас ты работаешь над третьей книгой про Плейстоценовый парк. Первая была про буддизм в Бурятии, про смерть¹. Вторая — про бессмертие у российских трансгуманистов и, в частности, у космистов². Смысловой и твой карьерный переход между смертью и бессмертием кажется понятным. Наверное, буддийские монахи в каком-то лиминальном состоянии находятся между смертью и бессмертием. Как получился прыжок в Плейстоценовый парк?

А. БЕРНШТЕЙН: Первая книжка тоже получилась про преодоление смерти через буддистские практики, хотя я ехала изучать тибетский буддизм, его возрождение, связи между Бурятией и Индией. Там был нетленный лама Итигэлов. Другие ламы шутили, что в Москве бессмертный Ленин, а у них — Итигэлов. И нетленный лучше Ленина, потому что вождя

1. *Bernstein A.* (2013). *Religious Bodies Politic. Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism.* Chicago; London: University of Chicago Press.

2. *Bernstein A.* (2019). *The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia.* Princeton; Oxford: Princeton University Press.

сохранили с помощью науки, а лама сам себя сохранил до лучших времен как знак возрождения буддизма. Вокруг этого тела сформировался целый культ и новые практики. Я начала читать про Ленина книгу Нины Тумаркин³. Там в истории возникновения культа Ленина большая часть про федоровцев. До этого момента я никогда не слышала про Николая Федорова. Тумаркин считала, что коммунизм стал религией, взяв на себя сакральные функции. Исследовательница написала, что сторонники Федорова входили в комиссию, которая решала, что делать с вождем. Якобы Ленина сначала хотели заморозить, потом забальзамировали, но все это было с целью воскресить. Меня это сильно поразило. Я написала в первой книге длинное примечание про Федорова⁴. У меня было много материала про преодоление смерти и времени, две эти темы стали повторяться во всех моих книгах. Я подумала, что и реинкарнации, и нетленные тела монахов — все это способ преодоления времени и пространства, получения суверенитета над временем. Мне стало интересно, кто еще писал про такой суверенитет. Долго гуглила разные комбинации и ничего не нашла, кроме одной-единственной статьи медицинского антрополога Тиффани Ромейн про крионику⁵. Она писала, что крионика — это американская практика свободы от времени, свободы от смерти, личной свободы. Это своего рода инвестирование в страховку от смерти. В своей диссертации она исследовала практики выигрывания времени в биомедицине, когда замораживают эмбрионы, яйцеклетки и сперматозоиды. Крионика встраивается в эту биомедицинскую логику. Заморозка стала обыденностью, а крионика — пока футуристический проект. У меня это тоже в голове отложилось. Позже я выяснила, что в России, оказывается, есть крионика, но про последователей Николая Федорова я тогда еще не знала. Я приехала первый раз изучать эту тему в Россию в 2013 году, пошла в офис компании «КриоРус». Глава этой фирмы Валерия сказала мне, что, если я хочу исследовать трансгуманизм и бессмертие в России, мне обязательно надо поговорить с федоровцами. «Как бы мы там с ними ни спорили», — добавила Валерия. Я прочитала самого Федорова к тому времени, но не знала ничего про его последователей, про круг, который Светлана Семенова создала и Настя Гачева развивала. Во второй книге про трансгуманизм снова появилась тема времени и его

3. *Tumarkin N.* (1997). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press

4. *Bernstein A.* (2013). *Religious Bodies Politic. Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 13.

5. *Romain T.* (2010). *Extreme Life Extension: Investing in Cryonics for the Long, Long Term // Medical Anthropology*. № 2. P. 194–215.

преодоления. В том числе в русском космизме. Вот и у Муравьева книга называется «Овладение временем»⁶.

В офисе «КриоРус» была пара полок с книгами по теме и там стоял том Петра Шмидта «Анабиоз»⁷. Мне Валерия показывает эту книжку и говорит: «Видите, про анабиоз писали давно. Русский ученый. Мы считаем, что тоже в этом направлении работаем — лед, холод». Я начала думать о связи между льдом, холодом, временем, смертью и жизнью. Ведь действительно, холод останавливает биологические процессы. Анабиоз есть у некоторых живых существ. Есть еще криптобиоз, когда организм как бы засушивает себя. Такие процессы переопределяют жизнь и смерть, вводя третье неопределенное состояние. Русский ученый Порфирий Бахметьев первым начал писать про анабиоз, о том, что у анабиоза есть практическое применение. Например, можно найти в вечной мерзлоте останки животных и их потом воскресить⁸. В книге про трансгуманизм я снова сделала большую ссылку про мерзлоту, анабиоз и Плейстоценовый парк⁹. Редактор сильно ругался.

Д. Ю. СИВКОВ: Как тебе удалось попасть в Парк?

А. БЕРНШТЕЙН: Я думала после второй книги, что лет через пять, может быть, займусь Плейстоценовым парком, но случайно попала туда намного раньше. Меня пригласили какие-то футуристы в Сан-Франциско прочитать лекцию. Я решила рассказать им про трансгуманизм и Федорова. И узнала, что они сотрудничают, во-первых, с Джорджем Черчем — генетиком, который собирается возрождать мамонта. Этот проект поддерживает культовый персонаж Стюарт Бранд. Он автор такого экологического и контркультурного издания «Каталога целой Земли» (Whole Earth Catalog). Бранд увидел фото нашей планеты, сделанные американскими астронавтами из космоса, и подумал, что изображению не дают хода, стал везде раздавать значки с планетой. Он был таким культурным брокером между хиппи и хакерами, между контркультурой и технокультурой. Легенда гласит, что НАСА все же растиражировало эту картинку, и Бранд ее поставил на обложку своего каталога. Издание пользовалось безумным успехом. Никто даже не ожидал, что будет настолько успешным проект, этот каталог называют предшественником интернета. В общем, именно Бранд тогда организовал поездку в Плейстоценовый парк...

*А. Бернштейн,
Д. Ю. Сивков*
«Воскрешение мо-
жет быть не только
для людей»

6. *Муравьев В. Н.* (2011). Овладение временем как основная задача организации труда // *Муравьев В. Н.* Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН. С. 5-122.

7. *Шмидт П. Ю.* (1955). Анабиоз. Четвертое изд. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.

8. *Krementsov N.* (2014). Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. Oxford: Oxford University Press.

9. *Bernstein A.* (2019). The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia. Princeton; Oxford: Princeton University Press. P. 217.

Д. Ю. СИВКОВ: У Бранда какой был интерес к Парку?

А. БЕРНШТЕЙН: У него есть НКО *Restore and Revive*, которая занимается восстановлением видов. Есть такое слово “de-extinction” — действия, которые противостоят вымиранию. Руководит НКО жена Бранда. С Сергеем Зимовым Бранд был знаком, потому что Зимов приезжал в Штаты на первые встречи по восстановлению видов году в 2012-м. В Сан-Франциско после лекции ко мне подошел человек из этого фонда и сказал, что Бранд как раз собирается в Россию в Парк. Визионеру на тот момент было 80 лет. Я поняла, что мне надо срочно все бросить и «вписаться» в эту поездку, потому что второго такого шанса не будет. Я попала туда с ребятами, которые в этой поездке снимали документальный фильм про Бранда. В итоге в фильм попал большой кусок про Парк и Зимова. Компания подобралась приличная: был Черч, был Кевин Келли, который основал журнал *Wired*. Были и технари-бизнесмены, и биологи. Они хотели посмотреть на все своими глазами. Люди в Америке не очень хорошо представляют себе, что происходит в России, и где это. Мы приземлились в Якутии, а я говорю им, что это Азия. Они так удивились, что Россия и в Азии.

Д. Ю. СИВКОВ: Расскажи, пожалуйста, про Зимова. Как у него появилась идея парка?

А. БЕРНШТЕЙН: Плейстоценовый парк в каком-то смысле еще советский проект. Сергей Зимов об этом думал давно. Сначала это была тема климата вообще, о воскрешении животных речи не было. Эту «американскую» часть он принял позже. Скорее это была история про воскрешение экосистемы — мамонтовой степи, которая исчезла в конце позднего плейстоцена. Воображаемая мамонтовая степь живет у него в голове давно, с момента, как он попал на Север еще студентом. Родом Сергей из Владивостока. Он выучился на геофизика и работал потом там в университете. У студента Зимова была романтическая идея, он хотел жить в дикой природе, вдали от всего, охотиться, рыбачить. Зимов-отец приехал в Черский на Колыме, но не увидел там ни одного животного. Он поселился с семьей в тундре, в домике, ходил и проводил исследования. И видел множество костей, которые там вымывает, в том числе бивни мамонтов. Раньше животные были, а теперь нет. Нельзя ли как-нибудь так сделать, чтобы все это сн

ова было — мамонтовая степь? Зимов решил, что надо придумать как. Нужно завезти туда крупных копытных, они будут менять ландшафт, трофический каскад повлечет к изменениям со временем. Например, в Йеллоустонском национальном парке исчезли волки. Их завели искусственно, волки снизили поголовье лосей, стала расти ива и укрепляться берега, эрозия уменьшилась и так далее.

Д. Ю. СИВКОВ: Я хочу спросить про масштаб изменений. Допустим, в парке есть 100 километров огороженной территории. Мы же на уровне здравого смысла понимаем, что в антропоцене — в эпоху глобального изменения климата нужно восстанавливать

ландшафт на всей планете, а не на ста километрах. Все со всем связано. Выброс в Китае меняет погоду в Арктике и так далее. Как писал Циолковский, «фронт трудовой армии должен иметь и тысячу верст»¹⁰. Как Зимов смотрит на это напряжение между его очень «огороженными» возможностями и необходимостью глобальной регуляции?

А. БЕРНШТЕЙН: У него, конечно, амбициозные планы. Мы должны работать, ну если не на всей планете, то с полярной частью — Норвегия, Канада, Гренландия, наверное. Зимов просто считает, что надо расширяться, и как можно быстрее запустить миллионы животных. Копытные не очень любят забор, их нужно выпускать, чтобы они были самостоятельными. Но пока они огорожены, их нужно кормить, да и следить в суровых условиях Якутии. Холод никуда не денется, но Зимов считает, что животные адаптируются. Сейчас завезли верблюдов, и им вроде ничего. В Википедии я видела фотографию льва в новосибирском зоопарке зимой. Кажется, львам все равно на холоде. Зимов говорил мне, что можно даже селекцию среди слонов проводить для условий зимы.

Я хотела добавить еще про другой исток идеи Парка — следы от вездеходов в тундре. Вездеходы в советское время там все изъездили и нарушили мох — покров. Зимов ходил по тундре и видел, что в этих следах растет трава, а больше нигде не растет. Еще в тундре осталось много ржавых бочек от топлива с советских времен, такой «пикник на обочине». Возле этих бочек появляются оазисы жизни. Кроме того, Зимов замечал серьезные климатические изменения. Например, в озерах появлялись пузырьки. Это метан от растений. Земля нагревается, мерзлота тает, и газ начинает выходить. Его сын Никита показывал нам, как озеро гореть начинает. Он ходит с ведром и буквально собирает этот газ и потом поджигает. Выглядит так, что вода горит. На самом деле, конечно, метан. Он демонстрирует таким образом серьезные изменения климата. В общем, гипотеза такая: копытные или крупные животные в поисках корма зимой будут вытаптывать снег, который на самом деле как одеяло, греет почву. Мерзлота теплее под снегом. Соответственно, от воздуха мерзлота будет охлаждаться. Летом животные питаются травой, а зимой разгребают снег в поисках пищи. В мире до сих пор не знают, как остановить таяние вечной мерзлоты. Там же в мерзлоте останки, что накопились за многие тысячелетия. Как только она тает, все это оживает. Зимов говорит, что просыпаются микробы, очень голодные. Они садятся ужинать, а потом завтракать, и, значит, опять выделяются CO₂ и метан. Такой замкнутый круг. Животные должны нам помочь все это дело приостановить.

Д. Ю. СИВКОВ: Вернусь к Циолковскому. В «Будущем Земли и человечества» он предлагал вернуться на Землю из космоса для того,

*А. Бернштейн,
Д. Ю. Сивков*
«Воскрешение мо-
жет быть не только
для людей»

10. *Циолковский К.* (1928). Будущее Земли и человечества. Калуга: Издание автора. С. 6.

чтобы планету терраформировать¹¹. Земля должна быть равномерно теплой, комфортной. Трудовой фронт пойдет от экватора на север и на юг, соответственно для того, чтобы покрыть всю Землю сеткой. Планета будет оранжереей, как в космосе все эти замкнутые системы. При этом оставить нужно на Земле только полезные виды, а все остальные уничтожить. У него так вскользь проходит идея, что коренным населением, охотниками и собирателями тоже можно пренебречь. В них нет смысла, они не лучшая часть человечества. В какой-то момент можно использовать для работ, потому что они лучше к экстремальным условиям приспособлены.

А. БЕРНШТЕЙН: А какие полезные виды он предлагал оставить? Как определял полезность?

Д. Ю. СИВКОВ: Например, банан, финиковые пальмы, хлебное дерево — растения, которые содержат достаточно много белка. Циолковский же решает мальтузианскую проблему перенаселения Земли, у него много людей, которых нужно накормить, расселить. Нужно, чтобы небольшой участок земли приносил много калорий — «маленькая земелька для сытой жизни одного человека»¹². Он все это рассчитал достаточно хорошо, поэтому там банан и хлебное дерево он оставляет. У Зимова Парк — это проект регуляции природы. Как он предлагает относиться к человеческим и нечеловеческим существам? Это ведь не только животные, а и растения, почва, микробы, о которых ты говорила.

А. БЕРНШТЕЙН: Это сложный вопрос. Сын Никита Зимов говорил, что не надо им приписывать обожествление почвы, «мы выращиваем почву». Похоже на идею Василия Докучаева, но скорее Зимов-старший цитирует Вернадского. Любимая идея — «давление жизни»¹³. Везде должно быть много видов и организмов, жизнь заполняет по максимуму все ниши. Вот в тундре не было этого вала. Я у представителей коренных народов не спрашивала, но, видимо, Зимову придется при масштабировании парка как-то с ними договариваться и обсуждать. Ведь степь и мамонты будут вытеснять мох, а ягелем питаются олени у местных. Экосистема изменится, и другая жизнь заполнит все, значит, до максимума.

Д. Ю. СИВКОВ: В недавней статье про Плейстоценовый парк ты анализируешь идеи Докучаева в контексте концепции Зимовых¹⁴. Как ты пришла к такой интересной и необычной логической связке?

11. Циолковский К. (1928). Будущее Земли и человечества. Калуга: Издание автора.

12. Там же. С. 5.

13. Вернадский В. И. (2013). Биосфера // Вернадский В. И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 8. Живое вещество и биосфера / науч. ред. и сост. академик Э. М. Галимов. М.: Наука. С. 290-291.

14. Bernstein A. (2024). Pleistocene Park: Engineering wilderness in a more-than-human world // Critical Inquiry. № 3. P. 452-471.

А. БЕРНШТЕЙН: Надо было от чего-то оттолкнуться. Решила начать с Докучаева. В библиотеке нашего университета было дореволюционное издание его лекций. Там он критикует Дарвина: кроме конкуренции и борьбы есть еще закон любви и содружества между человеческими и нечеловеческими существами¹⁵. Очень похоже на теорию взаимопомощи у Кропоткина¹⁶. У Докучаева почва — это сотрудничество пяти агентов-почвообразователей разного масштаба: животные-растения, рельеф, микроорганизмы, время и климат¹⁷. Вместе они создают почву. Это межвидовое сотрудничество. Мне кажется, это все повлияло и на советских климатологов, почвоведов и на Зимова. Мне на Парк интересно было с этой точки зрения посмотреть.

У Зимова тоже есть сотрудничество трав и травоядных. Про животных он говорит, что это его друзья, соратники. И люди тоже. Он себя, свое существование считает частью экосистемы. Докучаев и Кропоткин взяли эту идею у русского биолога и зоолога Карла Кесслера¹⁸. Была большая дискуссия о рецепции Дарвина в России. Космист Вернадский, кстати, продолжает идеи своего учителя про взаимодействие разных уровней и систем. Я как-то была в Принстоне, чтобы обсудить рукопись книги с известным историком советской науки Майклом Гординым. Так вот, он сказал, что главный вклад России в мировую науку — это не космос, не бессмертие, а именно идеи в почвоведении.

Д. Ю. СИВКОВ: Ты же знаешь, что британский историк Дэвид Мун написал про то, как идеи Докучаева были перенесены в Штаты и спасли американские прерии от уничтожения? В 1930-е там был Dust Bowl — страшные пыльные бури на Великих Равнинах¹⁹. В фильме Кристофера Нолана «Интерстеллар» как раз реальные участники, которые были детьми в 1930-е и «вспоминают» пылевые бури как будто из научно-фантастического будущего.

А. БЕРНШТЕЙН: Нет, не знала! Интересно. Применительно к вечной мерзлоте важна и другая советская фигура — Михаил Сумгин. О мерзлоте хорошо пишет Пей-И Чу в книге «Жизнь вечной мерзлоты». Она анализирует советские дебаты о мерзлоте и о том, как появилась концепция такого типа почвы. Оказывается,

15. Докучаев В. В. (1949). К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны // Докучаев В. В. Избранные труды. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 486.

16. Кропоткин П. А. (2018). Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: НИЦ Луч и Редакция журнала «Самообразование».

17. Докучаев В. В. (1883). Русский чернозем. СПб.: Издание Императорского Вольного Экономического Общества. С. III.

18. Кесслер К. (1880). О законе взаимной помощи // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. № 1. С. 124–136.

19. Moon D. (2020). The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s–1930s. Cambridge: Cambridge University Press.

Кропоткин предложил этот термин — «вечная мерзлота»²⁰. Слово «вечность» как будто неслучайно добавляет здесь немного теологии. Сумгин вроде бы пишет вполне прагматические вещи, как нужно строить в мерзлоте дороги и мосты, и вдруг в одном из мест неожиданно говорит о том, что нужно сделать музей вечности, потому что там сохранились виды, которых нет. Музей-холодильник. Складывать туда представителей различных видов, чтобы сохранить и изучать²¹. Представляешь?

Д. Ю. СИВКОВ: Ничего себе! Любопытно, что Сетницкий тоже хотел сделать в мерзлоте некрополь, чтобы именно там сохранять для потомков умерших предков²².

А. БЕРНШТЕЙН: Да. Так вот, Сумгин на нескольких страницах описывает проект этого музея, а потом опять возвращается к экономике и инженерии. Я думаю, этот его музей совершенно федоровская тема. Такая и природная, и культурная крионика. В почве не только люди как бы выставлены и сохраняются для будущего и бессмертия, но и другие живые существа — мамонты и носороги. В этом смысле и Сумгин, и Плейстоценовый парк показывают, что и будущее, и воскрешение может быть не только для людей, а *more-than-human* — более-чем-человеческое.

“Resurrection is possible not only for people”

Anya Bernstein, Professor of Anthropology, Harvard University, Cambridge MA 02138, USA. E-mail: abernstein@fas.harvard.edu

Denis Yu. Sivkov, PhD (Philosophy), Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny Per., 3–5, bldg. 1, Moscow, 125009. E-mail: sivkovd@mail.ru

Abstract. This interview with Anya Bernstein, Professor of Anthropology at the Harvard University, the author of books on immortality and transhumanism in Russia, focuses on her new research — ethnography of the Pleistocene Park in Yakutia. The anthropologist Denis Sivkov discusses the context of this study and the main ideas of the Zimovs, father and son, creators of the park, about the ecosystem restoration — the mammoth steppe, the revival of species and the preservation of permafrost. The interview considers a broader context — the concepts of Russian cosmism and the issues of regulating nature, immortality and resurrection.

Key words: Pleistocene Park, soil, ecosystem, permafrost, cryonics, cosmism, future, revival of species

20. Chu P.-Y. (2020). The Life of Permafrost: A History of Frozen Earth in Russian and Soviet Science. Toronto: University of Toronto Press. P. 65.
21. Сумгин М. (1920). Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. Владивосток: Н. К.З. Дальне-Восточная геофизическая обсерватория. С. 330-337.
22. Сетницкий Н. А. (2008). О смерти и погребении // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. СПб.: РХГА. С. 396.

Трудовое мироотношение. Из архива философа

Н. А. Сетницкий

Публикатор: *Анастасия Георгиевна Гачева*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, руководитель Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук, главный библиотекарь, научный сотрудник Библиотеки № 180 им. Н. Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы. 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Аннотация. В настоящую публикацию включены архивные статьи и заметки Николая Александровича Сетницкого (1888–1937), философа, экономиста, статистика, одного из ведущих представителей той линии ноосферной, космической мысли 1920–1930-х гг., которая связана с продолжением и творческим развитием идей Н. Ф. Федорова. Публикуемые материалы относятся к 1923–1924 гг., когда Сетницкий жил и работал в Москве и совместно со своими друзьями-единомышленниками А. К. Горским и В. Н. Муравьевым занимался актуальной для первого пореволюционного десятилетия проблемой труда и научной организации труда. В отличие от теоретиков НОТ, мыслители-космисты федоровской ориентации трактовали труд как мироустроительную, космизующую и организующую деятельность человека в природе, направленную на преодоление хаоса, смерти, распада, как силу, противостоящую энтропии. Ряд публикуемых материалов предназначался для журнала «Октябрь мысли», с которым в 1924 г. активно сотрудничали Горский и Сетницкий. Размышления о цели труда соединялись с размышлениями о смысле культуры как благого возделывания и творческого преобразования мира. Статьи, связанные с проблемой трудового мироотношения, требующего активности человека в природе и противостоящего в этом смысле пассивно-потребительскому отношению к земле, выводили к выдвинувшейся в центр внимания для Сетницкого теме «Эксплуатация или регуляция?», разработку которой он вел в специальной статье. В подтексте статей, предназначавшихся для советской аудитории, был практически нивелирован религиозно-философский план трактовки понятий регуляции, труда и культуры, возводившихся Сетницким к исполнению заповеди «обладания землей», к эсхатологическому пересозданию мира, но некоторые словесные и смысловые обороты намекали на источную активно-христианскую направленность мысли философа.

Публикуемые тексты хранятся в составе харбинского архива Н. А. Сетницкого в собрании *Fedoroviana Pragensia* Литературного архива Музея национальной письменности (Чешская Республика). Ф. 341.

Ключевые слова: архивное наследие Н. А. Сетницкого, космизм 1920–1930-х годов, философия труда, регуляция, культура, борьба с энтропией, преобразование мира, проективизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-127-148

Черновой фрагмент работы «Эксплуатация или регуляция»¹

1

Вынесение вопросов, связанных с эксплуатацией², за скобки частных экономических проблем, вынуждает нас сделать ряд выводов самого общего значения для экономической науки вообще и для экономической политики в частности. Действительно: пока эксплуатация понимается как частная экономическая проблема, как факт, связанный с определенными отношениями в этой системе, возникающими на почве раздела продуктов, ее вредоносность, присущие ей разлагающие и угрожающие бытию этой системы тенденции естественно мыслятся как свойства того хозяйственного строя, в котором эксплуатация этого рода имеет место. Это ведет к отрицанию соответственных систем эксплуатации, к борьбе против них и замене их другими, построенными на каких-то иных основаниях. Но в тот момент, когда мы приходим к заключению, что этот переход сам по себе не есть что-либо спасительное и улучшающее положение, когда становится очевидным, что отдельные, частные и частичные перемены не приводят в существе ни к каким серьезным изменениям, представляя не что иное, как фазы одного и того же циркулярного процесса, в этот момент приходится спросить о значении и смысле всего хозяйственного процесса в целом, о смысле хозяйствования как такового.

Этот вопрос обычно не ставится. Хозяйственная деятельность в общих чертах характеризуется как деятельность, имеющая своей задачей удовлетворение потребностей, и потребностей преимущественно материальных. В этом качестве она представляется деятельностью, имеющей задачей поддержание и обеспечение жизни. В этом усматривается ее самодостаточность и самый вопрос о смысле ее устраняется. Но поскольку все известные нам хозяйственные системы построены на эксплуатации, использовании и истреблении и уничтожении ресурсов космоса, поскольку они все — одни в прежние времена бессознательно и наивно, а другие в настоящее время, сознательно и планомерно, постольку они в окончательном итоге идут и ведут к гибели. Наивные хищническо-парази-

1. В собрании *Fedoroviana Pragensia* отложился ряд материалов, черновых набросков, фрагментов текстов, относящихся к ведущему замыслу Н. А. Сетницкого 1920-х годов — книге «Эксплуатация или Регуляция?», в которой он планировал разработать представление о новой, творческой экономике, которая была бы построена на выдвинутом Федоровым принципе регуляции природы, основанной на всецелом познании мира. Печатается один из фрагментов.
2. Н. А. Сетницкий посвятил проблеме эксплуатации философско-экономический очерк «Эксплоатация», напечатанный в «Известиях русского юридического факультета в Харбине» (1928. Т. 5. С. 215–258).

тарные устремления прежних хозяйственных систем, скрывавших и паразитизм, и хищничество под разнообразными идеологическими покровами, сменились системами, осознавшими себя с этой стороны. Два типических для современности хозяйственных мировоззрения — капитализм и коммунизм (мы не говорим о тех или иных средних и компромиссных в существе формах либералистическо-социалистического толка или фашистски-синдикалистических построениях, являющихся гибридами этих двух основных) осознали себя как паразитарно-хищнические системы и самый спор между ними свелся к вопросу о недостаточной эксплуатации природы, задерживаемой внутренними противоборствами, являющимися в результате эксплуатации человека человеком. Но признание того, что борьба ведется в существе дела за комфорт и его равномерное распределение, т. е. за равномерную реализацию паразитизма и за вынесение хищничества из среды человечества вовне, с неизбежностью приводит к тем выводам, которые сделаны выше. Паразитарно-хищнические системы хозяйствования, сменяя друг друга, ведут на пути истощения используемой ими среды и тем самым к гибели и соответственного хозяйства, и ведущего его человечества. Чем глубже, продуманней и основательней поставлено ответственное хищнически-паразитарное воздействие на среду, чем шире и всеобъемлющей паразитизм и чем активнее и яростнее хищничество, тем ближе срок той окончательной гибели, которая ожидает всякого паразита и хищника.

Таким образом, современное хозяйство, в какой бы форме оно ни представлялось (коммунистической или капиталистической), одинаково идет и ведет к гибели. Тем самым современная экономия обесмысливается. Речь при оценке той или иной системы конкретного хозяйствования может идти о сроках, о более близком конце или об отдаленных относительно временах, но не о существе процесса и направлении, по которому он идет. Цель хозяйства, имеющего задачей поддержание жизни через удовлетворение потребностей, превращается в свою противоположность в лучшем случае, сводясь к отсрочкам, более или менее длительным, неизбежного конца. Самое слово экономия — домостроительство — теряет свое первоначальное значение. Хозяйство, построенное на эксплуатации, есть не что иное, как домостроительство гибели, подготовка и обеспечение приближения ее в акте уничтожения (более или менее растянутого во времени) паразитирующего (в комфорте) и хищничающего (в добыче) человечества.

Такое положение ставит экономическую науку в весьма тяжелое положение, при котором конец хозяйствования должен тем или иным образом отодвигаться из поля сознания и рассмотрения³.

3. Примером этого может служить вопрос о потреблении, столь важный с точки зрения определения целей хозяйства, и в то же время столь слабо разработанный — самое введение которого в систему отделов поли-

Если хозяйство есть экономия-домостроительство гибели, то самый процесс хозяйствования бессмыслен. Хозяйственный акт при таком положении должен иметь какое-то обоснование, вне его лежащее, должен служить какой-то другой цели, или, вернее, для него должна быть подыскана посторонняя ему, оправдывающая его цель. Тем самым хозяйственная деятельность принижается, превращаясь в низменное и презренное в существе своем занятие. От Платона до наших дней хозяйственная деятельность почитается и воспринимается как нечто низкое, презренное, служащее удовлетворению низких «материальных» потребностей, хотя самое существование иных высших потребностей, задач и целей. Вне подобного дуалистического построения невозможно мыслить хозяйство и хозяйствование для тех, для кого если не открыт, то хотя бы приоткрыт конец хозяйства, построенного на паразитическо-хищнической основе.

2

Раз современное общество есть экономия гибели и тем самым отрицание своей собственной основы, отрицание себя, как домостроительства, т. е. деятельности, создающей условия, обеспечивающие возможность жизни и ее сохранения, то возникает вопрос, возможна ли экономия как таковая в этом последнем смысле. Возможна ли экономия — хозяйство как домостроительство, домоуправление, как создание условий сохранения и обеспечения жизни? Другими словами, возможно ли хозяйство вне эксплуатации, как использования и истощения среды? Или иначе выражая ту же мысль: возможно ли иное, не паразитарно-хищническое отношение человека к среде? Возможна ли деятельность иного типа, не ведущая и не увлекающая хозяйствующее человечество на путь неизбежной и окончательной гибели?

В сущности, этот вопрос сводится к определению пределов воздействия человека и человечества на среду. Это вопрос предела человеческих потенций и условиях их актуализации. Задавая его, мы спрашиваем: обречен ли человек на то, чтобы всегда оставаться хищником и паразитом, или же он может выйти из этого положения? Всегда ли он будет и обречен быть захребетником и паразитом земли и солнца, или перед ним могут открыться или могут быть найдены иные пути жизни и деятельности, а тем самым и хозяйства как домостроительства, обеспечивающего и сохраняющего жизнь.

Все эти вопросы выводят нас из сферы постановки узкоэкономической проблемы, особенно в современном ее понимании. Они должны быть относимы к области проблем философской антропологии, к учению о человеке и его месте в мире, его потенциях,

тической экономии оспаривается, ибо потребление в существе есть истребление всех тех благ, о которых идет речь.

о пределах его воздействия на мир и его месте в мире. Это — круг вопросов, которые обычно упираются в дискуссию о свободе и необходимости. Практически применительно к вопросу о возможности экономии как домостроительства они сводятся к следующим вопросам: каково отношение и возможности человека в отношении к среде вообще и к природе в частности? Возможно ли с его стороны воздействие на нее сообразно его задачам и целям или его существование и деятельность всецело определены средой? Решать эти вопросы вне конкретных отношений, возникающих в процессе жизни и деятельности человека в существе дела, не нужно, если принять во внимание, что, когда мы говорим о необходимости как чем-то определяющим какое-то направление совершающихся событий и стечений обстоятельств, то всегда имеем дело с какой-то равнодействующей множества причин. В конце концов необходимость есть не что иное, как равнодействующая множества причин, возможностей и условий, движущих события и располагающих явления по какому-то установившемуся привычному или мыслимому таковому руслу. Таким образом, необходимостью сводится к внешне упорядоченному, стихийно реализующемуся движению и развертыванию события, которое в существе своем есть результат неисчислимого многообразия действующих сил. Многообразие сил-факторов и установленность, устойчивость реализации их и направленности их — таковы два момента, характеризующих необходимость.

Урожай и управление погодой⁴

В «Известиях ВЦИК'а» в течение последних месяцев неоднократно появлялись заметки, посвященные вопросу об управлении погодой. Сколько можно судить, они вызвали чисто теоретический интерес и до сего времени нам неизвестно ничего, что давало бы основание думать, что эти вопросы из стадии теоретического любопытства перешли в стадию практического обсуждения. Тем не менее практическая постановка этого дела чревата самыми неожиданными последствиями и весьма многие проблемы хозяйственной

4. Статья предназначалась для журнала «Октябрь мысли. Ежемесячника, посвященного вопросам культурного строительства пролетариата» (1924). Не была напечатана, по всей вероятности, в связи с закрытием журнала. Тематически статья продолжает тему, поднятую в 1922 г. И. П. Брихничевым, членом Помгола, предложившего создать при ВЦИК «Практический институт по борьбе с голодом», объединив вокруг этой задачи разные отрасли научного знания и практики (см.: *Брихничев И. П.* К голодной проблеме // *Известия ВЦИК.* 1922. № 162, 22 июля). Н. А. Сетницкий предлагает решать вопрос об обеспечении урожая путем атмосферической регуляции, актуализируя тем самым мысль Н. Ф. Федорова.

жизни СССР могут быть неожиданно быстро разрешены с разрешением задач по управлению погодой.

Действительно: последние сводки ЦСУ⁵ дают понижение показателей видов на урожай для Северо-востока. Это значит, что некоторые районы, уже перенесшие голод в 1919–1921 годах, находятся под новой угрозой голода. Достаточно вспомнить всем, кому пришлось пережить страшный 1921 год в голодных местностях, те ощущения бессилья при виде проходящих мимо туч, чтобы представить себе достаточно отчетливо все то, что связано с вопросами управления погодой. Для тех же, кто не пережил этой засухи и последующего голода, быть может, будут иметь значение следующие соображения.

Климат Союза Республик находится под постоянной угрозой двух противоположных течений: то сухие иссушающие дыханья Азии и ее пустынь, то влажные, вымачивающие посевы ветры Атлантики. В этих условиях живет страна, вынужденная еще долгие десятилетия строить свою экономическую жизнь на своей сельскохозяйственной продукции. Наши урожаи, в среднем достигающие до 42–45 пудов с десятины в хороших местностях, так низки не только потому, что мы слишком малокультурны, а и потому, что весьма трудно поднимать урожайность там, где она так сильно зависит от внешних климатических условий. Неверность наших урожаев в массе так мало зависит от тех или иных условий культуры, что об этом не приходится говорить, достаточно вспомнить народные пословицы. При таком положении нашей задачей, задачей, основной для всей страны, является обеспечение верных урожаев. Конечно, введение соответственных усовершенствований в дело сельского хозяйства — это вещь и нужная, и должная, и неотложная. Но это предприятие требует ряда многих лет и даже десятилетий. Но и это не обеспечивает, если принять во внимание неустойчивость погоды и важность специального климатического режима (климатического оптимизма) для благоприятного развития растения в небольшие и краткие критические периоды, определяющие его судьбу и вероятный урожай (здесь достаточно сослаться на работы ЦСУ — работы проф. Четверикова⁶).

Но с другой стороны, даже допустив, что агрономическая культура и только она может оказаться решающим фактором в деле повышения нашей сельскохозяйственной продукции, все же необходимо учесть и решить, что же выгоднее в наших условиях: ждать, пока через 25–30 лет мы добьемся продукции, равной бельгийской, или искать путей и способов закрепить повсеместно устойчивые урожаи путем работы по управлению погодой. Конечно, между этими двумя путями нет никакого противоречия и необходимо идти

5. ЦСУ — Центральное статистическое управление.

6. Николай Сергеевич Четвериков (1885–1973) — ученый-экономист, статистик, с 1919 г. работал в ЦСУ.

и той, и другой дорогой, но, несомненно, второй путь скорее способен дать ясные и отчетливые результаты и отразиться благоприятно на хозяйственной жизни страны. Как бы то ни было, но всем должно быть ясно, что позволить себе вторично, хотя бы и через 10–15 лет, переживать неурожай и голод, подобный бывшему в 1921 году, мы не можем и не должны.

Все это, несомненно, выдвигает на первый план требование практической постановки опытов по управлению погодой. Не надо ожидать, что это простое дело. На этом пути имеются серьезнейшие затруднения, и не только технического и научного свойства. Здесь придется преодолеть серьезнейшее сопротивление со стороны всех тех лиц, для которых небо, дождь, гром и молнии и т. подобные явления природы до сего времени представляются вещами священными. Эти люди окажутся не только среди разного рода представителей культов, которым даже покушение на управление погодой грозит потерей серьезной статьи дохода. Можно ожидать, что, как всегда и везде, часть профессионалов науки окажется противниками столь экстравагантных опытов, грозящих в корне переменить направление всех работ современности и наряду с метеорологией создать метеоротехнику. Однако не перед этими силами останавливаться. Несомненно, самая мысль об управлении погодой, о возможности по своему произволу устанавливать дождь и ведро привлечет внимание самых широких крестьянских кругов к этому вопросу. Несомненно также, что из наиболее заинтересованных в этом деле кругов в будущем выйдут деятели, у которых найдется достаточно смелости мысли и силы воли, чтобы осуществить «небесные каналы» и создавать и направлять погоду на благо широких масс населения, кровно заинтересованных в верном урожае.

Любопытно то, что в изданной в свое время Госиздатом книжке И. Кремнева «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»⁷, где изображается перестроенное на крестьянский лад будущее, вся сельскохозяйственная культура Советской Республики строится на управлении погодой посредством особых машин «метеорофоров».

Для того чтобы сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, представлялось бы настоятельно необходимым:

I. Открыть дискуссию по вопросу о возможности управления погодой и выяснить путем анкеты среди специалистов-метеорологов возможность постановки соответственных опытов, а также важность и необходимость их для СССР.

II. Собрать и издать все материалы по вопросу об управлении погодой.

III. Выяснить те опыты и средства, которые могут потребоваться для осуществления этого дела.

7. Кремнев И. [Чаянов А. В.] (1920). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М.: Гос. изд-во.

Что касается этого последнего пункта, то если мы тратили и тратим громадные средства на работы по Курской магнитной аномалии — а ведь и эти работы были под большим сомнением у весьма видных ученых — то при всей бедности советской страны найдутся средства и на постановку опытов, долженствующих обеспечить стране верный урожай.

Н. А. С.

Под заголовком:

Только Управление погодой может обеспечить СССР верные урожаи. Необходимо поставить это дело на практическую почву и подготовиться к постановке в будущем году соответственных опытов.

Н. А. С.

Н. А. Сетницкий. Октябрь Мысли. Секция НОУТ.
Гонорар передать об<щест>ву «Октябрь Мысли».

Пафос культуры⁸

Культура — великая культура будущего бесклассового общества придет; придет независимо от того, что мы о ней думаем, желанно или нежелательно для кого-либо ее появление. Почва для ее прораствания готова, взрыхлена и унавожена кровью. Экономические катастрофы будущего — и ближайшего будущего — это только последняя, может быть, трудная и затяжная корчевка пней пред распашкой, пред бороньбой и посевом.

Но эта неизбежность и необходимость появления новой культуры нового человечества не освобождает нас от обязанности дать воз-

8. В собрании *Fedoroviana Pragensia* хранится беловая рукопись статьи на трех больших листах, сданная в журнал «Октябрь мысли». На последней странице рукой неустановленного лица надпись: «Отзыв о статье», что свидетельствует о том, что статью планировалось направить на рецензирование. На первом листе рядом с заглавием надпись фиолетовым карандашом, предлагающая другое заглавие: «Культура как преобразование мира». В левом верхнем углу листа — рукописный «штамп»: «Редакция «Окт<ября> Мысли» 14/XI 1923. Выше проставлено: «5/2 экз.», указывающий на нужное для редакции число экземпляров перепечатки статьи. Помимо беловой рукописи в архивном собрании отложилась ее машинопись на пяти листах, а также черновая рукопись, с которой переписывался — с уточнениями и вариациями — беловик. В конце рукописи обозначен один из псевдонимов Сетницкого — Николай Кононов.

можно точные определения и характеристики как самого понятия культуры, так и того направления, которое ей надлежит принять при ее предстоящем развитии. Понятие необходимо для того, чтобы взять понимаемое, и чем лучше понятие, тем удачнее достижение. Понятие в этом своем качестве есть проект или основа проекта и способа действия. Мы же теперь не настолько богаты, чтобы позволить себе бессознательное вызревание понятий без знания о том, для чего и зачем им надлежит существовать и в каком деле они нас ведут.

Если все это так, то тогда, очевидно, понятие культуры может и должно быть понятием, определяющим действие, метод, цель и задачу. Оно не может быть перечислением свойств, качеств или сторон явления, всегда многогранного и многостороннего. Необходимо отметить в понятии культуры лишь характерное и неотложно нужное для предстоящей конкретной работы творческого воссоздания и сохранения жизни.

Почву и материал для таких изысканий, для определения обычного сокрытого под многозначным речением: культура, нам надлежит искать преимущественно у истоков отдельных конкретных культур. Иначе, если мы будем искать оснований и черт для построения определения культуры в эпохах «расцвета», то неизбежно наткнемся на сложный процесс разложения, рискуя пахучий распад и гниение определять как культуру. Ведь недаром же называют «культурой» разводку разных бацилл. «Культура рокфора» на Западе, «культура опиума» на Востоке — достойные образцы такого метода определения.

Говоря о культуре не как об общем явлении, протянувшемся общию линией из миновавшего в будущее, а об отдельных «культурах», мы, по существу, находимся под влиянием этих привычных путей определения культуры по моментам окончательного расцвета хозяйственной и политико-идеологической системы, осуществившейся в течение той или иной отдельной эпохи. Здесь, конечно, будет понятным выделение особенностей, своеобразий, вообще специфических черт, проявившихся и как будто присущих явлению культуры в данный момент. Как бы там ни было, но необходимо учитывать то, что в эти эпохи уже мы имеем дело с обычной борьбой и распадом, прошедшим порой незаметной, но резкой чертой через все основания этой так называемой специфической «культуры» данной эпохи. Единство культурного устремления покоится на расщепившейся экономической базе и неизбежным предвидится бурный удар тектонических сбросов или же медленное засыхание и старческое истощение. В такие эпохи особенно громко звучат рядом с громом пророчеств о гибели, пиршественные песни хозяев минуты, страшащихся заглянуть в безнадежность будущих дней.

Нам не приходится говорить о распадах и будущей гибели, и поэтому, если мы полагаем, что культура бесклассового общества должна органически впитать в себя все достижения человечества, то нам необходимо остановить свое внимание на истоках, на зерне, на зачатках. Там мы найдем в чистом виде все то, что является об-

щим для всех осуществленных конкретных «культур» и что, надо думать, естественно и неизбежно скрывалось, маскируясь, в годы «расцвета». Надо думать, что именно нам обретается все прозревавшееся всеми лучшими умами человечества, что искажалось и коверкалось противными силами, возникавшими в каждой среде сообразно с ее хозяйственной структурой, и что надлежит воспринять, впитать, обновить и исполнить и освятить в предстоящей осознанной и осмысленной культуре грядущего общества.

Итак, если мы возьмем хотя бы только ближайшие к нам эпохи: средневековую церковную культуру и так называемое Новое время, то у истоков одной мы найдем монашескую мистику и блаженного Августина, а пред другим: «новаторов»-гуманистов, научный метод и монументальную фигуру лорда Франциска Бэкона. Что же роднит меж собой этих людей, столь различных своею эпохою, взглядами и обстановкою жизни? Ведь в конечном итоге в истории мы видим их как врагов, как схватившиеся системы в виде церкви и государства, науки и религии.

Вот что достаточно достопримечательно: те и другие равно переполнены пафосом преобразования.

*Civitas dei*⁹, если подходить к этой книге не с точки зрения того употребления, которое из нее сделала католическая церковь, то окажется, что мы имеем перед собой бурный протест против прежнего римского строя и государства. *Civitas diaboli*¹⁰, римское государство, должно быть разрушено, прежние формы жизни должны быть отвергнуты. Общество и человечество должны быть преобразованы; *civitas dei* — это план универсального преобразования человеческого общества, проект грандиозный, если учесть конкретную обстановку, в которой он был начертан и задуман. Это полный проект перестройки и перепланировки всего человеческого общежития.

Но мистики? Можно думать, что они ни при чем в деле строительства культуры? В последнее время мы привыкли сваливать в одну кучу разные явления, многообразно обусловленные и своеобразно соединенные. В хозяйственной жизни варварских стран, возникавших из-под развалин Римской империи, было довольно людей, которых экономические условия эпохи гнали в аскетизм мистически-монашеского типа. Но наряду с этими условиями что же гнало туда лучших людей, людей стальной веры, силы и воли? Ведь аскеза не была услаждением на монастырских кухнях, да и кухня вначале не было, а была «пустыня». Тот же мотив, что и у Августина, мы найдем и здесь, но направленный несколько иначе. Смертный и плотский, колеблемый жизнью и тьмою житейскою человек — вот что отрицалось христианской аскетикою. И «работа», и «молитва», и «пустыня» — все имели конечною целью преобразование природного человека, «обоженье» его. Это положение можно доказывать большим матерьялом, точно так же, как мож-

9. Град Божий (*лат.*). Название сочинения блаж. Августина.

10. Град дьявола (*лат.*).

но и утверждать практическую «бесцельность» этих опытов и методов такого «обождения». Но удача или неудача в осуществлении замысла, правильный или ложный метод, примененный при достижении, сами по себе не колеблют и не дискредитируют цели. Как бы то ни было, а перед нами стоит преобразовательная задача, разрешавшаяся слабым и неумелым учеником¹¹.

Ту же преобразовательную стихию и цель мы найдем у Бэкона. *Novum organon*¹² — это предвосхищение большинства достижений науки последних веков, если не в их методическом и практическом осуществлении в позднейшей теории, то в гениальном проекте пересоздания и преобразования человеком внешнего мира. С достаточной долей смелости можно утверждать, что все достижения Нового времени в технике и в познании мира своими корнями уходят к этой любопытнейшей книге ученого лорда.

Такова та основная струна, дающая тон всякому культурному устремлению. Культура как преобразование мира — вот та основа, задача и цель, которая неизменно и неизбежно сопутствует всякому подлинному культурному акту. Исторически в основу нашей культуры положено преобразование общества, человека и внешнего мира, т. е. социальной среды, биологической и психофизиологической структуры и окружающей нас природы. Это и есть те задачи, которые надлежит разрешать строителям будущего человечества.

Теперь несколько слов о методах. Краткое рассмотрение тех направлений, на которые свернула жизнь и своротила за собою мысль, исказив ее основные построения, должен осветить нам предстоящее созидание культуры.

Отдельные направления преобразовательного метода мышления, лежащего в основе ближайших к нам культур, характеризуются тем, что в итоге ни одно среди них не вскрывалось как целостное и завершенное преобразование мира. Все они в окончательном счете фиксировались на отдельных комплексах: общество, человек, мир. Эта частичность (партийность) делала их слабыми. Все же весьма примечательно то, что были моменты решительных синтезов и создавались течения мысли, необычайно близкие к тому мировоззрению, которое ныне нами полагается в основание дела. Правда, все они в свое время опрокидывались экономикой.

Так прежде всего мы имеем такое явление в Средних веках. В тот момент, когда намечалась решительная трещина в базисе и расчле-

11. В черновой рукописи далее зачеркнут текст: «Любопытно и то, что, в отличие от других видов мистики, средневековая, и особенно православная, не говорят об конечном подавлении и уничтожении личности в Боге, так что их “богосынство” по усыновлению, их “теозис” мыслится социальным, общительным с Богом и с живыми людьми».

12. «Новый органон» (лат.) — название сочинения Ф. Бэкона, вышедшего в 1620 г. и заложившего основу философии и методологии науки Нового времени.

нялась основа хозяйственной жизни, когда духовенство в верхах начинало консолидироваться в завершённый, оформленный класс, сословно и юридически закреплявший при помощи разнообразных соглашений с дворянской властью и феодалами свою хозяйственную самостоятельность, в это же время мы имеем бурную очередную вспышку учений, впоследствии провозглашенных ересью и окрещённых общим названием «хилиазма». Общая сущность всех этих учений о Царствии Божием здесь на земле построилась на Откровении Иоанна. Апокалиптика тысячелетнего царства, активного миростроительства, пересоздания всех отношений, сначала общественных, а затем человеческих вместе с природными¹³, вся эта идеология царства святых, созидателей Горнего Иерусалима, встретила резкое сопротивление церковных верхов и естественно, что при тогдашнем развитии производительных сил победили не массы¹⁴. Для нас в этом деле поучительно то, каким способом правящие церковные круги закрепили и обеспечили за собою позиции, занятые отнюдь не идейным оружием. Апокалипсис, это средневековое учение о прыжке в царство святых, — был отодвинут в ряду церковных книг на второй план и объявлен книгой таинственной и малопонятной. Этим был изолирован идеологический источник движения. Затем самая идея активного пересоздания мира была дискредитирована тем, что оно было отложено первоначально на многие годы, а вслед за тем и совсем отнесено на конец совершенья времен. Кроме того, активный момент, предложение откровения выполнить то, что написано всем слушающим и читающим эту книгу, было вытравлено и подменено учением о магическом и чудесном осуществлении царства святых¹⁵. Естественно, что при таких условиях последние вспышки хилиастических порывов вылились в одиночные вспышки мюнстерского царства святых и построения хилиастического коммунизма Иоан-

13. Н. А. Сетницкий апеллирует к проблематике своей книги «О конечном идеале» (Харбин, 1932), ряд набросков к которой был сделан в первой половине 1920-х гг.

14. В черновой рукописи текст продолжен так: «а те, кто стоял на весьма прозаической базе церковных и монастырских земель и владений, феодалов и ленов, данных сначала на имя различных святых, а затем беззастенчиво признанных в качестве лена святого Петра ленами разнообразнейших клириков разнообразнейших рангов».

15. В черновой рукописи данный пассаж дан в другой версии: «Кроме того, и активный момент был старательно вытравлен из представления о неизбежно грядущей общественной, биологической и мировой катастрофе. Она оказалась в изображении тогдашних победителей не делом рук человечества, ставшего на богостроительский путь хилиазма и царства святых, царства, о котором сказано было:

«Над идолопоклонниками власть Тебе доставлю и жезлом железным будешь их пасти, Ты и перебудутся Они, как глиняные черепки; Тебе звезду я утреннюю дам». Апок. Гл. 2. ст. 27–28.

Осуществление этого царства было объявлено делом магического чуда, непонятного и непостижимого.

на Лейденского. Вслед за этими попытками организовать общество, построенное на коммунистических началах, вплоть до коммуны 1871 года мы имеем полное забвение идей тысячелетнего царства.

Если активная апокалиптика¹⁶ и революционный хилиазм были обезврежены бесконечной отсрочкой и бездейственным ожиданием чуда, то для нового времени мы получили новый и своеобразный уклон, искажающий мысль о преобразовании мира: это индивидуализм. Как и насколько это учение использовано капитализмом и как им ослаблена подлинно революционная сила научной работы и мысли последних столетий — об этом особенно распространяться не приходится. Это и сейчас живое орудие борьбы, не потерявшее своей идеологической силы.

Все вышесказанное дает основание сделать выводы от противного. Если культура есть преобразование мира: общества и человека вместе с природой, процесс пересоздания вселенной в плане общественном, биологическом и натуральном, то путь к осуществлению его идет через проявление активности, через работу, направленную к этим целям здесь и сейчас без откладывания на далекие сроки и без какой бы то ни было ставки на чудо, хотя бы оно мыслилось неизбежным и необходимым как ход естественно-го и стихийно-природного процесса. Равным образом к этой цели можно и должно идти лишь путем совокупных коллективных усилий, а не каких-либо, может быть, ценных, но все же единичных и обособленных индивидуальных достижений.

Трудовое мироотношение¹⁷

Раздел I. Общие положения

- А. 1. Труд как основа всякого сознательного существования.
2. Трудовое сознание, его непрерывность и всеобщность (коллективность) как основная задача жизни.
3. Жизнь как творческий преобразовательный процесс.
4. Преобразование мира как задача общего дела.
5. Общее дело — овладение космосом (природой — телом и сознанием человека — обществом).
6. Овладение как регуляция космосом (регуляция, а не эксплуатация).
7. Регуляция космическая.

16. Концепт «активной апокалиптики» был сформулирован А. К. Горским, Н. А. Сетницким, В. Н. Муравьевым с опорой на федоровское толкование «Откровения Иоанна Богослова» и подразумевал активность человечества в свершении эсхатологических обетований: воцарения Тысячелетнего царства Христа, преодоления смерти, воскрешения умерших.

17. План большой работы, посвященной трудоведению.

8. Регуляция психофизическая.
9. Регуляция социальная — психократическая¹⁸.
10. Полная победа над всяческим распадом как основная цель всего исторического и жизненного процесса.

Практические задачи

- Б. 1. Объединение на этих целях всего человечества.
2. Метод объединения — трудовая повинность в деле познания.
3. Приступ к трудовой повинности в деле познания — сверху, а не снизу, от высших по общественному и умственному положению жизни к низшим, а не наоборот.
4. Союз науки и труда.
5. Всеобщее научное производство и коллективная постановка и проверка всякого знания и опыта.
6. Борьба за прекращение эксплуатации всех видов.
7. Раскрытие и разъяснение всех символических и идеологических построений и обнажение образующих их элементов (отделение трудового от паразитического).

Ближайшая работа

- В. 1. Во всяком учении и мнении выделять и обнаруживать его трудовую основу и подпочву, обнажая все возможные уклоны в паразитизм.
2. Использовать все личные связи и столкновения с людьми для проведения в жизнь вышеизложенных положений, не делая разницы между разными политическими и общественными течениями и вскрывая общую их тенденцию к взаимной вражде как попытку общее дело жизни заменить всеобщей дракой и резней инакомыслящих.
3. Всюду проводить мысль, что всякая взаимная резня есть, помимо прочих причин, результат попытки подменить дело, общее всем и важное для всех, дело жизни делом раздела, распада и разъединения — делом смерти.
4. Всюду проводить мысль, что в современных условиях техники после опыта войны 1914–1921 года всякая попытка серьезная поставить войну и осуществить ее на деле грозит не только существованию европейских рас, но и существованию всего человечества и, б<ыть> м<ожет>, нашей планеты.
5. Пропагандировать повсеместно идею трудового объединения человечества¹⁹.

18. Определение «психократический» образовано от существительного «психократия», представляющего собой неологизм Н. Ф. Федорова, определяющий тип общества, вставшего на путь всеобщего дела и восстановления родства.

19. Далее в рукописи следует обозначение второго раздела: «Раздел II. А. Общие положения», однако содержание раздела не представлено.

Труд — сознательная преобразовательная деятельность человека.

Трудовой процесс — деятельность.

Противоположения: дело — безделье; труд — бестружье; трудовое — усилие, целесообразно направленное; даровое — деятельность, сознание, преобразование; определение труда недостаточно — самобытное, самостоятельное, некоторый выход из себя в акте преобразования. Даровое — получаемое без усилий несамостоятельным преобразовательным процессом — паразитизм.

Элементы паразитизма.

Виды его: 1) Паразитизм естественный, хищничество природное, паразиты внешние и внутренние. Живорождение как случай паразитизма.

2) Паразитизм социальный, привилегированность, хищничество на социальном теле, его формы внешние и внутренние. Паразитизм экономический, культурный, психический.

3) Паразитизм космический. Жизнь и смерть — природа, самодеятельность.

Восприятие и действие.

Расчленение восприятия и действия.

Трудовой процесс как соединение восприятия с действием через продукт.

Трудовое и даровое как две противоположности, два мироотношения.

Активное мировоздействие — пассивное мирозерцание.

Цель труда²¹

Вводные соображения

I. Следует ли ставить малоактуальные проблемы — проблемы окончательных целей — целей, достижение которых не видно, конкретно-трудно разрешимые проблемы — проблемы социалистического общества — царства свободы?

Пример 1: 1913 год и наши беседы о революции, о диктатуре пролетариата, о системе единоличных и коллективных диктатур, о пар-

20. В заметке противопоставляются два ключевых понятия философии Федорова, относящиеся к его социально-экономическим идеям, согласно которым человек все даровое, природой данное, должен заменить трудовым.

21. Ниже печатаются две заметки Н. А. Сетницкого, в которых он намечает разработку аксиологических проблем трудовой активности человечества, выводит понятие цели труда, возводя ее к идеалу «Нового неба и Новой земли».

ламентаризме и его вырождении, об экспертной системе государственно-политического строительства, прогнозы на 1923–1927 годы.

Пример 2: Товарищи в ссылке, их работа, подготовка проектов и планов работы на второй день после захвата власти. Разработка законопроектов, принципов строительства вплоть до циркуляров и выполнение их в жизни после октября 1917 года.

II. Современное положение аналогично: необходимо уже сейчас иметь ясное и четкое представление о том, что надлежит делать человечеству на второй день после прыжка из царства необходимости в царство свободы. Цели, задачи и методы работы уже сейчас должны быть учтены и соображены. Ясность и четкость целей уже сейчас важна по практическим соображениям. Такой вопрос, как НЭП и пересмотр политики сейчас. Нужно ли оставлять НЭП и как долго. Вопрос о мировой революции и сроках. Заданные сроки — 30–50 лет — это срок жизни нашего поколения. Это значит считать, что наше поколение выбыло из строя (Евреи — 40 лет странствовали в пустыне. Почему мы вынуждены прийти к НЭПу — почему евреи должны были 40 лет ходить по пустыне). Уяснение целей и задач неизбежно связано с уяснением средств, возможностей и путей достижения. А пафос искания, если он подлинно революционный, он необходимо связан с пафосом достижения, борьбы за осуществление и с осуществлением.

III. Вопросы цели — телеологии — нужны ли они? Вопросы — цели — возникнут сами, сами явятся и ответы. Телеология должна не быть идеалистичной. — Телеология и Теория. Теоретический и практический разум должны уступить место подлинному Разуму вещей. — Проективный разум. Проективизм как мироотношение, а не мирозерцание.

Цель труда

I. Организация и цель труда

Всякая организация имеет цель и должна ее отчетливо знать и сознавать ее. Керженцев, стр. 15²².

Организация труда (НОТ, НОУТ) и цель. Современное положение вопроса. Цель организации труда (всякого вида труда) — поднять его производительность; это основная задача, до которой поднялась мысль в вопросах о цели труда и его организации. Дей-

22. Платон Михайлович Керженцев (1881–1940) — теоретик научной-организации труда, автор ряда работ по проблемам НОТ, организации управления, экономии времени. Создатель «Лиги Времени», ставившей своей целью борьбу за время и связанную с ней эффективность труда

ствительная и окончательная это цель или одна из временных, конкретных задач.

Самый вопрос не ставится, а поднятие производительности предполагается как цель. В этом качестве НОТ аналогична тейлоризму, хотя нечетко создается какая-то принципиальная и глубокая разница между НОТ и тейлоризмом на Западе.

Необходимость поставить вопрос об основной и окончательной цели труда и, следовательно, и об цели организации труда. Пример по вопросу: зачем это ставить? Лига Время. Зачем организовывать время? Зачем беречь его? Задачи сегодняшнего дня и распределение времени. Герои Эренбурга с их идеально построенным бюджетом времени²³. Организатор общественного разврата и француз — владелец ртутных копей в России. Идеально организованное время этих людей — безобразие и извращение смысла постановки такой задачи: организация собственного времени для целей общественной эксплуатации и разврата и для целей самоуслаждения.

Отсутствие ясности в вопросе о цели труда. Формула: труд должен быть преодолен. 8-часовой рабочий день и 2-ух-часовой рабочий день. Проблемы сокращения рабочего времени и общественно-полезного труда и их временный характер: 1) агитационный в отношении общества, построенного на принципах эксплуатации, 2) в отношении к примитивным (обезглавливающим) формам физического труда (труд физический до его превращения в труд умственный). Обратная сторона вопроса об 8-часовом рабочем дне: 16-часовая праздность²⁴, а при идеале: 22-часовая. Смутное сознание величайшей ценности труда, и не ценности только практической, а абсолютной и безусловной (Пушкин — идея 24-часового трудового дня). Апология труда.

II. Цели труда — возможные решения вопроса

Методы определения цели труда. Исключение отдельных целей и определение последней и окончательной.

Труд и производство (соответственно — производительность труда). Вторичный, если не третичный характер производства в иерархии целей. Цель производства — удовлетворение потребностей. Потребности производственно-индустриального общества: 1) голод, 2) половой подбор (похоть). Удовлетворение того и другого и самоупражнение труда: Уэльс («Освобожденный мир»). Люди вниз; он же («Машина времени»). Вырождение — непосредственный исход культуры; Достоевский: люди великого Инквизитора.

23. Отсылка к роману И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921).

24. Характеристика свободного времени как «16-часовой праздности» идет от Н. Ф. Федорова, для которого священный труд регуляции и воскрешения призван целиком вовлечь в себя человека.

Царство иезуитов в Парагвае — труд и производство и результат — уничтожение, смерть.

Труд и знание, труд и искусство. Труд и интеллектуальное наслаждение. Подчиненное значение искусства и знания. Общество, освобожденное от заботы о средствах существования, и его жизнь в области интеллектуального. Общество ученых и художников n-ое в степени n произведений (книг, картин, поэм и т. д.). Бесцельный труд. Труд, как и игра и как сорт в интеллектуальной области. Знание и искусство не самоцельны, а лишь средства каких-то целей. И как средства они могут быть различно направлены. Уничтожение — смерть.

Труд и жизнь, труд и природа. Уничтожение жизни силами природы. Стихийный процесс распада. Труд как преобразование природы и обеспечение жизни. Труд и борьба с природой. Труд познания и управления природными стихийными силами. Труд и космизм. Угроза человеку со стороны мирового хаоса. Не оборона, а наступление. Выход человека в хаос для превращения его в космос. Жизнь, превращенная в труд познания и управления стихийными силами природы, действующими вне и внутри человека; труд непрерывного производства и воспроизводства собственной жизни «своею собственной рукой». Трудовое и даровое существование. Даровое существование обречено на всегдашнюю и рабскую зависимость от даров, безразлично, кто бы эти дары ни давал: Бог, природа, общество. Даровое — дар данайцев. Самобытное и самостоятельное удержание и поддержание жизни.

II. Окончательная цель труда

Полное и безраздельное овладенье сил природы путем познания их внутри и вне человека. Прекращение стихийного процесса и взаимного противоборства сил и стихий и направление их человеком: мировая, космическая регуляция.

Возможна ли такая цель? Не меньше, а даже больше, чем электрификация России. Она будет невозможной, если мы признаем ее невозможной. И эта цель, как и задача электрификации, будут невозможны, если никто их не будет ставить, никто не будет работать для их осуществления. Заслушав, а затем сложив руки, отложив достижение какой бы то ни было цели на столетия, никто никогда ничего не достигал.

Постановка такой цели необходима. Это выбор: жизнь и смерть. Только такая цель осмысливает всякий трудовой процесс. В постановке такой цели отличие: НОТ — от тейлоризма, НОУТ — от познания для познания; все остальные цели и задачи труда и его организации могут быть поняты, как конкретные организационные и подготовительные для осуществления этой главной цели.

Такая постановка цели труда — единственная стоящая на почве идей коллективизма? Христианство обоготворило крест — ору-

дие казни рабов, наша задача поставить труд (дело рабов) на высоту святости. Задача эта не может быть осуществлена силами одного какого-либо человека — это подлинная всеобщая задача всего объединенного человечества, победившего распад и его силы (буржуазию и деление на классы эксплуататоров и эксплуатируемых) в самом себе и выступающего на борьбу с распадом в природе.

Повинность познания²⁵

Одним из интереснейших моментов в русской революции является попытка осуществить всеобщую трудовую повинность. Этот опыт в будущем, несомненно, привлечет внимание исследователей, и можно думать, что многие из тех черт, которыми в настоящее время изображается эта попытка, будут критически взвешены и отброшены. В частности, вопрос об организации трудовых армий, как мероприятий, специфически свойственных эпохе так называемого военного коммунизма, будет, несомненно, пересмотрен, причем не только будет установлено, что работа по устройству и комплектованию трудовых армий продолжалась, и не только после провозглашения новой экономической политики и после снятия блокады до 22-го года, но даже и в 23-м году об мероприятиях, связанных с трудовой повинностью, говорилось как об актуальных задачах советского строительства. Но несомненно и другое. Будет установлено, что такое предприятие, как всеобщая трудовая повинность, не было для нас чем-либо новым и чуждым, вызванным к жизни исключительно положением страны, гражданской войной и блокадой или навеянными социалистическими или коммунистическими доктринами.

Идея повинности и службы в нашем сознании и в сознании народном является идеей весьма прочно укрепленной. И несомненно, между кажущимися экстравагантными европеизированному сознанию проектами, осуществлявшимися в эпоху революционного кипения, в нашей исконной традиции существует гораздо более глубокая и почвенная связь, чем это может представляться стороннему наблюдателю. Эта связь в свое время была разорвана законодателем путем издания указа «о вольности дворянству», естественным заключением и завершением которого был акт 1861 года, освобождавший крестьян.

Но сами по себе эти акты не подорвали в нашем сознании идеи службы и повинности. Это видно хотя бы из того, что большинство

25. В статье «Повинность познания» Сетницкий стремится раскрыть этический и аксиологический пафос идеи «трудовых армий», подчеркивая разрыв между замыслом, связанным с идеалом служения, чаянием регуляции, — и принудительным его воплощением, и вывода проблем коллективного трудового действия к задаче коллективного исследования природы («повинность познания») для разумно-творческой ее регуляции.

освобожденного от службы дворянства, даже в эпоху полной обеспеченности этого класса, стремилось служить, а самая «вольность» понималась преимущественно как свобода более раннего выхода в отставку. В крестьянских слоях идея повинности, как службы и крепости государству, жила не только в течение всего прошлого столетия, что видно хотя бы из ополченских волнений, но и до самого последнего времени, чему весьма способствовал общинный строй деревни.

Таким образом, возникает вопрос: в чем причины, вызвавшие неудачу трудовой повинности в эпоху революционных потрясений? Действительно ли это совершенно отжившая идеология, не имеющая под собой почвы в современном хозяйственном строе, перевозящем все на деньги (повинность в налог, жалованье в заработную плату), в строе, где все продается и покупается и где добро и внимание выражаются в денежной подачке, а зло и проступок караются штрафом. Если трудовая повинность связана не только с эпохой революционных войн и блокады и не является для нас наносной доктриной, а связана с коренным и глубоко-исконным строем отношений, идеологию кою не мог истребить полуторасотлетний перерыв, то ведь естественно было бы ожидать укрепления ее после революции?

Этого, однако, не произошло, и исследователю предстоит разрешить вопрос, что было причиной этого срыва.

Естественно, конечно, усматривать причину этой неудачи в экономике и т. под., но нам представляется, что причина его лежит в другой области. Введение такого мероприятия возможно только тогда, когда к нему приготовлена психика, и после того, как переустроена или восстановлена соответствующая идеология. При таком положении невозможно было довольствоваться ограниченными и слабо разработанными в этой области идеями, связанными преимущественно с утопическим социализмом. Необходима более детальная и продуманная идеология будущего строительства и на первом плане должна была быть оставлена и убедительно утверждена соответствующая окончательная цель.

Уже одно это соображение показывает, в каком месте сорвалось такое мероприятие, как всеобщая трудовая повинность. Введение ее нужно было начинать с того места, где была произведена отмена. Ошибка была в том, что трудовая повинность была декларирана сразу, одновременно для всех. Отмена государственной повинности и крепости государству была начата с социальных, а это значит, и с культурных верхов. Указ о вольности дворянству освободил культурные верхи, оставив под ними подневольную крестьянскую массу, как хозяйственную базу, причем ведь эта база представлялась лишь как обеспечение возможности выполнить те функции, которые были возложены на эти верхи. Поэтому первая повинность — повинность, которая должна была быть провозглашена русской революцией, должна была быть *повинностью познания*.

Первыми должны были быть обязаны повинностью социальные и культурные верхи, и эта повинность должна была осуществиться не путем снижения всех до уровня лиц, выполняющих примитивные и элементарные работы, а путем установления повинности для верхов, повинности взявших ключи разуменья. От этой вершины возможно было бы расширение круга повинностей. При этом, естественно, этот процесс должен идти путем расширения круга познающих и познаваемого. Лозунг: «Все должны быть познающими и все предметом познания»²⁶ — этот лозунг должен быть центром всех устремлений во всяком социальном и ином преобразовательном акте.

Конечно, говоря это, мы имеем в виду не популярное образование и обучение, а подлинное приобщение широчайших кругов человечества к исследованию причин, разделяющих и разлагающих общество, мир и самого человека, как живое существо. Равным образом мы говорим не о символическом только знании, доводящимся бездельным и беспочвенным умозрением и на нем завершающимся, а о знании, проверяемом коллективным опытом человечества, объединенного строительством реальной культуры будущего. Только на этой почве может быть осуществлен лозунг: «Ничего не должно быть дарового, а все должно быть трудовым».

Началом и концом всякого строительства и преобразования должно быть *познание*, и в начале, и в конце они должны осуществляться всеобщей повинностью познания и изучения слепых стихийных сил природы.

Labor worldview: From the philosopher's archive

N.A. Setnitsky

Publisher — Anastasia G. Gacheva, DSc (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian and Researcher, N. F. Fedorov Library No. 180 in the South-West Administrative District of Moscow. 25A, bld. 1, Povarskaya st., Moscow, 121069. E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

Abstract. This publication consists of the archival articles and notes by Nikolai Aleksandrovich Setnitsky (1888–1937), philosopher, economist, statistician and one of the leading representatives of the noospheric, cosmic thought of the 1920s–1930s, which is associated with the preservation and creative development of N. F. Fedorov's ideas. These works were written in 1923–1924, when Setnitsky lived and worked in Moscow; together with his like-minded friends A. K. Gorsky and V. N. Muravyov he studied the issues of labor and its scientific organization, relevant for the first post-revolutionary decade. Unlike theorists of the scientific-organization-of-labor approach, cosmists of Fedorov's orientation interpreted labor as a world- and cosmos-organizing human activity in nature, which aims at overcoming chaos, death and decay, thus opposing entropy. Some works were intended for the journal *October Thought* with which Gorsky and Set-

²⁶. В качестве лозунга Н.А. Сетницкий приводит выражение Н.Ф. Федорова.

nitsky collaborated in 1924. Setnitsky's reflections on the purpose of labor were combined with reflections on the meaning of culture as a good cultivation and a creative transformation of the world. Articles about the labor worldview as requiring human activity in nature and in this sense opposing the passive-consumer attitude to land led to the issue central for Setnitsky — exploitation or regulation, which he considered in a special article. In the subtext of his articles for the Soviet audience, Setnitsky practically removed the religious-philosophical interpretation of the concepts of regulation, labor and culture, which he linked to the fulfillment of the commandment to "subdue the earth" and the eschatological re-creation of the world; however, some verbal and semantic patterns hinted at the original active-Christian direction of his thought. The published texts are part of Setnitsky's Harbin archive in the Fedoroviana Pragensia collection of the Literary Archive of the Museum of National Literature (Czech Republic). F. 341.

Key words: archival heritage of N. A. Setnitsky, cosmism of the 1920s–1930s, philosophy of labor, regulation, culture, fight against entropy, transformation of the world, projectivism

Деревни «Кетского кряжа» XVII–XVIII веков: перспективы археологического и исторического изучения¹

Е. В. Барсуков, А. А. Идимешев

Евгений Владимирович Барсуков, научный сотрудник Лаборатории биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды, Биологический институт, Томский государственный университет. 634050, Томск, пр. Ленина, д. 36; научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. E-mail: barsukovevg@mail.ru.

Асап Алексеевич Идимешев, младший научный сотрудник Лаборатории APSACA, Национальный археологический центр Академии наук Республики Узбекистан. 100060, Узбекистан, Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81; старший преподаватель, Томский государственный педагогический университет. 634061, Томск, ул. Киевская, д. 60. E-mail: asap.i@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду русского освоения Нарымского края (север современной Томской области). Эта огромная по площади территория отличается суровыми природно-географическими и климатическими условиями, прежде всего, высокой степенью заболоченности (в настоящее время район приравнен к Крайнему Северу). Тем не менее уже во второй половине XVII в. здесь формируется сеть русских населенных пунктов, обитатели которых в хозяйственном отношении ориентировались на ведение пашенного земледелия. Данные селения располагались компактными микрорайонами. Один из них сформировался в нижнем течении р. Кеть, в районе, известном под названием «Кетский кряж». С точки зрения геоморфологии это фрагмент хорошо дренированных высоких надпойменных террас и водораздельной равнины, выделяющийся на фоне сплошь заболоченного Нарымского края. В первой половине XVII в. сюда был перенесен Кетский острог, являвшийся административным центром одноименного уезда. Он стал точкой притяжения земледельческого населения. Со второй половины XVII в. в его окрестностях начинает формироваться сеть русских заимок и деревень, а также появляются первые пашни. Суровые природные условия способствовали формированию здесь самобытного очага земледелия. В статье выявляются русские сельские населенные пункты, основанные в начальный период освоения Кетского кряжа, то есть во второй половине XVII — начале XVIII в. В качестве источников используются исторические картографические материалы, сведения путешественников и исследователей XVII–XVIII вв. На их основании устанавливаются связанные с первыми русскими селениями локации, имеющие потенциал для археологического и исторического изучения сельской культуры севера Западной Сибири.

1. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSWM-2024-0006).

Ключевые слова: Западная Сибирь, Томская область, Нарымский край, река Кеть, Кетский острог, русское освоение Сибири, аграрная колонизация, пашенное земледелие, заимки, русская археология Сибири

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-149-168

«...река Кеть тоскливая же для того, что по ней ни елани, ни поля нет, только лес непроходимой, болота и озера; и для того в Кети вода черная, а места сухого мало...»

(Спафарий, 1882: 83)

Прикетье — обширный регион, включающий долину р. Кети, одного из самых протяженных обских притоков общей длиной 1621 км (Евсеева, 2001: 135). В настоящее время этот водоток протекает по территории двух административных единиц: истоки находятся в Красноярском крае, а устье — в центральной части Томской области. Освоение Прикетья русским населением начинается с конца XVI в., с момента основания Нарымского и Кетского острогов. В ведомстве последнего оказался значительный фрагмент правобережья Средней Оби, в том числе и нижнее течение Кети, которое будет в центре внимания данного исследования.

В XVII–XIX вв. русло Кети было фрагментом пути, соединявшего Западную и Восточную Сибирь. По этой причине с XVII в. река фигурирует в записках-дневниках побывавших здесь путешественников и исследователей, отмечавших, прежде всего, свойственные водотоку неблагоприятные природно-географические условия. Первые сведения о кетском бассейне содержатся в записях Н. М. Спафария, проследовавшего по реке в 1675 году и зафиксировавшего высокую степень заболоченности ее берегов, как следствие — характерный дефицит пригодных для заселения участков (Спафарий, 1882: 71–83). Многочисленные описания и характеристики Кети в XVIII в. Отдельно стоит отметить данные Г. Ф. Миллера, отличающиеся разнообразными деталями и подробностями. В качестве особенности, выделявшей Кеть на фоне других сибирских рек, он указывал большие и частые повороты русла, значительно удлинявшие маршрут, а также неблагоприятные природно-географические условия. По его сообщению, люди на купеческих и других судах, двигавшиеся вверх по Кети от Нарыма до Маковского острога, проводили на этой реке по четыре недели и даже дольше. Вода в Кети, для тех, кто к ней не привык, считалась «нездоровой», однако осуществлявшие продолжительное путешествие люди вынуждены были ее употреблять. Итогом такой поездки для многих из них являлись различные заболевания (Миллер, 1996: 187). Проследовавший по этой реке в конце XVII в. Избрант Идес также отмечал, что путешествие вверх по течению Кети оказалось одним из наиболее неприятных и тяжелых на всем маршруте посольства, следовавшего через Сибирь в Китай

(Идес, Брант, 1967: 106–107). Также один из подобных примеров описан в дневнике Д. Г. Мессершмидта, помощник которого на протяжении всего путешествия по Кети в 1725 году страдал расстройством желудка (Messerschmidt, 1968: 240).

В XIX в. ситуация мало изменилась, князь Н. Костров писал: «Климат Нарымского края не отличается особенной суровостью против других мест Сибири, но это не выражает, что климат этот вообще можно было назвать благоприятным для здоровья. Цинга, которой не страдает почти редкий житель, горячка ревматического и тифозного характера, брюшной тиф, господствующий во время рекостава в особенности по Кети, катаральные страдания желудочного и дыхательного каналов, наконец ревматизмы, слишком хорошо показывают всю неблагоприятность здешнего климата» (Костров, 1872: 12).

Несмотря на неблагоприятные природно-климатические условия (нужно заметить, что в настоящее время север Томской области приравнен к районам Крайнего Севера) (Бардин, Липка, 2021: 131), часть бассейна р. Кети, входившая в ведомство Кетска, уже в XVII в. была заселена не только представителями коренных сибирских народов. Как минимум во второй половине XVII в. здесь появляются русские заимки и деревни с постоянным населением, практиковавшим пашенное земледелие. Русские селения концентрировались в нижнем течении Кети в пределах конкретного района, который упоминается в источниках и исследованиях под названием «кряж», «кряж Обской» или «Кетский кряж» (рис. 1) (Спафарий, 1882: 73; Нагнибеда, 1920: 38–39). В словаре В. Даля: «кряж — материк; твердая, отдельная часть чего-либо, составляющая по себе целое; сухое, не паханное место, полоса; материк — нетронутый пласт поверхности земли, кряж, природный, ненасыпной, ненаносный» (Даль, 1905: 533).

О наличии кряжа на данном кетском отрезке стало известно еще в XVII в., например, этот термин используется Спафарием (он двигался против течения реки и определял ее берега по ходу движения): «а от того Филкина яру шли Прорвою Ангиной, а на той Ангиной прорве кряж Обской. А тою прорвою ходу 2 версты. А та прорва на правой стороне Кети. А кряж на правой стороне прорвы...» (Спафарий, 1882: 73). Можно предположить, что «Кетский кряж» на картах был впервые обозначен на «Чертеже земли Нарымского города», входящего в состав «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11). На этой карте в левобережье Кети нанесена прерывистая толстая полоса желто-коричневого цвета, которая, по нашему мнению, характеризует возвышенность и может быть связана с кряжем (Барсуков, Черная, 2023: 126–127). На топографических картах в междуречье Кети, Оби и Чулыма отмечено урочище «Бельский Кряж», что указывает на закрепление этого термина — «кряж» — также и на уровне местной топонимики.

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кетского кряжа» XVII–XVIII веков: перспективы археологического и исторического изучения

Первая подробная характеристика «кряжа» и его обитателей была подготовлена только в начале XX в. В своем статистическом исследовании В. Я. Нагнибеда не только определил его границы, но и охарактеризовал особенности хозяйства проживающего здесь населения. По результатам проведенных обследований 1917 г. Нагнибеда отмечал, что правобережье Оби в пределах Нарымского края предполагает его слабую пригодность для земледельческой колонизации. Причина этому — значительная заболоченность, практически полное отсутствие суходольных пространств, преобладание сосновых насаждений, произрастающих на песчаных почвах (Нагнибеда, 1920: 37). Местное население не случайным образом называло именно правобережную часть Оби «болотной стороной» (Костров, 1872: 2). Кроме этого, правобережье изрезано разветвленной речной сетью, водотоки которой имеют хорошо развитые долины (Нагнибеда, 1920: 37).

На фоне сплошь заболоченного правобережья, не представлявшего абсолютно никакого интереса для сельскохозяйственной колонизации, крошечный по площади «Кетский кряж» выделялся как своими природно-географическими условиями, так и хозяйственной спецификой проживающего здесь населения. Нагнибеда отмечал, что в начале XX в. для его обитателей было характерно преимущественно земледельческо-промысловое хозяйство (Нагнибеда, 1920: 37). В период исследования здесь насчитывалось 587 семей коренных русских сибиряков, которые вели пашенно-промысловое хозяйство. В этих семьях проживало 3839 человек обоего пола. Еще 14 семей, а это 56 человек, являлись недавними переселенцами, которые придерживались такой же, как старожилы, экономической модели. Кроме этого, пашенно-промысловое хозяйство в пределах «Кетского кряжа» вели 15 семей остяко-самоедов, общей численностью 67 человек. Хозяйства, занимающиеся пашенным земледелием, высевали преимущественно озимую рожь, ячмень, яровую пшеницу, овес, лен и коноплю (Нагнибеда, 1920: 38–39).

Как видно из этого сообщения, к началу XX в. «Кетский кряж» был хорошо освоен земледельцами. На фоне слабозаселенного Нарымского края здесь отмечалась высокая демографическая плотность, а также значительные запасы сельскохозяйственных угодий. Об этом красноречиво свидетельствует карта 1914 г., составленная по результатам статистико-экономического исследования, произведенного Томским переселенческим районом в 1910–1911 гг. На этой карте в левобережной приустьевой части Кети и на прилегающем участке Оби обозначен значительный фрагмент пахотных земель и огородов, и плотная сеть деревень и заимок (Карта населенных мест..., 1914).

Таким образом, в 1914 г. фиксируются положительные результаты сельскохозяйственного освоения «Кетского кряжа», начало которому было положено во второй половине XVII в. Несмотря на суровые природные условия, характерные для Нарымского края

в целом, в этом районе все же сформировался самобытный очаг земледелия. Данную особенность Кети в начале XX в. емко описал Р. С. Ильин: «...это уголок наиболее старой земледельческой культуры в крае... отсутствие пришлого элемента содействовало развитию культуры в себе самой — недаром в кетских деревнях сохранился старорусский уклад и даже древнее искусство сказительства. Полунатуральный тип хозяйства обусловил довольно широкий набор культур; здесь выведены местные приспособленные к климату семена, выработаны в результате многолетнего опыта специфические местные приемы техники земледелия, обусловившие верные, и притом не низкие урожаи. Все это делает Кеть интересным и самобытным уголком Сибири, а потому ее опыт и достижения должны быть широко использованы в интересах развития сельского хозяйства северной Сибири» (Ильин, 1930: 146).

Исследователи на рубеже XIX–XX вв. фиксировали и характеризовали уже сложившийся на Нижней Кети сельскохозяйственный район, но, к сожалению, истоки и основные вехи освоения Прикетья русским крестьянским населением остались не изученными. Несмотря на солидную историю Нарымского края, сколько-нибудь пристального внимания к данному сюжету в научной литературе не фиксируется. Нужно заметить, что в поле зрения специалистов попадал в основном Кетск (Кетский острог), а деревни в окрестностях являлись скорее историко-культурным фоном его функционирования. Исключением можно считать работу Н. Ф. Емельянова, но и она посвящена Среднему Приобью в целом, а не сфокусирована конкретно на Прикетье и его особенностях (Емельянов, 1981). По этой причине актуальность изучения русского освоения и заселения нижнего течения Кети не подлежит сомнению. Представленная публикация является лишь первым шагом в обозначенном направлении и на данном этапе исследования имеет вполне конкретную цель: выявить сельские населенные пункты, основанные в начальный период русского освоения Кетского края, то есть в XVII — начале XVIII в., и на основании сведений письменных источников спрогнозировать связанные с ними локации, представляющие потенциал для археологического изучения сельской русской культуры севера Сибири.

В качестве источников будут использованы сведения путешественников XVII–XVIII вв., чертежные материалы С. У. Ремезова, картографические данные. Кроме этого, для уточнения локаций деревень в работе привлекаются картографические материалы, включая современные географические карты, а также исторические карты разных периодов.

С точки зрения геоморфологии «Кетский край» представляет собой фрагмент второй-третьей надпойменной террасы и водораздельной равнины, граница между которыми трудноопределима. На некоторых участках высокая терраса выходит к руслу реки, обнажающему его геологическое строение. Ширина площадки этих

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кетского
края»
XVII–XVIII ве-
ков: перспекти-
вы археологическо-
го и исторического
изучения

террас достигает 30 км, а абсолютные отметки колеблются в пределах 70–80 м при относительных высотах до 20 м. Поверхность террасы слабоволнистая, на приустьевом участке она хорошо дренирована, а вот в центральной и прибортовой частях сильно заболочена. В ее пределах преобладающими являются дерново-подзолистые почвы. С этой террасой связано подавляющее большинство известных здесь населенных пунктов (Евсеева, Зельман, 2000: 29–39). По-видимому, именно этот фрагмент был зоной притяжения русского населения XVII–XIX вв., ориентированного на ведение земледельческого хозяйства.

Еще в 1930 г. Ильин отмечал своеобразие почв и растительности левого берега Кети, оказавших влияние на его историю: «особенности почв и лесных насаждений нижнего левобережья Кети отразились и на экономической его истории. Кеть представляет собою старое гнездо русской колонизации Сибири... теперь на ней местами настолько часты деревни с распаханными сходящимися полями, что напоминают уголки по ту сторону Урала» (Ильин, 1930: 145). Видимо, по этой причине коренная растительность «Кетского кряжа» оказалась сильно трансформированной антропогенным воздействием. На сегодняшний день по правобережью р. Кеть проходит условная граница между Средней и Южной тайгой, в то время как непосредственно для «кряжа» характерны лугово-ивняково-осиновые ряды с переходом к сосново-кустарничково-сфагновым олиготрофным болотам.

Одно из самых ранних известных нам упоминаний русских деревень в пределах «Кетского кряжа» — это сообщение Спафария, проследовавшего по р. Кеть в 1675 г. Его данные представляют несомненный интерес, так как позволяют утверждать, что в окрестностях Кетского острога первые деревни были основаны еще до 1675 г. Двигаясь вверх по течению р. Кети, первой от ее устья он упоминает деревню Волкову: «да на правой стороне реки Кети деревня русская Волкова Кецкая, от протоки верста. А от той деревни до Кецкого острогу 2 версты». Спафарий приводит краткое описание Кетского острога, расположенного на «красном месте», а также фиксирует еще две деревни, к сожалению, их названия дипломат не приводит. Относительно одной из них он сообщает следующее: «да на правой стороне реки Кети деревня русская, от Кецкого острогу 2 версты, а в той деревне 7 дворов» (Спафарий, 1882: 73).

Сведения Спафария дополняют материалы Ремезова, которые, без сомнений, обладают уникальным информационным потенциалом по разным аспектам географии и истории Сибири. В контексте данной работы интерес представляют только два его чертежа: «Чертеж земли Нарымского города», который входит в состав «Чертежной книги Сибири» (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11) и лист Хорографической книги, где представлен «нарымский» отрезок Оби и ее приток р. Кеть (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 137–138). На обоих чертежах зафиксирована разнооб-

разная информация, в том числе обозначены и русские сельские населенные пункты.

На «Чертеже земли Нарымского города» бассейн р. Кеть охарактеризован достаточно подробно. Русские селения обозначены здесь на левобережье Кети в виде своеобразного сельского микрорайона, в центре которого располагается Кетский острог. К западу и востоку от острога картограф изобразил несколько русских селений. В нижнем течении реки — деревня служилых людей, «казаки Васька Волков с товарищи», которая находилась, по его сведениям, в 13 верстах от острога. Следующей вверх по течению Кети еще одна деревня служилого человека «казаки Овонка Родионов с товарищи». Располагалась она в устье р. Азанова. К востоку от Кетского острога обозначены еще три русские деревни. Одна из них находилась в 3 верстах от острога, к сожалению, никакого названия населенного пункта не приводится. В 8 верстах от острога располагалась деревня «казаки Петрушка Жданов», далее в 10 верстах «сухим путем» еще один сельский населенный пункт без названия (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11). Сведения чертежа однозначно указывают на существование сети русских деревень к концу XVII в., число которых по сравнению с периодом путешествия Спафария увеличилось. Они локализовались на левобережье Кети, в ее нижнем течении, и связаны с обозначенной здесь картографом возвышенностью, переданной в чертежах толстой полосой коричневого цвета, проведенной параллельно руслу Кети.

Более подробные сведения содержатся на листе, входящем в состав Хорографической книги. Данный источник более сложен для прочтения, но при детальном анализе позволяет получить солидный объем уникальной информации. На интересующем нас фрагменте чертежа с запечатленным Кетским острогом и его окрестностями представлена в том числе и схема размещения сельских селений. Деревни здесь обозначены в виде красно-коричневого квадрата, рядом с которым черным цветом указано название населенного пункта. Острог и все сельские населенные пункты приурочены к возвышенности, которая, как и в предыдущем случае, передана желтой полосой, симметричной водотоку. К западу от острога располагается д. Усть-речная, к востоку от него указан «микрорайон» из нескольких деревень. В его состав входит д. Курневская, расположенная на возвышенности, непосредственно на берегу р. Кеть, а также деревни Мохова, Юдина, Атяева, Комарова (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 137–138).

В XVIII в. наиболее полное описание левобережья нижнего течения Кети составлено Г. Ф. Миллером в 1740 г. Стремление системно и максимально полно описать огромную территорию обусловило тот факт, что Миллер фиксировал не только увиденное собственными глазами, но и сведения информантов, владеющих данными о той или иной территории. Миллеру не довелось посетить р. Кеть, тем не менее, будучи в Нарыме, он составил подроб-

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кетского
кряжа»
XVII–XVIII ве-
ков: перспекти-
вы археологическо-
го и исторического
изучения

ное описание этого водотока, где перечислил не только населенные пункты русского и инородческого населения и ключевые природные ориентиры, но и указал расстояние между ними. В своих путевых описаниях на интересующем нас отрезке он упоминает следующие деревни: 1. Тогурская, или Волкова; 2. Шириханова, или Усть-Речешная; 3. Курейская; 4. Юдина; 5. Атаева, или Осипова; 6. Комарова; 7. Тихонова (Миллер, 1996: 188–189).

Сведения Миллера выделяются объемом и информативностью, но нельзя не упомянуть его предшественника — Д. Г. Мессершмидта, которому удалось посетить р. Кеть, пройти по ней в сентябре 1725 г. от Маковского до Нарыма. Исследователь спешил: из Маковского он выехал 8 сентября, а уже 22 сентября участники экспедиции прибыли в Нарым. Возможно, по этой причине в дневнике он зафиксировал довольно скромное по объему описание интересующего нас участка р. Кеть. В нем он упоминает: д. Панову, д. Камарову, д. Отьягову, с. Мохово, д. Курескую, Кетскую слободу, д. Усть-реки, д. Волкову. В поисках продовольствия ему удалось побывать в двух населенных пунктах: д. Панова и д. Усть-речка, которые располагаются у основного русла реки, остальные деревни находились на протоках, и спешившему исследователю их посещение было невыгодно (Messerschmidt, 1968: 235–236).

Стоит упомянуть еще одного участника академической экспедиции — С. П. Крашенинникова, проследовавшего по р. Кеть в августе 1735 г., составившего перечень населенных пунктов и ориентиров с указанием расстояний между ними. В своем путевом реестре он упоминает на интересующем нас отрезке д. Комарову. По его данным, она находилась в 22 км от Кетского острога, и д. Волкову, которая располагалась от него в 71 км (видимо, речь идет о расстоянии по реке) (Крашенинников, 1966: 123).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют констатировать наличие русских деревень в окрестностях Кетского острога как минимум с 1675 г., периода путешествия Спафария. Они упоминаются в описаниях путешественников XVII–XVIII вв., фиксируются на картографических материалах разных периодов. Имеющиеся источники позволяют выделить ряд ранних русских селений в нижнем течении р. Кеть.

Деревня Волкова (Тогурская). Первой у Спафария упоминается д. Волкова, он размещает ее в 2 км к западу от Кетского острога (Спафарий, 1882: 73). Сведения не позволяют надежно соотнести упоминаемую им деревню ни с одним из известных нам населенных пунктов. В письменных источниках д. Волкова в нижнем течении р. Кеть упоминается неоднократно, однако трудность заключается в том, что населенных пунктов с таким названием на этом отрезке реки существовало несколько, ни один из них не размещался рядом с острогом. Все это говорит о стабильных и устойчивых связях этой династии Волковых с Кетском и его окрестностями, одна-

ко вряд ли позволяет проследить историю населенного пункта в его пространственной динамике.

Единственно надежно локализуемая деревня с таким названием располагалась в устье Тогурского рукава Кети. Исторические карты указывают, что она занимала эту локацию как минимум с начала XVIII в. Такой вывод можно сделать, анализируя «Чертеж земли Нарымского города», где указана деревня под названием «казаки Васька Волков с товарищи», расположенная в 13 верстах от Кетского острога (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11). Хотя это расстояние не соотносится с реальностью современных топографических карт, эта деревня, по нашему мнению, все же может быть отождествлена с современной д. Волковой. Это предположение подтверждает анализ общей ситуации на Ремезовском чертеже, прежде всего взаиморасположение водотоков. На чертеже деревня «Васьки Волкова» локализуется в устье небольшой речки, впадающей в Тогурский рукав, т. е. в отрезок р. Кеть, после ее выхода в пойму р. Обь и разлива на две приустьевые протоки. По современным данным, начало дельты Кети находится на гораздо более удаленном расстоянии, нежели 13 верст, о которых сообщает Ремезов. К такому же выводу можно прийти, анализируя расположение на чертеже устья р. Елтыревой, зафиксированной выше по течению деревни «Васьки Волкова». Путь до р. Елтыревой указан в полдня от Кетского острога, хотя реальная топографическая ситуация такова, что до устья этой реки от острога, даже по прямой, расстояние будет равняться более чем 20 км.

Таким образом, все это указывает на то, что деревня, обозначенная Ремезовым, и современная д. Волкова Колпашевского района являются одним и тем же населенным пунктом. Нужно заметить, что при описании р. Кеть Миллер также упоминает д. Тогурскую, или Волкову, расположенную немного выше Тогурского устья (Миллер, 1996: 188).

Д. Волкова, расположенная недалеко от Тогурского устья, зафиксирована на всех известных нам исторических картах, это позволяет проследить стабильность ее локации вплоть до современности. Судя по актуальным географическим материалам, она занимала фрагмент высокой кетской террасы, в виде мыса выходящей к руслу реки, по кромке которого располагались постройки деревни. На этом отрезке р. Кеть делает резкий поворот на север, выходит в обскую пойму, подмывая один из бортов мыса. Без сомнений, обнажения на этом отрезке берега представляют интерес для археологического обследования.

За весь период существования деревня была достаточно крупным населенным пунктом. В 1740 г. она насчитывала 7 дворов, где обитали служилые люди и разночинцы (Миллер, 1996: 188). Уже в 1782 г. в селении было 13 дворов с 27 жителями мужского пола (Емельянов, 1981: 158). А в конце XIX — начале XX в. д. Волкова стала центром крестьянской сотни, куда входило еще три деревни.

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кетского
кряжа» XVII–XVIII ве-
ков: перспекти-
вы археологическо-
го и исторического
изучения

В этот период в деревне насчитывалось 34 дома и 160 человек, по ровну представителей мужского и женского пола. Здесь действовала школа грамоты, открытая в 1896 г. и содержащаяся за счет всей волости (Плотников, 1901: 261). Населенный пункт является жилым до настоящего времени и потенциально может выступать объектом не только археологического, но и историко-культурного изучения.

Вышесказанное не означает, что Спафарий допустил неточность в своих описаниях. Не исключено, что изначально деревня с названием Волкова располагалась в непосредственной близости от острога, всего лишь в двух верстах, что было вполне естественно в начальный период сельскохозяйственного освоения этих мест. Все остальные указанные Спафарием деревни также находились в непосредственной близости от острога. Период существования д. Волковой мог быть недолгим, она могла быть перенесена, либо жители разъехались по другим населенным пунктам.

Деревня Курья (Курневская, Куренская, Курейская, Курейска). Еще одна деревня, о которой упоминает Спафарий, находилась в двух верстах от Кетского острога вверх по течению р. Кеть (Спафарий, 1882: 73). Вероятнее всего, речь идет о д. Курья, или Курейская, это один из самых ранних населенных пунктов в окрестностях Кетска. Емельянов датирует ее основание 1675 г., что совпадает с датой путешествия Спафария (Емельянов, 1981: 142). На «Чертеже земли Нарымского города» Ремезова в 3 верстах от Кетского острога также обозначена деревня, название которой, к сожалению, не указано (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11). Однако в другой карте Ремезова, происходящей из Хорографической книги, населенный пункт отмечен и размещен на возвышенности, прорисованной вдоль русла р. Кеть (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138).

Деревню Курейскую, как самую ближнюю к острогу с восточной стороны, описывает и Миллер (Миллер, 1996: 189). Таким образом, есть все основания предполагать, что Спафарий упоминал в своих записях именно этот населенный пункт. По мнению А. Ф. Плотникова, селение появилось в 1650-х гг. (Плотников, 1901: 272), однако по имеющимся данным мы не можем датировать эту деревню ранее периода путешествия Спафария, то есть до 1675 г.

На исторических картографических материалах д. Курья характеризуется стабильной локацией вплоть до современности. В настоящее время населенного пункта не существует, на современных картматериалах на этом месте представлено только урочище «Курья». Судя по имеющимся картам, она располагалась на возвышенной террасе, у подножия которой начиналось пойменное болото, дренируемое небольшим безымянным истоком, соединенным с безымянной старицей, по-местному «курьей», входящей в систему протоки Устиновой. Деревня Курья была крупным населенным пунктом. По сведениям Емельянова, в 1720 г. в д. Курейской было уже 27 дворов (Емельянов, 1981: 18), это не совсем коррелирует с данны-

ми Миллера, который указывает на 1740 г. всего лишь 15 крестьянских дворов в этом населенном пункте (Миллер, 1996: 189). В конце XIX в. она являлась центром крестьянской сотни, в которую входило 2 селения. В деревне насчитывалось 29 домов, была школа грамоты. В этот период в селении проживало 213 человек жителей, из которых 106 мужчин и 107 женщин (Плотников, 1901: 272). Этот объект представляет несомненный интерес для археологического изучения раннего периода русского освоения нижнего Прикетья. Особый интерес представляет детальный натурный анализ особенностей ее локализации, которая является не совсем традиционной для русских селений Нарымского края.

Деревня Родионова (Колмакова). На «Чертеже земли Нарымского города» кроме деревни казака Волкова упоминается еще несколько населенных пунктов. Вверх по течению от этой деревни обозначена деревня «казаки Овонка Родионов с товарищи», населенный пункт располагается в устье р. Азановой (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11).

Изучение исторических картматериалов не позволило выявить в нижнем течении р. Кеть населенного пункта с таким названием. Однако знакомство с доступной исследовательской литературой помогло установить, что в XIX в. д. Родионова, или Родионовка, была известна и под другим названием — д. Колмакова. На основании сравнительного анализа исторических и современных карт, данных письменных источников можно сделать заключение о том, что Родионова и Колмакова — это один населенный пункт, который на протяжении своей истории существования местоположения существенно не менял. Он находился приблизительно в 8 км от Кетского острога, занимал фрагмент высокой террасы, выходящей к основному руслу р. Кеть, здесь же протекает протока Родионовская. Деревня занимала оба берега приустьевой части р. Сунготь. Плотников считал это селение одним из самых старинных в волости. При этом он предлагал дату, которая вряд ли может быть подтверждена документально, — 1600 г. (Плотников, 1901: 265). По нашему мнению, основание этого населенного пункта на сегодняшний день можно определить временем создания «Чертежной книги Сибири», так как деревня впервые фигурирует именно на входящих в ее состав чертежах (Чертежная книга Сибири..., 1882: 11). Населенный пункт за весь период истории не характеризовался большим количеством жителей, тем не менее отмечен на всех имеющихся в нашем распоряжении исторических картах под названием «Колмакова».

В 1782 г. в селении имелось всего лишь 2 двора с 5 жителями мужского пола (Емельянов, 1981: 158). В XIX в. деревня входила в состав Устьреченской сотни, к концу этого века здесь все так же насчитывалось 2 дома, в которых проживало 20 жителей, 12 мужчин и 8 женщин. Плотников, будучи приставом Нарымского края, отмечал, что население быстро сокращалось из-за выезда обитате-

лей деревни в другие селения (Плотников, 1901: 265). Тенденция сохранилась и в XX в., поэтому в настоящее время населенный пункт находится на грани исчезновения.

Деревня Усть-речная (Усть Речная, Усть-реченка, Усть-Речешная, Усть-Речка, Усть-речинска, Шириханова). На интересующем нас листе Хорографической книги единственным сельским населенным пунктом, расположенным вниз по течению от острога, является д. Усть Речная (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 137). Она локализуется в устье левого притока р. Тазатки (Тазатаки), занимает возвышенность на ее левом берегу. Этот населенный пункт хорошо известен по современным картам, где обозначен под названием «Усть-Речка», располагается он на левом берегу р. Касатки, в ее устье, занимает фрагмент возвышенной террасы, выходящий бортом к руслу реки. Интересно, что в XVIII в. эта речка называлась р. Tosat (Сибирь XVIII века..., 1996: 188), а еще в первой четверти XX в. она значилась под названием «Тасатка», что практически аналогично варианту на чертеже Ремезова (Томская губерния..., 1922: 5).

Таким образом, данные Ремезова полностью соответствуют современной топографической ситуации, за исключением масштаба, который практически полностью игнорируется на чертеже, хотя неоднократно замечалось, что несоблюдение пропорций и масштаба является особенностью материалов Ремезова в целом. На чертеже Ремезова д. Усть Речная отстоит от острога на значительном расстоянии (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 137), хотя на географических картах она находится всего лишь в 8 км к западу по прямой от Кетского острога. Вполне очевидно, что название населенный пункт получил по особенностям локализации, связанным с приуроченностью к устью реки. Судя по имеющимся материалам, местоположение населенного пункта оставалось стабильным на протяжении всей истории его функционирования, которое к настоящему времени продолжается лишь формально.

Населенный пункт не был многолюдным по числу жителей. В 1720 г. в деревне насчитывалось 5 дворов (Емельянов, 1981: 21), а в 1740 г. здесь имелось 9 дворов служилых, посадских и разночинцев (Миллер, 1996: 188). Тем не менее в XIX в. Усть-Речка становится центром крестьянской сотни, в состав которой входило 11 селений. В самой деревне в конце XIX в. насчитывалось 10 домов с 69 жителями (34 — мужского пола и 35 — женского). В этот период в селении действовала мелочная лавка, функционировала школа грамотности (Плотников, 1901: 266).

Указанные Ремезовым 4 деревни на р. Лисице своей локализацией действительно представляют своеобразный «сельский микрорайон» (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138). Несмотря на то что локация каждой из них имеет свои конкретные природно-географические особенности, нужно отметить компактность их рас-

положения: все они располагаются на отрезке берега протяженностью менее 5 км.

Деревня Мохова (Моховая). Впервые населенный пункт отмечен в Хорографической книге Ремезова, из указанных выше четырех деревень она изображена ближе всего к Кетскому острогу на возвышенности, которая передана красно-коричневой полосой (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138). Судя по имеющимся материалам, весь период существования деревня имела единственное местоположение, сохранившееся до настоящего времени. На некоторых исторических картматериалах она отображена на расстоянии около 1,5 км от русла реки. Анализ современной ситуации указывает, что это соответствует действительности, так как населенный пункт отделен от Юдинской протоки Тисанским болотом. Тем не менее деревня занимала фрагмент высокой террасы и соединялась с рекой тропой, проложенной через болото первой надпойменной террасы и поймы. Миллер указывает, что деревня находится в истоке р. Angu, верхнее течение которой располагается на расстоянии приблизительно 3 версты (Миллер, 1996: 189). Нам не удалось интерпретировать эти сведения и даже на уровне предположения определить, какой водоем имели в виду информаторы, передавшие Г. Ф. Миллеру эти сведения.

Интересным является факт упоминания Д. Г. Мессершмидтом населенного пункта Мохова не как деревни, а как села. Это подразумевало, что в населенном пункте была церковь, однако эта информация требует проверки, так как ни в каких других источниках этих сведений не зафиксировано (Messerschmidt, 1968: 235).

Деревня Мохова была крупным населенным пунктом. Уже в 1740 г. здесь имелось 30 дворов, часть которых была крестьянскими, часть принадлежала «беломестным» казакам (Миллер, 1996: 189). В конце XIX в. Мохова являлась центром крестьянской сотни, в которую входило 3 селения. В деревне насчитывалось 35 домов и 200 жителей. Среди них было 110 мужчин и 90 женщин (Плотников, 1901: 272).

Относительно даты основания населенного пункта существуют разночтения. По мнению Плотникова, селение было основано в 1620–1640 гг. (Плотников, 1901: 272), однако документальных данных, подтверждающих такую хронологию, не имеется. На сегодняшний день мы можем датировать этот населенный пункт периодом создания Хорографической книги Ремезова, то есть первым десятилетием XVIII в. (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138). В настоящее время населенный пункт является функционирующим и относится к Новоселовскому сельскому поселению Колпашевского района.

Деревня Юдина. Населенный пункт является еще одной деревней, обозначенной Ремезовым на интересующем нас листе Хорографической книги (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138). Судя по имеющимся материалам, деревня не меняла своего ме-

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кетского
кряжа» XVII–XVIII веков: перспективы археологического и исторического изучения

сторасположения на протяжении всего периода существования. Она располагалась недалеко от деревни Моховой, однако в отличие от нее занимала фрагмент высокой террасы, выходящей к руслу в виде широкого мыса, у подножия которого протекала протока Юдинская. По-видимому, Миллер называет эту протоку озером Mudsche-sok и указывает, что населенный пункт находится в его восточной части (Миллер, 1996: 189). По мнению Плотникова, селение получило название по фамилии первых поселенцев и возникло гораздо позднее д. Моховой, а именно в 1780 г. (Плотников, 1901: 272). Материалы Ремезова указывают, что дату основания деревни можно удревить практически на целый век и, как и в предыдущем случае, определить первым десятилетием XVIII в. (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138).

Населенный пункт не был многолюдным. В 1720 г. здесь было только 2 крестьянских двора (Емельянов, 1981: 18), а уже в 1740 г. насчитывалось семь отдельных дворохозяев (Миллер, 1996: 189). Эта тенденция сохранялась в XIX в., когда Юдина входила в состав Моховской крестьянской сотни. В конце XIX в. здесь проживало всего 13 жителей, из которых 7 мужчин и 6 женщин (Плотников, 1901: 272). Как и д. Мохово, населенный пункт является функционирующим и относится к Новоселовскому сельскому поселению Колпашевского района.

Деревня Атяева (Атаева, Осипова, Остякова, Отяевка). Деревня является еще одним населенным пунктом, входящим в состав «сельского микрорайона», обозначенного Ремезовым на одном из листов Хорографической книги (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138). Плотников предполагает, что деревня возникла 10–12 лет спустя после д. Комаровой (Плотников, 1901: 273). Населенный пункт упоминается Миллером, который сообщает, что она располагается на берегу маленького озера, в 3 верстах от берега и 4 верстах от д. Юдиной (Миллер, 1996: 189). На исторических картах разных периодов Атяева непременно присутствует. На современных картах ее месторасположение фиксируется по наличию одноименного урочища, расположенного на юго-восточном берегу оз. Большого.

Место, где находилась деревня, принадлежало инородцам, пустившим на свою землю крестьян за кортомную плату, от которой жители селения быстро отказались. По мнению Плотникова, ее название происходит от названия р. Атявы (Плотников, 1901: 273). К сожалению, водотока с таким названием в окрестностях деревни нам не известно. В 1720 г. в деревне насчитывалось 7 дворов (Емельянов, 1981: 18), а в 1740 г. здесь имелось уже девять крестьянских дворов (Миллер, 1996: 189). В XIX в. деревня Атяева входила в состав Комаровской крестьянской сотни, к концу этого века в деревне насчитывался 21 дом, проживало 134 жителя, 70 мужчин и 64 женщины. В Атяевой была школа грамоты, которая содержалась за счет всей волости. Учащихся в школе насчитывалось от 16 до 20 человек обоего пола (Плотников, 1901: 273).

Деревня Комарова (Камарова). Деревня является последним населенным пунктом «сельского микрорайона», обозначенного Ремезовым на Нарымском чертеже Хорографической книги (Хорографическая чертежная книга..., 2011: 138). Местоположение населенного пункта не менялось на протяжении всего периода его существования, деревня непременно присутствует на всех известных нам исторических картах. В настоящее время местоположение населенного пункта определяется по локализации одноименного урочища. Миллер сообщает, что она располагалась на маленьком озере, недалеко от берега, в трех верстах от д. Атяевой (Миллер, 1996: 189). По данным современных географических карт можно констатировать, что деревня занимала фрагмент высокой террасы на берегу протоки Юдинской, на незначительном удалении от русла. Вполне естественным выглядит предположение Плотникова, что название деревня носит от первых жителей Комаровых (Плотников, 1901: 273). В 1720 г. в Комаровой было только 2 двора (Емельянов, 1981: 18), а в 1740 г. деревня насчитывала уже 10 крестьянских хозяйств (Миллер, 1996: 189). В XIX в. Комарова являлась значимым населенным пунктом, центром крестьянской сотни. В конце XIX в. деревня насчитывала 14 домов, в которых проживало 40 мужчин и 46 женщин. Плотникова считает, что деревня всего лишь на 10–15 лет младше д. Моховой (Плотников, 1901: 273). Однако, как и в предыдущих случаях, правильнее датировать ее первым десятилетием XVIII в., периодом создания Хорографической книги.

Заключение

В заключение можно отметить, что имеющиеся источники позволяют определить группу населенных пунктов, располагавшихся в пределах «Кетского кряжа», возникновение которых относится ко второй половине XVII — началу XVIII в. Полученные данные позволяют составить карту с местоположением этих населенных пунктов (рис. 2). Аргументированно мы можем говорить лишь о 9 деревнях. В XVIII в. ситуация в границах «Кетского кряжа» кардинально изменилась и количество деревень здесь кратно увеличивается. Населенные пункты, отступая или, наоборот, приближаясь к руслу Кети, уже к концу века протянулись сплошной плотной вереницей вдоль террасы практически через весь кряж. Объем публикации не позволяет остановиться на подробностях освоения кряжа в XVIII в. Обстоятельства появления и особенности локализации сельских населенных пунктов этого периода станут темой отдельного исследования.

На сегодняшний день часть из выявленных «ранних» деревень функционирует: Волкова (по Миллеру), Родионовка, Мохово, Юдино. К настоящему моменту не существуют деревни: Волкова (по Спафарию), Усть-Речка, Курейская, Комарова, Атяева.

По нашему мнению, несомненный интерес представляют натурные исследования всех указанных населенных пунктов и их локаций. Предметом анализа должны выступать природно-географические особенности их местоположения, а для существующих селений также и поселенческая микротопография. Наибольший интерес представляют не существующие к настоящему времени селения, прежде всего д. Курейская (Курья). По-видимому, она является одной из самых ранних русских деревень на р. Кеть. Место ее расположения представляется идеальным для рекогносцировочных археологических раскопок, нацеленных на изучение материальной культуры русских севера Сибири XVII–XIX вв. Интересными объектами для изучения русского освоения нижней Кети выступают д. Усть-Речка, д. Атяева и д. Комарова, которые, видимо, возникли немного позднее.

Наиболее перспективной и в то же время наиболее дискуссионной представляется д. Волкова, которая, согласно описанию Спафария, находилась в двух верстах вниз по течению от Кетского острога. Учитывая, что р. Кеть характеризуется развитой поймой и большим количеством заболоченных пространств, мест, пригодных для заселения и хозяйственного освоения, не так много. Археологи и почвоведы Томского государственного университета в 2020 г. в рамках обследования Кетского острога произвели визуальный осмотр его окрестностей, используя указания Спафария. Участники экспедиции выявили единственно возможное место расположения д. Волкова. На современных картах оно называется «Островной бор». Версия может получить развитие только в случае осуществления на этом месте рекогносцировочных археологических раскопок. Без сомнений, археологическим и археолого-почвоведческим исследованиям в местах расположения выявленных деревень XVII–XVIII вв. отводится особая роль. Представленная публикация — первый шаг в данном направлении. Насколько он окажется продуктивным, покажут дальнейшие исследования.

Библиография

- Бардин М. Ю., Липка О. Н. (2021). Возможные критерии отнесения территорий РФ к районам Крайнего Севера и приравненным к ним (физико-географические и климатические аспекты) // Экологический мониторинг и моделирование экосистем. Т. 32. № 1–2. С. 130–142.
- Барсуков Е. В., Черная М. П. (2023). «Горы» на «Чертеже земли Нарымского города» С. У. Ремезова // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 51. № 2. С. 120–128.
- Даль В. (1994). Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И–О. М.: Прогресс.
- Евсеева Н. С. (2001). География Томской области. Природные условия и ресурсы. Томск: Издательство Томского университета.
- Евсеева Н. С., Зельман А. В. (2000). Природа, население и хозяйство Колпашевского района // Земля Колпашевская. Томск: Издательство Томского университета. С. 22–61.

- Емельянов Н. Ф. (1981). Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Издательство Томского университета.
- Идес И., Бранд А. (1967). Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Наука.
- Ильин Р. С. (1930). Природа Нарымского края. Рельеф, геология, ландшафт, почвы // Материалы по изучению Сибири. Т. 2. Томск: Издательство Томского отделения Общества изучения Сибири и ее производительных сил.
- Карта населенных мест Нарымского края Томской губернии, по данным статистико-экономического исследования, произведенного Томским переселенческим районом в 1910–1911 гг. (1914). Томск: Издание Томского переселенческого района.
- Костров Н. (1872). Нарымский край. Томск: Типография Губернского правления.
- Крашенинников С. П. (1966). В Сибири: Неопубликованные материалы. М.; Л.: Наука.
- Миллер Г. Ф. (1996). Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Нагнибеда В. Я. (1920). Томская губерния: статистический очерк / 2-е дополненное издание. Томск: Народная типография № 3.
- Плотников А. Ф. (1901). Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума.
- Спафарий Н. Г. (1882). Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / С введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. СПб.: Типография В. Киршбаума.
- Томская губерния на 9 листов: карта (1922). Томск: Издание Томского Губземотдела.
- Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова (2011) / Ред. В. М. Гуминский. Тобольск: Возрождение Тобольска.
- Чертежная книга Сибири (1882), составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Типография А. М. Котомина и Ко.
- Messerschmidt D. G. (1968). Forschungsreisereise durch Sibirien 1720-1727 / Т. 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725-November 1725. Berlin: Akademie-Verlag.

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кет-
ского кряжа»
XVII–XVIII ве-
ков: перспекти-
вы археологическо-
го и исторического
изучения

Villages of the “Ket Ridge” in the 17th — 18th centuries: Prospects for an archaeological-historical study

Evgeny V. Barsukov, Researcher, Laboratory of Bio-Geo-Chemical and Remote Methods of Environmental Monitoring, Biological Institute, Tomsk State University; Researcher, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina St., 36, Tomsk, 634050. E-mail: barsukovevg@mail.ru.

Asap A. Idimeshev, Junior Researcher, APSACA Laboratory, National Center of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Senior Lecturer, Tomsk State Pedagogical University. Mirzo Ulugbek St., 81, Tashkent, 100060, Uzbekistan. E-mail: asap.i@mail.ru.

Abstract. The article considers the initial stage of the Russian development of the Narym Region (northern part of the present-day Tomsk Region). This vast territory is known for its harsh natural-geographical and climatic conditions, primarily a high degree of swampiness (today this area is considered the Far North). However, already in the second half of the 17th century, there was a network of Russian settlements, the inhabitants of which were engaged in farming. These settlements formed small districts such as the “Ket Ridge” along the lower reaches of the Ket River. In the geomorphological perspective, this is part of the well-drained high terraces above the floodplain and watershed plain, standing out in the completely swampy Narym Region. In the first half of the 17th century, the Ket fort was moved here as an administrative center of the district of the same name and became the center of attraction for the agricultural population.

Since the second half of the 17th century, a network of Russian small settlements and villages and first arable lands appeared in its vicinity. Harsh natural conditions contributed to the formation of a distinctive agricultural center. The article identifies Russian rural settlements founded at the initial stage of the Ket Ridge development — in the second half of the 17th — early 18th centuries. The authors use historical cartographic materials and the data of travelers and explorers of the 17th — 18th centuries to identify locations associated with the first Russian settlements to conduct an archaeological-historical study of the rural culture in the north of Western Siberia.

Key words: Western Siberia, Tomsk Region, Narym Region, Ket River, Ket fort, Russian development of Siberia, agricultural colonization, farming, small settlements, Russian archeology of Siberia

References

- Bardin M.Yu., Lipka O. N. (2021) *Vozmozhnye kriterii otnesenija territorij RF k rajonom Krajnogo Severa i priravnennym k nim (fiziko-geograficheskie i klimaticheskie aspekty)* [Possible criteria for identifying Russian territories as the Far North or equivalent to it (physical-geographical and climatic aspects)], *Ecological Monitoring and Ecosystem Modelling*, vol. 32, no 1–2, pp. 130–142.
- Barsukov E. V., Chernaya M. P. (2023) “Gory” na “Chertezhe zemli Narymskogo goroda” S. U. Remezov [“Mountains” on the “Drawing of the Fort Narym’s Land” by S. U. Remezov], *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, vol. 51, no 2, pp. 120–128.
- Chertezhnaja kniga Sibiri, sostavlenaja tobolskim synom bojarskim Semenom Remezovym v 1704 godu (1882)* [The Drawing Book of Siberia, Compiled by Semen Remezov, a Boyar Son of Tobolsk, in 1701], Saint Petersburg: Tipografija A. M. Kotomina i Ko.
- Dal V. (1994) *Tolkovy slovar zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. T. 2* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Vol. 2], Moscow: Progress.
- Emelyanov N. F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priobija v feodalnuju epokhu* [Russian Settlement in the Middle Ob Region in the Feudal Era], Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
- Evseeva N. S. (2001) *Geografija Tomskoj oblasti. Prirodnye uslovija i resursy* [Geography of the Tomsk Region. Natural Conditions and Resources], Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
- Evseeva N. S., Zelman A. V. (2000) *Priroda, naselenie i khozjajstvo Kolpashevskogo rajona* [Nature, population and economy of the Kolpashevo district]. *Zemlja Kolpashevskaja*, Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, pp. 22–61.
- Khorograficheskaja chertezhnaja kniga Sibiri S. U. Remezova (2011)* [Chorographic Drawing Book of Siberia by S. U. Remezov] (Ed. by V. M. Guminsky), Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska.
- Ides I., Brandt A. (1967) *Zapiski o russkom posolstve v Kitaj (1692–1695)* [Notes on the Russian Embassy in China (1692–1695)], Moscow: Nauka.
- Il`yin R. S. (1930) *Priroda Narymskogo kraja. Relief, geologija, landshaft, pochvy* [Nature of the Narym Region. Topography, geology, landscape, soils]. *Materialy po izucheniju Sibiri*, vol. 2, Tomsk: Izd-vo Tomskogo otdelenija Obshchestva izuchenija Sibiri i ee proizvoditelnyh sil.
- Karta naseleennyh mest Narymskogo kraja Tomskoj gubernii, po dannym statistiko-ekonomicheskogo issledovanija, proizvedennogo Tomskim pereselencheskim rajonom v 1910–1911 gg. (1914)* [Map of the Populated Areas in the Narym Region of the Tomsk Province, according to the Statistical-Economic Study Conducted by the Tomsk Resettlement Department in 1910–1911.], Tomsk: Izdanie Tomskogo pereselencheskogo rajona.
- Kostrov N. (1872) *Narymsky kraj* [Narym Region], Tomsk: Tipografija Gubernskogo pravlenija.
- Krashenninikov S. P. (1966) *V Sibiri: Neopublikovannye materialy* [In Siberia: Unpublished Materials], Moscow; Leningrad: Nauka.

- Messerschmidt D. G. (1968). *Forschungsreisereise durch Sibirien 1720-1727*. Vol. 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 — November 1725, Berlin: Akademie-Verlag.
- Miller G. F. (1996) *Sibir XVIII veka v putevyh opisaniyah G. F. Millera* [Siberia of the 18th Century in the Travel Notes of G. F. Miller] (Ed. by N. N. Pokrovsky, A.Ch. Elert), Novosibirsk: Sibirsky khronograf.
- Nagnibeda V.Ya. (1920) *Tomskaja gubernija: statistichesky ocherk: 2-e dopolnennoe izdanie* [Tomsk Province: A Statistical Essay: 2nd updated edition], Tomsk: Narodnaja tipografija no 3.
- Plotnikov A. F. (1901) *Narymsky kraj (5 stan Tomskogo uezda, Tomskoj gubernii): istoriko-statistichesky ocherk* [Narym Region (5th Camp of the Tomsk District in the Tomsk Province): A Historical-Statistical Essay], Saint Petersburg: Tipografija V. F. Kirshbauma.
- Spaphari N. G. (1882) *Puteshestvie cherez Sibir ot Tobolska do Nerchinska i granits Kitaja russkogo poslannika Nikolaja Spapharija v 1675 godu. Dorozhny dnevnik Spapharija: s vvedeniem i primechanijami Yu.V. Arsenyeva* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Chinese Border of the Russian Envoy Nikolai Spaphari in 1675. Spaphari's Travel Diary: with Introduction and Notes by Yu.V. Arsenyev], Saint Petersburg: Tipografija V. Kirshbauma.
- Tomskaja gubernija na 9 listov: karta (1922)* [Tomsk Province on 9 Pages: Map], Tomsk: Izdanie Tomskogo Gubzemotdela.

*Е. В. Барсуков,
А. А. Идимешев*
Деревни «Кетского
кряжа» XVII–XVIII ве-
ков: перспекти-
вы археологическо-
го и исторического
изучения

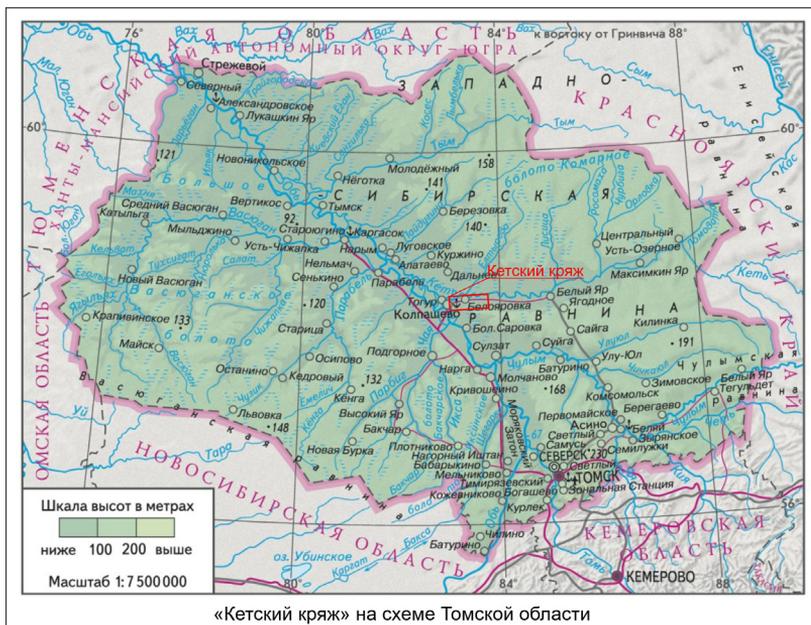
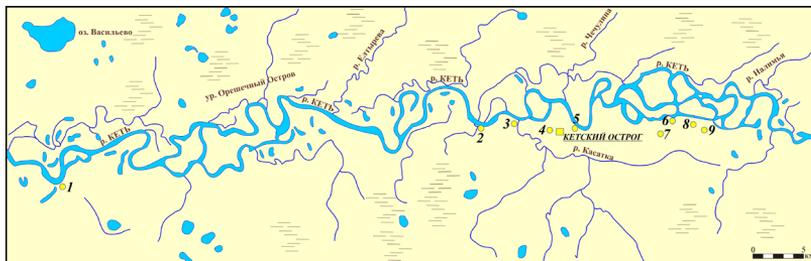

Рис. 1. «Кетский край» — расположение на карте Томской области.

1. д. Волкова (Тогурская); 2. д. Родионова (Колмакова); 3. д. Усть-речка; 4. д. Волкова (по Н.М. Спафарию); 5. д. Курейская;
6. д. Юдина; 7. д. Мохово; 8. д. Агзева; 9. д. Комарова;

Рис. 2. Деревни левобережья Нижней Кеты, основанные в XVII — начале XVIII в.

Крестьянство в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области)¹

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется социальное и экономическое поведение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны. В условиях усиления мобилизационного натиска императив выживания по-прежнему определял крестьянское отношение к труду, хозяйствованию, своему ближайшему окружению и вышестоящей власти. Положение колхозов было дифференцированным: их экономика зависела от степени обеспеченности облагаемых натуральными налогами земельных площадей рабочей силой. Отсюда существенные различия в условиях хозяйственной деятельности. В соответствии с этим варьировалось отношение крестьянства к колхозному труду. В наименее благоприятных обстоятельствах участие в артельных работах не сулило крестьянину ничего, кроме сверхинтенсивного труда без достаточной для выживания компенсации. Хотя в целом поведение крестьян можно считать адаптивным, невыносимые условия в экономически бесперспективных колхозах вынуждали их прибегать к практикам пассивного сопротивления (от некачественного и несвоевременного выполнения работ до прямых противозаконных действий). Границы терпимости по отношению к крестьянскому неповиновению на протяжении 1930–1940-х годов не были стабильными, однако сужению пределов дозволенного в условиях войны мешало слабое надзорное присутствие власти в сельской местности. В самой же крестьянской среде противозаконные действия получали моральное оправдание и зачастую помогали защитить себя от угрозы голода. Упорство, с которым крестьянство нарушало границы законности, значительно сокращало возможности власти контролировать колхозную экономику.

Ключевые слова: колхозное крестьянство, этика выживания, Великая Отечественная война, аграрная политика

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-169-184

В 1960–1970-е годы крестьяноведение обозначило себя в качестве альтернативы теоретическим подходам, отрицавшим самобытность крестьянства или предлагавшим рассматривать его в рамках уже существующих научных дисциплин. Оно настаивало на необхо-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги» (<https://rscf.ru/project/24-28-00100/>)

димости изучения крестьянства как особого социального феномена, что требовало разработки специального теоретико-методологического аппарата. Оригинальную концепцию крестьянского общества предложил в 1970–1980-е годы американский исследователь Джеймс Скотт. В ней ориентация земледельческого хозяйства на обеспечение достаточного для выживания семьи дохода служила ключом к объяснению особенностей поведения крестьянства. Пребывание под постоянной угрозой голода определяло принципы технической, социальной и моральной организации крестьянского общества, а присущая ему поведенческая рациональность основывалась на так называемой этике выживания.

Крестьянство никогда не существовало изолированно от политической и экономической систем общества, испытывая на себе влияние происходивших в них перемен. В книгах Скотта исследовалось крестьянское поведение в условиях капиталистической трансформации экономики (Scott, 1976; Scott, 1985), утверждалось, что оно всегда было преимущественно адаптивным, но социальные обстоятельства, угрожавшие выживанию крестьянской семьи, толкали к различным формам активного или пассивного сопротивления установившимся порядкам эксплуатации. На наш взгляд, теория американского исследователя применима и к вариантам некапиталистической трансформации экономики, примером которой является форсированная индустриализация и коллективизация в СССР. Советскому крестьянству на рубеже 1920–1930-х годов пришлось пережить насильственный слом прежних форм организации хозяйства и общественной жизни. В данной статье мы попытаемся применить концепцию этики выживания для анализа крестьянского поведения в сибирской деревне в годы Великой Отечественной войны.

Этика выживания и колхозное крестьянство

Концепция Скотта заключается в том, что императив выживания лежал в основании отношения крестьянина к труду, хозяйству, вышестоящей власти и сообществу, к которому он принадлежал. В докапиталистической деревне крестьянин был главным потребителем результатов своего собственного труда. Соответственно, выживание напрямую зависело от успеха или провала его трудовой деятельности. Ее результативность не была гарантирована в силу изменчивости природно-климатических факторов, влиявших на продуктивность сельского хозяйства. Нестабильность урожаев, постоянное пребывание под угрозой голода определяли форму ведения хозяйства и облик крестьянского социума.

Наиболее правильным, по мнению Скотта, было бы объединить традиции социального и экономического поведения крестьянства понятием «моральная экономика». Одна из ключевых ее черт заключается в том, что крестьянин в большинстве случаев предпо-

читал консервативные методы хозяйствования, доказавшие эффективность в стабилизации минимально необходимых для выживания доходов, рискованным технологическим новациям, рассчитанным на рыночную конъюнктуру (Scott, 1976: 17-18). Моральная экономика воспроизводила особые формы коллективизма и взаимопомощи, которые призваны были смягчать постоянно нависавшую угрозу голода (Scott, 1976: 41). Императив выживания определял здесь и специфическое отношение к вышестоящей власти: крестьянство рассчитывало на патронаж со стороны государства или феодалов, но вместе с тем при посягательстве на минимальный для выживания остаток продукции оно же могло выступить и против власти (Scott, 1976: 52).

Исторически крестьянству приходилось реагировать на перемены, которые происходили независимо от него в экономическом укладе общества. Капиталистическая экономика нарушала стабильность традиционных связей, скреплявших крестьянское сообщество, вынуждая в одних случаях приспосабливаться к рыночной конъюнктуре, а в других — обращаться к активным (восстание, бунт) или пассивным (воровство, симулирование труда, саботаж, притворное подчинение и т. д.) формам сопротивления (Scott, 1985: xvi). При этом чувство несправедливости, приводившее к протесту, возникало вследствие нарушения моральных принципов, сквозь призму которых крестьянство рассматривало взаимоотношения с высшими классами или государством. Таковыми были право на существование и принцип взаимоподдержки, который приводил к антагонизму в том случае, если классовые отношения оценивались низшими слоями не как сотрудничество, а как эксплуатация (Бабашкин, 2015: 36-37).

Коллективизация в СССР навязала крестьянству новую форму организации хозяйства и социума. Несмотря на то что в течение 1930-х годов власть последовательно утверждала безальтернативность колхозно-совхозного аграрного строя, превратить крестьянство в класс дисциплинированных колхозников, которые бы полностью связывали с сельхозартелями личные и общественные нужды, ей не удавалось. И в конце десятилетия ростки индивидуального крестьянского хозяйствования пробивались там, где государственный надзор ослабевал. В 1938 году НКВД с тревогой докладывал сельхозотделу ЦК ВКП(б) о распространении «частнообственнических» тенденций среди колхозников, которые обзаводились скотом (нарушая установленные нормы), расширяли свои индивидуальные хозяйства (нередко за счет колхозных земель), искали побочные заработки или покидали колхозы². В некоторых регионах «образовались группы населения, не относящиеся ни к колхозни-

2. Докладная записка 9-го отдела 1-го Управления НКВД СССР в Сельхозотдел ЦК ВКП(б) о частнообственнических тенденциях среди колхозников в ряде областей Союза ССР // Трагедия советской деревни. Коллекти-

кам, ни к единоличникам, выпадающие из поля зрения сельсоветов при выполнении государственных обязательств»³.

Тяга крестьянства к экономической активности за пределами колхозов была напрямую связана с нестабильностью артельных доходов. Отсутствие гарантий выживания служило драйвером воспроизводства внеколхозных (или колхозных, но внеуставных) практик хозяйственной и социальной жизни. После относительно урожайного 1937 года в Новосибирской области доходы крестьян от артельных работ начали стремительно снижаться. Война и усиление мобилизационного натиска, в свою очередь, ускорили их падение (табл. 1). Согласно отчету сельхозотдела обкома, в 1942 году выдача хлеба на трудодень в среднем по области на одного едока (включая нетрудоспособных) составила 192 г⁴. Колхозы, очевидно, были не в состоянии прокормить своих работников.

Таблица 1. Выдача зерновых и бобовых на трудодень в колхозах Новосибирской области в 1937–1942 гг.

Год	1937	1938	1939	1940	1942
Общее количество колхозов	3456	3455	3732	3697	3564
Без выдачи на трудодни	69	64	156	86	110
С выдачей до 1 кг	229	439	1031	2237	3258
С выдачей от 1,01 до 2 кг	497	965	1397	940	192
С выдачей от 2,01 до 3 кг	587	694	646	350	4
С выдачей от 3,01 до 5 кг	1108	726	419	80	–
С выдачей от 5,01 кг и выше	966	567	83	4	–

Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 246.

Суждение А. В. Чайнова о том, что объемы трудозатрат крестьянина зависели «от степени обремененности работника потребительскими запросами своей семьи» (Чайнов, 1989: 241), вполне применимо и к колхознику. В этой связи эксплуатация его труда в колхозе, которая не приносила необходимый для выживания доход, должна была дополняться определенной мерой «самоэксплуатации» в личном приусадебном хозяйстве (ЛПХ), достаточной для достижения минимального уровня потребления. Работа в артели, с точки зрения крестьянина, превращалась в бремя, повинность, которая отнимала и без того ограниченный трудовой ресурс, который крестьянин мог бросить на борьбу за физическое выживание.

Докладные записки управления НКВД по Новосибирской об-

визация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М.: РОССПЭН, 2006. С. 311–317.

3. Там же. С. 314.

4. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 247.

ласти о продовольственных затруднениях в колхозах убедительно показывают, что в наиболее уязвимом положении находились те колхозники, которые по разным причинам были не в состоянии вести свои личные подсобные хозяйства. Ставка исключительно на артельные заработки могла привести семью на порог голодной смерти. Например, в 1943 году колхозница Агафья С., имея многодетную семью (пятерых детей от 5 до 13 лет), выработала 800 трудодней, что значительно превышало установленный государством обязательный минимум (даже с учетом его повышения в 1942 году). В результате хлеба от артели она не получила, а дети опухли от недоедания⁵. Колхозница Елена Л., имея пятерых детей и будучи сторожем колхоза, выработала 500 трудодней. Не получив по трудодням хлеба, семья вынуждена была питаться падалью⁶. Нетрудно заметить, что в бедственном положении оказывались лишившиеся кормильца многодетные семьи, в которых матери были не в состоянии одновременно работать в колхозе, вести ЛПХ и заниматься воспитанием детей.

Положение крестьянской семьи было сопряжено с высокими рисками — если колхоз не обеспечивал даже минимальных потребностей, усиление мобилизационного натиска могло нести угрозу самому существованию семьи. Императив выживания, несомненно, влиял на выбор трудового поведения крестьянина, и этот выбор зачастую входил в противоречие с хозяйственными интересами артели.

Трудовое поведение

Отношение колхозников к общественному труду было связано с экономическим состоянием сельхозартелей и, соответственно, различалось в зависимости от разнообразия локальных условий. В этом контексте требует объяснения факт одновременного наличия в регионе так называемых передовых (выполнявших заготовительные планы и обеспечивавших сравнительно высокую оплату трудодня) и отстающих колхозов. С этим же связан вопрос о том, что влияло на крестьянскую мотивацию к дисциплинированному труду в артелях? Количество передовых колхозов было незначительным: в декабре 1942 года к таковым отнесены 5,5% артелей области⁷, только 196 колхозов в том же году выдали больше 1 кг зерна на трудодень (табл. 1). В то же время областные власти признавали целые районы экономически «неблагополучными». В феврале 1943 года первый секретарь М. В. Кулагин на заседании бюро обкома посчитал

5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 294.

6. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 294.

7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 2740б.

такowymi не менее 15 районов области⁸. В наиболее тяжелом продовольственном положении находились пять из них: Северный, Каргатский, Михайловский, Куйбышевский и Пихтовский⁹.

Различия в экономическом состоянии были в значительной степени predeterminedены независимыми от колхозов условиями. Переход в 1940 году к погектарному принципу обложения обязательными поставками основных сельскохозяйственных продуктов ставил их объемы в зависимость от размеров закрепленного за колхозом земельного фонда. При этом совершенно не учитывались возможности артели по освоению и продуктивному использованию приписанных площадей. В условиях ослабления МТС во время войны экономические перспективы колхоза оказывались обусловлены тем, насколько нагрузка земельного фонда была по силам остатку трудоспособного населения. Решающим становился вопрос, в какой мере имевшаяся в колхозе рабочая сила могла обеспечить посевы закрепленную за ним площадь пашни?

Для малоземельных артелей введение погектарного принципа могло привести даже к улучшению условий, тогда как положение многоземельных колхозов, страдавших от нехватки рабочей силы, ухудшалось: резко возросшие заготовительные планы лишали их всякой возможности рассчитаться с государством, а значит, и получить зерно на трудодни. Явное неравенство было замечено и на самом вершине партийно-государственной вертикали. В 1943 году секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев после поездки в Татарскую республику составил для И. В. Сталина подробную записку, в которой раскритиковал дисбалансы, порожденные погектарным принципом: «Мы явно недобираем в заготовках известную часть зерна и других сельскохозяйственных продуктов, — писал Андреев, — из-за того, что одни колхозы, сравнительно малоземельные, получили облегчение при погектарной сдаче в сравнении с прежним порядком заготовок, а колхозы многоземельные не в состоянии выполнить своих планов заготовок»¹⁰.

В Новосибирской области преобладали многоземельные сельхозартели. Если проанализировать дифференциацию колхозов по параметру нагрузки облагаемой земельной площади на один крестьянский двор, неравенство стартовых условий хозяйственной деятельности становится весьма заметным: нагрузка колебалась от 2 до 30 га и выше (табл. 2). Можно представить, насколько несопоставимыми были объемы трудозатрат, которые требовались для экономического выживания столь разных артелей.

8. ГАНО. Ф. П-4. Оп.33 Д. 686. Л. 40.

9. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 470б.

10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

Таблица 2. Дифференциация колхозов Новосибирской области по показателю количества облагаемой зернопоставками земли на один колхозный двор в 1943 году

Количество облагаемой зернопоставками земли на один колхозный двор	Количество колхозов	Удельный вес (%)
До 5 га	267	6,1
От 5 до 10 га	614	17,0
От 10 до 15 га	1031	28,6
От 15 до 20 га	791	22,0
От 20 до 25 га	458	12,7
От 25 до 30 га	230	6,4
От 30 га и выше	218	6,0

Источник: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 146.

На наш взгляд, сама возможность выполнения заготовительного плана и распределения остатка продукции на трудодни зависела от обеспеченности облагаемой земельной площади достаточным количеством трудоспособного населения. Разумеется, вступали в действие и другие факторы: рациональное хозяйственное управление, наличие семенного фонда, использование агротехники и прочее. Тем не менее большинство из названного (способность вести семенное хозяйство, многие агротехнические мероприятия, как, например, вывоз органических удобрений или прополка посевов) также зависело от количества располагаемой рабочей силы. Если интенсивное использование сельхозтехники и способно было частично нивелировать действие фактора обеспеченности рабочей силой, то ослабление МТС в годы Великой Отечественной войны производило скорее обратный эффект.

Вряд ли дисциплинированную работу колхозников в передовых артелях следует связывать с высокими заработками — война в конечном счете уравнила колхозы в бедности (табл. 1). Логичнее предположить, что меньшая трудовая нагрузка позволяла колхозникам, выполняя обязательства перед государством, высвободить достаточную часть личного трудового ресурса для работы на себя. Напротив, высокая нагрузка из-за переобремененности земельной площадью могла обесмысливать в глазах колхозников участие в артельных работах. Каждый из работников соотносил степень необходимых для выполнения плана индивидуальных и коллективных трудозатрат с возможным доходом и потребностями семьи. В наименее благоприятных условиях добросовестное участие в артельном хозяйствовании не сулило ничего, кроме сверхинтенсивного труда без перспектив получить достаточный для выживания доход. Чувство несправедливости подкреплялось экономически «противоестественной» ситуацией, когда коллективные хозяйства, требовавшие наибольших трудозатрат, обеспечивали работникам наименьшую

С. В. Шаранов

Крестьянство

в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области)

их компенсацию. Формировавшийся в таком случае разрыв между личными интересами колхозника и его семьи и интересами колхоза деструктивно влиял на трудовую дисциплину.

Внутри экономически бесперспективных колхозов под действием неблагоприятной конъюнктуры протекали процессы, ускорявшие их хозяйственную деградацию. В докладной записке заместителя заведующего сельхозотделом Новосибирского обкома Н. Жуковского отмечалось стремление колхозников уклониться от физического труда на артельных полях и занять любые должности с повременной оплатой труда (конюха, сторожа, кладовщика, возчика почты и т. д.). Такие колхозники, по утверждению Жуковского, «вырабатывают больше трудодней», «имеют много свободного времени, больше внимания уделяют своему личному хозяйству и живут лучше работников полеводства»¹¹.

Желание занять в колхозе должность, не связанную с физическим трудом в земледелии, вполне понятно. Во-первых, это облегчало выполнение обязательного минимума трудодней, во-вторых, сезонные земледельческие работы требовали высокой интенсивности трудозатрат, отнимая физический ресурс работника, необходимый для одновременного ведения ЛПХ. Должности с повременной оплатой труда позволяли равномернее распределять трудозатраты, что давало преимущество в борьбе за выживание.

По той же причине в отстающих колхозах разрастался штат административно-управленческого персонала. Если в среднем по колхозам области в 1944 году на его долю приходилось 15,1% всех выработанных трудодней, то в слабых районах данный показатель был выше (в Кольванском — 20,9%, в Михайловском — 19,8%, в Убинском — 18,9% и т. д.). Отрыв от среднего показателя становится более впечатляющим, если мы спустимся на уровень отдельных артелей. Так, в колхозе им. Куйбышева Каргатского района — 35,5%, в колхозе «Сибирская звезда» Кольванского района — 32,9%, в колхозе «Коммунист» Пихтовского района — 43,6% и т. д.¹² Такого рода дисбалансы усиливали социальную напряженность внутри трудовых коллективов. Только с 1 августа по 20 ноября 1944 года через военную цензуру прошло 91 письмо, отправленное колхозниками области своим родственникам на фронт, в которых сообщалось о насилии со стороны колхозной администрации и принуждении к труду¹³.

В свою очередь, занятые физическим трудом колхозники изыскивали любые возможности экономить свой личный трудовой ресурс, но уже в ущерб колхозному хозяйству. Наиболее радикальной формой такого рода деструктивного для артели поведения становился прямой отказ от участия в общественных работах, невы-

11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 214. Л. 242.

12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 214. Л. 244–245.

13. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 248.

ход в поле. Учитывая, что разрыв с колхозом грозил полной утратой социального статуса, в большинстве случаев крестьяне все же формально подчинялись дисциплинарным требованиям. Однако безразличие к результативности артельного хозяйствования вело к распространению практик имитации труда, некачественного и несвоевременного выполнения работ.

Имитацию хозяйственной деятельности возможно обнаружить в каждом сегменте колхозных работ, начиная от случаев высева некондиционных семян без заделки их в почву и заканчивая умышленным увеличением потерь во время уборочной кампании. Колхозы были заинтересованы в том, чтобы как можно большая часть собранного урожая была приведена в некондиционное состояние, ведь непригодное для сдачи государству зерно оставалось для внутреннего потребления. М. В. Кулагин в 1942 году на заседании бюро обкома, посвященном хлебозаготовкам, отмечал, что сельхозартели сознательно допускают порчу урожая: «Имеют место такие случаи, когда гибнут хлеба, потому что оставляют зерно в большом количестве необранным под крыши, оно греется, гибнет и идет в отходы. Отходы прибирают к месту, имея в виду, что когда настанет нужда, эти отходы можно будет использовать или как зерно, или на фураж»¹⁴. В распоряжении колхозов было множество способов искусственно создавать отходы. Как указывалось в постановлении обкома от 2 декабря 1943 года, колхозы «засоряют хлеб примесями других культур и приводят его в некондиционное состояние для сдачи государству, при длительном хранении зерна неочищенным, подвергают порче, с целью использования на внутривозхозяйственные нужды»¹⁵. Сама по себе очистка зачастую оборачивалась имитацией. 18 ноября 1942 года в рассылаемом по районам закрытом письме обком предупреждал местные власти о необходимости внимательно относиться к тому, как работают колхозы: «Умышленно при обмолоте оставляют зерно в колосе или в соломе, или в различных отходах. Очищают зерно обязательно триерами с той же целью, как можно больше получить отходов, а затем израсходовать их на фураж или раздать по трудодням, тогда как зерно для сдачи государству можно сделать кондиционным путем очистки на обычных веялках и сортировках»¹⁶. В докладной записке о ходе хлебозаготовок в Тогучинском районе в 1942 году председатель облисполкома И. Т. Гришин предупреждал, что колхозы всеми возможными способами стараются затягивать работу по приведению зерна в кондиционное состояние для сдачи государству: «Как выяснилось, почти каждому уполномоченному и проверяющему дается такой ответ, что надо сортировать, надо сушить, надо подработать. Но как только уходит уполномоченный — ни сушки, ни подработки зерна

14. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 647. Л. 123.

15. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 728. Л. 106.

16. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 651. Л. 86.

не делают, сознательно затягивают, чтобы хлеб оставить на внутриколхозные нужды»¹⁷.

Экономически слабые колхозы демонстрировали явное невнимание к учету производственных результатов. В докладной записке областного уполномоченного комиссии партийного контроля (КПК) от 21 августа 1943 года, посвященной борьбе с потерями и хищениями зерна, запущенность учета намолоченного зерна отмечалась как характерная для колхозов проблема: «Дневники обмолота и уборки урожая совершенно не оформляются. Намолоченное зерно от весовщика никто не принимает. При отправке зерна с поля на сушилку накладные не выписываются. Просушенное и очищенное зерно с сушилки отправляется на пункты Заготзерно или в кладовую колхоза без веса. Акты на отходы не оформляются»¹⁸. Причина такого рода «бесхозяйственности» заключалась в том, что произведенная продукция не обладала для колхозов меновой ценностью, поскольку без остатка и компенсации поставлялась государству. Запутывание учета могло быть и сознательной практикой, поскольку открывало возможность реализовывать для себя потребительную ценность продукции, хотя и в результате противозаконных действий (расхищение зерна и его использование для внутреннего потребления).

Противозаконные практики в экономическом поведении крестьянства

Нарушение многочисленных формальных правил, уставов, постановлений, распоряжений и законов еще в 1930-е годы вошло в крестьянскую поведенческую норму. Укорененная в жизни крестьянства привычка нарушать предписания становилась неотъемлемым элементом крестьянских практик борьбы за выживание. Упорство, с которым колхозное крестьянство нарушало устанавливаемые порядки, вынуждало власть расширять границы терпимости по отношению ко многим формам крестьянского неповиновения. Для самого же крестьянства оно являлось ответной реакцией на наступление государства на сами условия его существования. Ш. Мерль, анализируя взаимоотношения местной власти и колхозного крестьянства в довоенный период, считает, что установление внешнего контроля над колхозами совмещалось с толерантностью к низовым «коррупционным практикам», которые позволяли крестьянам защитить себя от угрозы голода (Мерль, 2017: 55). Граница допустимого, таким образом, была подвижной — местная власть могла закрывать глаза на противозаконное поведение крестьян, если оно помогало их выживанию (районные управленцы, в свою очередь, были мало

17. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 654. Л. 77об.

18. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 126об.—127.

заинтересованы в доведении вверенных им в попечение территорий до ситуации голода).

В условиях войны и грандиозных мобилизационных задач, которые стояли перед советской властью, границы терпимости неизбежно сужались. Политический центр всячески настраивал местные власти тщательнее следить за соблюдением формальной законности. Так, в апреле 1943 года был издан приказ Прокурора СССР «О неудовлетворительном выполнении закона от 7 августа 1932 г.». В приказе подчеркивалось, что местные органы прокуратуры «зачастую примиренчески относятся ко всякого рода расхитителям государственной и колхозной собственности, потому что некоторые прокуроры, видимо, забыли, что общественная собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна»¹⁹.

Несмотря на требования со стороны центральной власти, регионы были не в состоянии контролировать границы крестьянского неповиновения. Прежде всего, по причине слабого охвата сельской местности «полицейским» надзором. Мобилизации военного времени значительно проредили штаты НКВД и, в частности, милиции. Например, первый секретарь Тогучинского райкома оправдывал слабую борьбу с хищениями колхозной собственности, ссылаясь на нехватку людей: на 30 колхозов приходился всего один участковый милиционер. При этом их штат продолжал сокращаться²⁰. Столь же недостаточным было и политическое влияние партии. К 1 января 1944 года на 3837 колхозов области имелось всего 66 низовых парторганизаций²¹. В таких условиях борьба с противозаконными действиями крестьян не могла иметь системного характера, приобретая вид ограниченных по длительности кампаний, зачастую совпадавших с хозяйственно-политическими (посевной, уборочной, заготовительной).

Попадавшие в сводки областной прокуратуры экономические преступления вряд ли отражают действительные масштабы крестьянских нарушений. Хотя и они свидетельствуют о том, что противозаконные действия совершались не только индивидуально, но и коллективно, в том числе сам колхоз мог служить для них организационной формой. Например, в артели им. Буденного Туганского района во время хлебозаготовительной кампании 1943 года председатель созвал специальное совещание с участием своего заместителя, председателя ревизионной комиссии, кладовщика и счетовода. На этом собрании все участники единогласно решили утаить часть урожая от государства и спрятать для раздачи колхозникам. Для этого в тайге силами артели была отремонтирована

С. В. Шаранов

Крестьянство
в колхозах: этика
выживания в годы
Великой Отече-
ственной вой-
ны (по материа-
лам Новосибирской
области)

19. Приказ Прокурора Союза ССР Бочкова № 23 «О неудовлетворительном выполнении закона от 7 августа 1932 года». 29 апреля 1943 г. URL: <https://istmat.org/node/66616> (дата доступа: 07.02.2024)

20. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 719. Л. 82.

21. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 748. Л. 50б.

избушка, в которую свезли 108 ц хлеба, а для охраны приставили сторожа. На спрятанный хлеб были составлены фиктивные акты как на производственные отходы²².

В другом случае председатель колхоза «Новая Россия» дал установку бригадиру полеводческой бригады и кладовщику утаить часть хлеба, мотивируя это тем, что при полном его учете колхозникам ничего не достанется. Раздача зерна производилась ночью, причем себе, кладовщику, бригадиру и некоторым колхозникам председатель распорядился выдать хлеб не по трудодням, а по потребности, то есть количество, необходимое на целый год. Председатель Шамонов фактически прикрывал и индивидуальные хищения, открыто заявляя о своем толерантном к ним отношении: «Вы меня не бойтесь, а бойтесь легковой машины из района»²³.

Взаимоотношения колхозной администрации и трудового коллектива, уже исходя из сказанного, были противоречивыми. Председатель колхоза ситуативно оказывался перед выбором как минимум из двух вариантов поведенческой рациональности: первый из них определялся задачей выживания колхозного сообщества, второй вытекал из должностных обязанностей и ответственности перед вышестоящей властью. Они были слабо сопряжены друг с другом и нередко вступали в противоречие. Ярче всего этот конфликт интересов демонстрирует из ряда вон выходящий эпизод, который имел место в 1943 году. В колхозе «Молот» председатель Вагин заранее сообщил колхозникам об ожидаемом подворном обыске и велел ночью спрятать в культстане и на пасеке все имеющееся у них зерно и муку. Когда же колхозники, поверив председателю, спрятали продовольствие, Вагин показал представителям власти место «схрона» и заявил о находке похищенного в колхозе зерна²⁴. Предательство Вагина (мы можем квалифицировать данный поступок как предательство, только выйдя за рамки этики соблюдения законности) могло состояться лишь при условии подразумеваемой коллективной солидарности, которую Вагин использовал и в конечном счете бесцеремонно нарушил. Ситуация осложнялась еще и тем, что так называемые подворные обыски, по данным самой же областной прокуратуры, проходили с многочисленными нарушениями: зачастую у колхозников изымалась даже приобретенная законным путем продукция²⁵.

Давление со стороны вышестоящей власти принуждало колхозное правление сужать границы терпимости в отношении крестьянских противозаконных практик. В колхозах области было широко распространено использование артельных полей под индивидуальные нужды: колхозники занимали их под личные посе-

22. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 236об.

23. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 304–304об.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 90.

25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 89–91.

вы или использовали для сенокоса. Конфликтные ситуации возникали в том случае, если на подобные факты обращали внимание уполномоченные районных или областных властей. В таком случае колхозное правление вынуждено было «обобществлять» индивидуальные посевы или скошенное для личного скота сено. В ряде артелей колхозники, чаще всего женщины, оказывали физическое сопротивление, пытались избить председателей колхозов и работников, пришедших убирать их урожай. Отмечены случаи, когда женщины сжигали накошенное ими сено, чтобы оно не досталось колхозу²⁶.

В некоторых случаях артелям удавалось защитить своих членов от советского правосудия. Это случалось при выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин минимума трудодней, по приговору народного суда должны были караться исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Предполагалось, что материалы на нарушителей будут передаваться в народный суд председателями колхозов и бригадирами. Именно последний пункт оказался слабым местом постановления. Несмотря на то что количество колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней, достигло в ряде районов очень высоких показателей, в судебные органы передавались материалы только на незначительную часть из них. Например, в 1943 году в Татарском районе по результатам обследования не выполнили минимума 1868 колхозников, но только на 419 материалы были переданы в народный суд²⁷. Более того, из-за крайне слабого контроля со стороны бюро исправительно-трудовых работ многие из приговоров в колхозах так и оставались неисполненными²⁸.

В октябре 1943 года в Новосибирской области после издания постановления ЦК ВКП(б) «О фактах разбазаривания общественного имущества в колхозах Новосибирской области» началась кампания борьбы против нарушений устава сельхозартелей. По данным проверки, в 19 районах области расширение приусадебных участков колхозников за счет полевых земель колхозов имело место в 248 колхозах: 4540 дворов незаконно «прирезали» 495 га²⁹. Однако гораздо больший масштаб получила нелегальная практика сдачи колхозами в аренду земли городским организациям в обмен на востребованные в сельской местности промышленные товары. Это являлось показателем активной включенности

26. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 172. Л. 91–92.

27. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 86.

28. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 178.

29. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 224. Л. 11.

колхозов в сферу теневой экономики. В 19 районах 117 колхозов незаконно сдали в аренду 216 организациям земельную площадь в размере 8360 га³⁰.

В данном случае теневые сделки компенсировали неповоротливость бюрократического аппарата, хотя государственная власть и осознавала потребность несельскохозяйственных организаций в обзаведении собственными подсобными хозяйствами. 7 апреля 1942 года было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), по которому облисполком должен был выявить и передать под подсобные хозяйства все пустующие земельные участки в городах, а при их отсутствии разрешить промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посеvy на неиспользуемых землях колхозов, с согласия последних³¹. Заявки на выделение земли поступали в облисполком и облземотдел, но рассмотрение их затягивалось. На 21 июня 1944 года оставались неразобранными дела об отводе земель 347 организациям на 28 309 га³². Как следствие волокиты — городские предприятия и организации предпочитали, минуя облисполком, договариваться с колхозами напрямую на взаимовыгодных условиях.

Столь же активно колхозная продукция, предназначавшаяся для сдачи государству, продавалась в обмен на промышленные товары несельскохозяйственным предприятиям и организациям. В торговле с колхозами участвовали отделы рабочего снабжения (ОРСы) городских предприятий и даже воинские части³³. Такого рода теневые операции компенсировали провалы товаропроводимости централизованной системы снабжения и значительно облегчали доступ колхозам к промышленным товарам, а несельскохозяйственным предприятиям — к продовольствию.

Заключение

Усиление мобилизационного давления на деревню в годы войны, происходившее повсеместно, тем не менее ставило колхозы в разные условия борьбы за выживание. Колхозы сильно различались по степени необходимых для выполнения планов трудозатрат. Поскольку оплата труда была явно недостаточной, требовались дополнительные источники дохода. Положение кол-

30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 224. Л. 12.

31. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 65.

32. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 490б.

33. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 64. Л. 208–2080б.

хозного крестьянства было тем сложнее, чем больше был разрыв между производственными возможностями колхоза и государственными заданиями. Отношение колхозников к артельным работам во многом зависело от того, насколько их выполнение совместимо с возможностью трудиться на себя (в ЛПХ). В тех артелях, где такая возможность блокировалась чрезмерной нагрузкой в артельном хозяйстве, возникала реальная угроза выживанию колхозных семей. Артельный труд в таких условиях приобретал характер эксплуатации, несовместимой с правом на существование. Крестьянское поведение и здесь по возможности было адаптивным — колхозники стремились занимать должности с повременной оплатой труда и не связанные напрямую с физическим трудом в земледелии. В иных случаях крестьянство вынуждено было прибегать к практикам пассивного сопротивления, которое принимало различные формы, начиная от некачественного и несвоевременного выполнения работ и заканчивая прямыми противозаконными действиями.

Описанные в статье формы сопротивления государственной эксплуатации возникли еще в 1930-е годы. В той мере, в какой колхозы становились привычной формой социальной жизни, крестьянство вырабатывало устойчивые поведенческие модели, индивидуальные или совместные, которые основывались на императиве выживания и не совпадали с экономическими интересами артелей. В условиях, когда государство наступало на минимальный уровень жизни, даже противозаконные действия получали моральное оправдание в крестьянской среде. В конечном счете такое поведение становилось ожидаемым и для самой власти, а упорство крестьян формировало некоторое пространство терпимости по отношению к противозаконным практикам. В годы войны государство предприняло попытку сузить пространство терпимости, требуя буквального соблюдения «социалистической законности». Однако успеху этой политики препятствовало недостаточное надзорное присутствие власти в сельской местности.

С. В. Шаранов

Крестьянство
в колхозах: этика
выживания в годы
Великой Отече-
ственной вой-
ны (по материа-
лам Новосибирской
области)

Библиография

- Бабашкин В. В.* (ред.) (2015). Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М.: Политическая энциклопедия.
- Мерль Ш.* (2017). Формы местного управления в советской деревне накануне Великой Отечественной войны: критерии эффективности и коммуникативные практики предотвращения крестьянских бунтов // *Крестьяноведение*. Т. 2. № 2. С. 53-76.
- Чаянов А. В.* (1989). Организация крестьянского хозяйства // *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. С. 194-443.
- Scott J.* (1976). *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Scott J.* (1985). *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.

Peasantry of collective farms: Subsistence ethics during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region)

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. The article considers the social-economic behavior of the collective-farm peasantry during the Great Patriotic War. Under the strengthening mobilization pressure, the imperative of survival still determined the peasant attitude to work, economy, close social circle and higher authorities. The situation in collective farms differed, since their economy depended on the labor supply of lands as subject to taxes in kind, which determined differences in the peasant attitude to work on the collective farm. In the most unfavorable circumstances, participation in the *artel* work promised the peasant nothing else than super-intensive work without sufficient payment. Although peasants' behavior could be considered adaptive in general, unbearable conditions in economically unpromising collective farms forced peasants to practice passive resistance (from poor work and missing deadlines to illegal actions). The limits of tolerance towards peasant disobedience kept changing in the 1930s — 1940s; however, their weak supervision in the countryside did not allow the authorities to further reduce these limits during the war. The peasant community morally justified illegal actions as often helping to save themselves from hunger. The persistent peasant violations of the boundaries of legality greatly reduced the authorities' ability to control the collective farm economy.

Key words: collective-farm peasantry, subsistence ethics, Great Patriotic War, agrarian policy

References

- Babashkin V. V. (Ed.). (2015) *Sovremennoe krestyanovedenie i agrarnaja istorija Rossii v XX veke* [Contemporary Peasant Studies and Russian Agrarian History in the 20th Century], Moscow: Politicheskaja entsiklopedija.
- Merl S. (2017) *Formy mestnogo upravlenija v sovetskoj derevne nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: kriterii effektivnosti i kommunikativnye praktiki predotvrashchenija krestyanskih buntov* [The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 53–76.
- Chayanov A. V. (1989) *Organizatsija krestyanskogo khozajstva* [Organization of the peasant economy]. *Krestyanskoe khozajstvo. Izbrannye trudy*, Moscow: Ekonomika, pp. 194–443.
- Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. (1985) *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.

Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 годы¹

С. Н. Андреенков

Сергей Николаевич Андреенков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН; 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8.
E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика трудового поведения колхозников Сибири в контексте осуществления аграрных мероприятий верховной власти в годы хрущевской оттепели. Рассмотрены факторы, влиявшие на трудовое поведение работников колхозов, его формы и роль в формировании аграрной политики государства. Установлено, что в функционировании колхозов наблюдались противоречивые тенденции. Шире стала использоваться материальная заинтересованность в труде селян, однако от мобилизационных методов решения хозяйственных задач государство не отказалось. Производственная и технологическая дисциплина в колхозах оставалась невысокой. Численность лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве, возрастала. На трудовое поведение колхозников значительное влияние оказывало ведение личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Общественное хозяйство колхоза стало главным источником ресурсов для их развития. Рост оплаты труда в колхозе позволил крестьянам укрепить кормовую базу для своего приусадебного животноводства. Средства для ведения ЛПХ колхозники приобретали путем мелких хищений колхозной собственности. Крестьянство все еще сохраняло многие свои родовые черты, в первую очередь проявлявшиеся в трудовом поведении женщин, стремившихся больше внимания уделять домашнему хозяйству, а не колхозному. Государство, для того чтобы уменьшить отвлечение трудовых ресурсов в личный сектор аграрной экономики, периодически проводило кампании по ограничению размеров ЛПХ.

Ключевые слова: трудовое поведение, колхозы, колхозники, машинно-тракторные станции, механизаторы, личные подсобные хозяйства, аграрная политика государства, сельское хозяйство

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-185-203

Необходимость изучения заявленной темы обусловлена ее весомой ролью в решении важнейших для понимания отечественной истории вопросов: особенностей модернизации сельского хозяй-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги» (<https://rscf.ru/project/24-28-00100/>)

ства, аграрных реформ, функционирования колхозно-совхозной системы. В советской историографии широко использовался термин «трудовая активность», под которым понимались содержание и степень участия человека в производственно-трудовой деятельности. К числу ее основных форм относили выполнение народно-хозяйственных планов, соблюдение трудовой и технологической дисциплины, участие в социалистическом соревновании (Смирнов, 1979: 25). При этом такие типичные для селян черты трудового поведения, как прогулы, опоздания на работу, пьянство, порча и хищения имущества предприятия, до начала перестройки оставались вне поля зрения ученых, так как не соответствовали преобладающим представлениям о моральном облике советского человека. Нарушение трудовой дисциплины соотносилось в сознании некоторых работников с пережитками прошлого (Гершанов, Никитинский, 1972: 320).

В перестроечной и постсоветской историографии исследователи аграрного строя СССР выдвигали противозаконные действия колхозников и рабочих совхозов на передний план и причисляли к формам крестьянского сопротивления государству. Так, В. П. Попов, анализируя политику укрупнения колхозов в 1950-е годы, практику массового забоя и разбазаривания скота в мелких сельхозартелях, которым предстояло объединиться, назвал «актом стихийного протеста крестьян против государственного насилия» (Попов, 1994: 32). По мнению Л. Н. Денисовой, крестьянство являлось «неудобным классом», который был «самым многочисленным и доминировал до середины 1960-х годов, определял менталитет общества, и именно от него зависели успехи или неудачи заявленных коммунистических побед» (Денисова, 2007: 393). Данные выводы, обладая значительным методологическим потенциалом, все же нуждаются в более весомой фактологической аргументации. Трудовое поведение крестьянства в послевоенное двадцатилетие с этой точки зрения исследовано довольно слабо.

Поведенческие стратегии селян на позднесоветском этапе изучены лучше. Проблема, в частности, проанализирована В. А. Ильиных во второй главе коллективной монографии о сельском населении Западной Сибири в 1960–1980-е годы (Ильиных, 2003). Автор выделяет три поведенческие стратегии работников колхозов и совхозов. Позитивной стратегии, или «ударничеству», противопоставлена негативная, связанная с систематическим нарушением трудовой дисциплины. Между двумя этими крайними формами трудового поведения находится работа без особого усердия, но и без видимых дисциплинарных нарушений. При этом все названные стратегии, по мнению Ильиных, вполне могли сочетаться. Преобладание той или иной формы трудового поведения зависело от ряда факторов, в первую очередь от эффективности действовавшей системы организации и оплаты труда и мер борьбы против нарушений производственной дисциплины. Сделанные в исследовании выводы мож-

но использовать как методологию для анализа трудового поведения селян на других исторических этапах.

Цель настоящей статьи — определить особенности трудового поведения (трудовой активности) колхозников Сибири в контексте реализации аграрных мероприятий государства в период хрущевской оттепели. Выбор данной социальной группы обусловлен ее значительным удельным весом в структуре населения. К концу 1950-х годов колхозником являлся каждый пятый житель Сибири и каждый третий ее селянин². Заявленную цель мы предполагаем достичь путем выявления и анализа факторов, влиявших на трудовое поведение колхозников, его форм и роли в аграрной политике государства.

С. Н. Андреевков
Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 годы

«Хлебная стачка» 1953 года

В рамках аграрной модели, сложившейся в 1930-е годы, мобилизация ресурсов деревни, в первую очередь зерна, проводилась при опоре на характерные для доиндустриальной эпохи внеэкономические (повинностные) формы отчуждения аграрной продукции. Значительную долю валового сбора хлебов колхозы, являвшиеся организационно-производственной основой сельского хозяйства, отдавали государству в порядке натуральных поставок, имевших характер подати. В условиях принудительного и неэквивалентного обмена с государством крестьяне получали мизерные доходы от работы в колхозе и не были заинтересованы в развитии его хозяйства. Дисциплина и продуктивность труда колхозников оставались невысокими. Их повышения верховная власть добивалась главным образом с помощью моральных стимулов и репрессивных мер.

Материально-техническим обслуживанием колхозов занимались машинно-тракторные станции (МТС.) Услуги станций стоили довольно дорого и характеризовались низким качеством. Интенсивные методы хозяйствования использовали совхозы, но их вклад в сельхозпроизводство оказался небольшим. Важную роль в аграрной экономике играли личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения. Несмотря на мизерные размеры, для своих владельцев они являлись источником дополнительных налогооблагаемых доходов.

После завершения Великой Отечественной войны кардинальных системных перемен в функционировании сложившейся модели аграрного строя не произошло. В начале 1950-х годов она уже исчерпала свой потенциал. На достигнутом уровне производительности труда поднять производство зерна до объемов, позволявших формировать достаточные зерновые резервы и ускоренно развивать животноводство, не представлялось возможным.

2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 154–155.

После смерти И. В. Сталина в 1953 году аграрная политика государства существенно изменилась. «Коллективное руководство» указало на необходимость более широкого использования материальных стимулов к труду. Об их важности в сельском хозяйстве глава правительства Г. М. Маленков заявил на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года (Маленков, 1953). Но в практике руководства аграрным сектором экономики продолжали применяться административно-мобилизационные методы решения хозяйственных задач, хотя уже без репрессивной составляющей.

К продолжению использования мобилизационных механизмов развития сельского хозяйства Центр толкало, в частности, обострение в 1953 году зерновой проблемы. Хозяйства многих регионов СССР (Украинская, Казахская, Латвийская, Литовская ССР, Краснодарский и Алтайский края, Омская и Новосибирская области) не выполняли государственное задание по поставкам хлеба, и руководители данных республик, краев и областей просили верховную власть снизить хлебозаготовительные планы (Пивоваров, 2016).

Кризис хлебозаготовок 1953 года был вызван неурожаем зерновых культур (предыдущие два года также выдались недородными) и снижением темпов поставок зерна колхозами. В Новосибирской области в сентябре 1953 года райкомы КПСС информировали обком о том, что сельхозартели более чем десяти районов остановили сдачу зерна. Значительная часть крестьян в ней не участвует. В Тогучинском районе ежедневно на работы по хлебозаготовкам не выходит половина всех колхозников. На токах скопилось большое количество хлеба, который не вывозится на заготовительные пункты. Здесь он портится и разворовывается. Зерно, которое в первоочередном порядке должно быть поставлено государству, первым делом засыпается в семенные фонды хозяйства. На внутриколхозные нужды зерно закладывается в объемах, превышающих 15%-ный лимит. К 20 сентября хлебозаготовительное задание выполнено регионом только на 46%. Согласно сообщениям райкомов, подобные явления — результат «антигосударственных» действий председателей колхозов, «рассуждающих» о необоснованности хлебозаготовительных заданий и целесообразности удержания в хозяйствах более крупных объемов зерна³.

Описанное выше поведение колхозников, конечно, наблюдалось и раньше, но в 1953 году попытки противиться заготовкам были особенно заметны и имели долгосрочные последствия. Сдерживание сдачи зерна стало реакцией крестьянства на августовские заявления Г. М. Маленкова о развитии материальной заинтересованности. Данная установка была интерпретирована колхозниками как их законное право оставлять больше зерна в хозяйстве для выживания

3. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1455. Л. 69, 74.

во время возможного нового голода. Ситуация, при которой значительная часть колхозов отказывалась сдавать хлеб государству в нужных ему объемах и в установленные сроки, напоминая верховной власти «хлебную стачку», неминуемо повторялась бы каждый год. Ускорить ход хлебозаготовок путем репрессивного подавления «саботажников» в новых политических реалиях не представлялось возможным.

«Коллективному руководству» необходимо было располагать объемами хлеба, достаточными для удовлетворения потребностей и селян, и горожан, и государства в целом. Маленков видел выход из сложившейся ситуации в существенном повышении цен на колхозную продукцию, снижении нормативов натуральных поставок, расширении самостоятельности колхозов, создании условий для развития ЛПХ. Отмеченные меры были директивно оформлены в постановлении сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года. Кроме того, по распоряжению пленума выделялись значительные средства на развитие МТС для ускорения интенсификации колхозного хозяйства⁴.

Н. С. Хрущев увидел выход из сложившейся ситуации в освоении целинных и залежных земель на востоке страны и существенном расширении совхозной сети. Целина могла дать большой объем дешевого хлеба уже на следующий год. Немедленное и сравнительно недорогостоящее решение обострившейся зерновой проблемы было одним из важнейших условий выживания страны в развернувшейся Холодной войне, поэтому целинная программа в итоге стала осуществляться. Результат реализации продвигаемой Маленковым программы интенсификации сельского хозяйства, вполне обоснованной стратегии, можно было увидеть нескоро, и это обстоятельство являлось ее очевидной слабостью.

Трудовое поведение колхозников в середине 1950-х годов

Претворение в жизнь аграрных инициатив «коллективного руководства» существенно повлияло на жизнь колхозников и функционирование сельского хозяйства в целом. В 1954 году центральным хозяйственно-политическим мероприятием стала кампания по освоению целинных и залежных земель на востоке страны, начавшаяся в рамках реализации решений февральско-мартовского пленума ЦК КПСС⁵. Экономические последствия стремительного «наступления» на целину оказались весьма противоречивыми.

4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. документов. Т. 4: 1953–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 20–61.

5. Постановление пленума ЦК КПСС от 2 марта 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Целина внесла дисбаланс в функционирование механизма стимулирования колхозов через цены. Большую часть средств, выделенных на оплату стимулирующих хлебозакупок (закупочная цена на зерно была поднята в 9 раз), забрали сельхозартелли целинных регионов Сибири. В условиях резкого роста производства зерна, обеспеченного за счет высокого плодородия целинных почв, на колхозы юга Сибири пролился «золотой дождь». Количество колхозов-миллионеров выросло в несколько раз. В Омской области их число увеличилось с 55 в 1953 году до 307 в 1954 году, или в 5,5 раза (Андреев, 2016: 67).

Работники целинных колхозов в течение нескольких лет являлись самыми состоятельными колхозниками в стране. В 1954 году в Алтайском крае стоимость трудодня в денежном выражении была выше, чем в 1953 году, в 3,8 раза (5,42 руб. против 1,39 руб. соответственно)⁶. Значительно увеличились и натуральные выплаты. Так, житель поселка Александровка Завьяловского района Алтайского края И. С. Сапунов вспоминает: «Богатый был год 1954. Я с семьей 40 центнеров получил — это же целый амбар. По 10 кг на трудодень выдавали. А люди по 60–70 ц получали. Машинами возили» (Ильиных, Ноздрин, 1995: 257).

Колхозники Сибири все чаще пополняли личные амбары зерном, предназначенным для сдачи в фонды государства или общественного хозяйства колхоза. В целинных районах учет собранного с полей урожая был организован крайне плохо, и незаконное присвоение зерна стало здесь массовым явлением. О проблемах сохранности хлеба на целине журналистка «Литературной газеты» К. Кожевникова вспоминала: «Зерно было всюду. Его некуда было девать. Оно устилало дороги толстым желтым покрывалом, и ухватистые целинники с Украины собирали целые мешки дармового отличного корма для гусей, кур, которые стадами ходили во дворах. А наши, что из-под Воронежа, да Орла, да Тулы, пили напрапалу. Над всей целиной стоял густой мат и запах сивухи. Почему-то никто не знал, куда надо ехать и где сгружать хлеб. Ни сушилок, ни элеваторов»⁷.

Работники хозяйств незаконно присваивали общественное зерно в значительных объемах по всей стране. Так, в 1960 году в 16 областях и краях РСФСР по фактам хищения хлеба правоохранительные органы возбудили свыше 1,5 тыс. уголовных дел, по которым проходило 2 тыс. человек. Кроме того, на рассмотрение коллективов трудящихся и в товарищеские суды были поданы материалы на 1,2 тыс. человек, уличенных в мелких хищениях. Органы МВД,

ных земель» // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. документов. Т. 4: 1953–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 160–191.

6. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1326. Л. 77; Д. 1658. Л. 61, 64.

7. Литературная газета. 1994. № 6. С. 19.

по неполным данным, изъяли у преступников 1,8 тыс. т похищенного зерна⁸.

В целинных регионах Сибири благодаря росту доходности колхозов численность колхозников заметно увеличилась. В 1954 году в Омской области число трудоспособных членов сельхозартелей стало больше на 5 тыс. человек, тогда как в предшествующем году оно сократилось на 3 тыс. человек. Селяне охотнее стали вступать в члены сельхозартели и реже отказываться от этого статуса. Если в 1953 году в области из рядов колхозников выбыло 2,6 тыс. человек, то в 1954 году — 2 тыс. человек⁹.

В то же время хозяйства старопахотных районов не получили шанса немедленно и многократно нарастить доходы, и их экономическое положение улучшилось не так значительно. В РСФСР трудодень подорожал только в 1,7 раза (1,86 руб. в 1954 году против 1,09 руб. в 1953 году). В 1954 году в СССР убыточными были 45% колхозов, 37% хозяйств выдавали на трудодень менее 1 руб., 40% — менее 1 кг зерна¹⁰. Большим числом низкодоходных сельхозартелей отличались, например, области Центрального Черноземья.

Дисциплина труда в колхозах оставалась низкой. Численность лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве сельхозартели, возрастала. В 1953 году в Новосибирской области доля способных к труду членов колхозов, выработавших меньше минимума или не выработавших ни одного трудодня, составила 9,1%, в 1954 году — 10,5, в 1955 году — 11,7 в 1956 году — 10,5, в 1957 году — 11,7%, в том числе не имевших ни одного трудодня — 1,1%, 1,1%, 2,1%, 1,5%, 1,7% соответственно¹¹.

При этом нормы выработки трудодней уменьшились. 23 июня 1954 года правительство приняло постановление «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников», разрешавшее общим собраниям сельхозартелей определять трудовую нагрузку для трудоспособных колхозников по своему усмотрению. В большинстве случаев собрания устанавливали пониженные трудовые минимумы. Так, 6 января 1955 года газета «Советская Сибирь» (Новосибирская область) сообщила, что в сельхозартели «Знамя коммунизма» Чановского района каждому трудоспособному работнику надлежало выработать 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось не менее 200¹².

8. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-527. Оп. 1. Д. 258. Л. 21–22.

9. Исторический архив Омской области (далее — ИсаОО). Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 1227. Л. 36.

10. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 27; Оп. 7. Д. 1326. Л. 77; Д. 1658. Л. 61, 64.

11. ГАНУ. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1820. Л. 3, 4, 9; Д. 1917. Л. 3, 5; Д. 2010. Л. 2, 4, 60б.; Д. 2097. Л. 206., 5, 70б.; Д. 2213. Л. 206., 5, 70б.

12. Обязательный минимум трудодней // Советская Сибирь. 1955. 6 янв.

Увеличение числа колхозников, уклонявшихся от труда в коллективном производстве, происходило в основном за счет женщин. В Сибири с 1954 по 1955 год удельный вес колхозниц, не выполнявших трудовую норму, увеличился с 18,9 до 20,4%, или на 1,5 процентных пункта. Наибольших значений этот показатель достиг в Омской области (+3,6 п. п.), наименьших — в Иркутской (+0,4 п. п.). В Читинской области, Якутской и Бурят-Монгольской АССР, Тувинской АО процент женщин, уклонявшихся от работы в колхозах, наоборот, сократился. Это обуславливалось тем, что в 1954 году для женщин данных регионов установили существенно более низкий минимум трудодней¹³.

Невыход женщины на работу не всегда был связан с уходом за детьми и другими уважительными причинами. Многие колхозницы активно занимались домашним производством. Так, согласно материалам проверки деятельности колхозов Чановского района Новосибирской области, проведенной партийными органами, в 1954–1955 годах в сельхозартели «Сталинский путь» минимум трудодней регулярно не выполняли 35 женщин. Они вязали пуховые платки и продавали их на рынке. Для части женщин работа в колхозе не имела большого значения из-за возросшей зарплаты их мужей. Например, 12 колхозниц были замужем за трактористами, заработок которых возрос. В этом плане весомую роль играл и социальный статус супруга. На работы в колхоз не выходили жены трех коммунистов, в том числе жена секретаря парткома Чехлова, работавшего кладовщиком. На общем колхозном собрании Чехлов заявил: «Моя жена как не работала в колхозе, так и не будет работать»¹⁴. Из-за уклонения женщин от работы в колхозе страдало общественное овощеводство и животноводство, где преобладал ручной женский труд.

В середине 1950-х годов доходность ЛПХ возросла, так как ослаб налогово-податной прессинг государства: уменьшились нормы обложения сельхозналогом, расширился контингент лиц, пользующихся льготами по его уплате, снизились объемы обязательных поставок. По темпам роста производства мяса, яиц, шерсти личный сектор аграрной экономики опережал общественное хозяйство. В 1953–1956 годах в ЛПХ Западной Сибири производство мяса выросло на 57%, яиц — на 64%, шерсти — на 94%. В колхозах выпуск мяса поднялся на 11%, сборы яиц уменьшились на 12%, настриг шерсти упал на 10%. Зато в сельхозартелях повысилось производство молока. Его объемы здесь за три года поднялись на 47%, в ЛПХ — на 16% (Андреенков, 2016: 172–176, 238).

Для повышения дисциплины труда в колхозах и степени управляемости хозяйствами руководством страны приходилось возвращаться к практике борьбы (в более мягкой форме) с «тунеядца-

13. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

14. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1556. Л. 33–34.

ми», усилению партийного контроля над деятельностью хозяйств. В то же время активизировались старые и создавались новые механизмы материального поощрения хорошо работавших колхозников.

В 1955–1956 годах корпус колхозных председателей был «усилен» руководителями с опытом управленческой работы в промышленности и других сферах народного хозяйства, которые выступали как проводники политики партии в деревне (движение тридцатитысячников). Их организаторская деятельность должна была обеспечить увеличение трудовой отдачи колхозников и выполнение ими всех спускаемых сверху партийно-государственных указаний.

В 1956 году произошли заметные изменения в системе нормирования трудовой нагрузки и оплаты труда. Колхозным собраниям разрешили скорректировать уставы хозяйств, в частности, уточнить порядок определения минимумов трудодней. Эта работа проводилась под плотным контролем партийных органов, поэтому уставы поправили так, как было нужно власти. Трудоспособные мужчины, а также женщины, не имеющие малолетних детей, получали повышенные трудовые нормы. Для тех из них, кто без уважительных причин не выполнял установленную нагрузку, стоимость трудодня уменьшалась на 25%. Однако для колхозниц с малолетними детьми определялись пониженные нормативы. Несовершеннолетним, инвалидам и престарелым минимума не устанавливали. Порядок их материального обеспечения оговаривался отдельно. Крестьяне должны были получать авансы, а особо отличившиеся — дополнительные выплаты, определяемые по решению собрания¹⁵.

В 1956 году на авансовую оплату труда перешли более половины всех колхозов страны. В Красноярском крае в этом году подобные платежи практиковали 38% хозяйств, в 1958 году — 60%, в 1960 году — 76%. Высокодоходные сельхозартели стали использовать денежную оплату труда без трудодня. В Сибири удельный вес применявших ее колхозов колебался от 20 до 30% (Анисков, 1985: 325; Гущин, 1991: 125). Росту доходов колхозников и, соответственно, повышению их интереса к работе в общественном хозяйстве должно было способствовать совершенствование организации труда. В хозяйствах стали создаваться безарядные звенья (5–7 чел.) с аккордно-премиальной авансовой оплатой. Специализировались они преимущественно на выращивании пропашных культур на небольших участках.

В середине 1950-х годов руководство страны начало кампанию по ограничению ЛПХ, полагая, что в связи с ростом общественного производства необходимости в ведении индивидуальных хозяйств у населения почти уже нет. Действительно, доля ЛПХ в совокупном доходе колхозной семьи снижалась. В Западной Сибири в 1953 году она составляла 43%, в 1958 году — уже 33%. Тогда как удельный вес зарплаток, получаемых от колхоза, в сумме доходов вы-

15. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89.

рос с 39 до 55% (Ильиных, 2001: 74–75). И все-таки до полного отказа от ЛПХ было еще довольно далеко.

Усиление давления на свое подсобное хозяйство колхозники почувствовали в 1956 году в связи с обновлением уставов сельхозартелей. В новых уставах фиксировалось уменьшение наделов у пенсионеров, а также у колхозников, члены семей которых работали в государственных организациях, находились на учебе, в армии или не выработывали минимум трудодней. В сельхозартели «Союз строителей» Ояшинского района Новосибирской области участок двора этой категории семей уменьшался с предусмотренных уставом в 1935 году 0,4 га до 0,1–0,15 га. Колхозники должны были сократить поголовье домашнего скота. Так, в указанном хозяйстве по старому уставу каждая семья имела право содержать две-три коровы, по новому — только одну¹⁶. С 1956 по 1959 год в Новосибирской области количество коров, приходящихся на 100 колхозных дворов, понизилось с 94 до 87 голов (–8 %) (Ильиных, 2001: 73, 75).

Но основной удар был нанесен по личным подсобным хозяйствам рабочих и служащих. Нормы содержания скота в них уменьшились более существенно. Сильнее всего от политики по ограничению ЛПХ пострадали жители городских поселений. Рабочих и служащих обязывали продавать животных государственным и кооперативным организациям.

Больше внимания верховная власть стала уделять развитию общественного животноводства. Упор делался на увеличение поголовья скота и птицы. Для этого пытались укрепить кормовую базу путем распространения посевов кукурузы и других пропашных культур, использовать разные организационные новшества, шире применять машинную технику. При осуществлении планов по подъему животноводства допустили немало волюнтаристских ошибок. Возможности реальной интенсификации ограничивало отсутствие современных эффективных технологий и заинтересованности значительной части животноводов (по-прежнему преимущественно женщин) в развитии отрасли. Тем не менее уровень механизации ферм вырос. Нельзя недооценивать и действительно ударный труд многих скотников, доярок, свинок. Например, в 1954 году доярки колхоза «Советская Сибирь» Москаленского района Омской области получили от каждой коровы 3100 кг молока, или на 772 кг больше, чем в 1953 году. В последующие годы этот успех был развит (Анисков, 1985: 295). В колхозах увеличилось производство и молока, и мяса, хотя и не так существенно, как того хотела верховная власть.

Если большинство женщин стремилось больше уделять внимания домашнему производству, то мужчины старались увеличить выработку трудодней, что делалось ради получения дополнительного

16. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89; По решению общего собрания колхозов // Советская Сибирь. 1956. 6 мая.

заработка, необходимого опять же для ведения подсобного хозяйства (для лучшего обеспечения личного скота и птицы кормами, покупки инструмента, строительных материалов и т. д.). В 1950 году в колхозах Сибири доля трудоспособных мужчин, не выработавших обязательного минимума трудодней, составляла 2,1%, в 1954 году — 2,3%, в 1955 году — 1,9%¹⁷.

Росту доходов колхозных семей способствовало зачисление, согласно постановлению сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года, значительной части механизаторов-колхозников в штат МТС, где они стали получать денежную зарплату от государства по гарантийному минимуму, нормы которого были увеличены.

Труд мужчин в общественном производстве в основном был связан с машинной техникой, большая часть которой концентрировалась в зерновом хозяйстве. Вспашка, боронование, посев, уборка, транспортировка урожая являлись сравнительно простыми операциями. За счет них можно было проще выработать сверхнормативные гектары мягкой пахоты (условная единица измерения объема работы МТС) для получения дополнительного вознаграждения и внимания общественности. В середине 1950-х годов советские газеты пестрели сообщениями о трудовых подвигах механизаторов, покорявших целину. И их достижения не были выдумкой. В 1954–1957 годах в МТС Сибири выработка на один трактор увеличилась по сравнению с предыдущим четырехлетием на 29%, на один среднесезонный комбайн — на 10% (Анисков, 1985: 294).

В то же время в животноводстве, овощеводстве, возделывании технических культур машинная техника использовалась слабо. Для проведения механизированных работ здесь в сравнении с производством зерна необходимо было использовать специальные машины, которые оставались в дефиците. Подготовленных для них операторов также не хватало. В целом в МТС технических и кадровых ресурсов для комплексной интенсификации колхозного хозяйства оказалось недостаточно. Необходимого уровня концентрации сил и средств не удалось обеспечить ни в старопашотных, ни в целинных районах.

Объемы финансирования программы развития МТС сокращались при одновременном наращивании капиталовложений в совхозы. В 1954 году в РСФСР на сооружение в МТС объектов производственной и социальной инфраструктуры было израсходовано 1710 млн руб., в 1955 году — 1336 млн, в 1956 году — 1305 млн руб. В 1957 году на данные цели запланировали ассигновать только 557 млн руб.¹⁸ На станциях так и не были созданы условия для высокоэффективного и долгосрочного труда механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

17. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

18. Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 2.

Квалифицированные кадры стали уходить на работу в совхозы, промышленные предприятия, органы хозяйственного управления. Правительство попыталось перенаправить этот поток в колхозы. В 1955 году в члены сельхозартелей зачислили большую часть трудоустроенных в МТС специалистов сельского хозяйства, в 1958 году — механизаторов. В 1958–1960 годах колхозам на возмездной основе передали имущество и машинный парк станций. МТС были преобразованы в ремонтно-технические станции (РТС).

Трудовое поведение колхозников в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов

В конце 1950-х — первой половине 1960-х годов руководство страны видело решение многих проблем развития сельхозпредприятий в укрупнении производственных единиц и их структур. Организация крупного хозяйства соответствовала коммунистической доктрине. С помощью больших предприятий можно было ускорить капитализацию сельхозпроизводства, быстрее освоить необжитые малонаселенные территории, повысить заработок селян. В связи с этим многие сельхозартели объединяли в одно предприятие. Экономически слабые хозяйства преобразовывали в совхозы.

Однако минусов у крупных производственных форм также было немало. В больших сельхозпредприятиях организовать оперативное внутривозьезственное сообщение и управление подразделениями оказалось крайне сложно. Тормозилось развитие звеньевой системы организации труда. Работники хозяйств быстрее теряли связь с результатами своей производственной деятельности, быстрее снижался их интерес к развитию общественного хозяйства. Государство оказалось не в состоянии обеспечить необходимый объем финансирования каждому хозяйству.

В колхозах условия для жизни и производственной деятельности механизаторов оказались хуже, чем в бывших МТС. Уровень оплаты их труда снизился. В конце 1950-х — начале 1960-х годов хозяйства не располагали средствами, достаточными для его повышения. Значительная часть доходов передавалась государству в качестве платежей за полученную от МТС технику. От колхозов требовали рассчитаться за технику как можно быстрее. Поспешная ее оплата подорвала финансовую систему значительной части сельхозартелей. В целинных районах Сибири уменьшению доходности колхозов способствовало также снижение урожайности зерновой нивы, обусловленное истощением естественного плодородия почв. Отток квалифицированных кадров из колхозов усилился. В сельхозартелях Алтайского края с 1959 по 1964 год число трактористов-машинистов, комбайнеров, шоферов уменьшилось на 15% (Казанцев, 1977: 215).

Машины в колхозах использовались неудовлетворительно. В 1964 году в Алтайском крае дневная выработка одного условного трактора была в два раза ниже, чем в МТС в 1957 году (Казанцев, 1977: 211). Порядок эксплуатации и хранения техники зачастую не соблюдался. Серьезной проблемой стала организация ремонта машин. Услуги РТС отличались низким качеством и стоили недешево. Ремонтных мощностей станций для удовлетворения всех потребностей колхозов не хватало. Значительная часть сельхозартелей игнорировала услуги РТС, предпочитая ремонтировать технику своими силами, то есть кустарным способом, который обходился им гораздо дешевле.

В дефиците оказалась широкая номенклатура запчастей, инструментов и материалов, необходимых для обслуживания и ремонта техники. Для починки тракторов и комбайнов нередко использовались детали, полученные в результате разукomплектования старых машин. Особо востребованные материально-технические средства часто становились предметом теневой торговли. Поиск и приобретение дефицитных деталей и механизмов осуществлялись через специальных «торговых агентов».

Колхозники, несмотря на увеличение платы за труд, оставались самой низкооплачиваемой категорией населения. На рубеже 1950–1960-х годов рядовой работник сельхозартели зарабатывал в общественном хозяйстве в 1,5 раза меньше, чем рядовой работник совхоза, и на порядок меньше, чем колхозные руководители. Так, в 1959 году в сельхозартели им. Ленина Горьковского района Омской области среднемесячная зарплата председателя составила 4434 руб., бухгалтера — 3563 руб., тогда как каждый трудоспособный колхозник в среднем получил всего 231 руб., или в 19 и 15 раз меньше¹⁹. Заработок председателя, главного агронома, зоотехника, бухгалтера зависел не от количества сданной государству продукции, по которому определялись суммы начислений простого колхозника, а от площади посевов и численности скота. В Сибири размеры хозяйств благодаря их укрупнению и распашке новых земель существенно возросли, поэтому колхозные начальники получали наибольшие заработки.

Рядовые работники искали дополнительный доход на стороне. В 1960 году в Омской области в райцентре Полтавка более 500 трудоспособных граждан нигде официально не работали и получали доход от кратковременного трудоустройства в различных учреждениях. В селе Малахово половина способных к труду жителей (свыше 50 чел.) зарабатывали на жизнь продажей продукции со своих личных хозяйств и деятельностью по найму²⁰.

Негативные явления в сельхозпроизводстве верхняя власть пыталась преодолеть посредством проведения мероприятий эконо-

19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 269. Л. 120.

20. ИсАОО. Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 22.

мического характера. В начале 1960-х годов правительство снизило налогообложение колхозов, улучшило условия их кредитования, уменьшило «выкупные платежи» за технику, расширило объемы использования сдельной оплаты труда, повысило закупочные цены. Так, в соответствии с правительственным постановлением от 17 мая 1962 года с 1 июня этого года расценки на скот и птицу поднимались на 35%, на животное масло — на 10%, на сливки — на 5%²¹. В 1964 году была введена гарантированная государством система социального обеспечения колхозников. Перечисленные меры позволили оздоровить ситуацию в хозяйствах и поднять заработок их работников.

В 1962 году у селян появилась возможность приумножить доходы от ведения личного подсобного хозяйства. Постановление правительства от 17 мая позволяло владельцам ЛПХ, как и колхозам, реализовывать свой скот, птицу и животноводческую продукцию по повышенным ценам. Шанс подзаработать на новых закупочных ценах колхозники, рабочие и служащие использовали в полной мере. Они увеличили поголовье скота и объемы его продажи государству и кооперации. По данным доклада ЦСУ об итогах обследования бюджетов населения 30 сентября 1962 года, число КРС в подворьях колхозников возросло относительно показателей 30 сентября 1961 года на 4%, в том числе коров — на 1%, свиней — на 2%, овец и коз — на 2%. Количество мяса и сала, проданного работниками сельхозартелей государству и потребкооперации с января по сентябрь 1962 года, стало больше относительно этого периода 1961 года на 30%, 1958 года — на 3%, 1953 года — в 9 раз. В течение девяти месяцев 1962 года денежные поступления колхозников от данного источника доходов увеличились относительно этого же периода 1961 года на 30%²². Продажи продукции на рынке и доходы от них выросли не так существенно.

Развитие приусадебного животноводства было невозможным без усиления кормовой базы. В нее все шире входили хлебопродукты (печеный хлеб, мука, крупа, макароны), приобретенные владельцами ЛПХ в государственных и кооперативных магазинах. Рост их закупок стал возможен благодаря повышению денежных доходов селян от работы в общественном хозяйстве и увеличению объемов продаж хлебопродуктов предприятиями торговли. Кроме того, были снижены розничные цены на эти то-

21. Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1962 г. «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35733#07337012446342126> (дата обращения: 06.02.2024)

22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 153–155, 159–160.

вары. С 1 апреля 1954 года печеный хлеб, мука и макароны подешевели в магазинах в среднем на 7%. С января по сентябрь 1953 года каждая колхозная семья израсходовала на корм скоту 142 кг хлебной продукции, в этот же период 1958 года — 343 кг, 1961 года — 360 кг, 1962 года — 376 кг. Из этого количества в торговых сетях было куплено 103, 185, 189 и 221 кг хлебопродуктов соответственно²³.

В 1963 году власть ужесточила политику по отношению к ЛПХ. Вновь были приняты меры по ограничению развития приусадебного животноводства рабочих и служащих. Ужесточалось наказание за скармливание скоту хлебопродуктов, купленных в магазинах государственной и кооперативной сети. Борьба с использованием гражданами магазинной продовольственной продукции в качестве кормов велась с 1956 года, но нужного эффекта не давала. Некоторые результаты работы по пресечению подобного рода преступлений демонстрирует отчет Министерства охраны общественного порядка РСФСР от 23 августа 1963 года. В нем сообщалось, что в течение первого полугодия этого года в Кемеровской области были установлены и осуждены в административном порядке 87 чел., скармливавших хлеб скоту и птице. За нарушение норм отпуска хлебопродуктов в одни руки административное наказание понесли 24 работника торговли, уголовное — 4²⁴.

Осуществление мер по ограничению ЛПХ, принятых в 1963 году, способствовало сокращению объемов приусадебного производства. В Западной Сибири за год поголовье КРС в ЛПХ сократилось на 9%, свиней — на 28%, овец — на 31%²⁵. Спад производства здесь усилил общую нестабильность обеспечения граждан продовольствием. Колхозы и совхозы в одиночку решить продовольственную проблему оказались не в состоянии. В октябре 1964 года, уже после отставки Н. С. Хрущева, решительного сторонника гонений на ЛПХ, были приняты меры по смягчению политики по отношению к индивидуальным хозяйствам. Новое «коллективное руководство» признало, что без них сельское хозяйство пока обойтись не может.

Заключение

В рассматриваемый период в функционировании колхозов, как и всего сельского хозяйства, наблюдались противоречивые тенденции. Шире стала использоваться материальная заинтересованность в труде селян, прекратились репрессии. Но от адми-

23. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 157–158, 161–162.

24. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 395. Л. 72.

25. Сельское хозяйство РСФСР: статистический сборник. М., 1964. С. 422–425, 428–433, 440–441.

нистративно-мобилизационных методов решения хозяйственных задач государство полностью не отказалось, что в значительной мере обуславливалось объективными обстоятельствами. Одним из них являлся кризис хлебозаготовок 1953 года, во многом спровоцированный нежеланием колхозников отдавать хлеб государству в третьем подряд неурожайном году. Эта «хлебная стачка» была последним «выступлением» крестьянства, изменившим политику государства в свою пользу. Благодаря аграрным мероприятиям «коллективного руководства» голод навсегда ушел в прошлое.

Производственная и технологическая дисциплина в колхозах, несмотря на существенный рост оплаты труда их работников, оставалась невысокой. Численность лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве сельхозартели, возрастала. На трудовое поведение колхозников значительное влияние оказывало ведение ЛПХ, отнимавшее немалый объем времени, сил и средств. Главным источником ресурсов для развития индивидуальных подворий становилось общественное хозяйство. Возросшая оплата труда в нем позволяла крестьянам улучшить кормовую базу для приусадебного животноводства. Значительные возможности для расширения ЛПХ создавал увеличившийся денежный заработок, который, в частности, открыл широкий доступ к дополнительному источнику кормов — магазинной хлебной продукции. Средства для ведения ЛПХ колхозники приобретали путем мелких хищений колхозной собственности. В целинных хозяйствах Сибири, получавших высокие урожаи хлебов, незаконное присвоение колхозниками общественного зерна получило большой размах. Государство, для того чтобы уменьшить отвлечение трудовых ресурсов в личный сектор аграрной экономики, периодически проводило кампании по ограничению размеров ЛПХ.

Крестьянство все еще сохраняло многие свои родовые черты, в первую очередь проявлявшиеся в поведении женщин, стремившихся больше внимания уделять домашнему хозяйству, а не колхозному. Хотя можно привести немало примеров ударного труда колхозниц на общественных полях и фермах. Для мужчин работа в общественном секторе колхозного хозяйства в связи с повышением уровня ее механизации (в первую очередь в производстве зерна) и оплаты становилась основным источником заработка. В то же время в производственной деятельности трактористов и комбайнеров было немало изъянов, выражавшихся в нарушении правил эксплуатации и хранения техники, ее производительность оставалась низкой. И причины этого крылись не только в недоработках руководителей и недостатках работников хозяйств, но и в ошибочных подходах власти к осуществлению аграрных преобразований.

- Андреенков С. Н. (2016). Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт.
- Анисков В. Т. (ред.) (1985). Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние.
- Гершанов Е. М., Никитинский В. И. (1972). Дисциплина трудовая // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 8: Дебитор-Евкалипт. М.: Советская энциклопедия. С. 320.
- Гущин Н. Я. (ред.) (1991). Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Денисова Л. Н. (2007). Государственная власть и колхозы // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века: материалы Международной научно-практической конференции. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт. С. 392–403.
- Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. (1995). Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск: Экор.
- Ильиных В. А. (2003). Организация и оплата труда. Трудовое поведение // Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Ильиных В. А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН. С. 35–56.
- Ильиных В. А. (ред.) (2001). Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е гг. / Т. М. Бадалян, В. А. Ильиных, И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева. Новосибирск: Изд-во ИДМИ.
- Казанцев А. В. (1977). Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние. С. 204–216.
- Маленков Г. М. (1953). Речь на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. Хабаровск.
- Пивоваров Н. Ю. (2016). Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 — феврале 1954 г. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М. С. 311–320.
- Полов В. П. (1994). «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 1950-е — начале 1960-х гг.) // Отечественные архивы. № 1. С. 27–50.
- Смирнов В. А. (1979). Социальная активность советских рабочих (некоторые методологические и социологические аспекты проблемы). М.: Политиздат.

С. Н. Андреенков
Трудовое поведение
колхозников
Сибири в контексте
осуществления
аграрной политики
государства. 1953–
1964 годы

Labor behavior of collective farmers in Siberia under the state agrarian policy in 1953–1964²⁶

Sergey N. Andreenkov, PhD (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian and Demographic History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Akademika Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090.
E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru.

Abstract. The article considers the labor behavior of collective farmers in Siberia under the agrarian measures of the supreme power during Khrushchev's thaw. The author identifies factors that influenced the labor behavior of collective farmers, its forms

26. The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation. Project No 24-28-00100 "Social adaptation of the Siberian peasantry in the late 1920s — first half of the 1960s: mechanisms, forms, results" (<https://rscf.ru/project/24-28-00100>).

and role in the state agrarian policy, emphasizing contradictory tendencies in the functioning of collective farms. Thus, financial incentives were used more widely, but the state did not abandon mobilization methods for solving economic problems. Therefore, the production and technological discipline in collective farms remained at a low level; many villagers avoided working in the public economy. Personal subsidiary farms had a significant impact on the labor behavior of collective farmers, since the public economy provided main resources for their personal subsidiary plots. Increased wages at the collective farm allowed peasants to strengthen the feed base for their livestock. Collective farmers acquired means for personal subsidiary farming through petty thefts at the collective farm. The peasantry retained many of its past features manifested primarily in the labor behavior of women, who tended to pay more attention to their household than to the collective farm. To reduce the villagers' labor costs in the private sector of the agrarian economy, the state periodically conducted campaigns to limit the size of personal subsidiary plots.

Key words: labor behavior, collective farms, collective farmers, machine-tractor stations, machine operators, personal subsidiary farms, state agrarian policy, agriculture

References

- Andreenkov S. N. (2016) *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946—1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie* [Collective and State-Farm System in Siberia in 1946–1964: Functions and Reforms], Novosibirsk: Sibprint.
- Aniskov V. T. (Ed.) (1985) *Krestyanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [Siberian Peasantry under the Consolidation and Development of Socialism], Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Denisova L. N. (2007) Gosudarstvennaya vlast i kolkhozy [State power and collective farms]. *Gosudarstvennaya vlast i krestyanstvo v XX — nachale XXI veka: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kolomna: Kolomensky gosudarstvenny pedagogichesky institut, pp. 392–403.
- Gershanov E. M., Nikitinsky V. I. (1972) Distiplina trudovaya [Labor discipline]. *Bolshaya sovetskaya ehntsiklopediya*, vol. 8, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 320.
- Gushchin N. Ya. (Ed.) (1991) *Krestyanstvo i selskoe khozyaistvo Sibiri. 1960–1980-e gg.* [Peasantry and Agriculture in Siberia. 1960–1980s], Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Il'inykh V. A., Nozdrin G. A. (1995) *Ocherki istorii sibirskoi derevni* [Essays on the History of the Siberian Village], Novosibirsk: Ekor.
- Il'inykh V. A. (Ed.) (2001) *Ocherki istorii krestyanskogo dvora i sem`i v Zapadnoi Sibiri. Konets 1920-h — 1980-e gg.* [Essays on the History of the Peasant Household and Family in Western Siberia. Late 1920s — 1980s.], Novosibirsk: Izd-vo IDMI.
- Il'inykh V. A. (2003) Organizatsiya i oplata truda. Trudovoe povedenie [Labor organization and wages. Labor behavior]. Karpunina I. B., Melentyeva A. P., Il'inykh V. A. *Selskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v 1960–1980-e gg. (faktory, tendentsii i rezultaty sotsialno-demograficheskoi adaptatsii)*, Novosibirsk: GUP RPO SO RASKhN, pp. 35–56.
- Kazantsev A. V. (1977) Reorganizatsiya MTS i formirovanie mekhanizatorskikh kadrov v kolkhozah Altaya (1958–1965 gg.) [Reorganization of MTS and machine operating personnel in collective farms of Altai (1958–1965).]. *Problemy istorii sovetskoi sibirskoi derevni*, Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 204–216.
- Malenkov G. M. (1953) *Rech na sessii Verkhovnogo Soveta SSSR 8 avgusta 1953 g.* [Speech at the Session of the Supreme Soviet of the USSR on August 8, 1953.], Khabarovsk.
- Pivovarov N. Yu. (2016) Strasti po tseline: politicheskaya borba vokrug tselinnogo proekta v iyule 1953 — fevrale 1954 g. [Disputes about virgin lands: Political struggle around the virgin lands project in July 1953 — February 1954]. *Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii: Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moscow, pp. 311–320.

- Popov V. P. (1994) "Vtoroi i vazhneishy etap" (ob ukрупnenii kolkhozov v 1950-e — nachale 1960-h gg.) ["The second and most important stage" (on the enlargement of collective farms in the 1950s — early 1960s)]. *Otechestvennye Arkhivy*, no 1, pp. 27–50.
- Smirnov V. A. (1979) *Sotsialnaya aktivnost sovetskih rabochih (nekotorye metodologicheskie i sotsiologicheskie aspekty problemy)* [Social Activity of Soviet Workers (Some Methodological and Sociological Aspects)], Moscow: Politizdat.

С. Н. Андреев
Трудовое поведение
колхозников
Сибири в контек-
сте осуществления
аграрной политики
государства. 1953–
1964 годы

Сельский рынок труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников¹

О. П. Фадеева

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, заведующая отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17. E-mail: fadееva_ol@mail.ru

Аннотация. Трансформация аграрного сектора экономики России в последние два десятилетия существенно изменила ситуацию на сельском рынке труда. Предложение на этом рынке все меньше отвечало запросам работодателей, ориентированных на современную технологическую базу аграрного производства. Традиционное мнение о трудоизбыточности сельских территорий постепенно утрачивало актуальность, а представители муниципальной власти и агробизнеса все чаще стали отмечать недостаток работников и дефекты специализированного образования. Вместе с тем дефицит кадров стал носить преимущественно структурный характер: не хватает работников определенных, востребованных специальностей. На основе материалов углубленных интервью с работодателями в статье рассмотрены основные проблемы удовлетворения спроса на квалифицированных специалистов в аграрной сфере. Возможности и особенности потенциального предложения труда за счет притока молодежи раскрываются при помощи обобщения данных анкетирования студентов одного из крупнейших аграрных вузов России относительно их профессиональной мотивации и будущего трудоустройства. Сложность отмеченных в статье проблем привлечения и закрепления молодежи определяется тем, что они должны решаться на фоне реализуемых и проектируемых изменений модели пространственного развития — в диапазоне от идей комплексного и инициативного преобразования сельских территорий до масштабного «сельского агломерирования». На основе мнений информантов представлены практические выводы относительно возможных изменений как в сфере аграрного образования, так и в политике сельского развития.

Ключевые слова: сельский рынок труда, аграрная занятость, молодежь, высшее и среднее профессиональное образование, сельский образ жизни, комплексное развитие сельских территорий, сельские агломерации

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-204-228

-
1. Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при паритетной финансовой поддержке Российского научного фонда (Соглашение № 23-28-10281 от 20.04.2023) и Новосибирской области через Министерство науки и инновационной политики Новосибирской области (Соглашение 000005406995998235120642/№ p-68 от 03.04.2023), на тему «Вовлеченность молодежи в процессы изменений в сферах образования, экономики и общества».

Аграрная занятость в конкурентной среде

Аграрный сектор экономики России на протяжении почти двух последних десятилетий демонстрирует темпы роста выше средних на фоне сокращения доли сельского населения и количества занятых в сельском хозяйстве. При этом часто специфика российского сельского рынка труда характеризуется на первый взгляд взаимоисключающими утверждениями: «в селе работы нет» и «в селе работать некому». Цель данной статьи — обсудить актуальные проблемы сельскохозяйственной занятости, в том числе связанные с недостатком притока молодежи в отрасль, лежащие как на стороне аграрного образования, так и на стороне условий работы и жизни в сельской местности. Исследование базируется на материалах социологического опроса студентов выпускных курсов Новосибирского государственного аграрного университета, который был проведен в 2023 году ($N = 679$). Другой источник данных — серия углубленных интервью с преподавателями аграрных вузов, представителями аграрного бизнеса и занятыми в отрасли работниками в Новосибирской, Нижегородской, Пензенской и Ленинградской областях, а также в Краснодарском крае ($N = 15$), состоявшихся в 2023–2024 годах.

На 1 января 2023 года сельское население России насчитывало 36,8 млн человек, или около $\frac{1}{4}$ от всего населения страны. Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве на этот период оценивалась в 4,46 млн чел., или 6,3% от общего числа занятых в экономике. При этом аграрную занятость имели только 20–25% работающего сельского населения, из них 30% были трудоустроены в сельскохозяйственных организациях. Иными словами, $\frac{3}{4}$ дееспособных жителей села не были связаны с работой в полеводстве и/или животноводстве. За последние пять лет сельское хозяйство страны суммарно потеряло более 600 тысяч работников. С одной стороны, уменьшение количества занятых в отрасли было вызвано широким внедрением трудосберегающих технологий, а с другой стороны, оно связано с неконкурентными условиями занятости в отрасли (прежде всего, низким уровнем оплаты труда), банкротством ряда предприятий и фермерских хозяйств, сельско-городской миграцией и выездом на временные (сезонные) вахтовые и прочие работы (Карцева и др., 2024). Немалую роль в сложившейся ситуации сыграл демографический дисбаланс: пенсионеров, покидающих рынок труда, не компенсирует приток молодых работников. В связи с этим недостаток рабочих рук стали ощущать как крупные и средние предприятия, так и фермерские хозяйства². Привлечение трудовых мигрантов на постоянной или временной основе становится все более рас-

О. П. Фадеева
Сельский рынок
труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников

2. Более подробно о причинах дефицита работников в российском сельском хозяйстве и проблемах его преодоления см.: (Потапова, 2024; Shagaida, 2024).

пространенной практикой. Дефицит кадров в сельском хозяйстве, по оценке Министерства сельского хозяйства РФ, приблизился к концу 2023 года к 200 тыс. чел., среди наиболее распространенных вакансий числятся разнорабочие, скотники, доярки, механизаторы, ветеринары, агрономы, инженеры и проч.³

Существующий дефицит как высоко-, так и низкоквалифицированных кадров в сельском хозяйстве, по мнению специалистов, вряд ли будет преодолен в ближайшее время — и даже значительное повышение оплаты труда (до 50–80 тыс. руб. в месяц разным категориям работников на разных типах предприятия) не всегда способствует оперативному исправлению ситуации. Трудности возникают даже в крупных компаниях и агрохолдингах, вынужденных снижать требования для привлечения кандидатов на незаполненные вакансии⁴. Последнее десятилетие сельскохозяйственная отрасль в немалой степени держалась на использовании иностранной рабочей силы, преимущественно из республик Центральной Азии. Но начиная с введения карантинных и других мероприятий, связанных с эпидемией COVID-19, а затем и усложнением геополитической и внутрироссийской экономической ситуации (СВО, ослабление курса рубля, общий дефицит рабочей силы, а также запрет некоторых сфер занятости для иностранцев) присутствие среднеазиатских мигрантов в российском АПК заметно сократилось — и в то же время почти в два раза выросла стоимость найма сезонных работников. В связи с этим крупные компании на физические работы пытаются найти выходцев из разных стран, в том числе весьма экзотических. Как сообщают СМИ, на повестке дня стоит привлечение мигрантов из стран Африки, Индии, Северной Кореи. Таким образом, как надеются представители компаний, будет произведена хотя бы частичная замена работников, по тем или иным причинам покинувших рынок труда⁵.

Наши информанты из числа работодателей, представляющие и крупные компании, и небольшие фермерские хозяйства, подтверждают, что без иностранцев они бы не смогли справиться со всем объемом работы. Из интервью с владельцем молочной фермы и разводчиком абердин-ангусской породы крупного рогатого скота мясного направления: *«Мигранты из Средней Азии — это*

3. Шокурова Е. Минсельхоз заявил об оттоке 200 тысяч кадров из АПК. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42105-minselkhoz-zayavili-ob-ottoke-200-tysyach-kadrov-iz-apk/>

4. Кулистикова Т. В этом году кадровые проблемы в АПК могут усилиться. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/41977-v-etom-godu-kadrovye-problemy-v-apk-mogu-usilitsya/>

5. Долбунова Е. Агросектору не хватает мигрантов. Кадровый голод вынуждает компании расширять географию привлечения сотрудников. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42658-agrosectoru-ne-khvataet-migrantov/>

моя основная рабочая сила! Со скотом работают исключительно иностранцы. Просто качественные русские работники идут в город. Даже на более низкую зарплату, чем мы предлагаем. Но в городе заведомо менее физически сложная работа, поэтому там им комфортно. В деревне со скотом работают исключительно иностранцы, а на технике — 50 на 50» (Ленинградская обл.). Подтверждает эти слова другой ленинградский фермер, который специализируется на полеводстве: «Я работников к себе искал полгода. За это время мне позвонил по моей заявке 1 русский и 5 иностранцев. Я русского взял, он мне технику загубил и ушел. Реальных специалистов в сельском хозяйстве уже и нет. Кто к нам трудоустраивается — мы их обучаем! Даже механизаторов!»

Критическим фактором в деятельности российских сельхозпредприятий становится нехватка механизаторов, умеющих работать на производительной импортной технике. Отсутствие опытных и дисциплинированных трактористов, комбайнеров, водителей большегрузных машин воспринимается на производстве даже острее, чем нехватка специалистов с высшим образованием, с функциями которых с недавних пор начали справляться топ-менеджеры и владельцы аграрного бизнеса. Дефицит высокопрофессиональных механизаторов замедляет темпы полевых работ, сказывается на выборе технологии посевов и уборки урожая, несет в себе экологические риски, а значит, напрямую влияет на доходы предприятий. Из интервью с главным инженером мини-агрохолдинга: «На сегодняшний момент у нас не хватает четырех механизаторов, которые могут работать не просто на тракторах “Беларус” (это было бы полбеды), а на мощных тракторах John Deere 300. Поэтому на уборке мы не используем бункер-перегрузчик, что нужно бы делать для сохранения водо- и воздухопроницаемости почвы. Выбор такой — мне нужно либо остановить комбайн, чтобы механизатор пересел на трактор и прицепил бункер, куда будет выгружаться зерно, либо продолжать уборку и вывозить урожай с поля на тяжелых КамАЗах, которые могут нанести вред и полям, и местным дорогам. В прошлом году мы погрузчиком пользовались, в этом году не будем... С кадрами проблема есть всегда, несмотря на то что мы платим работникам процентов на 20 больше, чем соседи». Серьезно подпортила кадровую ситуацию в этом хозяйстве развернувшаяся неподалеку стройка федеральной трассы, куда местные мужчины пошли работать водителями. Соперничать с предлагаемыми конкурентами условиями агробизнес оказался не в состоянии: механизаторов прельстил не только высокий заработок, но и «приятный график — полмесяца работают, полмесяца дома сидят, а у нас или сев идет, или уборка. Иногда люди уходят от нас в средненькое хозяйство, где работать проще, где можно иногда не выходить на смену. Но если мы так

будем позволять работать, от нашего мини-холдинга через год ничего не останется» (Нижегородская обл.).

Руководители предприятий сетуют на урбанизацию и бегство сельчан в города, даже если на их малой родине нет проблем с хорошо оплачиваемой работой. В связи с этим речь заходит о способах принуждения сельских жителей к оседлости с самого детства: *«Оседлые трезвые люди из села крайне неохотно подвержены трудовой миграции»*. Но в условиях «мобильного мира» и отсутствия видимых барьеров сделать это не так-то просто. Особенно большие сложности испытывают работодатели в привлечении и закреплении молодых специалистов после окончания колледжей и других организаций среднего профессионального образования (СПО), а также вузов.

«Подводные камни» аграрного образования

Образовательная сфера (вузы и учреждения СПО), которая является главным потенциальным источником квалифицированных трудовых ресурсов, должна набрать достаточное количество желающих освоить аграрную специальность и, помимо качественного обучения, сформировать к моменту выпуска устойчивую мотивацию к работе в сельском хозяйстве. Ответ на вопрос, почему сельхозпроизводители продолжают жаловаться на кадровый голод, а притока молодых специалистов в отрасль не наблюдается, дают результаты проведенного нами в 2023 году онлайн-опроса студентов выпускных (3, 4 и 5-го) курсов Новосибирского государственного аграрного университета (НГАУ). Всего в обследовании приняли участие 679 респондентов, 60% из них должны были завершить образование в текущем учебном году. Доля юношей в выборке составила 25%, девушек — 75%⁶.

Как видно из таблицы, больше половины опрошенных (52%) оканчивали школу в городской местности (в Новосибирске и городских поселениях области и других по большей части сибирских регионов), при этом более 80% поступили в НГАУ сразу

6. В целом выборка участников опроса соответствовала структуре генеральной совокупности выпускников бакалавриата и специалитета НГАУ в 2023 г. по разным специальностям. 38% респондентов представляли Институт ветеринарной медицины и биотехнологии, по 14% — Институт фундаментальных и прикладных агробiotехнологий и факультет экономики и управления, 12% — Институт экологической и пищевой биотехнологии, по 11% — Инженерный институт и юридический факультет. При этом среди респондентов, обучающихся по инженерным направлениям, доминировали юноши (82% опрошенных), а среди будущих ветеринаров и зоотехников больше чем в среднем оказалось девушек (86% опрошенных).

после «школьной скамьи». Исключение составили обучающиеся по инженерным и агрономическим специальностям — четверть опрошенных из этих институтов (бывших факультетов) перед тем, как стать студентами университета, обучались в учреждениях СПО, в т.ч. при НГАУ. Отметим, что подобную образовательную траекторию сегодня нередко выбирают школьники, которые избегают проходить ЕГЭ после 11-го класса. Среди них немало сельчан, пробивающихся таким «окружным путем» к диплому о высшем образовании с помощью облегченного режима поступления в профильный вуз после обучения рабочей профессии. Из интервью с деканом: *«Учащиеся СПО при нашем вузе защищают диплом и поступают к нам по внутренним испытаниям, минуя ЕГЭ. Это наш приоритет: эти выпускники должны получать у нас высшее образование».*

В выборке доля горожан оказалась выше среди студентов ветеринарно-санитарного и зоотехнического направления (57%), а также универсальных юридических и экономико-управленческих специальностей (55 и 61%). Преобладание горожан в аграрном вузе можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, получаемые в вузе знания и компетенции можно применять не только в сельской местности: например, городской рынок труда для ветеринарных медиков более привлекателен (работа в ветеринарных клиниках), чем в селе; работа для специалистов экологических и пищевых биотехнологий всегда найдется на предприятиях по производству продуктов питания и в сфере торговли, расположенных в городской местности; инженеры по транспортно-технологическому оборудованию и комплексам, а также специалисты по агро- и биотехнологиям востребованы в организациях ЖКХ, транспорта и логистики, озеленения и обустройства городских пространств. Во-вторых, аграрный университет привлекает абитуриентов доступностью получения образования с помощью большого, на фоне других новосибирских вузов, количества «бюджетных мест». Так, 76% опрошенных студентов обучались на бесплатной основе, доля респондентов-бюджетников среди получающих профильные аграрные специальности (ветеринары и зоотехники, инженеры, агрономы и др.) варьировалась от 95 до 99%. В ветеринарном институте весомую долю получающих образование без оплаты составили «целевики» (10%), т. е. студенты, которые на стадии приема в вуз заключили контракт с обязательствами трудоустройства на сельхозпредприятиях и на этом основании могли быть зачислены даже при недоборе баллов ЕГЭ. В относительно конкурентных условиях поступали в аграрный университет экономисты (40% респондентов вносили за обучение полную оплату) и юристы (среди них были вынуждены платить за образование почти 80%).

Таблица. Ответы студентов выпускных курсов НГАУ (N=679) по направлениям подготовки, % ответивших, 2023 г.

	Институт ветеринарной медицины и биотехнологии	Инженерный институт	Институт фундаментальных и прикладных агробиотехнологий	Институт экологической и пищевой биотехнологии	Юридический факультет	Факультет экономики и управления	Всего
Место окончания средней школы							
город	57	47	42	42	55	61	52
поселок, село	17	32	26	28	24	27	23
Оценка правильности выбора профессии							
да, скорее да	86	82	86	79	86	91	85
нет, скорее нет	14	18	14	21	14	9	15
Намерения работать по полученной профессии							
да	52	28	48	35	57	43	46
нет	4	11	8	9	5	5	6
как получится	35	53	36	50	28	50	40
не знаю	8	8	7	6	10	2	7
Предпочтительные сферы и отрасли для работы (не более трех ответов)							
сельское хозяйство	63	32	47	30	3	18	40
здравоохранение, медицина	40	1	11	18	1	2	19
торговля	13	20	14	22	8	25	16
сфера услуг	14	4	10	22	13	21	14
промышленность	6	41	11	31	3	8	14
образование	11	13	10	8	15	16	12
силовые структуры	7	3	5	5	43	10	11
юридические службы	2	3	3	6	58	11	11
информационная сфера, IT-технологии	7	8	18	13	7	17	11

финансы, банки	3	8	5	6	9	38	10
Предпочтительное место жительства							
Новоси- бирск	31	45	25	38	57	39	37
Новосибир- ская обл.	11	15	13	4	7	9	10
Москва, Санкт-Пе- тербург	10	4	13	12	13	11	11
другие ре- гионы РФ	16	16	14	12	20	14	15
затрудняюсь ответить	35	31	38	36	13	35	33

О. П. Фадеева
Сельский рынок
труда в фокусе аг-
рарного образова-
ния, вовлечения
и закрепления мо-
лодых работников

Не нужно сбрасывать со счетов еще одну причину преобладания в аграрном университете городских студентов — близость жилья к учебному заведению, позволяющая молодым людям экономить время и силы на проезд в мегаполисе, стимулирует выбор профессии, работать по которой они не планировали. Для приезжих проживание в большом городе обходится недешево, даже если само обучение бесплатно. Поэтому платежеспособность сельских родителей в немалой степени влияет на шансы сельской молодежи получить высшее образование вдали от родительского дома.

Относительно невысокие проходные баллы ЕГЭ⁷ не решают для НГАУ проблему с выполнением контрольных цифр приема и привлечением в аграрное образование молодых людей, успешно закончивших среднюю школу и способных в дальнейшем пополнить отряд молодых специалистов. Из интервью с преподавателем: *«Наш университет имеет самое большое количество бюджетных мест в Новосибирской области, практически со стопроцентной гарантией поступления — просто нужно сдать ЕГЭ на минималку. У нас нет конкуренции: конкурс в среднем составляет 0,98 человека на место, а по отдельным направлениям — 1 человек на место. В результате к нам приходят студенты с низ-*

7. Пару лет назад НГАУ поменял свою ведомственную принадлежность и из Министерства сельского хозяйства перешел под ведомство Министерства высшего образования и науки РФ. В связи с этим изменились правила приема в вуз: с 27–30 до 39–40 баллов (из 100) повысились пороговые значения результатов ЕГЭ по математике и русскому языку для зачисления «на бюджет», что привело к отсеиванию ряда абитуриентов, преимущественно из сельской местности, которые ранее (при более низком проходном балле) беспрепятственно могли попасть в число студентов, в т.ч. на бесплатной основе. Таким образом, поступление в НГАУ еще более упростилось для горожан, чьи показатели по ЕГЭ в среднем выше, чем у выпускников сельских школ.

кими (пороговыми) баллами. Низкие — это все, что меньше бо баллов. Даже поступающие на ветеринарию, которую мы всегда относили к элитному направлению, потихоньку стали брать средний балл, хотя там есть ребята с баллами выше 200 суммарно по трем экзаменам. Но альтернативы, кроме нашего вуза, у них может не быть. Иногда к нам вынужденно идут учиться на ветеринара те, кто хотел бы обучаться в классическом медицинском вузе, где мало бюджетных мест и очень высокая плата за обучение, которую среднестатистическая семья вряд ли потянет».

Из-за боязни значительной части школьников сдавать профильные (усложненные) ЕГЭ по математике и физике НГАУ с трудом проводит набор студентов в инженерный институт: «Чтобы сдать профильную математику, нужно иметь хорошую математическую подготовку, которую учителя в сельской школе, одновременно преподающие по 9–10 предметов, не могут обеспечить заинтересованным в этом ученикам. Мы декларируем, что поддерживаем инженерное образование, но при этом вводим для абитуриентов на эту специальность обязательность ЕГЭ по профильным математике и физике, тем самым снижаем поток поступающих, в первую очередь из сельской местности. Нужно, наверное, действовать по-другому: устроить для первокурсников дополнительные занятия, чтобы подтянуть за полгода их школьные знания, необходимые для усвоения дальнейших курсов, а не обрезать этим “профилем” базу абитуриентов. Сейчас же мы вынужденно нарушаем учебный план: в курсе “высшая математика” доучиваем ребят по программе 11-го класса, а на курсе “риторика” учим их писать без ошибок. К нам приходят студенты с разным уровнем подготовки, поэтому по факту мы тратим первый год обучения на выравнивание этих разрывов».

По сути, перед вузом стоит дилемма: проводить отбор среди тех, кто удовлетворяет конкурсным требованиям (проходит по ЕГЭ), или смотреть на шаг вперед — и делать скидку тем абитуриентам, кто более ориентирован на работу в сельском хозяйстве. Недостаточный уровень знаний сельских школьников на входе в вуз, по мнению эксперта, не должен ограничивать их возможности для получения нужных для села профессий: «Нельзя деревенских ребят, которые много что могут делать своими руками, лишать агроинженерного образования. Мы же их обучаем не просто чертёжам, а работе с тракторами, машинами, комбайнами и сложными технологическими системами, где без умелых рук вообще делать нечего. Это важно понимать, потому что современная техника сейчас стоит огромных денег. Поэтому сотрудничающие с нами сельхозпредприятия привозят к нам свои тракторы, чтобы ребята своими руками что-то учились делать».

Не раз в наших беседах с администраторами и преподавателями разных агроуниверситетов страны поднимался вопрос о необ-

ходимости более плотного сотрудничества вузов с работодателями. Речь шла о том, что последним нужно серьезнее вкладываться в подготовку молодых кадров, а не ограничиваться предоставлением площадки для отработки студентами производственной практики. Возможно, для этого стоит ввести процедуру своего рода заказа нужных специалистов, в т.ч. на рыночных условиях. Этот подход радикально отличается от формата целевого образования, когда за обучение студента платит государство, а работодатель получает специалиста «бесплатно». По действующим правилам «целевикам» важно завершить образование, иначе потребуются возвращать деньги за обучение, но принудить их к трудоустройству на сельхозпредприятии на оговоренный в контракте срок не так-то просто. Расторгнуть контракт «целевик» может в судебном порядке, если докажет, что работодатель не выполнил перед ним как молодым специалистом предписанные условия (не только по зарплате, но и по предоставлению жилья и другим социальным обязательствам).

Пока же в вопросе усиления кооперации между сферой образования и реальной экономикой позиции сторон не всегда совпадают. Работодатели сетуют на то, что вузы и учреждения СПО не справляются с качественной подготовкой специалистов, учат студентов по устаревшим программам и на старых технологиях, недостаточное внимание уделяют практическим занятиям, а преподаватели имеют слабое представление о том, что сейчас происходит в отрасли: *«В институте учат, наверное, современным методам, только современность эта приходится на 1960-е годы. Машины, которые там до сих пор изучают, даже в металлоломе сейчас не найти, все уже давно переплавлено. Методы работы с землей абсолютно не соответствуют нынешним. В 2005 году я пришел после института на работу на предприятие. Меня учили в вузе агрономы — “глыбы”. Но когда мы начали у себя внедрять “ноу-тилл” и обратились к этим профессорам с просьбой нам помочь, то услышали в ответ: “А это что?” И до сих пор в вузах учат, что вспашка — это единственно разумный способ ведения хозяйства!»* (Нижегородская обл.).

И эти обвинения звучат на фоне усилившегося процесса оснащения передовых аграрных университетов новейшей сельхозтехникой и лабораторным оборудованием, предназначенным в том числе для проведения генетических исследований. Однако сохраняющееся отставание основной массы вузов от одиночных лидеров во многом обесценивает эти успехи.

Претензии представителей образовательной сферы не менее серьезны: кооперация с аграриями не всегда получается результативной, так как образованию не хватает ресурсной поддержки и от государства, и от тех, к кому выпускники вузов в скором времени придут на работу. На выходе из вуза вместо готового специалиста получается скорее «полуфабрикат». Руководство

предприятий и фермеры, которые подключаются к переобучению специалистов «постфактум», вынуждены доводить вчерашних студентов до нужной кондиции. Продолжение интервью с представителем НГАУ: *«Крупные агрокомпании нередко переучивают наших выпускников, отправляют их “прокачиваться” в Москву, в Омск. Доучиваться по факту. Сделать пока мы ничего не можем, так как нашим преподавателям самим нужно где-то регулярно переобучаться, чтобы соответствовать требованиям времени. Но у хороших преподавателей должна быть хорошая зарплата, а с этим тоже проблема. Вот и посылают агрохолдинги наших молодых животноводов знакомиться с новейшими технологиями производства молочной продукции на специальные курсы или в другие хозяйства, а инженеров — учиться работать с продвинутой техникой. В вузе они обучались на тракторах “Беларус”, поэтому когда им другой трактор дают для профилактики или ремонта, то они с ним “в лужу садятся”. “Беларуса” можно отверткой починить, а сложная техника требует дополнительной квалификации».*

Из интервью с главным инженером, выполняющим на предприятии также функции главного строителя и агронома: *«У нас месяц назад на всех фермах работал один ветеринарный врач с высшим образованием. Сейчас вот двух молодых девочек взяли после вуза. Учим их сами у себя на производстве. И с агрономами та же ситуация. В прошлом году двух мальчишек из агроуниверситета взяли, а до этого вообще ни одного агронома у нас не было хоть с каким-то образованием. С точки зрения пользы для предприятия обучать, доучивать у себя специалистов — это правильно!»* (Нижегородская обл.). Таким образом, воспроизводится принцип: главное, чтобы молодой специалист попал на предприятие, а там из него быстро «сделают человека».

Как сами студенты оценивают правильность своего профессионального выбора, куда планируют пойти работать после вуза и где жить? Как показывают данные таблицы, при высокой лояльности новосибирских студентов к своей профессии (более-менее позитивно оценивают свой выбор от 79 до 91% ответивших по разным направлениям) доля желающих работать по ней в среднем ниже 50%. Причем среди решительно настроенных на трудоустройство по специальности больше оказалось ветеринаров и юристов (52% и 57% соответственно), меньше — инженеров (28%). По сути, сопоставимой по количеству «верных профессии» оказалась группа тех, кто в выборе рабочего места в меньшей степени полагается на запись о квалификации в своем дипломе. На вопрос о предпочтении мест для трудоустройства ответ «как получится» дали от 35 до 53% респондентов (больше всего — инженеры), и в среднем 7% расписались в своем незнании. Подобное распределение ответов может говорить о том, что, с одной стороны, студенты реалистичны в своих прогнозах и готовы адаптироваться к любой ситуации, поэтому не настаивают на поис-

ке работы по специальности, с другой стороны, сфера аграрного образования как будто отчасти работает «вхолостую» — и выпускает на рынок труда молодежь, которая весьма гибко реагирует на меняющиеся обстоятельства. Работать в сельском хозяйстве на момент опроса помышляли в среднем 40% респондентов. Более серьезные, чем у других опрошенных, намерения на этот счет высказывали обучающиеся в ветеринарном и агрономическом (агробиотехнологическом) институтах, т. е. те, кого готовили к работе непосредственно в сельском хозяйстве. Трудоустроиться на предприятия промышленности больше, чем другие, были склонны студенты инженерного института, а также института экологической и пищевой биотехнологии, занятость в сельском хозяйстве для этих групп специалистов оказалась на втором месте. Сфера торговли и услуг рассматривалась респондентами своего рода «запасным аэродромом» для трудоустройства вне зависимости от приобретенной квалификации, при этом для экономистов помимо работы в сфере финансов и банковского дела она вошла в число базовых. Юристы выбирали будущее трудовое поприще сугубо профессионально — в юридических службах и силовых структурах (полиция, армия, служба приставов, охрана) — и практически никто не видел себя в аграрной сфере. О слабой профессиональной ориентации выпускников известно и руководству НГАУ. Согласно данным ректора этого вуза, в период с 2017 по 2021 год общий уровень трудоустройства выпускников вуза серьезно подрос — с 67 до 94%, но при этом упал уровень их поступления в сельскохозяйственные организации — с 8,1 до 5,9%. Таким образом, на предприятия отрасли после окончания профильного вуза с каждым годом отправляется работать все меньшее (по сути, минимальное) число молодых специалистов. Косвенно о том, что перелом в этом отношении в ближайшее время ожидать не стоит, говорят данные о предпочтительных для респондентов мест их проживания после окончания вуза. В соответствующем рейтинге (табл.) лидирует Новосибирск и окружающая его агломерация (37%), желание уехать жить в сельскую местность Новосибирской области на момент опроса выразили 10% выпускников. Треть респондентов, видимо, полагаются на «волю случая», затрудняясь с ответом. Можно сказать, что настрой студентов на будущее близок к их планам в отношении работы — вполне отчетливо просматривается общая позиция «как получится, как придется и будь что будет, а мы ко всему приспособимся». Получается такой своеобразный гибрид юношеского инфантилизма и авантюризма.

Экономика и сельский образ жизни: комплексное (гармоничное) развитие

Даже если выпускник вуза или колледжа приехал работать в сельскую местность, в т.ч. к себе домой, это не означает, что он там на-

долго задержится. Как отмечали наши информанты-работодатели, нередко молодые специалисты быстро осознают нехватку имеющихся у них знаний и практических навыков. Кто-то из них стремится побыстрее наверстать упущенные пробелы и состояться в профессии, а кто-то болезненно воспринимает свою неопытность и предпринимает все возможное, чтобы найти работу в городе, не требующую специальной подготовки. Зачастую успешно освоиться на рабочем месте на ферме или в поле молодому человеку мешает отсутствие наставничества на предприятиях, которое широко применялось в советское время. Иногда молодые люди оставляют работу, ссылаясь на непрестижность труда в сельском хозяйстве или же на плохие, по сравнению с городом, условия жизни. Порой решение о переезде (или даже бегстве) в город молодые люди принимают спонтанно, не учитывая возможные последствия. Из интервью с молодым специалистом ветеринарной службы: *«Среди моих знакомых стало популярно трудоустройство в частных клиниках — лечить собак, кошек, так как это “легкие деньги”. Но я бы не сказала, что с домашними животными намного проще работать, чем с сельскохозяйственными, ведь там нет узкой специализации, может случиться всякое. Не всегда молодые люди понимают, что их ждет на новом поприще, а когда разберутся со всей его подноготной и она им не понравится, то все равно не спешат возвращаться в село из-за опасения, что окружающие сочтут их неудачниками. Хотя вернуться обратно хотят многие. Тем более что сейчас в нашей профессии много работы, связанной с компьютером, цифровизацией, и она хорошо оплачивается. Молодежи проще во всем этом разобраться»* (Пензенская обл.).

Порой работодатели теряются в догадках о причинах увольнения своих молодых работников, которые вроде бы успели поработать в хозяйстве, начали неплохо зарабатывать, но внезапно решили поменять село на город, несмотря на явные материальные потери. Из интервью с управляющим сельхозпредприятием: *«Вот работает на ферме молодой человек, получает 60 тысяч. Но в какой-то момент ему надоела здесь “навоз грести”. В райцентре снимает квартиру, идет работать в «Пятерочку», получает 25 тысяч, но он — белый человек! И друзья его туда тоже перебираются. Матери и отцы на ферме работают, а детям тут сложно оставаться. Многие семьи столкнулись с тем, что подростки наследники поехали в город: думали, что город без них пропадет, там их ждет большая зарплата и сытая жизнь! Мы пытаемся с уходящими от нас работниками говорить, чтобы выяснить их мотивы, но все называют какие-то нелепые причины увольнения. Спрашиваем: “Зарплата там больше?” — “Да нет, кто мне больше заплатит?” — “Условия лучше?” — “Нет”. Объективной картины так не получишь. Как правило, уходящий человек чем-то обижен. Если он уходит, значит, ему чего-то не хва-*

тило — слишком многого хотел. Возможно, через пять минут он уже пожалеет о своем решении, но в силу гордости все равно уйдет» (Нижегородская обл.).

Не секрет, что привлекательность «огней большого города» в России зиждется на заметном отставании сельской местности по разным параметрам качества жизни. Для сокращения разрыва Министерство сельского хозяйства Российской Федерации с 2020 по 2025 год реализует Государственную программу «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ), утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. Ключевые цели данной Госпрограммы предусматривают сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 24,7%; доведение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 65,7%; повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 40%. В качестве инструментов достижения целей Госпрограммы предусмотрены федеральные проекты: «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений»; «Содействие занятости сельского населения»; «Благоустройство сельских территорий»; «Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях»; «Современный облик сельских территорий». Чтобы оценить выполнение Госпрограммы, Минсельхоз РФ инициировал серию обследований социально-экономического состояния сельских территорий и малых городов в 79 регионах. Анализ собранных материалов показал продолжающуюся поляризацию сельского пространства (Нефедова, Трейвиш, 2020) — рост числа малых поселений при концентрации жителей в крупных населенных пунктах⁸. Отмечен критический разрыв в обеспеченности основными инфраструктурными объектами и коммуникациями в разных группах поселений (худшая ситуация — в небольших деревнях), причем «по отдельным видам объектов каждая последующая группа населенных пунктов превосходила предыдущую в 3–4 раза». В то же время наблюдалось снижение

О. П. Фадеева
Сельский рынок
труда в фокусе аграрного образования, вовлечения и закрепления молодых работников

8. Число обследованных и имеющих постоянное население сел и малых городов составило в 2021 году 116 992 единицы. Больше половины населенных пунктов (53,7% в 2020 и 58,9% в 2021 годах) оказались малыми поселениями, т. е. численность их населения не превышала половины от средней численности жителей населенных пунктов региона. При этом в такого рода поселениях проживало всего 10% сельского населения. Доля крупных населенных пунктов, которые по числу жителей превышали средний по регионам показатель, составляла в 2020 году 16,7% во всей выборке, а количество проживающих в этой группе населенных пунктов жителей оказалось в 35 раз больше, чем в малых, и в 5,5 раза больше, чем в средних поселениях. В расчете на все обследованное сельское население средняя численность проживающих в одном населенном пункте составила от 395 до 400 человек.

уровня загруженности учреждений социальной сферы по мере перехода от крупных населенных пунктов к малым и средним. Было признано, что «одним из наиболее существенных инфраструктурных ограничений развития сельских территорий остается недостаточное развитие сети автомобильных дорог местного значения». К 2020 году «удельный вес населенных пунктов, не имеющих дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорожного покрытия, составил 61,9%» (Доклад, 2022). За прошедшие годы коренного перелома в состоянии региональных и межпоселковых дорог практически не случилось. Дорожно-транспортные условия по-прежнему затрудняют для сельских жителей доступность многих благ цивилизации и воспринимаются ими особенно болезненно.

На основании проведенных нами интервью мы можем утверждать, что удержать в селе молодежь только высокими зарплатами уже довольно сложно — особенно это касается людей с профессиональными и иными амбициями. Занятые в аграрной отрасли специалисты, помимо повышенных требований ко всему, что относится к их месту работы, не менее чувствительны к качеству среды проживания. Людей, особенно с высшим образованием, уже не устраивает только заасфальтированные и освещенные улицы и подведенные к частным домам инженерные коммуникации, хотя по уровню благоустройства жилья некоторые села сегодня могут дать фору пригородным коттеджным поселкам или городским микрорайонам. Чистый воздух, богатая природа, возможности для свободного времяпрепровождения детей — несомненное преимущество сельского образа жизни, но молодых людей также заботит качество и доступность медицинских услуг, наличие высокоскоростного интернета и условий для дополнительного образования детей и взрослых, а в идеале — близость мест для разнопланового отдыха, наличие развитой сферы образовательных, финансовых и иных услуг, возможностей для занятий спортом. А если этого нет и не предвидится — привлекательность сельского образа жизни для молодых и не только сельчан заметно снижается.

При всей важности проектов КРСТ и региональных программ поддержки местных инициатив (иногда их называют программами инициативного бюджетирования), включая активно развиваемое в последние годы направление сельского туризма, денег на всякого рода «инфраструктурные прорывы» все равно катастрофически не хватает. У преимущественно дотируемых сельских бюджетов (Моляренко, 2021) нет средств на софинансирование реализации предлагаемых местной властью бизнес-планов социального развития, далеко не во всех поселениях действуют сильные предприятия, готовые стать финансовыми гарантами заявленных проектов, пассивность населения в воплощении последних порой крайне сложно преодолеть (Кондратьев, Фадеева, 2021). К тому же не снята неопределенность с продвижением реформы по упразднению двухуровневой системы муниципальных органов власти и, по сути, от-

мены так называемых сельсоветов, во многих случаях выполняющих функции локальных координаторов и защитников интересов местных сообществ (Фадеева, 2022). Неясной остается судьба пусть и небесспорной идеи создания сельских агломераций⁹, призванных выровнять инфраструктурные условия в сельских поселениях разных регионов России (Харитонов, 2019; Семенова, Семенов, 2021; Фадеева, Нефёдкин, 2023).

Массовая кампания по созданию сельских агломераций по всей стране¹⁰, которая, правда, уже выпала в 2024 году из активного словаря государственных нарративов, без тщательной и критической проработки рискует повторить ошибки, совершенные при реформировании здравоохранения, школьного образования и местного самоуправления в сельской местности в конце 2000-х годов. Их результатом стало укрупнение сети соответствующих учреждений и исчезновение с территории малых, а иногда и средних по масштабу поселений пунктов по оказанию первичной медицинской помощи, детсадов, школ, сельских администраций, что и послужило основной причиной упомянутой выше пространственной поляризации. Вместо ожидаемого эффекта «оптимизация затрат» снизилась качество и доступность социальных услуг для сельских жителей, в т.ч. из-за плохого состояния дорог, отмены или сокращения гра-

9. Ради значительного снижения темпов миграции сельского населения в крупные города весной 2023 г. Минсельхоз РФ дал старт разработке планов развития 1800 сельских агломераций, состоящих из опорных населенных пунктов (ОНП) и прилегающих к ним в радиусе 50 км территорий, и синхронизации финансирования соответствующих мероприятий в рамках отраслевых государственных программ. Подобные периферийные (в противовес городским агломерациям) «точки роста» должны, по замыслу чиновников, запустить ускоренное строительство и модернизацию объектов социальной, транспортной, инженерной и информационно-коммуникационной инфраструктуры в ОНП, удовлетворяющих также потребности граждан окрестных сел. В качестве критериев выделения ОНП были вынесены: численность населения от 3 тыс. до 50 тыс. чел.; наличие круглогодичной транспортной связи по автомобильным дорогам общего пользования с административным центром субъекта РФ и площадок для перспективного развития и застройки; доступ к объектам систем газоснабжения (для газифицированных территорий), централизованного и (или) автономного теплоснабжения, водоснабжения и канализации; широкополосному Интернету; медицинским организациям, образовательным организациям дошкольного, школьного и профессионального уровня; учреждениям культуры, государственных, муниципальных и финансовых услуг, предприятиям розничной торговли и бытового обслуживания у более 50% населения ОНП. «Приписанные» к ОНП села и деревни должны находиться на расстоянии не больше 50 км от них и иметь хорошую транспортную доступность. Для территорий с высокой или низкой плотностью населения допускаются отклонения от приведенных норм.
10. *Гурьянов С.* Расселись тут: в России появится почти 2 тыс. сельских агломераций. <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeratcii>

фика работы общественного транспорта, который по разным причинам оказывался для перевозчиков нерентабельным. Ухудшило ситуацию и недофинансирование оставшихся в сельской местности социальных объектов, которые стали терять квалифицированные кадры, испытывать проблемы с комплектацией оборудованием и ремонтом зданий и коммуникаций.

Есть и историческая аналогия с сельским «агломерированием». Речь идет о проводимой в 1960–1970-х годах в СССР кампании по ликвидации «неперспективных деревень» и созданию «агрогородов», которые были инициированы Академией строительства и архитектуры СССР в соответствии с решением Пленума ЦК КПСС в декабре 1959 года о разработке новых схем районных и внутрихозяйственных планировок. Под лозунгом «стирания границ между городом и деревней» проходило переселение жителей из мелких населенных пунктов (как правило, отделений колхозов и совхозов), отнесенных к числу неперспективных из-за малочисленности населения и отсутствия инфраструктуры, в более крупные (как правило, центральные усадьбы тех же предприятий) с размещением в них основной массы производственных и социально-бытовых объектов. Политика планового изменения систем сельского расселения определялась в первую очередь производственной необходимостью. Руководство страны полагало, что высокомеханизированному сельскому хозяйству должны соответствовать высококонцентрированные формы поселений: планировалось, что на одно предприятие (колхоз или совхоз) будет приходиться один или два поселка с числом жителей от 1–2 тыс. до 5–10 тыс. чел. При этом в число «неперспективных» попадало до 80% деревень. По объективным причинам эти планы не удалось реализовать в полной мере. Массовое переселение сдерживалось отсутствием минимально необходимых материальных условий. Вместо этого в населенных пунктах, отнесенных к неперспективным, приостанавливались строительство и ремонт школ, магазинов (сельпо), клубов и других учреждений, а также дорог, систем водоснабжения и отопления, что приводило к их постепенному разрушению и закрытию, и как следствие — к оттоку населения (Мазур, 2005; Усольцева, 2018). Результаты кампании оказались далеки от ожидаемых. Контрольные показатели по переселению не были выполнены, перспективные села не получили достаточных ресурсов для строительства жилья, социально-культурных и производственных объектов, во многом были подорваны основы традиционного сельского образа жизни. Конечно, сейчас принудительным перемещением жителей в «очаги» инфраструктурного развития никто заниматься не собирается, однако меры по централизации обслуживания, совершенствованию коммуникаций и переносу жизненно важных объектов инфраструктуры в опорные пункты будут стимулировать население самостоятельно принимать решение о переезде и не очевидно, что большинство из них выберут сельскую местность.

При всей схожести замыслов советской и постсоветской моделей трансформации сельского пространства они имеют одно важное отличие. 50–60 лет назад централизация сети расселения ограничивалась периметром одного хозяйствующего субъекта — колхоза или совхоза — и была подчинена интересам его развития. Сейчас в планах преобразований сопряжение модернизации опорных пунктов с размещением сельскохозяйственного и другого производства в сельских районах не затрагивается, нет привязки агломераций к административным границам муниципальных образований. Непонятно, что будет происходить за пределами 50-километровой «зоны отсечения» прилегающих территорий и как будут поддерживаться объекты социальной и коммунально-бытовой инфраструктуры вне опорных пунктов.

Мы не ставим под сомнение необходимость радикального улучшения условий жизни сельского населения — без этого сложно развивать местную экономику, привлекать и удерживать кадры в сельском хозяйстве, создавать новые сферы занятости, в том числе связанные с ИТ, дистанционной работой и обучением, рекреацией, туризмом и проч. Однако решать все эти проблемы «сверху» по одному «лекалу», не обращая внимания на уже сложившиеся практики хозяйствования и жизнедеятельности на отдельных территориях, было бы неконструктивно: любые планы КРСТ и развития агломераций должны обсуждаться исходя из запросов существующих производств, интересов коренного населения и, возможно, инвесторов, которые бы хотели вдохнуть новую жизнь в это пространство. Важно совместить здравый смысл с обдумыванием возможных решений. Например, если в деревне почти не осталось жителей и мало детей, но поблизости есть работа, нужно сделать так, чтобы люди не снимались с насиженных мест, а оставались там, где им нравится жить, — для этого важно обеспечить транспортную доступность, отремонтировать дороги и обеспечить их эксплуатацию. Если нет возможности сохранить внутри села полноценные детские учреждения, то на какое-то время их здания можно законсервировать или перепрофилировать, а для дошкольников или школьников продумать альтернативные варианты — либо возить их туда, где качество услуг им будет обеспечено, а график доставки будет удобен детям и их родителям, либо создавать по месту жительства домашние детские сады и небольшие школы, в т.ч. опирающиеся на получение качественного дистанционного образования по узким предметам под присмотром опытных педагогов на местах. Обдумыванием доступного набора решения насущных проблем людей с оценкой альтернативных издержек разумнее заниматься не где-то в столицах или райцентрах (ОНП), а лучше на местах — с привлечением к дискуссии местных работодателей, представителей власти и населения. Как показывают наши интервью с представителями агробизнеса, они не мыслят только категориями доходов и текущих показателей — их заботят ближайшие и отда-

ленные перспективы развития территорий, где они работают. Поэтому участие в формировании комплексной (гармоничной) модели развития для них не менее важно, чем экономические параметры.

Из интервью с владельцем племзавода: *«Кадров у нас хватает. Но мы за последние годы по “валовке” (валовому производству) выросли почти в три раза, по обрабатываемым земельным площадям — в два раза, хотя справляемся тем же количеством работников. Да, появляются разные технологии, но это и хорошо, и плохо. В плане сокращения занятых на предприятии — это хорошо. Но мы так можем досокращаться до того, что и садик со школой придется в селе закрыть, раз людей на производстве станет меньше, а другой работы здесь нет. Баланс нужен. Мы должны понимать, что нужно делать с нашей отдаленной территорией. Со временем здесь будет работать техника “на цифре”, у нас уже сейчас трактор ездит без человека, только на разворотах на поле механизатор ему помогает. А что будет дальше? Два мужика вспашут, посеют, уберут урожай, а садик со школой закроются?! С таким подходом сюда и дороги скоро не будет. На вертолетах будем возить свою продукцию — молоко, мясо, скот? Мы должны понимать, что нужно делать с матушкой Россией! Это же большой огород — будет он заброшен или ухожен? Нам приходится быть социально ответственными. С помощью программ КРСТ мы строим в селе жилье — и не только для наших работников. Врачу дом строим, учителю уже построили. Если работник проработает на нашем предприятии пять лет, то он свой дом за 10% от стоимости выкупит, а если 10 лет — то за 1%. Мы здесь освоили 200 с лишним млн рублей по всем направлениям, благодаря в т.ч. нашей строительной бригаде. Сейчас пытаемся включиться в программу “Формирование комфортной городской среды”».*

Не менее эмоционально этот руководитель рассуждает о необходимости всестороннего раскрытия талантов деревенских ребятшек: *«У нас есть в селе Дом культуры, там какие-то кружки работают, но больше они существуют для статистики, для отчетов, иначе ДК закроют. Проблема — где взять специалистов? Вот есть у нас музыкальная школа, но туда два раза в неделю приезжает учитель из райцентра. А нужны еще преподаватели по рисованию, по местным промыслам. Раскрыть талант ребенка сегодня намного легче в городе, чем здесь. Но мы должны стремиться продолжать развивать и сельские школы, и сельские детсады, и местные школы искусств, хотя, наверное, не в каждом селе, но там, куда могут легко добраться жители небольших поселений. Иначе наши дети не смогут поступить и учиться в городских вузах, чтобы потом применять свои знания на малой родине» (Нижегородская обл.).*

За этими словами угадывается желание хозяйственника вернуться к тому, что совсем недавно называлось принципами «колхоз-

ного строительства», которые сводились к ответственности колхоза или совхоза за все, что происходило на территории размещения его производства. Конечно, сегодня полузабытый симбиоз экономического и сельского развития востребован далеко не везде, скорее — его берет на вооружение крупный бизнес, который ради окупаемости инвестиций в производственные фонды вынужден вкладывать деньги в человеческий капитал и его воспроизводство. Но и другие сельхозпредприятия и фермеры вынуждены принимать меры для удержания работников: применять собственные ипотечные программы, приспосабливаясь под нужды своего коллектива, включая в условия погашения кредитов требования о трудовой дисциплине и производительности.

Из интервью с кубанским фермером: *«Мы части наших работников выдаем беспроцентную ипотеку, которой нет даже в Газпромбанке или в программе “Сельская ипотека”. Если мы видим, что человек зарекомендовал себя с хорошей стороны, что не нарушает рабочий режим, не злоупотребляет спиртным, хороший механизатор, мы приобретаем ему недвижимость по фиксированной стоимости, а он ее в рассрочку гасит лет 10. При этом фиксированной цены нет, также нет штрафных санкций. Захотел — ничего не погасил, захотел — 100 тыс. руб. за месяц погасил. Если у человека семейные обстоятельства какие-то возникли, можно срок выкупа увеличить. У каждого из местных фермеров своя стратегия насчет того, как привязать к себе человека. Раньше в колхозе, в бригаде, работало около 50 человек, сегодня — в поле работает около 20, а земли обрабатывается гораздо больше»* (Краснодарский край). Подобные инструменты кадровой политики во многом завязаны на масштаб и рентабельность сельхозпроизводства, поэтому не могут быть доступны всем российским производителям.

Возвращаясь к проблеме закрепления молодежи в аграрной сфере, отметим еще один важный момент, прозвучавший в проведенных нами интервью. Речь идет о внутривозрастной кадровой политике, нацеленной на создание атмосферы профессионального доверия к молодым специалистам, подкрепленной их участием в программах непрерывного обучения на рабочем месте и за его пределами, приемами team-building.

Из интервью с молодым специалистом крупного молочного предприятия, ответственным за ветеринарную службу: *«Я занимаюсь на нашем предприятии кадрами. После внедрения системы мотивирования персонала у нас в целом по хозяйству показатели хорошо выросли, и проблема с кадрами намного уменьшилась. Именно ветеринарной и зоотехнической работой у нас занято много молодых специалистов, которые планируют остаться на предприятии. В том числе это заслуга нашего главного ветврача, которая умеет найти подход к молодежи. Мы расположены в очень неудобном месте — далеко и от регионального,*

и от районного центра: у нас нет поблизости ничего, что нужно молодежи, — ночных баров, кафешек. Но что мы делаем? Идем компанией на речку, в лес, вместе занимаемся спортом, творчеством. Студенты были у нас в этом году на практике, почти каждый нам говорил: “Хочу у вас работать!” Руководство к нам прислушивается, не говорит, что что-то нам нельзя делать. Все можно: только на цифрах обоснуй, что тебе нужна именно эта вакцина, а не другая, или еще что-то. Мы оценили потери предприятия от убоя коров из-за хромоты и тем самым доказали, что ортопеды — это элита в животноводстве, поэтому им нужна высокая заработная плата. Таких примеров можно привести много. Когда ты включаешься в процесс и сумеешь подтвердить свою позицию, тебе позволяет все. Нужен новый станок, качественные ножи, вакцины — тебя ими обеспечат. Но где найти такого человека, который будет хотеть это все доказывать? А его нужно вырастить! Вот пришел к нам молодой ветврач, 23 года, занимается маститом. Кто-то ушел в отпуск, мы этого новичка ставим на освободившееся место: на молодняк, на “сучостой”, в родильное отделение, чтобы он все попробовал. У нас совещания проводятся каждую неделю — все моменты, где у него или не получается, или он чего-то недопонимает, мы стараемся вместе обсудить. Также важную роль играют командировки: мы отправляем молодых на разные выставки, совещания, образовательные курсы, они посещают другие хозяйства. Нам надо, чтобы они смотрели, набирались опыта, общались с другими людьми. Если им дают шансы для профессионального роста, то им уже не кажется, что они “сидят в навозе” и у них нет будущего. Когда наши молодые ветврачи возвращаются из города домой, то часто говорят: “Нет, я бы там жить не стал, там нет такого свежего воздуха и свободы, как в деревне”. Мы постоянно общаемся, дружим, думаем, доказываем. Поэтому у нас с кадрами в ветслужбе проблем нет!» (Новосибирская обл.).

Возможно, молодой информант пытался представить чрезвычайно радужную картину, умолчав об имеющихся проблемах, но подход к поддержке молодых через активное трудовое участие в делах сельхозпредприятия заслуживает особого внимания.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что проблемы вовлечения и закрепления молодежи в аграрной отрасли многогранны и требуют вдумчивого подхода к решению целого ряда вопросов. В трансформации нуждается аграрное среднее и высшее профессиональное образование, которые требуют актуализации в соответствии с используемыми в современном сельском хозяйстве технологиями. Необходимо также усиление внимания к обучению студентов практическим

навыкам и приобретению компетенций, подтвержденных теоретическими знаниями. Добиться этого без комплексного сотрудничества учебных заведений с сельхозпроизводителями вряд ли получится. Как это можно сделать и при этом своевременно выявить профориентацию студентов, чтобы дифференцировать условия обучения, — предмет совместных обсуждений представителей бизнеса с преподавательским сообществом. Чтобы разорвать «порочный круг» в существующей системе («вузы — предприятия сельского хозяйства»), требуется, на наш взгляд, увеличить выпуск специалистов «под заказ». В этом случае работодатели будут активнее участвовать в подготовке для себя трудовой смены, нести соответствующие затраты и риски. Это может повлиять на политику аграрных вузов, когда выяснится, что необходимо сокращать набор студентов по разным специальностям, повышать качество профильного образования и в большей степени ориентироваться на реальные запросы рынка труда. Именно этим, возможно, обусловлена риторика представителей Министерства сельского хозяйства РФ, направленная на сокращение финансового обеспечения аграрного образования¹¹.

Требуется серьезная реновация сельского образа жизни, подкрепленная инфраструктурной модернизацией сельских территорий и созданием разнообразной и доступной социальной среды. На наш взгляд, стоит активнее ставить и решать эти вопросы на локальном уровне, а не полагаться на единые «универсальные» модели комплексного развития сельских территорий или создания сельских агломераций. Важно задействовать опыт, возможности, намерения всех, кто заинтересован в преломлении негативных трендов, чтобы создать для молодых специалистов такие условия работы и жизни, чтобы они не заикливались на «непрестижности» своего статуса, были уверены в будущем своих детей, в полной мере вкушали преимущества гармоничного сосуществования с природой, видели горизонты личного профессионального и человеческого роста.

Сокращение совокупной занятости непосредственно в сельском хозяйстве будет продолжаться и далее, но это не означает, что вслед за этим должна исчезнуть сама сельская жизнь. Как наполнить ее новым смыслом, привлечь сюда качественно новых поселен-

11. Из выступления первого замминистра сельского хозяйства Оксаны Лутвесной 2024 г., адресованного аграрной высшей школе: «Умеете заниматься непрофильными направлениями, у вас есть преподавательский состав, есть помещения, занимайтесь этим, но только за внебюджетные деньги. Весь бюджет с 2025 года <...> перераспределяем на наши профильные направления. Нам нужно готовить больше кадров для себя, чтобы мы не остались без этих кадров». В России работают 57 аграрных вузов, контрольные цифры приема на 2024/2025 учебный год составят 50 тыс. чел. <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42105-minselkhoz-zayavili-ob-ottoke-200-tysyach-kadrov-iz-apk>.

цев, развернуть новые сферы экономики и придумать конкурентные доходные занятия — это насущные вопросы, решать которые предстоит и российской власти, и бизнесу, и молодежи, определяющей со своими жизненными планами.

Библиография

- Доклад* о результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2022 году. (2022). <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/of1/of150324bofe891bo863a3c7aе05d693.pdf>
- Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // *Крестьяноведение*. Т. 9. № 2. С. 153–179.
- Кондратьев М. В., Фадеева О. П. (2021). Практики участия населения в местном самоуправлении: кейсы сибирских сел // *Регион: экономика и социология*. № 2. С. 162–183.
- Мазур Л. Н. (2005). Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х — 1980-е гг.) // *Отечественная история*. № 3. С. 25–37.
- Моляренко О. А. (2021). Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // *Мир России*. Т. 30. № 1. С. 8–28.
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 2. С. 31–53.
- Потапова А. А. (2024). Нехватка работников в сельском хозяйстве России: есть ли потенциал для восполнения? // *ЭКО*. № 2. С. 146–168.
- Семенова Е. И., Семенов А. В. (2021). О формировании сельских агломераций // *Экономика сельского хозяйства России*. № 1. С. 96–102.
- Фадеева О. П. (2005). Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // *Крестьяноведение*. Т. 7. № 2. С. 122–157.
- Фадеева О. П., Нефёдкин В. И. (2023). Сельские агломерации в сибирских реалиях: аргументы «за» и «против» // *Развитие социально-экономического, научно-технологического потенциала регионов как фактор укрепления позиции России в современном мире* / ред. кол.: Н. С. Майнагашева [и др.]. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова. С. 253–260.
- Харитонов А. В. (2019). Предпосылки и условия формирования сельских агломераций в Кемеровской области // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. № 5-3. С. 179–188.
- Усольцева О. В. (2018). Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск: Демос. — 268 с.
- Shagaida N. I. (2024). Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 139–152.

Rural labor market: Agricultural education, agrarian involvement and rural settlement of younger workers

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Head of Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Lavrentyeva Prosp., 17, Novosibirsk, 630090. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Abstract. In the past two decades, the transformation of the agricultural sector of the Russian economy has significantly changed the situation in the rural labor market. Its supply has not met the employers' requests, since they focus on the latest technolog-

ical base of agricultural production. The traditional confidence in the labor surplus in rural areas has gradually lost its relevance, and representatives of the municipal authorities and agribusiness admitted the shortage of workers and gaps in specialized education. Moreover, the personnel shortage has become predominantly structural: there are not enough workers in certain, in-demand specialties. Based on the data of the in-depth interviews with employers, the article examines the main barriers to meeting the demand for qualified specialists in the agricultural sector. The author describes possibilities and features of the potential labor supply due to the influx of the youth by summarizing the data of the survey conducted at one of the largest agricultural universities in Russia, focusing on students' professional motivation and future employment. The difficulties in attracting and retaining younger workers are determined by the need to consider and solve problems within the implemented and planned changes in the spatial development model — from an integrated and initiative transformation of rural areas to the development of large-scale “rural agglomerations”. Based on the student opinions, the author makes some practical conclusions about possible changes in agricultural education and rural development policy.

Key words: rural labor market, agricultural employment, youth, higher and secondary vocational education, rural lifestyle, integrated development of rural areas, rural agglomerations

References

- Doklad o rezultatah provedennogo monitoringa sostoyaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya selskih territoriy v 2022 godu [Report on the Results of the Monitoring of Social-Economic Development of Rural Areas in 2022]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/of1/of150324bofe891bo863a3c7ae05d693.pdf>.
- Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. (2024) Selsko-gorodskaya migratsiya v sovremennoy Rossii cherez prizmu kolichestvennogo i ka-chestvennogo analiza [Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 153–179.
- Kondratyev M. V., Fadeeva O. P. (2021) Praktiki uchastiya naseleniya v mestnom samoupravlenii: keysy sibirskih sel [Practices of participation in the local self-government: Cases of Siberian villages]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, no 2, pp. 162–183.
- Mazur L. N. (2005) Politika rekonstruktsii rossiyskoy derevni (konets 1950-h — 1980-e gg.) [The policy of the Russian village reconstruction (late 1950s — 1980s)]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 3, pp. 25–37.
- Molyarenko O. A. (2021) Mestnoe samoupravlenie v sovremennoy Rossii, ili khroniki krainey vlasti [Local self-government in contemporary Russia, or chronicles of extreme power]. *Universe of Russia. Sociology, Ethnology*, vol. 30, no 1, pp. 8–28.
- Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020) Polyarizatsiya i szhatie osvoennykh prostranstv v tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and compression of developed spaces in Central Russia: Trends, problems, possible solutions]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 7, no 2, pp. 31–53.
- Potapova A. A. (2024) Nekhvatka rabotnikov v selskom khozyaystve Rossii: est li potentsial dlya vospolneniya? [Shortage of workers in Russian agriculture: Is there potential for replenishment?]. *ECO*, no 2, pp. 146–168.
- Semenova E. I., Semenov A. V. (2021) O formirovaniy selskih aglomeratsiy [On the formation of rural agglomerations]. *Ekonomika Selskogo Khozyaystva Rossii*, no 1, pp. 96–102.
- Fadeeva O. P. (2022) Transformatsiya selskogo samoupravleniya: sibirsky fokus [Transformation of the rural self-government: A Siberian case]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 122–157.
- Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. (2023) Selskie aglomeratsii v sibirskih realiyah: argumenty “za” i “protiv” [Rural agglomerations in Siberian realities: pros and cons]. *Razvitie sotsial-*

no-ekonomicheskogo, nauchno-tehnologicheskogo potentsiala regionov kak faktor ukrepleniya pozitsii Rossii v sovremennom mire, Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo im. V. M. Torosova. pp. 253–260.

- Kharitonov A. V. (2019) Predposylki i usloviya formirovaniya selskih aglomeratsiy v Kemerovskoy oblasti [Prerequisites and conditions for the formation of rural agglomerations in the Kemerovo Region]. *Vestnik Altayskoy Akademii Ekonomiki i Prava*, no 5–3, pp. 179–188.
- Usoltseva O. V. (2018) *Selskaya poselencheskaya set Tomskoy oblasti (1940–1980-e gg.)* [Rural Settlement Network in the Tomsk Region (1940–1980s)], Tomsk: Demos.
- Shagaida N. I. (2024) Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 139–152.

Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления¹

В. Р. Андрианов, А. Р. Кащеева

Виталий Ростиславович Андрианов, стажёр-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: lambowskeee@gmail.com

Александра Романовна Кащеева, стажёр-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: sakashch@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является исследование процессов формирования региональных идентичностей в контексте изменения системы местного самоуправления в России. Авторы опираются на оригинальные эмпирические данные, которые были получены в одном из преобразуемых в округ муниципальных районов Республики Карелия. Региональные идентичности формируются на разных уровнях в ходе процесса регионализации. Растущая самостоятельность регионов является причиной стремления государств к преобразованиям в сфере государственного и муниципального управления. В Карелии преобразование одного из муниципальных районов в муниципальный округ стало поводом для формирования политического антагонизма между городской и сельскими администрациями. Антагонизм выходит за пределы политико-административных отношений и находит выражение в нарративах о социальных и культурных факторах, конструирующих представление о границах региона. В ходе политического конфликта катализируются процессы формирования региональных идентичностей. В условиях объединения муниципальных образований отсутствие единого инфраструктурного кластера может привести к росту протестных настроений в сёлах, где в результате передачи полномочий в районный центр предполагается снижение уровня автономии в решении вопросов местного значения. Авторы приходят к выводу, что муниципальные преобразования могут способствовать формированию региональной идентичности в локальных сообществах сотрудников сельских администраций, что потенциально создает условия для более острого социального конфликта и политической дестабилизации региона.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, муниципальный округ, реформирование, централизация, объединение муниципальных образований, регионализация, региональная идентичность, Республика Карелия

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-229-248

1. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Вопросы административно-территориального устройства и внутригосударственных границ получают все больше внимания со стороны самых разных академических дисциплин: географии, политологии, социологии, экономики и юриспруденции. Вместе с этим растет значение внутреннего административного устройства и в региональной политике многих стран — среди них Швейцария (Steiner et al., 2017), Финляндия (Paasi, Zimmerbauer, 2011; Vainikka, 2013), Канада (Hall, Stern, 2009), Израиль (Reingewertz, 2012). Для России так же актуальна проблематика реформ административно-территориального деления и распределения властных полномочий. Последние 20 лет у нас происходят преобразования как на уровне субъектов Федерации — например, объединение Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с Иркутской областью (Окунев, Осколков, Тисленко, 2020), так и на муниципальном уровне: происходит централизация власти и сокращение политической автономии в публичной сфере (Моляренко, 2021). Преобразование системы местного самоуправления является одним из самых важных примеров подобных изменений, происходящих в данный момент. Нам кажется необходимым изучать процессы реформирования МСУ² на уровне муниципальных властей, поскольку представители структур публичной власти оказываются первыми, чья деятельность преобразование затрагивает непосредственно.

В рамках данного исследования мы изучаем процессы формирования региональных идентичностей, которые инициированы административными преобразованиями, на примере одного из районов Республики Карелия. Переход от двухуровневой системы местного самоуправления к одноуровневой рассматривается как процесс централизации системы управления, который встретил сопротивление в среде некоторых акторов МСУ. В центре нашего исследования нарративы сотрудников администраций (как городской, так и сельских) и районных депутатов, а также других причастных к МСУ информантов. Идентичности, сформировавшиеся в процессе изменения административного устройства одного района, на наш взгляд, получили «региональный компонент», особенности формирования которого и будут изучены в рамках нашего исследования. Анализ нарративов акторов муниципальной политики позволит нам ответить на следующие вопросы:

1. Как объединение муниципальных образований воспринимается политическими акторами муниципальной власти на разных уровнях?
2. Как восприятие внедряемых реформ оказывает влияние на формирование региональных идентичностей?

Региональная идентичность стала одним из самых распространенных концептов современных социальных наук, и существует множество определений и подходов к ее исследованию. Концепция

2. Здесь и далее — местное самоуправление.

региональной идентичности существует в рамках междисциплинарных исследований, она используется антропологами, географами, политологами для описания различных явлений — от международных конфликтов до социальной географии. Такое широкое применение концепции естественным образом создает затруднения при попытке дать определение этому понятию. Майкл Китинг выделяет три составляющих региональной идентичности в контексте политического взаимодействия: когнитивная, эмоциональная и инструментальная. Когнитивный аспект подразумевает осознание границ своего региона, а также его отличий от других регионов; эмоциональный включает восприятие региона и его значение в процессах самоидентификации. Третий аспект, инструментальный, связан с коллективным действием, с тем, насколько регион способен стать основой для политической мобилизации (Китинг, 2003). Таким образом, основополагающий фактор для формирования региональной идентичности — восприятие региона и его границ.

Конструирование идентичности и региона является способом взаимодействия с пространством. Этот процесс напрямую связан с понятием власти — от определения внутригосударственных границ до формирования связей между территориальными образованиями (Paasi, 2020). Субнациональные акторы (субъекты государств от, например, штатов и областей до отдельных муниципалитетов) обретают все большую политическую и экономическую автономию внутри национальных акторов. Этот процесс называется регионализацией и может проходить на разных уровнях: политическом, экономическом и культурном. В 1980-х годах ученые, исследовавшие вопросы регионализации, обратили особое внимание на рост экономической самостоятельности отдельных муниципальных образований и предположили, что в будущем международное разделение труда будет включать в себя значительно больший компонент прямого межрегионального сотрудничества, не ограничиваясь отношениями между государствами. Такой подход в географии — прежде всего, экономической, социальной и политической — получил название «новый регионализм» (Китинг, 2003; Paasi, 2009). Теория нового регионализма часто становится основой для исследования процессов институционализации и деинституционализации регионов на субнациональном уровне и ниже, на уровне муниципалитетов. Оптика социальной географии акцентирует внимание на динамической природе региона и границ, и поэтому к ней прибегают при анализе реформ административно-территориального деления (напр.: Zimmerbauer, Suutari, Saartenoja, 2012).

Сторонники этого подхода иногда подвергаются критике (Bristow, 2018) за большой акцент на экономическом развитии и пренебрежение другими факторами. Тем не менее теория нового регионализма внесла значительный вклад в развитие региональных исследований, так как описывает процесс постепенной автономизации регионов. Однако регионализация — это не однонаправленный

*В. Р. Андрианов,
А. Р. Кацеева*
Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления

линейный процесс. Для образованных в его результате регионов, объединённых по экономическому, культурному или какому-то другому принципу, регионализация означает автономию в социально-экономическом развитии. В то же время государства в результате регионализации сталкиваются с необходимостью поддержания сложных и многоступенчатых механизмов государственного управления, с дроблением муниципальных единиц, их бюджетов. Регионализация создаёт сложные схемы распределения ресурсов, а ответственность за решение вопросов местного значения не всегда равномерно и транспарентно распределяется между органами власти (Кордонский, 2010; Ayres, 2018). В связи с этим многие страны мира, в том числе Россия, активно ищут более эффективные способы административно-территориальной организации.

Регионализация и региональные идентичности в России

Существуют сравнительно-исторические исследования, которые рассматривают регионализацию в России начиная с XIX века (Clowes, Erbslöh, Kokobobo, 2018) как многоступенчатый процесс, через который прошло множество европейских государств. Начиная с 1990-х годов в рамках очередного этапа регионализации в России обострились процессы формирования региональных идентичностей на разных уровнях — в первую очередь на политическом и культурном. Это выражалось в повышении политической автономии и в использовании различных культурных компонентов (геральдика субъектов Федерации, локальный брендинг) для политической мобилизации (Туровский, 1999; Шевцова, Гилев, Завадская, 2022). Этот процесс сопровождался наибольшим повышением конфликтности в регионах, где проблематика получила эксплицитно выраженный этнический компонент (в первую очередь в национальных республиках): там он приводил к росту сепаратистских настроений, а в отдельных случаях и к вооруженным конфликтам. Однако к концу 1990-х годов в субъектах Федерации с преимущественно русским населением также шли процессы формирования региональных идентичностей. По мнению Р. Ф. Туровского, к этому привели адаптация региональных экономических акторов и властей к условиям рыночной экономики и общей тенденцией к автономизации региональных элит. Региональные идентичности формировались на разных географических уровнях: макрорегионов (Урал, Сибирь, Дальний Восток), субъектов Федерации и на уровне локальных субнациональных акторов (Туровский, 2003).

Однако в 2000-х годах вектор внутривнутриполитического развития России меняется и автономизацию регионов в 1990-х (как «русских», так и этнических) можно рассматривать как одну из возможных причин уже обратного процесса, который инициирован феде-

ральными властями, а именно как централизацию, в первую очередь политическую (Кордонский, Плюсин, 2011).

*В. Р. Андрианов,
А. Р. Кацеева*
Актеры местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления

Реформы МСУ в России

Муниципальные преобразования и формирование региональной идентичности

Данная статья не имеет цели подробно описывать современную систему и историю местного самоуправления в России, для авторов важнее отметить ключевые этапы и принципы развития.

В 1990-е годы российское законодательство предоставило органам местного самоуправления самостоятельность и выделяло их из системы государственной власти. В 2003 году был принят федеральный закон о местном самоуправлении³, который предполагает двухуровневую систему управления. Первый уровень составляют городские округа и муниципальные районы, а второй включает сельские и городские поселения. За последние двадцать лет система МСУ в России пережила множество значимых трансформаций, которые постепенно сокращали самостоятельность органов местного самоуправления.

Стремление властей реформировать систему муниципального управления обосновывается необходимостью решения ряда проблем (Пензиев, 2022):

1. Проблема распределения полномочий в области обеспечения вопросов местного значения. Распределение полномочий между районными и поселковыми уровнями муниципальной власти не всегда транспарентно, отрицательный эффект от этого выражается в отсутствии у местного населения информации о том, в какую именно администрацию следует обращаться для решения вопросов жизнеобеспечения на территории проживания.
2. Двухуровневая архитектура управления также создает почву для конфликтов между главами районов и главами сельских поселений вплоть до прямого неподчинения глав сельских поселений районным властям.
3. Дисбаланс в развитии территории района, вызванный различным экономическим потенциалом отдельных муниципальных образований внутри района.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102083574&rdk=>

Перераспределение полномочий в пользу окружного центра, по мнению некоторых представителей органов власти⁴, должно решить данные проблемы. В частности, в 2021 году в Государственную Думу на рассмотрение был внесен законопроект об изменении системы местного управления, который предусматривает переход на одноуровневую систему и сокращение количества муниципальных образований⁵. Принятие поправок к Главе 8 Конституции Российской Федерации⁶ стало логичным продолжением процесса централизации. По мнению ряда исследователей, законодательные нововведения последних лет говорят об унификации системы муниципальной власти в России, что можно расценивать как отказ от принципов независимости МСУ — в пределах своих полномочий — от федеральной власти, заложенных в 1990-е (Зазулина, 2022; Степанов, 2021; Гриценко, 2020). И хотя законопроект 2021 года не был окончательно принят, в ряде субъектов Российской Федерации в порядке эксперимента уже региональные власти начали переход на одноуровневую систему управления (Фадеева, 2022; Нешатаев, 2021; Кривоносова, 2021), а в отдельных российских регионах реформирование происходило и раньше, например, в Мурманской области, где в 2020 году Печенгский район был преобразован в Печенгский муниципальный округ.

Одним из субъектов Федерации, руководство которых приняло решение осуществить переход к системе округов, стала Республика Карелия. Несмотря на то что первые эпизоды укрупнения муниципалитетов в Карелии относятся к 2013 году, когда было укрупнено несколько сельских поселений, в 2014 году изменения не носили общереспубликанский характер. Тогда одно сельское поселение было присоединено к другому в рамках одного района, и на уровне района структура управления не изменилась. В 2014 году руководство республики обсуждало возможность более обширной кампании по укрупнению территорий, но конкретных законодательных решений принято не было. Однако с 2022 года карельские власти проводят политику по внедрению системы округов, которая сменит двухуровневое управление в районах. Развитие системы МСУ в Карелии проходит в рамках действия государственной программы «Развитие институтов гражданского общества и развитие местно-

4. Реформа МСУ: плюсы и минусы // Законодательное собрание Ленинградской области. URL: <https://www.lenoblzaks.ru/news/reforma-msu-plusy-i-minusy>

5. Законопроект № 40361-8 Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001022210060013>

го самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина», утвержденной постановлением правительства Республики Карелия от 19 декабря 2013 года № 365-П⁷. В 2022 году постановлением правительства Республики Карелия были приняты поправки к данному документу, которые предусматривали, кроме прочего, субсидирование местных бюджетов для муниципальных образований, которые были образованы путем объединения других муниципальных единиц. Появилась четкая формулировка⁸ — «стимулирование объединения муниципальных образований». По состоянию на февраль 2024 года в муниципальные округа преобразованы 5 муниципальных районов. Правовыми основаниями для таких изменений стало принятие Законодательным собранием Республики Карелия типовых правовых актов об объединении всех районных поселений и наделения их совокупности статусом субъекта муниципального округа с одним административным центром в крупнейшем городе прежнего района. Кампания по преобразованию системы МСУ будет продолжаться. К примеру, 18 марта 2024 года прошли публичные слушания в Совете Сортавальского городского поселения (Сортавальский муниципальный район) на тему выдвижения инициативы о преобразовании сельских поселений Сортавальского муниципального района в Сортавальский муниципальный округ на рассмотрение депутатами Сортавальского района⁹. Инициатива была одобрена.

Данные и методология

Для рассмотрения поставленных во введении вопросов мы используем полевые данные, которые были получены в ходе одной из экспедиций проекта «Открываем Россию заново» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Экспедиция проходила в Карелии в октябре 2023 года и представ-

7. Государственная программа Республики Карелия «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина» // Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия. URL: <https://nac.gov.karelia.ru/about/11120/>
8. Постановление правительства Республики Карелия «О внесении изменений в постановление правительства Республики Карелия от 19 декабря 2013 года № 365-П» // <https://gov.karelia.ru>. URL: https://gov.karelia.ru/upload/iblock/8d3/286_P.pdf
9. Решение № 351 от 18.03.24 Об инициативе преобразования всех муниципальных образований, входящих в состав Сортавальского муниципального района Республики Карелия, путем их объединения в Сортавальский муниципальный округ Республики Карелия // Администрация Сортавальского городского поселения. URL: <https://xn--80aaagdg6etabtdlq.xn--p1ai/6467792979/2128018793/58655022/2375641831/>

ляла собой часть более комплексного и продолжительного социокультурного и экономического исследования Республики Карелия. Использованный в интервью опросник состоял из тематических блоков, которые затрагивали различные аспекты социокультурного развития региона. В числе этих блоков был также сегмент вопросов о развитии местного самоуправления. Интервью были полуструктурированными или неструктурированными. Во время интервью участники полевого исследования задавали вопросы о том, как информанты понимают суть реформы, каковы, на их взгляд, будут последствия ее имплементации на территории района (положительные и отрицательные — на субъективный взгляд каждого конкретного информанта). Период проведения полевого исследования хронологически совпал с подготовкой к изменению административного устройства Озерного¹⁰ района Карелии, который посетили участники экспедиции.

Было получено согласие на аудиозапись и использование всех интервью — глубинных интервью с представителями действующих и бывших сотрудников администраций района. Также одно интервью было проведено в марте 2024 года в период действия ликвидационной комиссии, которая обеспечивала прекращение деятельности сельских поселений как юридических лиц. Кроме того, мы используем обезличенные и обобщенные данные из незаписанных на аудионоситель интервью других информантов. Всего было записано 13 интервью, которые прямо касались темы муниципальных преобразований. Следует отметить, что хотя местное население не из числа административного аппарата участвовало в интервьюировании, в их интервью не было обнаружено устойчивых или достаточных для анализа нарративов.

Кейс-стади: преобразование района в муниципальный округ в Карелии

Базовые позиции акторов МСУ в Озерном районе

Для ответа на вопросы, которые были поставлены нами во введении, необходимо более глубокое понимание контекста возможного конституирования региональной идентичности. Мы упоминали, что идентичность может возникать в контексте политической мобилизации. Последняя может проявиться в условиях конфликта.

Выше мы говорили о ключевых проблемах, которые, по мнению законодателей, должны быть урегулированы изменениями в системе МСУ в России. Несогласованность действий районных и поселковых властей создает препятствие для решения социально-

10. При анализе кейса авторы будут использовать вымышленные названия населенных пунктов и других административных единиц.

экономических проблем на территории района в целом и сельских поселений в частности. В этой ситуации принципиальные противоречия и возможные риски выражаются в двух плоскостях: географическая близость органа управления территорией к населенным пунктам сельского поселения и вопрос распределения властных полномочий.

Первая проблема заключается в том, что расположенная в г. Озерном администрация представляет собой (как физически, так и функционально) властный орган районного уровня, и в переходный период возможны риски нарушения управления округом из-за нехватки кадров или организационных проблем. Его организационная структура и материальное обеспечение обусловлены необходимостью решения инфраструктурных задач районного (ныне — окружного) уровня, а также обеспечивать функционирование внутригородской территории. Сельская же администрация сформирована как орган муниципальной власти, географически расположенный в непосредственной близости к проживающему в населенном пункте населению:

«Все-таки когда ты сидишь, и ты знаешь, <...> даже те же самые дороги, освещение. Когда тебе не надо дополнительно... (согласовывать свои действия. — Прим.) Вот ты на месте, у тебя есть свой бюджет, и ты знаешь, что у тебя проблема: там не горит фонарь, то тут тебе надо подсыпать, то тебе надо доделать. И ты знаешь, что у тебя на это заложены деньги, тебе не надо идти куда-то там (согласовывать свои расходы. — Прим.). То есть это все решается быстро» (СА-1, высокопоставленный сотрудник сельской администрации).

Городская администрация предполагала купировать негативный эффект административных преобразований (по крайней мере, в начальный период после преобразования) сохранением кадров из сельских администраций:

«То есть изначально мы будем формировать это теми людьми, которые сейчас там работают, которые готовы. Если где-то они там не будут справляться, мы будем, например, проводить ротации, замены и так далее» (ГА-3, высокопоставленный сотрудник администрации муниципального района).

Вторая проблема заключается в том, что в условиях изменений политических конфигураций одними из первых реагируют представители местных политических элит, и в данном случае это выражается в конфликте между представителями администраций сельских поселений и районной администрации. У представителей городской администрации и сельских администраций, которые являлись субъектами в рамках одной административно-территориальной едини-

цы, сформировалось антагонистическое представление друг о друге как о субъектах, которые препятствуют друг другу в решении проблем местного населения:

«Там каждое поселение считает себя каким-то самостоятельным более или... И в кучу их собрать достаточно сложно, потому что там депутатские корпусы у всех своеобразные» (ГА-1, бывший выскопоставленный сотрудник администрации Озерного муниципального района).

Простейшее объяснение этого конфликта может заключаться в недовольстве сельских чиновников новой вертикалью управления и потерей ими политической субъектности. Но, на наш взгляд, неуместно ограничиваться только таким объяснением. В отдельных случаях именно перераспределение полномочий ведет к недовольству, но следует учитывать, что отдельные сельские администрации приветствовали преобразования, так как преобразование района в округ — это не только потеря автономии, но также и передача ответственности за обеспечение жизнедеятельности населения окружной администрации:

«Но, поскольку мы достаточно так, лояльно, были к этому сами настроены, и у нас не было такого, что мы хотели оставаться отдельной единицей, грубо говоря, отдельным поселением, потому что мы... ну главная проблема в том, что мы глубоко дотационные, поэтому у нас вообще, в принципе, не возникало проблем, хотим мы, не хотим... (объединения)» (СА-1с, сотрудник сельской администрации).

Антагонизм в конструировании нового региона

Границы региона могут иметь сложное устройство и формироваться различными практиками — политическими, социальными, культурными. Помимо административного компонента, вроде создания территориальных единиц и разграничения политических полномочий, границы могут изучаться и на других уровнях: социальном, культурном и уровне самоидентификации. Социальный уровень основывается на социальных связях и отношениях, культурный аспект включает в себя историю и нарративы, а уровень самоидентификации основывается на эмоциональном восприятии территории и ассоциировании с ней (Zimmerbauer, Suutari, Saartenoja, 2012). Политико-административный аспект границ мы постарались описать выше. Далее мы проанализируем процессы, затронутые реформой на социальном и культурном уровнях, а также их роль в конструировании региональной идентичности.

Со стороны городской администрации образ Озерного района диктуется единым и однородным, что не находит понимания на бо-

лее низком уровне управления — в сельских поселениях. Озерный, провозглашающий себя центром с еще большими полномочиями, воспринимается как самозванец, поскольку в сознании людей он не сумел обрести необходимые черты. В нарративах жителей района возникает непривлекательный образ центра, который ассоциируется главным образом с бюрократическими нуждами. Один из аргументов против объединения заключается в том, что город, в котором не решены коммунальные проблемы, не сможет привести в порядок и села в своем подчинении.

Модель региона с единым центром на практике рискует оказаться несоответствующей действительности. Например, некоторые функции центра выполняет один из более крупных поселков (п. Речной), который предоставляет доступ к услугам, отсутствующим в других сельских поселениях района. Так, в нем находится лютеранский приход, который посещают лютеране из соседних сел района. Также в этом более крупном поселке функционирует общеобразовательная школа, которая предоставляет возможность обучения в 10–11-х классах. Между Речным и другими равнозначными по статусу поселками обучающихся развозит школьный автобус. Родители из других сел и поселков в некоторых случаях переводят своих детей в школу Речного заблаговременно, до 10-го класса, чтобы ребенку было легче адаптироваться в новом коллективе.

Более того, географическое расположение Речного оказывается транспортно более доступным, чем районный центр. Через поселок проходит автомобильная дорога федерального значения, наличие которой является важным экономическим фактором — благодаря такому расположению в Речном останавливаются туристы, которые проезжают мимо отдаленного от автодороги Озерного. Некоторые жители Озерного высказывают недовольство географическим расположением города — в стороне от автодороги:

«Пытались везде, где только можно поучаствовать, во всех программах. Какие-то там знаки на федеральной дороге повесить. Это тоже, даже не представляете, сколько это стоит. Если хлопотать, чтобы повесить какой-то указатель для того, чтобы федеральная дорога... Ходили там звонить, писать... месяцами переписки вели для того, чтобы поставить один стенд в какой-нибудь зоне отвода дороги федеральной. Все это сделано, но пока еще...» (ГА-1, бывший высокопоставленный сотрудник администрации Озерного муниципального района).

Еще одной важной точкой на ментальной карте жителей района является административный центр соседнего района — Новосоветского. Новосоветский — более крупный город, чем Озерный. Он имеет хорошую транспортную доступность и привлекателен в том числе этим. Ему отдают предпочтение при, например, проведении досуга, и даже социальные функции, которые формально должен

выполнять районный центр, иногда берет на себя крупный город в соседнем районе. Например, за более качественными медицинскими услугами жители западной части Озерного района скорее поедут в Новосветский:

«Он более развит во всех отношениях. И в экономике, и в культуре. Да и вообще. Как-то в Озерном (никакие услуги) даже не рассматривается. Новосветский, хотя они (врачи из Новосветского) сейчас отказываются брать, ну доктора как бы на прием отказываются с другого района брать. Всеми путями, правдами, неправдами, туда идешь. <...> Новосветский ближе. Именно по душе. И мы даже говорили, давайте нас к Новосветскому району присоединим, и согласны туда уйти. Уже бог с ним. Если уж хотите увидеть это, давайте нас туда» (СА-4, сотрудник сельской администрации).

Большое расстояние и недоступность центра разрушают его и без того слабые социальные и культурные связи с другими населенными пунктами района. Символический образ Озерного связан с его транспортной недоступностью — автобус ходит редко и по неудобному расписанию, в то время как до Новосветского добраться легче, хоть он и расположен дальше. Из цитаты, приведенной выше, также видно, что вопросы мобильности могут стать катализатором более серьезных изменений — социальные и экономические вопросы начинают участвовать в процессах формирования (или трансформации) региональной идентичности. Можно сделать вывод, что развитие мобильности является одной из главных деструктивных сил. Возможность перемещения в пространстве, пересечения границ, миграции разрушает сформированные связи внутри региона, связи между территорией и людьми, проживающими на ней. По этой причине Ансси Пааси предлагает различать два понятия — «идентичность региона» и «региональная идентичность». Первое отсылает к природным и культурным образам, приписываемым определенному региону в политических, научных, экономических дискурсах. Второе также может быть названо «региональным сознанием», и связано с процессами самоидентификации людей с территорией (Paasi, 2003).

Такой подход можно применить и в нашем исследовании, поскольку регион имеет необычную историю миграций. Нам сложно судить о том, как реформа повлияла на идентичность региона, на культурный компонент конструирования представлений о старом и новом, и для этого есть две причины. Первая заключается в его истории в новейший период. В 1940-е годы население территории, на которой сегодня расположен Озерный муниципальный округ, поменялось почти полностью, когда территории этой области Карелии перешли под окончательный контроль СССР и были интегрированы в составе Карело-Финской ССР. Финское население

ние мигрировало в Финляндию, а эти территории заселили иммигранты со всего СССР. Во-вторых, Озерный район как административно-территориальная единица возник не слишком давно — в 1966 году. Таким образом, недолгая советская и российская история этих мест, а также изменения в административно-территориальном устройстве не позволяют говорить об общей культурной идентичности местных жителей. Можно было бы ожидать конструирования региональной идентичности на основе общего исторического опыта, но мы этого не заметили. Возможно, дело как раз в том, что общую историю имеют только территории, но не люди, живущие здесь.

Конфликт между акторами разного уровня местного самоуправления, а также жителями сел и районными властями актуализирует идентичности, которые до этого не имели эксплицитного выражения. Несогласие с новым устройством политико-административных отношений приводит к открытому протесту. Этот протест, конечно, происходит в рамках правовых процедур, и выражают его установленным сверху способом — общепоселковым голосованием — тем не менее это событие становится поводом пересмотреть свое место в системе местного самоуправления:

«У нас было, когда вот перед объединением, у нас публичные слушания проходили, были собрания. Столько было людей. У нас люди вообще никогда не приходили на собрания. Абсолютно. Было собрание, здесь, в Речном, собирали. Но приезжали люди с (соседних деревень). У нас очень было много. Мы все проголосовали против. Это у нас единственное было Речное сельское поселение, которое проголосовало против этого объединения. Все остальные были за. То есть Лесной, Заозерый¹¹ и город Озерный, они были за. Но наше мнение как-то так не учлось» (СА-4, сотрудник сельской администрации).

Голосование ничего не меняет, поскольку Речное оказывается единственным поселением (из необходимых двух), высказавшемся против. Однако факт одинокого противостояния с центром усиливает региональную идентичность в Речном, что позволяет местным жителям говорить о своем несогласии с политикой центра все более открыто. При этом объединение представляется как негативное решение для всех сельских поселений в районе. А выбор в пользу реформы объясняется давлением сверху.

«Были в других поселениях депутаты против. Как-то их, видимо, переубедили, потому что к нам приезжали и лоббировали другие интересы. Конкретно разговаривали с депутатами, здесь собирали, убеждали, плюсы называли» (СА-5, высокопоставленный сотрудник сельской администрации).

11. Лесное и Заозерное — сельские поселения в составе Озерного района.

Таким образом, самоидентификация акторов МСУ в Озерном районе происходила на основе двух факторов: политического и территориального. Политический фактор создает предпосылки для конфликтной ситуации, в условиях которой может формироваться региональная идентичность как реакция в сообществе прежних политических элит. Также в структуре идентичностей акторов МСУ выстраиваются представления о собственной территориальной локализации. Если Озерная городская администрация рассматривает округ как единую социально-экономическую сущность в установленных законом традиционных границах Озерного уже муниципального округа, то у сельских администраторов в ходе потери субъектности в рамках системы МСУ идентичность формируется с учетом собственного представления о социально-экономическом положении поселения. Представители сельских администраций в своих нарративах анализируют уже свою материальную и инфраструктурную взаимосвязь как с Озерным, так и с некоторыми другими ближайшими центрами районного уровня (например, с г. Новосоветским). И если в условиях экономической и муниципальной автономии таких противоречий с необходимостью соотнесения себя с Озерным районом не существовало, то при ослаблении своей агентности этот фактор становится важнейшим.

Выводы

В рамках нового регионализма исследователи нередко говорят о повышении уровня самостоятельности отдельных и небольших административно-территориальных единиц. Эта самостоятельность вовсе не означает единовременное уравнивание в юридическом статусе многочисленных мелких территориальных единиц. Процесс регионализации локализуется на разных пространствах и происходит с разной интенсивностью и поэтому может привести к разным последствиям.

Анализ нарративов акторов МСУ бывшего Озерного района позволяет нам сделать несколько выводов об особенностях формирования региональных — в самом широком понимании — идентичностей. Ключевым компонентом этих идентичностей становится представление о территории, на которую легитимно могут распространяться их властные полномочия и на которой акторы МСУ могут эффективно выполнять свои обязательства. Рассмотренный нами эпизод ограничился развитием мелкомасштабного внутрисистемного протеста, который выражался в использовании предусмотренных законодательством возможностей выражения несогласия, в частности поселкового голосования, что для населения сельского поселения является фактически плебисцитом. Наиболее эффективное урегулирование проблем социально-экономического развития всего населения может быть достигнуто за счет централизованного

перераспределения всех имеющихся на территории единиц доходов. Однако в условиях регионализации эти нарративы не подкрепляются аргументами, которые могли бы убедить представителей локальных элит в эффективности предлагаемых изменений. Актуализация локальной идентичности в данном случае является реакцией на изменения, легитимность которых подвергается сомнениям.

В этих условиях регионализация локальных сообществ может создать угрозу для легитимности муниципальных властей, что будет способствовать снижению управляемости региона.

Решением этой проблемы может быть сбалансированный подход к организации МСУ, в особенности в сельской местности. С. Г. Кордонский отмечал (Кордонский, 2010), что «окружной» формат развития территорий был характерен для сравнительно небольших территорий, которые составляли единое экономическое пространство с центром, как правило, в городе. Это было особенно актуально для государства с плановой экономикой, так как городское и сельское развитие — хотя бы теоретически — происходило согласованно. Современные административные границы в российских регионах нередко повторяют советские, а ряд сельских территорий сохранил свою юридическую связь, но не всегда экономическую, инфраструктурную и социальную с городом. Дисбаланс полномочий в пользу административного центра может потенциально привести к эскалации социальной напряженности.

Данный опыт может масштабироваться и провоцировать более крупные кризисы на следующих региональных уровнях. Некоторые политические деятели ранее относили Карелию к регионам с повышенным протестным потенциалом¹². В таких регионах изменение политической структуры может стать фактором, который дестабилизирует политическую обстановку. Один из информантов, который является высокопоставленным сотрудником сельской администрации другого района Карелии, также выразил мнение, что данные изменения могут отразиться на политической обстановке в регионе. Проблематизация местного самоуправления, которое имеет ключевое значение при решении вопросов местного значения, может стать причиной общественных движений в сторону пересмотра границ российских регионов, что уже наблюдалось в других частях России (напр., Ростовская область¹³, Курганская область¹⁴,

12. Названы самые протестные регионы России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/05/12/reg-sibfo/protest-anons.html>

13. В Ростовской области в ряде районов выразили желание уйти в другой регион // Блокнот. Ростов-на-Дону. URL: <https://bloknot-rostov.ru/news/deputat-kolomeytsev-rasskazal-cto-nekotorye-munits-1698159>

14. Жители курганского округа просят провести референдум о присоединении к Свердловской области // URA.RU — Информационное агентство. URL: <https://ura.news/news/1052594786>

Республика Чувашия¹⁵). Данные движения были спорадическими и неорганизованными, однако их появление сигнализирует о возможных рисках при реформировании системы МСУ, в особенности в сельской местности, где вопросы развития инфраструктуры тесно взаимосвязаны с вопросами локальной политики. Информанты также отмечали, что возможной мотивацией внедрения одноуровневой системы для региональных властей может быть стремление к консолидации бюджетов в целях экономии выделяемых средств и субсидий. Перераспределение затрат на развитие сельских территорий (несмотря на их экономическую несамостоятельность) повредит инфраструктурному развитию, что также усилит и протестный потенциал, и социальное напряжение за пределами муниципальных центров, а также будет способствовать внутренней миграции.

Библиография

- Гриценко Е. В. (2020). Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. Т. 137. № 4. С. 80-97.
- Зазулина М. Р. (2022). Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 7. № 3. С. 275-284.
- Китинг М. (2003). Новый регионализм в Западной Европе // Логос. Т. 40. № 6. С. 67-116.
- Кордонский С. Г. (2010). Россия. Поместная федерация. М.: Издательство «Европа».
- Кордонский С. Г., Плюсин Ю. М. (2011). Местное самоуправление или муниципальная власть? // XI международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Е. Г. Ясин (ред.). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 167-178.
- Моляренко О. А. (2021). Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // Мир России. Социология. Этнология. Т. 30. № 2. С. 8-28.
- Окунев И. Ю., Осколков П. В., Тисленко М. И. и др. (2020). Объединение регионов Российской Федерации: Социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ. М.: Аспект Пресс.
- Пензиев М. В. (2022). Концептуальные проблемы реформы местного самоуправления в России // Российское право: образование, практика, наука. № 4. С. 63-71.
- Плюсин Ю. М. (2022). Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники».
- Степанов М. М. (2021). Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. Т. 16. № 5. С. 35-41.
- Туровский Р. Ф. (1999). Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / П. Макфол, А. Рябов (ред.). М.: Гендальф. С. 87-136.
- Урманов Д. В. (2010). Локальные территории в пространственном развитии системы «центр-периферия» // Вестник Томского государственного университета. № 339. С. 127-131.
- Фадеева О. П. (2022). Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // Крестьяноведение. Т. 7. № 2. С. 122-157.

15. Город предлагают вернуть обратно // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6650894?ysclid=lvbb09ks3538600791>

- Шевцова И. К., Гилев А. В., Завадская М. А. (2022). Когда мэры против: факторы муниципальной автономии в условиях централизации // Мир России. Социология. Этнология. Т. 31. № 2. С. 75-96.
- Ayres S. (2018). Regional governance and democracy // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / A. Paasi, J. Harrison, M. Jones eds. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 219-231
- Bristow G. (2018). New regionalism // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / A. Paasi, J. Harrison, M. Jones eds. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 67-79
- Clowes E. W., Erbslöh G., and Kokobobo A. (eds). (2018). Russia's Regional Identities: The Power of the Provinces. New York: Routledge.
- Hall P., Stern P. (2009). Reluctant rural regionalists // Journal of Rural Studies. Vol. 25. № 1. P. 67-76.
- Paasi A. (2003). Region and place: regional identity in question // Progress in human geography. Vol. 27. № 4. P. 475-485.
- Paasi A. (2020). From bounded spaces to relational social constructs: Conceptualisation of the region in geography // The multidimensionality of regions in world politics / P. Kohlenberg, N. Godehardt (eds.). Routledge. P. 17-35.
- Paasi A., Zimmerbauer K. (2011). Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. Vol. 71-72. P. 163-178.
- Reingewertz Y. (2012). Do municipal amalgamations work? Evidence from municipalities in Israel // Journal of Urban Economics. Vol. 72. P. 240-251.
- Steiner R., Kaiser C. (2017). Effects of amalgamations: Evidence from Swiss municipalities // Public Management Review. Vol. 19. № 2, P. 232-252.
- Vainikka J. (2013). The role of identity for regional actors and citizens in a splintered region: The case of Päijät-Häme, Finland // Fennia. Vol. 191. № 1. P. 25-39.
- Zimmerbauer K., Suutari T., Saartenoja A. (2012). Resistance to the deinstitutionalization of a region. Borders, identity and activism in a municipality merger // Geoforum. Vol. 53. № 6. P. 1065-1075.
- Zimmerbauer K., Paasi A. (2013). When old and new regionalism collide: deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations // Journal of Rural Studies. Vol. 30. P. 31-40.

*В. Р. Андрианов,
А. Р. Кащева*
Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления

Actors of local self-government: Identification in the single-tier management system

Vitaly R. Andrianov, Research Assistant, Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: lambowskeee@gmail.com

Aleksandra R. Kashcheeva, Research Assistant, Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: sakashch@gmail.com

Abstract. The article aims at showing how regional identities are constructed under changes in the Russian local self-government system. The authors conducted an empirical study in one Karelian municipal district during its transformation into a single-tier municipality. Regional identities can be constructed at different levels during regionalization; therefore, an increase in the subnational autonomy often makes governments reform their regional and municipal policies. In Karelia, the transformation of one municipal district has led to political antagonism between its central and rural administrations. This antagonism goes beyond political-administrative relations and is manifest-

ed in narratives about social and cultural factors affecting the perception of regional boundaries. Thus, the political conflict affects the regional identity construction. When municipalities are united, the lack of a single infrastructure cluster would lead to an increase in protest sentiments in rural administrations, since the transfer of powers to the district center is expected to reduce the level of autonomy in resolving local issues. The authors conclude that municipal transformations would contribute to regional identification of rural administration staff, potentially leading to acute social conflicts and political destabilization in the region.

Key words: local self-government, municipal authorities, municipal district, reforms, centralization, municipal amalgamation, regionalization, regional identity, Republic of Karelia

References

- Ayres S. (2018) Regional governance and democracy. *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* (Eds. By A. Paasi, J. Harrison, M. Jones), Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 219–231.
- Bristow G. (2018) New regionalism. *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* (Eds. By A. Paasi, J. Harrison, M. Jones), Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 67–79.
- Clowes E. W., Erbslöh G., Kokobobo A. (Eds) (2018) *Russia's Regional Identities: The Power of the Provinces*, New York: Routledge.
- Fadeeva O. (2022) Transformatsija selskogo samoupravljenija: sibirsky fokus [Rural self-government transformation: A Siberian case]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 122–157.
- Gritsenko E. (2020) Federalizm i mestnoe samoupravlenie v svete rossijskoj konstitucionnoj reformy 2020 goda [Federalism and local self-government in the context of the Russian 2020 constitutional reform]. *Comparative Constitutional Review*, vol. 137, no 4, pp. 80–97.
- Hall P., Stern P. (2009) Reluctant rural regionalists. *Journal of Rural Studies*, vol. 25, no 1, pp. 67–76.
- Keating M. (2010) Novy regionalizm v Zapadnoj Evrope [The new regionalism in Western Europe]. *Logos*, vol. 40, no 6, pp. 67–116.
- Kordonsky S. (2010) *Rossija. Pomestnaja federatsija* [Russia. Federation of Estates], Moscow: Izd-vo "Evropa".
- Kordonsky S., Plusnin J. (2011) Mestnoe samoupravlenie ili munitsipalnaja vlast? [Local self-government or municipal authority?]. *XI mezhdunarodnaja nauchnaja konferentsija po problemam razvitija ekonomiki i obshchestva*. (Ed. by E. Yasin), Moscow: HSE Publishing House, pp. 167–178.
- Molyarenko O. (2021) Mestnoe samoupravlenie v sovremennoj Rossii, ili khroniki krainei vlasti [Local self-government in contemporary Russia, or chronicles of extreme power]. *Universe of Russia. Sociology, Ethnology*, vol. 30, no 2, pp. 8–28.
- Okunev I., Oskolkov P., Tislenko M. (2020) *Objedinenie regionov Rossijskoj Federatsii: Sociologicheskie dannye, glubinnye intervju, sravnitelny analiz* [Regional consolidation in the Russian Federation: Sociological data, In-Depth Interviews, Comparative Analysis], Moscow: Aspect Press.
- Paasi A., Zimmerbauer K. (2011) Theory and practice of the region: A contextual analysis of the transformation of Finnish regions. *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*, vol. 71–72, pp. 163–178.
- Paasi A. (2003) Region and place: Regional identity in question. *Progress in Human Geography*, vol. 27, no 4, pp. 475–485.
- Paasi A. (2020) From bounded spaces to relational social constructs: Conceptualization of the region in geography. *The Multidimensionality of Regions in World Politics*. (Ed. by P. Kohlenberg, N. Godehardt), Routledge, pp. 17–35.

- Penziev M. (2022) Kontseptualnye problemy reformy mestnogo samoupravlenija v Rossii [Conceptual issues of the local government reform in Russia]. *Russian Law: Education, Practice, Science*, no 4, pp. 63–71.
- Plyusnin Yu. (2022) *Sotsialnaja struktura provintsialnogo obshchestva* [Social Structure of the Russian Provincial Society], Moscow: Common Place; Fond sotsialnyh issledovanij "Khamovniki".
- Reingewertz Y. (2012) Do municipal amalgamations work? Evidence from municipalities in Israel. *Journal of Urban Economics*, vol. 72, pp. 240–251.
- Shevtsova I., Gilev A., Zavadsкая M. (2022) Kogda mery protiv: factory munitsipalnoj avtonomii v uslovijah tsentralizatsii [When mayors oppose: Factors of municipal autonomy under centralization]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 31, no 2, pp. 75–96.
- Steiner R., Kaiser C. (2017) Effects of amalgamations: Evidence from Swiss municipalities. *Public Management Review*, vol. 19, no 2, pp. 232–252.
- Stepanov M. (2021) Mestnoe samoupravlenie v kontekste konstitutsionnoj reformy 2020 goda [Local self-government in the context of the Russian 2020 constitutional reform]. *Actual Problems of the Russian Law*, vol. 16, no 5, pp. 35–41.
- Turovsky R. (1999) Regionalnaja identichnost v sovremennoj Rossii [Regional identity in contemporary Russia]. *Rossijskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskij tsennostej?* [Russian society: Development of democratic values?]. (Ed. by P. McFaul, A. Ryabov), Moscow: Gendalf, pp. 87–136.
- Urmanov D. (2010) Lokalnye territorii v prostranstvennom razvitii sistemy "tsentr-periferija" [Local territories within the "core–periphery" system of spatial development]. *Tomsk State University Journal*, no 33, pp. 127–131.
- Vainikka J. (2013) The role of identity for regional actors and citizens in a splintered region: The case of Päijät-Häme, Finland. *Fennia*, vol. 191, no 1, pp. 25–39.
- Zazulina M. (2022) Vstroitsja v sistemu: mestnoe samoupravlenie v uslovijah novoj federalnoj reformy [To become part of the system: Local self-government under the new federal reform]. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, vol. 7, no 3, pp. 275–284.
- Zimmerbauer K., Suutari T., Saartenoja A. (2012) Resistance to the deinstitutionalization of a region. Borders, identity and activism in a municipality merger. *Geoforum*, vol. 53, no 6, pp. 1065–1075.
- Zimmerbauer K., Paasi A. (2013) When old and new regionalism collide: Deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of Rural Studies*, vol. 30, pp. 31–40.

*В. П. Андрианов,
А. П. Кацеева*
Актеры местно-
го самоуправления:
формирование
идентичности
в контексте вне-
дрения одноуров-
невой системы
управления

Приложение. Список информантов

Шифр	Данные об информанте ¹⁶
ГА-1	Бывший высокопоставленный сотрудник администрации Озерного муниципального района
ГА-2	Высокопоставленный сотрудник администрации Озерного муниципального района
ГА-3	Высокопоставленный сотрудник администрации Озерного муниципального района
СА-1	Высокопоставленный сотрудник сельской администрации
СА-2	Сотрудник сельской администрации
СА-3	Сотрудник сельского учреждения культуры
СА-4	Сотрудник сельской администрации
СА-5	Высокопоставленный сотрудник сельской администрации
СА-6	Сотрудник сельского учреждения образования
СА-7	Представитель местной религиозной организации
СА-8	Житель посёлка, сотрудник государственного учреждения вне системы власти
СА-9	Высокопоставленный сотрудник сельской администрации (Новосоветский район)
СА-10	Сотрудник сельской администрации

16. Должности указаны на момент записи интервью.

Новое ремесленничество: место и роль в культуре современных россиян

К. В. Амбрушкевич, Н. Г. Хайруллина

Константин Владимирович Амбрушкевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, 625000 Тюмень, ул. Володарского, 38. E-mail: ambrushkevichk@mail.ru

Нурсафа Гафуровна Хайруллина, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, 625000 Тюмень, ул. Володарского, 38. E-mail: nursafa@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена институционализации феномена нового ремесленничества и связанных с ним понятиях «крафт» и «DIY». Будучи в новейшей истории «третьей волной» интереса к ручной деятельности, оно имеет ряд особенностей и приобретает новые смыслы. Разнообразные крафт-практики, возродившиеся с помощью жителей больших городов, постепенно становятся неотъемлемой составляющей образа жизни значительной части относительно обеспеченных людей. Основные тезисы и выводы статьи базируются на эмпирическом материале вторичного характера — результатах социологических исследований, реализованных крупными компаниями; материалах популярных интернет-изданий с историями людей, связавших свою жизнь с крафтом; запросах пользователей поисковых систем; статистических данных, а также экспертных оценках, доступных в открытых источниках. В статье показана роль ручного труда в истории; исследуются факторы, способствующие развитию сферы крафта и приведшие к выделению DIY-индустрии в самостоятельный рыночный сегмент. Проанализировав существующие практики, мы выделили ряд социально значимых функций, с которыми связан современный крафт. В частности, он может выступать как сфера трудовой деятельности, удовлетворять потребности людей в творческой самореализации; носить рекреационный характер, решать финансовые проблемы за счет самообеспечения, служить каналом коммуникации, выполнять образовательные функции.

Ключевые слова: крафт, DIY, рукоделие, повседневность, хобби, самореализация, трудовая деятельность, предпринимательство, рекреация

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-249-264

Начиная с 2000-х годов в западной научной литературе описывается феномен возрождения в развитых странах ремесла и кустарного производства. Очевидно, что в условиях постиндустриального общества его функции значительно трансформировались. Если в определении «классического» варианта ремесленной деятельности внимание акцентировано на его потребительском назначении (Водянова, 2010), то современное ремесло исследователи рассматривают с социально-психологических и культурологических позиций.

Например, согласно определению М. Бэнкса, ремесло представляет собой форму квалифицированного труда, ориентированного на качество и обусловленного внутренними и внешними мотивами (Banks, 2010). Несмотря на то что в основе данного вида деятельности по-прежнему лежит физический труд, ключевое место здесь занимает нормативная позиция (Jakob, 2013), а характер современного ремесла, наряду с сохранением материальной функциональности производимых продуктов, отличает производство идей, образов, аффектов (Bratich, 2010).

Другой особенностью современного ремесла являются его «взаимоотношения» с существующей системой массового производства. Глобальное распределение производственных мощностей и стандартизация товаров приводят к деквалификации рабочей силы, на что указывает ряд западных исследователей. Ремесло на этом фоне выглядит деятельностью, опирающейся на квалифицированный труд и способной интегрировать локальный социум, формировать сообщества (Bratich, Brush, 2011). В этом контексте новое ремесленничество, в противовес современному капитализму, представляется как более экологичная и социально справедливая альтернативная социально-экономическая практика (Jakob, 2013).

Говоря о новом ремесленничестве, необходимо сделать одно важное терминологическое уточнение. В традиционном значении ремесленничество представляет собой не только вид деятельности, но и сопутствующие социальные аспекты, среди которых профессиональная иерархия (мастера, подмастерья и ученики), цеховая структура, ремесленные сословия и т.п. По этой причине в доиндустриальный период ремесленная деятельность отделялась от крестьянства, когда речь шла о городском и сельском укладах. Так, Е. Доррош проводил различия между крестьянским и мещанским образом жизни, считая последний более молодым и динамичным сельско-городским слоем, ориентированным на всякого рода ремесленно-торговую деятельность. В то же время ученый отмечал, что между двумя слоями нет непроходимых границ и с момента отмены крепостного права обнаруживаются самые разнообразные взаимосвязи (Никулин, 2019). Таким образом, в традиционном понимании крестьянский труд и ремесленничество — полярные и в то же время диалектически дополняющие друг друга понятия, олицетворяющие село и город.

Содержательное же наполнение понятия «новое ремесленничество» вбирает в себя любую деятельность, основанную на ручном труде, безотносительно, связана ли она с селом или городом. Это может быть и металлообработка, и производство крафтовых сыров. Сюда же можно отнести разнообразные промыслы, рукоделие, кустарничество и др. С точки зрения специфики аудитории отметим отсутствие социально-демографических границ: в наши дни ремесленником может быть кто угодно, независимо от пола, возраста, уровня благосостояния, места проживания или каких-либо других признаков.

До возникновения на Западе массового индустриального производства ремесло представляло собой основной источник обеспечения населения товарами повседневного потребления. Однако после промышленной революции оно было маргинализировано, хотя полностью и не утратило своей социально-экономической роли. Впоследствии интерес к ремеслу неоднократно возобновлялся, так, канадская исследовательница Хлоя Фокс Миллер выделяет три волны подъема ремесленничества (Miller, 2017).

Первая волна, по мнению автора, зародилась в конце XIX века, под влиянием движения викторианской эпохи «Искусства и ремёсла», идейными вдохновителями которого стали Д. Раскин и У. Моррис. В основе движения лежала идея превосходства изделий ручного ремесла («просвещенного труда») над продуктами промышленного производства, а лейтмотивом являлось утопическое стремление Раскина к возрождению средневековой эстетики (Седых, 2007). Вторая волна совпала с движением «хиппи» 1960-х и 1970-х годов, когда многие молодые люди оставляли карьеру в поисках образа жизни, связанного с личностным развитием и творчеством. Ремесла занимали центральное место в этом движении, подчеркивая формат жизни, альтернативный капиталистической культуре и связанный с ценностью человеческого труда. Современная, третья волна возрождения ремёсел возникла одновременно с постфордизмом, появлением концепции гибкой специализации и других альтернативных моделей массового производства. Это, наряду с ростом важности символических и эстетических свойств продуктов, позволило по-новому взглянуть на ремесло.

Важным фактором, позволившим мелкомасштабному ремесленному производству закрепиться в конкурентной среде развитых рынков, стало развитие информационных технологий. Благодаря социальным сетям, мессенджерам и специализированным интернет-ресурсам повысилась видимость ремесленных практик, а вокруг продуктов и процесса их производства стали возникать сообщества. Нишевые продукты получили связь с широкой аудиторией и, соответственно, экономическую жизнеспособность. Продукция современного ремесленничества, как и в предыдущие две волны, идеологически насыщена. Исследователи отмечают связь третьей волны с осознанием экологических и социальных издержек глобальной экономики, политикой антиглобализма и феминизма. Производители стараются подчеркивать качество и уникальность производимого продукта, этическое потребление и местное производство (Luckmann, 2015). К. Уильямс отмечает «присутствие» в современном ремесле вкраплений консерватизма, который проявляется в ностальгическом взгляде на исторические практики производства (Williams, 2011).

К ремесленничеству третьей волны наша страна пришла позже, что связано с социально-экономическими и политическими перипетиями на рубеже веков и более поздним переходом к рыноч-

ной экономике. В то же время отношение к ремеслу и ручному труду в России всегда было особым. Ценность искусного ручного труда в Древней Руси и Российской империи отражена в летописях, фольклоре и многочисленных художественных произведениях, а само ремесло являлось важнейшей частью хозяйственного фундамента, на котором базировалась российская государственность (Рыбаков, 1948). В раннем СССР создавалась нормативно-правовая база, регулирующая развитие кустарной промышленности и промысловой кооперации¹. Она способствовала обеспечению занятости и производству товаров первой необходимости в условиях отсутствия развитой промышленности. В более поздний советский период через СМИ широко распространялись издания, стимулирующие ремесленную деятельность среди населения. Достаточно упомянуть такие передачи на телевидении, как «Умелые руки», «Очумелые ручки», а также журналы «Сделай сам» и «Юный техник», тираж которого к середине 1980-х превысил 2,2 миллиона экземпляров². Таким образом, представляется, что, несмотря на период аномии 1990–2000-х годов, в России сложились благоприятные социальные условия для возрождения ремесленничества.

В нашей стране за новым ремесленничеством закрепился общепринятый термин, являющийся переводом соответствующего термина западных стран, — «крафт». Понятие происходит от американского английского «craft» и означает «ремесло» в расширенном понимании: создавать, изготавливать искусно, с большим мастерством. Являясь синонимом нового ремесленничества, крафт включает в себя: самообразование (приобретение или усовершенствование навыков), ремесленничество, или рукоделие в самом широком смысле, а также психологическое удовлетворение от процесса. Его происхождение тесно связано с пивоварением и приобрело современное звучание с легализацией (после сухого закона) в США в 1978 году домашнего пивоварения. В середине 1980-х в американской прессе понятие «крафт» стало использоваться наряду с термином «микроремесленничество» (Elzinga, Tremblay, Tremblay, 2015). В нашей стране он появился в начале 2010-х, также сначала в среде пивоваров, а впоследствии распространился на другие области ремесленного производства. Важно понимать, что новое ремесленничество не ограничивается производством крафтовой продукции и сегодня это понятие циркулирует во многих сферах жизни — музыке, литературе, кино, кулинарии и других.

Сегодня крафт постепенно занимает свое место в повседневности россиян, о чем свидетельствуют результаты опроса, прове-

1. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год (стр. 572-575) // Исторические материалы [сайт]. URL: <http://istmat.info/node/49785> (дата обращения: 09.03.2024).

2. Сделай сам! История самоделок от советских журналов до топовых блогеров Дзена URL: <https://dzen.ru/a/X7EPcRBkows2TSD>

денного компанией «Анкетолог»³. Ассоциации, возникающие при упоминании крафтовых продуктов, у респондентов чаще всего связаны с их штучностью и редкостью (40%), уникальными и отличными от других продуктов свойствами (36%), эксклюзивностью (31%), а также с тем, что они изготовлены мастером (34%). При этом люди не считают такую продукцию доступной лишь для узкой аудитории: соответствующий вариант отметили лишь 9%. Негативные ассоциации, связанные с низким качеством и непрофессионализмом производителя, отмечены незначительной долей опрошенных (1–3%). На вопрос о том, среди каких групп товаров респонденты встречали «крафтовые», чаще всего упоминался алкоголь (44%), сувениры, открытки, печатные изделия (39%), изделия из металла и дерева (36%), керамические и гончарные изделия (35%). Около трети опрошенных отметили мыло и косметику (32%), а также аксессуары и изделия из кожи (32%), а четверть — кондитерские изделия (26%) и игрушки (23%).

Говоря о приобретении крафтовых продуктов, 30% указали, что делали это неоднократно, 38% — один-два раза, а 32% еще не довелось этого сделать. Основными мотивами их покупки стали желание попробовать что-то новое и необычное (48%), сделать необычный подарок (40%), а также привлекательность ручного труда, вложенного в продукт (39%). Менее распространенными мотивами оказались потребительские свойства: качества, отсутствующие у промышленного аналога (32%), и более высокое качество изготовления (29%). Факторами, ограничивающими приобретение крафтовой продукции, стали: высокая стоимость (43%), малая доступность (39%) и — с большим отрывом — отсутствие уверенности в производителе (21%).

Доверие крафтовым товарам среди россиян высокое: 29% в целом им доверяет, а 56% скорее доверяет. Оценивая качество товаров, которые участникам опроса приводилось приобретать, подавляющее большинство дали высокую оценку: 45% — отлично, 48% — хорошо, и лишь 7% — удовлетворительно. Отвечая еще на один вопрос, две трети респондентов указали, что среди двух внешне одинаковых товаров по одной стоимости выберут крафтовый товар (66%), а треть — произведенный на предприятии. Таким образом, в нашей стране крафтовая продукция вызывает доверие и оценивается высоко, хотя по большей части остается «незаурядной» и приобретается эпизодически, для удовлетворения эстетических потребностей.

Еще одно схожее и чуть менее распространенное понятие «DIY» (англ. аббревиатура «Do it yourself» — Сделай это сам) также связано с ремесленничеством и часто используется как

3. Крафтовые товары: знак качества или маркетинговый ход? // Институт общественного мнения «Анкетолог». URL: <https://iom.anketolog.ru/2019/03/28/kraft> (дата обращения: 09.03.2024).

синоним крафта. Оно заметно шире и наряду с изготовлением предметов вбирает в себя более обширный спектр деятельности, включая строительство и ремонт, различные хобби, деятельность на приусадебном участке и др. Индустрия производства товаров для DIY выделилась даже в самостоятельный рыночный сегмент, в рамках которого: строительные материалы (Hard DIY); отделочные материалы (Soft DIY); сопроводительные товары для дома (Household); товары для сада: растения, грунт (Garden) и др. По каждому из указанных групп товаров эксперты проводят оценку ёмкости рынка.

Для понимания масштабов рынка DIY в России, отметим, что к началу 2020 года⁴ его суммарный объем превысил 1,6 трлн рублей. При этом большая доля рынка приходится на товарные группы строительных и отделочных материалов (объем по итогам года составил 1,1 трлн рублей), а на сегменты Household и Garden, соответственно, по 0,6 трлн рублей. Важно, что масштабную часть аудитории магазинов DIY составляют не рядовые потребители, работающие с целью творческой самореализации, а профессиональные строители. Особо это касается группы строительных материалов⁵.

Интересно, что на фоне пандемии COVID-19 спрос на товары для ремонта и декора для дома и сада вырос. Также эксперты отмечают рекордный рост активности пользователей интернет-сервиса «Авито». Спрос на товары для ремонта на указанном ресурсе в июне-июле 2020-го вырос на 89%, а садовой техникой интересовались на 127% активнее по сравнению с предыдущим годом⁶.

Крупные торговые сети, специализирующиеся на реализации товаров DIY, сегодня представлены в глобальном масштабе. Это, например, OBI, Leroy Merlin, Castorama. Одним из самых известных и популярных магазинов формата DIY является шведская ИКЕА, предлагающая функциональные и простые предметы мебели, посуды и декора, комбинируя которые по принципу конструктора, покупатели имеют возможность создавать уникальный дизайн помещений. В России относительно недавно появилась собственная сеть хобби-гипермаркетов «Леонардо», представленная также в Казахстане и Беларуси.

Как широко распространенное социальное явление новое ремесленничество обладает некоторыми институциональными признаками и выполняет ряд социально значимых функций. Проана-

4. То есть до начала широкого распространения пандемии COVID-19 и ее социально-экономических последствий.

5. Do it yourself: как в России развивается малый бизнес в сегменте товаров для дома и стройматериалов // Независимое издание о технологиях и бизнесе «RUSBASE». 20 августа 2020. URL: <https://rb.ru/opinion/do-it-yourself-business/> (дата обращения: 09.03.2024).

6. Там же.

лизирував отдельные проявления данного феномена, связанные с ним явления и общественные тенденции, мы попытались выделить и охарактеризовать некоторые из этих функций.

*Е. В. Амбрушикевич,
Н. Г. Хайруллина*
Новое ремесленничество: место и роль в культуре современных россиян

Образование

Развивающая функция ремёсел превращает их в актуальный вид деятельности практически для любых возрастов. Творческая активность, возможность знакомства с различными материалами окружающего мира и их свойствами актуальны для самых младших. Умение использовать инструменты, развитие морально-волевых качеств и навыков ручной работы пригождаются в решении повседневных проблем и полезны для более старших детей, а коррекция эмоционально-психологической сферы и снятие стрессогенных состояний — для взрослых людей. Пожилые также часто обращаются к ремеслу как способу проведения досуга и самоактуализации (Лесовская, 2016). Такая универсальность позволила ремеслу занять свое место не только в виде дополнительного образования: кружков, мастер-классов, творческих мастерских, но и интегрироваться в официальные системы образования многих стран мира. Наша страна здесь не является исключением: в системе начального и среднего образования в обязательную программу включены уроки труда, где дети работают с бумагой, тканью, природными материалами, занимаются деревообработкой, вязанием и шитьем. Относительно недавно традиционные уроки труда были заменены на предмет «технологии», где школьников знакомили с промышленным дизайном, нанотехнологиями, робототехникой, биотехнологиями и т.п. Однако, согласно подписанному президентом закону, с 1 сентября 2024 года в российских школах возвращаются обязательные для всех уроки труда.

Сфера трудовой деятельности

Как отмечает М. И. Лесовская, в условиях экономической нестабильности возрастает опорная роль ремесленной деятельности как эффективной формы занятости, приносящей не только доход, но и удовлетворение от работы (Лесовская, 2017). Сегодня в России активно развивается крафтовый бизнес — довольно обширный сектор предпринимательства, связанный с производством продукции не промышленным способом, а в индивидуальных мастерских, небольшими партиями по уникальным рецептам. От малого бизнеса в традиционном понимании его отличает ярко выраженная кустарность, семейность, натуральность ингредиентов, ручной труд и почти всегда — сильная эмоциональная привязанность владельцев к своему продукту. Эта продукция представлена широким спектром товаров, от мыла ручной работы до сыра, мясных деликатесов и алкоголя.

На Западе крафтовый бизнес распространен широко, сформирована инфраструктура (сайты для продажи, логистика, локации), а соответствующие рыночные ниши практически полностью заняты⁷.

Как правило, получение прибыли для крафтовых предпринимателей является не главной целью, гораздо важнее свобода творчества и самовыражение⁸. Именно поэтому такая деятельность зачастую становится прерогативой уже состоявшихся людей. Представители крафтового бизнеса ассоциируют ее с особой философией, уникальным стилем жизни и духом производства. Для дела отбираются лучшие продукты, разыскиваются самые достойные рецепты, способные вызвать эмоции у потенциального покупателя. Создание крафта предполагает атмосферу артельности, любви к производимому продукту и противопоставляется масс-маркету — тому, что производится большими объемами и рассчитано на широкого потребителя.

Брендинг крафтовой продукции осуществляется с целью подчеркнуть традиционность, домашний бизнес. Этикетки оформляются на натуральных материалах, например, на искусственно состаренной бумаге в стиле ретро с применением старинных шрифтов. В текстовке этикеток акцентируется внимание на ручном производстве и уникальности продукта. Источники реализации крафтовой продукции — небольшие лавки, пекарни, собственные магазинчики.

В последние годы исследовательский интерес к крафтовым предпринимателям в нашей стране заметно возрос. В значимых социологических журналах появляются публикации, посвященные личностным особенностям таких людей, их профессиональной этике, некоммерческим активностям, а также стратегиям преодоления проблем, возникающих в периоды социально-экономических потрясений, например, в пандемию COVID-19 (Ариф, Кузьмина, 2021а, 2021б; Майборода, Крупец, Епанова, 2023).

Потребность в творческой самореализации

Один из мировых трендов, постепенно проявляющийся в российских крупных городах, — уход людей из офисов и хорошо оплачиваемых интеллектуальных профессий в ремесленничество и «мейкерство». Термин «мейкер», как и синонимичный ему «крафтсмен», означает человека, предпочитающего в современном цифровом мире самореализацию через традиционные трудовые практики в проти-

7. Крафт — что это такое и почему так дорого // Сайт группы компаний «Флекс-н-Ролл». URL: <https://flex-n-roll.ru/blog/craft/> (дата обращения: 09.03.2024).

8. Шербата Е. Крафтовый бизнес — это всегда эксперимент // «Интервью Агентство “Диалог”». 12 апреля 2018. URL: <https://topdialog.ru/2018/04/24/kraftovuj-biznes-eto-vsegda-eksperiment-rukovodstvo-k-tvorchestvu/> (дата обращения: 09.03.2024).

вовес работе специалистом на производстве или менеджером в офисе. Образ жизни и социально-экономическое поведение таких людей уже на протяжении длительного периода времени оказывается предметом исследования социологов в Европе. Например, в Великобритании этим занимается Британский совет по делам ремесел, который осуществляет поддержку «новых ремесленников» и пытается адаптировать традиционные промыслы к современным рынкам (Тимофеева-Глазунова, Данилова, 2019). Так, по данным исследований этой организации, 38% крафт-карьеристов выбрали ремесло как основную карьеру и начали работать сразу в сфере современного мейкинга, 22% — это «возвращенцы», имеющие образование в сфере искусств или ремесел, но трудившиеся по другой специальности. Для 11,7% первая работа связана с современным крафтмейкингом, но базовое образование у них другое, наконец, 27,5% — это люди, сменившие карьеру и не имеющие квалификации⁹.

Рекреационная функция

В нашей стране масштабы распространения мейкерства заметно скромнее, чем на Западе, поскольку многие не могут позволить себе оставить работу, приносящую основной доход. Шанс превратить хобби в занятие, которым можно зарабатывать на жизнь, получают лишь те, у кого есть свободное время или финансовый запас. Кардинальные перемены, связанные со сменой работы, наблюдаются лишь в единичных случаях — чаще типичный российский мейкер обладает стандартной на рынке труда профессией, а свои творческие потребности реализует в виде хобби. Для таких людей создаются коворкинг-мастерские, где все желающие могут арендовать полностью оборудованный цех для создания самодельных предметов¹⁰.

Примечательно, что подобные мастерские распространены не только в мегаполисах. В крупных городах, например Тюмени, функционирует общественная мастерская/столярный коворкинг, где предлагается аренда рабочих мест на разные сроки, а также всей мастерской для проведения мастер-классов, семинаров и т. д. Также в городе широко распространены гончарные мастерские, где можно посетить творческое занятие по лепке из глины, познакомиться с работой на гончарном круге или пройти углубленный курс по гончарному мастерству и ручной лепке¹¹.

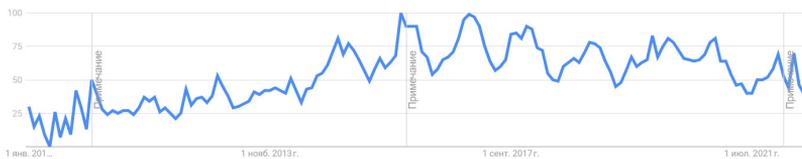
9. Crafts Council. URL: <https://www.craftscouncil.org.uk/> (дата обращения: 25.03.2024).

10. *Иноземцев И.* Как собрать студию в коворкинг-мастерской // Журнал «АФИША». URL: <http://mag.afisha.ru/stories/diy/kak-sobrat-stul-v-kovorkingmasterskoj/> (дата обращения: 09.03.2024).

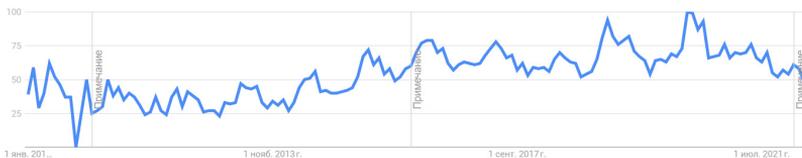
11. Ретрохаус. Гончарная мастерская. Тюмень / Страница социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/retrohaус> (дата обращения: 09.03.2024).

Ярким примером, характерным для нашей страны, является наличие у значительной части населения дач, которые используются в том числе для выращивания продуктов питания. Дачи — это типично российский феномен, который получил бурное развитие во времена хрущевской оттепели, так как, несмотря на обширную программу освоения целины, в Советском Союзе сохранялись сложности с продовольствием (Черных, 2020).

Стремление к автономности, которое в условиях дачи проявляется в переработке урожая на варенья и соленья, нашло отражение и в городской среде. Сегодня наблюдается рост популярности домашнего приготовления продукции, которая традиционно производится промышленным способом. Уже ни у кого не вызывают удивления люди, изготавливающие в домашних условиях мясные деликатесы, сыры и другие «сложные» продукты длительного хранения. Все больше энтузиастов самостоятельно производят крепкие алкогольные напитки, выращивают зелень, грибы. О масштабах этого явления свидетельствует и развивающийся рынок аксессуаров для домашнего кулинарного творчества, что подтверждается динамикой запросов в поисковой системе Google по таким ключевым словам, как «самогонный аппарат», «коптильня» (рис. 1).

(1) Динамика запроса «самогонный аппарат»

(2) Динамика запроса «коптильная камера»

Рисунок 1. Запросы в поисковой системе Google за 2010–2022 годы

Примечание: Числа обозначают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю для определенного региона и периода времени. 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 50 — уровень популярности запроса, вдвое меньший по сравнению с первым случаем, 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе.

Нельзя не упомянуть еще один набирающий популярность феномен, который, на наш взгляд, тесно связан с новым ремесленничеством. Речь идет об урбанизированном агропроизводстве, или сити-фермерстве — выращивании сельхозкультур в условиях города. Возникновение сити-фермерства как высокотехнологичного ремесла стало возможно за счет самых передовых технологий AgTech и обусловленного ими синергетического эффекта. Данное направление считается перспективным, поскольку позволяет затрачивать в десятки раз меньше ресурсов, чем при традиционном агропроизводстве; сокращает логистические затраты, обеспечивает прямую коммуникацию с потребителями, является экологически чистым способом производства (Руткин, Лагуткина, Лагуткин, 2017). Сегодня это большая и активно расширяющаяся ниша, включающая производителей товаров для сити-фермерства, магазины «гроушоп», представленные во всех крупных городах России, специализированные образовательные программы и курсы. Развивается направление селекции, связанное с выведением высокопродуктивных и скороспелых сортов и гибридов для условий сити-ферм¹². Наряду с тем, что сити-фермерство является полноценным бизнесом, растет число любителей, выращивающих продукцию для себя и близких.

Тренд на домашнее изготовление подобной продукции имеет еще одно измерение. Это масштабное увлечение населения здоровым образом жизни. Так, по данным ВЦИОМ, россияне все чаще декларируют, что стараются осознанно подходить к своему питанию (87%), а фактически придерживаются правильного питания 40%¹³. Органическая пища, о которой сегодня много говорят, — это продукты, в производстве которых не использовались химические вещества, в первую очередь — синтетические пестициды. Отказ от их применения позволяет избежать так называемых «болезней цивилизации»: ожирения, диабета, онкологических заболеваний.

Канал коммуникации

Культура крафта получила толчок к развитию во многом благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям. В современных социальных сетях можно найти большое количество тематических сообществ, персональных блогов, отдельных сайтов,

12. Под полярным солнцем: как сити-фермы позволят выращивать растения в любой точке мира. URL: <https://наука.рф/journal/pod-polyarnym-solntsem-kak-siti-fermy-pozvolyat-vyrashchivat-rasteniya-v-lyuboy-tochke-mira/>

13. Здоровый образ жизни и как его придерживаться. Аналитический обзор ВЦИОМ от 24 мая 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja>

посвященных изготовлению крафтовых изделий. В декабре 2019 года была учреждена премия «Лучший DIY-блогер», которая призвана поддержать российских блогеров, рассказывающих о крафтовом творчестве, работающих с различными простыми, сложными и нестандартными инструментами, включая электронику и радиокомпоненты, создающих качественный и интересный научно-познавательный контент, популяризирующий ручной труд и техническую смекалку¹⁴.

Другим показательным фактом, демонстрирующим высокий интерес к крафтовым каналам, является исследование аналитиков РБК. Они изучили сегмент DIY в YouTube и составили независимый рейтинг блогеров, специализирующихся на этой тематике. Оценка блогеров осуществлялась по широкому списку критериев. Это не только размер аудитории канала, но и средняя просматриваемость видео, активность аудитории (доля лайков, дизлайков и комментариев от просмотров), наличие скрытых данных или накрутки лайков и комментариев¹⁵.

Говоря о каналах коммуникации, нельзя не упомянуть и такую быстрорастущую социальную сеть, как Pinterest. Платформа позиционируется как место поиска новых идей, вдохновения для творчества. Среди самых популярных ее категорий: «Декор для дома», «Путешествия», «Здоровье и фитнес», «Прически и макияж», DIY.

Заключение

Обусловленный научно-техническим прогрессом беспрецедентный рост производительности труда в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства высвободил значительное количество времени у граждан развитых стран. Это способствовало возрождению ремесла в виде мелкого ручного труда и рукоделия. Становление нового ремесленничества и появление философии крафта можно рассматривать как культурную реакцию в современном технологическом обществе на растущую специализацию и сокращение спектра выполняемых действий. Компенсируя сужение области внимания в профессиональной сфере и незаметность результатов труда современного человека, ремесленничество представляет собой площадку для целостного взаимодействия и самореализации личности. Таким образом, современное ремесло переросло свою эко-

14. В России впервые выбрали лучших DIY-блогеров среди авторов YouTube-каналов и в Instagram // Коллективный блог Хабрахабр. 19 декабря 2019. URL: <https://habr.com/ru/news/t/481090/> (дата обращения: 25.03.2024).

15. Определены лидеры YouTube в сегменте DIY // Магазин исследований РБК. 18 октября 2019. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11095/> (дата обращения: 11.03.2024).

номическую функцию и стало в большей степени формой социального бытия.

Упомянем идеи классиков русской общественной мысли. Так, основоположник крестьяноведения Александр Чаынов, часто противопоставляя в своих утопиях различные социальные, экономические, культурные, политические формы обществ, осуществлял поиск оптимумов, которые бы способствовали гармонизации мира. Относительно же создания оптимального баланса в смычке между городом и деревней, ученый считал, что важна не только экономическая составляющая, но и культурные ценности (Никулин, 2020). Современное ремесленничество, на наш взгляд, является одним из таких оптимумов, в центре которого лежит культурная составляющая. Как показало наше исследование, сегодня ручной труд выполняет ряд важнейших для современного социума функций, направленных на сбережение и поддержание психологического здоровья общества, его самоидентификации и самодостаточности.

Другой русский мыслитель П. Сорокин, совместно с К. Циммерманом, также пристально изучал процессы, связанные с взаимоотношениями города и села. Пытаясь описать относительно постоянные и универсальные черты села и города и объяснить имеющиеся различия, они сформулировали идею сельско-городского континуума (Sorokin, Zimmerman, 1929). Сам термин прочно закрепился в мировой науке и означает относительность, стадийность взаимопроникновения города и села в динамике истории и современности. Взяв в качестве дифференцирующих критериев род занятий, окружающую среду, размер, плотность, состав и социальную дифференциацию, ученые изучали вполне осязаемые характеристики населения сел и городов: антропометрические признаки, численность самоубийств, особенности мобильности и т. д. Таким образом, ученые акцентировали внимание на пространственно-физических аспектах, в связи с чем новое ремесленничество можно рассматривать как эволюцию идеи сельско-городского континуума, но уже в ценностно-смысловой сфере.

Приведенные теоретические выкладки, безусловно, требуют более глубокой и детальной проработки и могут составить методологическую основу для дальнейшего изучения феномена. Сегодня, по нашему мнению, новое ремесленничество еще не стало предметом внимания, которого оно заслуживает. В научной литературе практически отсутствуют соответствующие исследования, а государство пока не использует его просоциальный потенциал, о чем свидетельствует отсутствие даже попыток его развивать или регулировать. Единственным деятельным субъектом в этой сфере остаются сами ремесленники и создаваемые ими общественные организации. Полагаем, что в ближайшие годы ситуация поменяется и к различным аспектам затронутой проблематики будет обращено больше внимания.

*К. В. Амбрушикевич,
Н. Г. Хайруллина*
Новое ремесленничество: место и роль в культуре современных россиян

- Ариф Э. М., Кузьмина Т. А. (2021а). Личное — это профессиональное: этичность молодых крафтовых предпринимателей в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 179-199.
- Ариф Э. М., Кузьмина Т. А. (2021б). Некоммерческая активность молодых предпринимателей Санкт-Петербурга в крафтовой сфере // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 1. С. 55-68.
- Водянова И. Н. (2010). Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства // Проблемы современной экономики. № 2. С. 206-209.
- Лесовская М. И. (2017). Ремесло в постиндустриальном обществе: на гребне «Третьей волны» // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. № 1 (5). С. 29-42.
- Лесовская М. И. (2016). Традиции ремесла в современном профессиональном обучении и стресс-менеджменте // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. № 4. С. 278-291.
- Майборода А. В., Крупец Я. Н., Епанова Ю. В. (2023). «Оттолкнулись от дна и пошли дальше»: стратегии совладания с кризисом крафтовых предпринимателей Санкт-Петербурга // Журнал исследований социальной политики. Т. 21. № 1. С. 45-60.
- Никулин А. М. (2019). Ефим Дорош и его «деревенский дневник»: наблюдая сельско-городские трансформации России и Ростова Великого // Мир России. Социология. Этнология. № 4. С. 172-192.
- Никулин А. М. (2020). Школа Чайанова: утопия и сельское развитие. М.: Дело.
- Руткин Н. М., Лагуткина Л. Ю., Лагуткин О. Ю. (2017). Урбанизированное агропроизводство (сити-фермерство) как перспективное направление развития мирового агропроизводства и способ повышения продовольственной безопасности городов // Вестник АГТУ. Серия: Рыбное хозяйство. № 4. С. 95-108.
- Рыбаков Б. А. (1948). Ремесло Древней Руси. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Седых Э. В. (2007). Раскин и Моррис: проблемы эстетики // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 4-1. С. 33-42.
- Тимофеева-Глазунова О., Данилова Д. (2019). Ручной труд в тренде // Российский деловой еженедельник — журнал «Эксперт». 7 октября 2019. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/19/ruchnoj-trud-v-trende/ (дата обращения: 11.03.2024).
- Черных О. И. (2020). Русская дача как социально-культурный феномен // Преподаватель года 2020. Сб. ст. Международного научно-методического конкурса / ред. Чвякин В. А. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука». С. 185-194.
- Banks M. (2010). Craft labour and creative industries // International Journal of Cultural Policy. Vol. 16. № 3. P. 305–321.
- Bratich J. Z. (2010). The digital touch: Craft work as immaterial labour and ontological accumulation. Ephemera. Vol. 10. № 3–4. P. 303–318.
- Bratich J. Z., Brush H. M. (2011). Fabricating activism: Craft-work, popular culture, gender // Utopian Studies. Vol. 22. № 2. P. 233–260.
- Elzinga K., Tremblay C., Tremblay V. (2015). Craft beer in the United States: History, numbers, and geography // Journal of Wine Economics. № 10. P. 1-33.
- Jakob D. (2013). Crafting your way out of the recession? New craft entrepreneurs and the global economic downturn // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. Vol. 6. № 1. P. 127–140.
- Luckman S. (2015). Craft and the Creative Economy. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Miller Ch. (2017). The contemporary geographies of craft-based manufacturing // Geography Compass. № 11. P. e12311.
- Sorokin P., Zimmerman C. (1929). Principles of Rural-Urban Sociology. New York: Holt.
- Williams K. A. (2011). “Old time mem’ry”: Contemporary urban craftivism and the politics of doing-it-yourself in postindustrial America // Utopian Studies. Vol. 22. № 2. P. 303–320.

New craftsmanship: Its place and role in the contemporary Russian culture

263

Konstantin V. Ambrushkevich, PhD Student, Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University. Volodarskogo St., 38, Tyumen, 625000. E-mail: ambrushkevichk@mail.ru

Nursafa G. Khairullina, DSc (Sociology), Professor, Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University. Volodarskogo St., 38, Tyumen, 625000. E-mail: nursafa@inbox.ru

К. В. Амбрушкевич,
Н. Г. Хайруллина
Новое ремесленничество: место и роль
в культуре современных россиян

Abstract. The article considers the institutionalization of new craftsmanship and such related concepts as “craft” and “DIY”. As the “third wave” of interest in handicraft work in the recent history, the new craftsmanship has some typical features and acquires new meanings. Various handicraft practices revived in large cities have gradually become an integral part of the lifestyle of many wealthy city dwellers. The article is based on the secondary empirical data — sociological studies conducted by large companies; popular online materials with stories of people who linked their lives with crafts; user requests on search engines; available statistical data and expert assessments. The article shows the role of manual labor in history and describes factors that contribute to the development of the craft sector and to the transformation of the DIY industry into an independent market segment. The analysis of handicraft practices allowed the authors to identify some socially significant functions of the contemporary craft: a sphere of labor activity; a way to satisfy needs for creative self-realization; a form of recreation; a source of income; a communication channel and an educational trajectory.

Key words: craft, DIY, handicrafts, everyday life, hobbies, self-realization, work, entrepreneurship, recreation

References

- Arif E. M., Kuzminova T. A. (2021a) Lichnoe — eto professionalnoe: etichnost molodykh kraftovykh predprinimateley v Sankt-Peterburge [Personal is professional: Ethics of young craft entrepreneurs in Saint Petersburg]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*, no 3, pp. 179–199.
- Arif E. M., Kuzminova T. A. (2021b) Nekommercheskaya aktivnost molodykh predprinimateley Sankt-Peterburga v kraftovoy sfere [Non-commercial activity of young entrepreneurs of Saint Petersburg in the craft sphere]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*, vol. 19, no 1, pp. 55–68.
- Banks M. (2010) Craft labor and creative industries. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 16, no 3, pp. 305–321.
- Bratich J. Z. (2010) The digital touch: Craft work as immaterial labor and ontological accumulation. *Ephemera*, vol. 10, no 3–4, pp. 303–318.
- Bratich J. Z., Brush H. M. (2011) Fabricating activism: Craft work, popular culture, gender. *Utopian Studies*, vol. 22, no 2, pp. 233–260.
- Chernykh O. I. (2020) Russkaya dacha kak sotsialno-kulturny fenomen [Russian dacha as a social-cultural phenomenon]. *Prepodavatel goda 2020. Sb. st. Mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo konkursa*. Ed. by V. A. Chvyakin, Petrozavodsk: MTSNP “Novaya nauka”, pp. 185–194.
- Elzinga K., Tremblay C., Tremblay V. (2015) Craft beer in the United States: History, numbers, and geography. *Journal of Wine Economics*, no 10, pp. 1–33.
- Jakob D. (2013) Crafting your way out of the recession? New craft entrepreneurs and the global economic downturn. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 6, no 1, pp. 127–140.
- Lesovskaya M. I. (2016) Traditsii remesla v sovremennom professionalnom obuchenii i stress-menedzhmente [Craft traditions in the contemporary vocational training and

- stress management]. *Sotsialno-Ekonomichesky i Gumanitarny Zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, no 4, pp. 278–291.
- Lesovskaya M. I. (2017) Remeslo v postindustrialnom obshchestve: na grebne “tretyey volny” [Crafts in the post-industrial society: On the crest of the “third wave”]. *Sotsialno-Ekonomichesky i Gumanitarny Zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, vol. 1, no 5, pp. 29–42.
- Luckman S. (2015) *Craft and the Creative Economy*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Mayboroda A. V., Krupets Ya. N., Epanova Yu. V. (2023) “Ottoiknulis ot dna i poshli dalshe”: strategii sovladaniya s krizisom kraftovykh predprinimateley Sankt-Peterburga [“We pushed off the bottom and went further”: Strategies for coping with crisis of craft entrepreneurs in Saint Petersburg]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*, vol. 21, no 1, pp. 45–60.
- Miller Ch. (2017) The contemporary geographies of craft-based manufacturing. *Geography Compass*, no 11, p. e12311.
- Nikulin A. M. (2019) Efim Dorosh i ego “derevensky dnevnik”: nablyudaya selsko-gorodskie transformatsii Rossii i Rostova Velikogo [Efim Dorosh and his “village diary”: Observing rural-urban transformations of Russia and Rostov the Great]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, no 4, pp. 172–192.
- Nikulin A. M. (2020) *Shkola Chayanova: utopiya i selskoe razvitiye* [Chayanov's School: Utopia and Rural Development], Moscow: Delo.
- Rutkin N. M., Lagutkina L. Yu., Lagutkin O. Yu. (2017) Urbanizirovannoe agroproduzvodstvo (siti-fermerstvo) kak perspektivnoe napravlenie razvitiya mirovogo agroproduzvodstva i sposob povysheniya prodovolstvennoy bezopasnosti gorodov [Urbanized agricultural production (city farming) as a promising direction for the development of global agricultural production and a way to improve food security for cities]. *Vestnik AGTU. Seriya: Rybnoe Khozyaystvo*, no 4, pp. 95–108.
- Rybakov B. A. (1948) *Remeslo Drevney Rusi* [Crafts of Ancient Rus]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Sedykh E. V. (2007) Ruskin i Morris: problemy estetiki [Ruskin and Morris: Issues of aesthetics]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i Literatura*, no 4–1, pp. 33–42.
- Sorokin P., Zimmerman C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*, New York: Holt.
- Timofeeva-Glazunova O., Danilova D. (2019) Ruchnoy trud v trende [Manual labor in trend]. *Ekspert*, October 7, 2019. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/19/ruchnoj-trud-v-trende.
- Vodyanova I. N. (2010) Novaya remeslennaya ekonomika kak vid malogo predprinimatelstva [New craft economy as a type of small entrepreneurship]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*, no 2, pp. 206–209.
- Williams K. A. (2011) “Old time memory”: Contemporary urban craftivism and the politics of doing-it-yourself in postindustrial America. *Utopian Studies*, vol. 22, no 2, pp. 303–320.

Социально-пространственные особенности китайской (суб)урбанизации¹

Рецензия на книгу: Сюэфэй Жэнь (2023). Урбанизация по-китайски. Бостон/Санкт-Петербург: Academic Studies Press/Библиороссика.

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-265-279

Ход и результаты социально-экономического развития Китая за последние десятилетия (и даже столетия) неизменно оказываются в фокусе внимания представителей разных дисциплин, пытающихся объяснить специфику китайского варианта политико-государственного регулирования и соотношение «капиталистического» и «социалистического» в нынешних итогах многолетних реформ. Устойчивые дискурсивные оценки пройденного китайским обществом пути и достигнутых результатов варьируют от художественно-литературных констатаций неумолимого отказа от прошлого² до компиляций оценочно-лозунговых цитат из выступлений лидеров страны. Объединяет столь разнородные оценки общий рефрен: Китай сумел построить успешную (в том числе с точки зрения своего представительства на мировом рынке и геополитической арене) социально-экономическую систему, которую следует однозначно квалифицировать как капиталистическую, но со значительным социалистическим креном и/или китайской спецификой. Одним из факторов по-разному оцениваемой, но всегда признаваемой успешности нескольких последовательных (без «шоковой терапии») периодов реформ в Китае считается сочетание принципов индустриализации, информатизации, урбанизации и аграрной модернизации, но многих исследователей интересует именно урбанизация — всемерно поддерживаемый государством («его сильное

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. См., напр.: *Ли Июнь* (2018). *Добрее одиночества*. М.: АСТ. С. 11–12.

вмешательство — необходимый фактор модернизации в развивающихся странах»³) инструмент «двухколейного перехода»⁴ (капиталистически-социалистической рыночной модернизации одновременно «сверху» и «снизу»), «создания и регулирования рынка при участии государства»⁵.

Первоначально речь шла не об урбанизации, а об «окружении города деревней» — стратегии Мао Цзэдуна, согласно которой имущественное расслоение в деревне следовало преодолеть посредством конфискации земли у местных богачей и ее распределения между крестьянами; позже эта идея превратилась в политическую программу экспроприации монополистического капитала в пользу социалистического правительства для защиты национальной экономики⁶. Уже в начале XX века «континуум город–село» как модель отношений между городом и деревней на протяжении большей части китайской истории был нарушен, и споры о причинах этого раскола ведутся до сих пор (выраженная поляризация городского и сельского укладов после опиумных войн XIX века в связи с появлением крупных городов как договорных портов, политический и культурный антиурбанизм первой половины XX века, приоритет городской модернизации посредством индустриализации при социализме и др.⁷). Сельско-городской дисбаланс позволил «Мао Цзэдуну разоблачить капиталистический город как паразитическое образование, не соответствующее нормам традиционной китайской этики», но последние десятилетия бесповоротно отменили наказ Мао Цзэдуна и саму идею об окружении городов деревнями. Экономические реформы Дэн Сяопина в 1978 году начались в сельской местности с введения системы семейных подрядов, но после образования в 1980 году первых особых экономических зон акцент стал смещаться на развитие городов, и сегодня «урбанизация доминирует в Китае как в демографическом, так и в идеологическом плане»⁸.

Постепенно в стране оформилась административно-командная система, в которой город и деревня были разделены благодаря системе регистрации домохозяйств *хукоу*, ограничивавшей мобильность сельского населения (чтобы избежать безработицы в городах и не позволить сельским жителям использовать городские дотации

3. Чжан Юй (2017). Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая. М.: Шанс. С. 58.
4. Там же. С. 9; Линь Ифу (2017). Демистификация китайской экономики. М.: Шанс. С. 353.
5. Вебер И. (2024). Как Китай избежал шоковой терапии: дебаты о рыночной реформе. Ереван: Fortis Press. С. 26.
6. Линь Ифу (2017). Демистификация китайской экономики. М.: Шанс. С. 95.
7. Виссер Р. (2022). Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика. С. 26.
8. Там же. С. 9.

и субсидии). В результате в городах быстро развивалась промышленность, а в селах нарастали кризисные явления — наметились структурные дисбалансы в экономике, увеличивался разрыв в уровне доходов и потребления между городом и селом⁹. Вплоть до середины 1980-х годов от структурных дисбалансов страдали и село, и город¹⁰: урбанизация и индустриализация изымали все больше сельскохозяйственных земель в условиях роста населения и уровня жизни, доходы крестьян увеличивались слишком медленно, сельская социальная инфраструктура либо не развивалась, либо становилась непомерно дорогой; в городах наблюдался дефицит одних продуктов на фоне перепроизводства других, несоординированность производственных потоков, низкая мотивация работников и неэффективность государственных предприятий.

В середине 1980-х годов в Китае началась «серия периферийных революций, в результате которых... страна встала на путь рыночных преобразований»¹¹: аграрная реформа (деколлективизация), сельская индустриализация, развитие негосударственного сектора в городах и создание специальных экономических зон в столицах провинций были призваны «поставить капитализм на службу социализму» и превратить города в «лаборатории для экспериментов с капиталистическими принципами во благо социализма»¹². Перечень периферийных революций показывает, что приоритеты китайского руководства в социально-экономическом развитии были в равной степени распределены между городом и деревней и не сводились к ускоренной урбанизации за счет сельских ресурсов. «На пути к полному построению среднезажиточного общества... несбалансированное и несоординированное развитие между городскими и сельскими районами является серьезным противоречием... Реализация стратегии подъема села — это масштабный и систематический проект, направленный на достижение баланса между городским и сельским развитием, на победу в решающей битве с бедностью и на завершение строительства умеренно процветающего общества и современной социалистической страны»¹³. Кроме того, руководство страны считало рынок и государство в равной мере ответственными за повышение эффективности сельскохозяйственного производства, сокращение разрыва между городскими и сельскими районами и между регионами, поддержку местного

9. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики. М.: Шанс». С. 139.

10. Там же. С. 213–214.

11. *Коуз Р., Нин Ван* (2016). Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство. С. 77.

12. Там же. С. 101.

13. Стратегия подъема села (2023) / Под ред. Чжан Сяошань. СПб.: Нестор-История. С. 8.

самоуправления, рост инвестиций в инфраструктуру и улучшение условий жизни населения.

Добиться схожих темпов урбанизации и сельского развития Китаю не удалось: «после проведения политики реформ и открытости сотни миллионов крестьян перешли от сельского хозяйства к не-сельскохозяйственным отраслям, от проживания в сельской местности к жизни в городах и поселках... приток рабочих-мигрантов способствовал процессу индустриализации и урбанизации и стал мощной движущей силой развития интеграции между городом и деревней»¹⁴. За последние полстолетия в китайской сельско-городской миграции оформились три волны¹⁵: те, кто «покидают ниву и не покидают село, заходят на фабрику и не въезжают в город»; те, кто «покинул ниву и покинул село, заходит на фабрику и въезжает в город»; те, кто длительное время проживает в городах по работе и стремится перевезти сюда свои семьи. Соответственно, ключевыми факторами «китайского экономического чуда» стали дешевая (сельская) земля (для городского строительства и производства) и дешевая рабочая сила (сельские рабочие-мигранты в городах). Коэффициент урбанизации Китая вырос с 2012 по 2018 год с 52,6 до 59,6% (по численности постоянного городского населения) или же с 35,3 до 43,3% (по численности прописанного в городах населения; многие рабочие-мигранты зарегистрированы в селах), т. е. речь идет о «неполной урбанизации, с укреплением двойственной структуры между городами и деревнями»¹⁶.

В книге «Урбанизация по-китайски», «посвященной рабочим-мигрантам», Сюэфэй Жэнь подводит итоги «городского века» Китая, предлагая читателю обзор профильных исследований по данной проблематике и обозначая прошлые, нынешние и перспективные направления урбанизации в Поднебесной. В Предисловии к русскому изданию автор отмечает, что книга была опубликована в 2011 году, когда Китай находился на очередном пике урбанизации, но с 2013 года и особенно после пандемии коронавируса темпы урбанизации и экономического развития стали умеренными. Однако начавшиеся с 2013 года перемены не следует считать новыми веяниями — это скорее «побеги семян, кинутых в землю еще в период стремительного развития китайской экономики (1990–2011)... и понимание городских реформ того периода имеет решающее значение для восприятия современного Китая, его проблем и возможностей» (с. 7–8). Кроме того, многие статистические показатели и данные по урбанизации, миграции, размерам городов, количеству домовладений и пр. были выборочно обновлены по состоянию на 2021–2023 годы.

14. Там же. С. 31.

15. Там же. С. 31–32.

16. Там же. С. 34–35.

Книга представляет собой во всех смыслах «правильное» академическое издание — логично структурированное, снабженное предисловием и заключением, хронологией новейшей китайской истории, иллюстрациями, картами и таблицами, библиографией и предметно-именным указателем. Содержательно и структурно книга призвана показать, «как Китай смог провести ускоренную урбанизацию за столь короткий период и что может принести китайским гражданам и миру в целом перспектива урбанизированной Поднебесной» (с. 15). Ускоренность урбанизации подтверждается тем, что вплоть до последней четверти XX века страна была аграрной, а большинство ее населения — сельским: на момент образования КНР в 1949 году доля горожан составляла 10%, к началу рыночных реформ 1978 года — 20%, в 2010 году — около 50%. Урбанизация привела к глубоким трансформациям китайского общества — смене правящих институтов (переход от централизации к сельским и городским администрациям), перераспределению материальных ценностей и социальных благ, пересмотру гражданских прав, изменению двухклассовой системы (эксплуатируемое во имя великих идей сельское население и относительно социально защищенные горожане) вследствие отказа от социалистических структур в деревнях (народных коммун) и городах (рабочих коммун), а также к новым формам неравенства.

Свои задачи автор формулирует так (с. 18–19): рассмотреть беспрецедентный рост китайских городов как нетипичное проявление урбанизации в свете западных теорий городского развития и управления; следуя общепринятой стратегии изучения китайской урбанизации (институциональный подход к анализу пространственной и социальной реструктуризации городов), устранить сохраняющиеся здесь белые пятна (прежде всего, это ситуация в средних и малых городах, хотя в Китае они растут быстрее, чем мегаполисы). В первом случае подразумевается отсутствие в Китае переходного периода «от фордизма к постфордизму», характерного для Запада и развивающихся стран: «китайские города демонстрируют схожие стремления к предпринимательству и неолиберализму, однако их причины стоит искать за пределами деиндустриализации и деградации городской среды, которые (пока) не проявились в Китае» (с. 20). Во втором случае автор сосредотачивается не на досконально изученной проблематике (земельных и жилищных реформах), а на слабо освещенных аспектах городской жизни (гендерные и межэтнические отношения, культурные практики, окружающая среда, медийные системы и др.).

Для преодоления ограничений сложившейся научной традиции в книге и представлен «максимально доступный для широкой аудитории всесторонний критический анализ феномена китайской урбанизации», сосредоточенный на пяти ее взаимосвязанных «измерениях»: управление, ландшафт, миграция, неравенство и культурная экономика. Столь тематически разнородные разде-

лы объединяет общая идея автора — проследить «преобразования гражданственности в ходе урбанизации», показать, «как китайские города превращаются в стратегические плацдармы для переформатирования социальных прав» (с. 21) (идея несколько гуманистически-утопичная, но крайне привлекательная).

В первой главе описаны те демографические сдвиги и исторические процессы, что обусловили эволюцию китайских городов. Подъем экономики Китая автор считает «интересным кейсом для социологов», поскольку сложилось два подхода к интерпретации «китайского экономического чуда» (с. 24–32). Согласно первому подходу, стремительный взлет Китая — «отражение общемирового тренда неолиберализма, наметившегося в конце 1970-х годов» (маркетизация и приватизация в русле всемирной реструктуризации неолиберальной экономики). Сторонники второго подхода видят причину впечатляющего социально-экономического роста в историко-локальном контексте страны (социалистическое наследие и постсоциалистические институциональные механизмы).

Представители первого подхода делятся на поборников и противников общемирового неолиберализма. Первые связывают успехи Китая с приверженностью таким элементам неолиберализма, как дерегулирование и децентрализация, открытый рынок и частная собственность, хотя это не подтверждается эмпирическими данными: реформы в КНР «мало походили на шоковую терапию» и растянулись на три с лишним десятилетия, инструменты приватизации и дерегуляции применялись избирательно для минимизации разрушительных последствий реформирования. «Если шоковая терапия предлагала снести весь дом и построить новый с нуля, то китайская реформа напоминала игра в дженгу: удалялись только те блоки, которые можно было передвинуть, не угрожая устойчивости здания в целом. Тем не менее благодаря этому процессу здание коренным образом менялось... Градуалистская реформа, которая поставила Китай на путь догоняющего развития, реиндустриализации и реинтеграции в глобальный капитализм, также подразумевала, что институциональная конвергенция между Китаем и неолиберальной разновидностью капитализма оставалась незавершенной»¹⁷. Критики неолиберализма утверждают, что капиталистически-эксплуататорский путь привел к резкой социально-экономической поляризации китайского общества (между богатыми и бедными, городами и деревнями, приморскими и материковыми районами) и породил сочетание «неолиберальных элементов с авторитарным централизованным контролем» — «неолиберализм с китайской спецификой», «аккумуляцию ресурсов за счет отчуждения». Обе позиции автор отвергает как избыточно «широкие трактовки... которые не дают понимания, как за столь короткий период Китаю удалось стать вто-

17. Вебер И. (2024). Как Китай избежал шоковой терапии: дебаты о рыночной реформе. Ереван: Fortis Press. С. 28.

рой экономикой мира... и не объясняют, почему другие страны с нарождающимися рынками, в том числе Индия, Россия и Бразилия, не демонстрировали схожие темпы роста» (с. 28).

Сторонники второго подхода связывают подъем Китая с контекстуально-историческими предпосылками (социальное наследие Китайской революции и первых трех десятилетий социализма — дешевая, здоровая и образованная рабочая сила) и институциональными новациями (реформирование системы управления и производства в сельскохозяйственном секторе способствовало ускоренной индустриализации и урбанизации, повышению производительности труда и улучшению качества жизни в сельских районах), которые впоследствии стимулировали децентрализацию. Иными словами, в китайском переходе от плановой к рыночной экономике удачно сочетались тренд на неолиберализм и ориентация на местные институты. «В 1980-е годы на краткое время верх взял сельский Китай, где царствуют предпринимательство и рынок, но уже в 1990-е годы ситуация изменилась, и верх взял городской Китай под управлением государства... Экономический рост Китая с 1990-х годов — это рост городов. Китайское экономическое чудо свершается в крупнейших городах Поднебесной» (с. 31–32).

Однако у чуда есть и обратная сторона: несмотря на неоднозначные категоризации и сложности с сопоставлением статистических данных, автор убедительно показывает, что экономический рост и миграция нарушили баланс между сельским и городским населением — в 1982 году доля городского населения составляла 20,6%, а сегодня половина китайцев проживает в городах, причем интенсивно развиваются как крупные, так и средние и малые города. Это обеспечивает достаточно равномерное распределение населенных пунктов разных размеров по территории страны, но не населения, которое следует за ресурсами и экономическими возможностями, сосредоточиваясь в крупных городских регионах: в 1980-е — первой половине 1990-х годов рост городского населения в основном объяснялся увеличением числа городов, позже — увеличением населения в городах.

Во многих странах сельско-городской дисбаланс был обусловлен исторически (например, средневековые европейские города возникали из рыночных поселений), но в Китае ситуация складывалась иначе — города были лишены политической автономии административными центрами и зависели от поставляющих им ресурсы внутренних сельских районов. «На протяжении большей части истории между городом и деревней не было жесткого разделения, и китайские города были тесно связаны с сельской местностью и внутренними районами за счет межрегиональной торговли и перемещения жителей. Лишь в 1950-е годы... происходит институционализация и закрепление иерархической структуры “город–деревня”. Разрыв между городом и деревней — наследие социализма, которое и сейчас оказывает значительное влияние

на китайское общество» (с. 41). Автор приводит многочисленные подтверждения «органического единства сельской и городской жизни» (отсутствия формальных институциональных границ между городами и сельской местностью) в Китае, ссылаясь в том числе на работы М. Вебера, т. е. социально-экономическая дифференциация в Китае исторически проходила не по линии «город–село», а между регионами с более-менее высоким уровнем урбанизации. Эта традиционная городская система существенно изменилась только в 1949 году, когда Китай был преимущественно аграрной страной: 10% населения проживало в городах, в основном в нескольких крупных, и они концентрировали как экономические (развитая промышленная инфраструктура), так и политические (региональные столицы) функции.

Власть намеревалась ликвидировать «три различия» — между промышленностью и сельским хозяйством, между городами и деревнями, между умственным и физическим трудом. Однако «по иронии при коммунистах эти различия лишь усилились, если не сказать обострились», учитывая ориентацию Мао Цзэдуна на победу в первую очередь в сельской местности и его нелюбовь к мегаполисам. «Под влиянием идеологического подхода СССР в вопросах муниципального планирования города виделись... как площадки для промышленного производства... Чтобы избежать издержек, связанных с урбанизацией, размер городов и численность городского населения... строго контролировались (в 1960–1970-е годы городское население увеличивалось лишь на 2,3% в год и не превышало 20% населения страны)», т. е. «урбанизация проходила под влиянием императивов индустриализации» (с. 47).

Автор называет этот этап «индустриализацией вне урбанизации»: правительство не вкладывало средства в города и выводило из них ресурсы, но, «несмотря на антиурбанистские настроения, было вынуждено опираться на города для сбора финансов, необходимых для планирования и управления национальной экономикой (пример — Шанхай)» (с. 48). Страдали от такой модели урбанизации не только города, но и сельская местность, где была «уничтожена в прошлом диверсифицированная экономика (ремесла и торговля)», что и привело к сильному разрыву между городом и деревней. Города специализировались на промышленном производстве и имели систему социального обеспечения, деревни занимались производством аграрной продукции в отсутствие государственной системы социальных гарантий, что породило стремительную миграцию из сельской местности в города, сдерживаемую лишь системой прописки *хукоу*. «Разрыв между городом и деревней усугублялся государственными приоритетами индустриализации и подавления урбанизации, а позднее институционализацией режима *хукоу*, разделившего население страны на городские и сельские сегменты и ограничившего возможности передвижения между городами и деревнями» (с. 49).

Ситуация начала меняться в 1980-е годы: «Урбанизация приняла форму сельской индустриализации посредством внедрения поселково-волостных предприятий, т. е. “урбанизации снизу”. Начиная с 1990-х годов центром урбанизации вновь становятся города, куда направляются значительные капитальные вложения... — это переход от “сельской урбанизации” (с применением разных региональных моделей и институциональных механизмов) к “урбанизации, ориентированной на город”» (с. 50). Факторами данного перехода выступили усиление интеграции Китая в мировую экономику, масштабная административная децентрализация, приток иностранных инвестиций в городские районы и реализация бюрократическими элитами крупных городских проектов на центральном и муниципальном уровнях — развитие городов стало источником накопления капитала для реализации постепенных и последовательных рыночных реформ.

Столь подробное изложение основных идей первой главы объясняется не только ее ролью объективного и дискурсивного «фрейма» для последующего повествования, но и авторской позицией. В Предисловии подчеркнута принципиальная значимость первой главы для понимания сути, факторов, модели и результатов китайской урбанизации, после чего читатель может в любой последовательности знакомиться с остальными главами или другими изданиями, обращаясь к наиболее интересным для себя аспектам «китайского экономического чуда».

Во второй главе реконструирована логика смены административных структур на разных уровнях управления в ходе земельных и жилищных реформ, моделей финансирования городской инфраструктуры и функционирования крупных городских регионов. В частности, обозначена широко представленная сегодня в научных исследованиях и политико-активистских инициатива проблема «захвата земли» — когда «городские жители и фермеры регулярно теряют свои дома и землю в результате различных проектов, инициируемых местными властями и частными застройщиками» (с. 57) (даже если крестьяне и горожане получают компенсацию, то гораздо ниже рыночных ставок). Показано сходство городского управления в Китае с постиндустриальными городами на Западе с точки зрения идеологии неолиберализма и предпринимательства: «местные власти начинают действовать как корпорации», однако, в отличие от западных городов, китайские не переживали кризис фордизма, а «перестраивали нормативно-правовые механизмы, унаследованные от эпохи построения социализма, во имя обеспечения новых потребностей урбанизации и миграционных потоков внутри страны» (с. 59).

Как и в других разделах книги, во второй главе приведена масса исторических примеров по разным аспектам развития китайских городов, и читатель может выбрать наиболее интересные для себя сюжеты. Скажем, система *хукоу* охарактеризована с позиции сво-

их основных (с социологической точки зрения — явных) функций (ограничение сельско-городской миграции, концентрация ресурсов для городской индустриализации, эксплуатация крестьянства в интересах развития городов и страны) и латентных — разделение населения Китая на сельскохозяйственную и несельскохозяйственную группы (с соответствующим неравномерным распределением жизненных возможностей между городом и деревней), перенаправление потоков сельской миграции в менее крупные города, дифференциация создаваемого *хукоу* «стеклянного потолка» в целях привлечения инвестиций и талантов (с. 80). Другой интересный пример — стратегии городских властей по расширению и закреплению своего влияния на сельские районы при поддержке центральной власти (с. 82–83): «превращение» (переквалификация) целых уездов в города, что дает администрациям больше возможностей для городской застройки и сокращения сельскохозяйственного сектора; подчинение городам сопредельных уездов, что порождает между муниципальными и уездными властями борьбу за ресурсы; «аннексия» городами уездов и их превращение в городские районы (мегаполисы используют эту стратегию для перевода промышленности из центральных районов, решения проблемы перенаселенности и т. д.).

В третьей главе описаны изменения городских ландшафтов в центральных и периферийных регионах: «на примере отдельных зданий, улиц, микрорайонов и районов в Пекине, Шанхае и Шэньчжэне рассмотрено, как различные акторы планируют, строят, совершенствуют, брендируют, переосмысливают, используют и оспаривают эти места. Непрерывающиеся изменения в городских ландшафтах представляют собой социальную канву, которая позволяет судить о динамике властных отношений между местными и мировыми субъектами в процессе сотворения мест» (с. 119). Прежде чем совместно с читателем изучать разные «кейсы», автор реконструирует необходимый для этого общий контекст преемственности и разрывов с социалистической эпохой: сильное влияние местных властей на градостроительство (в ущерб участию обществу), акцент на технологиях изменения окружающей среды (игнорирование иных форм планирования), применение характерных для эпохи социализма модульных решений, противоречие между сохранением исторического наследия и стремлением к развитию, и т. д.

С социологической точки зрения в третьей главе интересны рассуждения автора о феномене субурбанизации. С одной стороны, как и в США, в Китае наблюдается разрастание городов на многие тысячи километров; с другой стороны, концепт субурбанизации специфичен для реалий Северной Америки (в пределы города входят жилые комплексы с меньшей плотностью населения, до которых нужно добираться на машине), но не вполне корректен для описания расширения китайских городов. Их «периферию... между

крупными историческими центрами и сельской глубиной составляет сложная мозаика множества социальных миров (поселки-спутники, престижные виллы, поселения мигрантов, университетские кампусы, производственные комплексы, экогородки и даже сельскохозяйственные угодья), мало напоминающая американские пригороды» (и российские тоже) (с. 138). За этой мозаичностью неизменно стоит «модель принятия решений “сверху вниз”, создающая препятствия для устойчивого городского будущего»: «Государство играет ведущую роль в преобразовании китайских городов посредством выработки политических курсов, составления генеральных планов, привлечения иностранных архитекторов, создания партнерства и игнорирования конкретных запросов населения... Взаимодействие китайского государства с экспертами международного уровня может приводить к непредсказуемым последствиям... Обычные люди оказываются вне принятия решений... Политические элиты участвуют в реконструкции ради обогащения и амбиций, не думая о людях... А это ставит под сомнение легитимность государства» (с. 150–151). Беспокойство автора разделяют и другие исследователи, отмечаящие, что беспрецедентный уровень китайской субурбанизации¹⁸ привел к смене подвижного социально-экономического разнообразия городских кварталов резкой сегрегацией пригородов — на «золотые гетто» для очень богатых и «мигрантские анклав» для очень бедных (сельских работников)¹⁹.

Четвертая глава посвящена процессам миграции, и акцент сделан на формировании «деревень в городах» как «фактически анклавов мигрантов». Сельско-городскую миграцию автор рассматривает как «историю о лучшей жизни и обретении свободы, но также об эксплуатации и страданиях» (с. 153). Сельские мигранты заняты на непрестижных среди городского населения позициях и стали основным рабочим классом в городах, но живут на задворках городской жизни в силу низких заработков, по сути, превратились «в людей второго сорта в собственной стране» (с. 154).

Автор ищет ответы на два основных вопроса: как миграция способствует трансформации китайских городов и в каких условиях живут и работают мигранты. В первом случае очевидны принципиальные отличия Китая от других мегагородов Глобального Юга: здесь редки незаконные постройки — большинство мигрантов живут в общежитиях при фабриках и стройках или же в жи-

18. См., напр.: Zhou Y., Ma L. J. C. (2000). Economic restructuring and suburbanization in China // *Urban Geography*. Vol. 23. No. 3. P. 205–236.

19. См., напр.: Giroir G. (2006). A globalized golden ghetto in a Chinese garden: The Fontainebleau villas in Shanghai // *Globalization and the Chinese City* / Ed. by Fulong Wu. London: Routledge. P. 208–225; Zhang Li (2005). Migrant enclaves and impacts of redevelopment policy in Chinese cities // *Restructuring the Chinese City: Changing Society, Economy, and Space* / Ed. by Fulong Wu. London: Routledge. P. 243–259.

лых комплексах, которые получили название «деревни в городах» (с. 155). Как правило, это очень разные по размерам, землепользованию и взаимоотношениям с местными властями жилые пространства (бывшие деревни в пределах или за чертой города), которые крестьяне строят/поддерживают для сдачи в аренду. Получается, что анклав мигрантов возникают на городских окраинах, на бывших или все еще сельских землях, и чаще всего подпадают под действие правительственных кампаний по «урбанизации» и «обновлению» (строительству многоэтажек и коммерческой недвижимости), чему сопротивляются «деревни в городе»: сельские жители не хотят менять *хукоу* и терять право коллективной собственности на землю, стремятся сохранить автономию и возможность отстаивать свои интересы; рабочие-мигранты не хотят ухудшения своих жилищных условий, сокращения доступного арендного жилья и роста арендных ставок.

Наметившееся противостояние автор не сводит к упрощенческой дихотомии «общество против государства»: «Не стоит задаваться вопросом, сможет ли гражданское общество победить авторитарное государство в Китае или, напротив, власти подавят гражданское общество и сохранят статус-кво... Мы имеем дело не с игрой на выбывание... Государство целенаправленно участвует в формировании деятельности неправительственного сектора — как с помощью прямых административных ограничений, так и с помощью косвенных мер с целью поощрения. Неправительственные организации для мигрантов как прямыми административными мерами, так и косвенными средствами формируют индивидуалистский, формально-правовой подход с упором на предоставление нуждающимся определенных услуг» (с. 181).

Пятая глава объясняет, почему описанные в предшествующих разделах книги процессы породили новые виды пространственного и социального неравенства. В «изменчивом поле социальной стратификации» Китая автор выделяет три основные тенденции, обусловленные реструктуризацией экономики, изменениями в системе социального обеспечения, реконструкцией и переустройством городских пространств (с. 187): (1) показатели крайней (абсолютной) бедности сократились (по всем критериям), но разрыв между богатыми и бедными увеличился; (2) сформировался новый растущий класс городской бедноты (безработные и низкооплачиваемые, помимо рабочих-мигрантов); (3) нарастает разрыв между имеющими и не имеющими собственное жилье, что усиливает социальную сегментацию горожан. В системной социальной стратификации китайского общества автор выделяет два типа неравенства: социальное исследуют социологи (как пол, образование и политический статус сказываются на доступе к работе, жилью и высоким доходам), пространственное — географы (как неравенство распределяется по уровням сообществ и городских кварталов, например, это старая и новая беднота).

Опираясь на собственные и другие эмпирические данные, автор утверждает, что социальное неравенство в значительной мере детерминировано местом проживания, и город предоставляет лучший доступ к образованию и больше возможностей для получения высокооплачиваемой работы, что связано «не с разным уровнем развития или стоимостью жизни, а с тем, что города формируются как независимые политико-экономические единицы, и предприимчивые местные власти активно добиваются роста города» (с. 196). «Разрыв между классами собственников и неимущих становится все более заметным... Реконструкция городов лишь обостряет стратификацию... При этом китайское общество демонстрирует готовность претерпевать неравенство с учетом повысившегося уровня жизни и сформированных в рамках рыночных реформ открытых механизмов мобильности “из деревень в города”... Произошедшее за конец XX — начало XXI века переустройство китайских городов существенно сказалось на социальной и пространственной структуризации крупных населенных пунктов Китая, и результаты этого процесса мы будем наблюдать на протяжении многих поколений» (с. 210–211).

Один из таких результатов рассмотрен в заключительной, шестой, главе книги — это изменения «культурного потребления» городов, обусловленные тем, что «городская индустрия культуры генерирует одновременно ощущение свободы и отчужденности и задает новые формы контроля и вмешательства со стороны государственных структур» (с. 21). На примерах «городского потребительства, ночной жизни и арт-кварталов» показано, как «маркетизация, глобализация и новые меры государственного вмешательства суммарно переформируют динамику культурной экономики» (с. 213). Шестая глава наиболее кейсово-иллюстративна, но и здесь автор делает серьезные обобщения, например, отмечая, что паттерны потребления в китайских городах позволяют лучше увидеть рост неравенства между имущими и неимущими: «городская беднота, исчисляющаяся миллионами, едва сводит концы с концами на задворках гламурного новоурбанизированного Китая» — потребление становится «средством отчуждения и лишения человека надежды» (с. 219). Кроме того, «культурная экономика китайских городов... представляет собой поле для появления новых форм государственного вмешательства, позволяющих контролировать и одновременно снимать сливки с процветающей отрасли» (с. 234).

В книге в целом много выводов, но уже в Предисловии автор предупреждает о недопустимости не критичного восприятия китайского опыта городского развития и управления, поскольку такие страны, как Индия, извлекли из него неверные уроки. Речь идет о том, что конкретные решения (создание особых экономических зон, обновление городских пространств и др.) заимствуются как своего рода панацея, хотя даже в Китае они имели далеко

не только позитивные последствия. Например, огромные инвестиции в инфраструктуру могут привести к банкротству местных властей, грандиозные проекты запускают печатный станок по линии государственно-частного партнерства, но оказывают незначительное влияние на жизнь городского населения, модернизация посредством расселения бедных районов превращает центральные кварталы в «колонии транснациональных элит» и усиливает экономическое неравенство (с. 22). В Китае ускоренная урбанизация (прежде всего, вложения в развитие городской инфраструктуры) усилила разрывы между восточными, центральными и западными районами (с. 101), а также противоречия между интересами и приоритетами местных и центральных властей (с. 100); «массированные вложения в инфраструктуру сделали возможными государственно-частное партнерство и одновременно образование непрозрачных платформ для аккумуляции средств» (с. 106); «в силу фрагментированной системы управления мегагородскими районами между отдельными городами появляется конкуренция, что приводит к дублированию инфраструктурных проектов, захвату земель и деградации окружающей среды» (с. 107) и т. д.

Для подтверждения своих выводов на протяжении всей книги автор сочетает ссылки на авторитетные концептуальные модели с эмпирическими данными, исторический анализ — с описаниями современных реалий, статистические показатели — с убедительными кейсами (от крупных городов и моделей реформирования до семейных биографий) и личными наблюдениями. Например, говоря о влиянии жилищной реформы как «полном изменении образа жизни городских китайцев и их отношения... с домом», автор рассказывает свою семейную историю, «демонстрирующую процесс превращения граждан из жильцов муниципального жилья в частных собственников» (с. 93).

Итоговые выводы автора однозначно гуманистичны и несколько утопичны: «Города должны планироваться и строиться во имя людей, а не для прибыли. Китай нуждается в новой модели городского планирования и иных политических курсах, которые бы позволили переломить существующую тенденцию превращения городов в машины по производству прибыли для местных властей и частных инвесторов. Города должны стать местом, где люди смогут жить комфортно и счастливо» (с. 117). Утопичность прослеживается в отсутствии как рекомендаций по реализации столь благих пожеланий, так и упоминаний сельского развития. Несомненно, сегодня Китай «является гибридным и неравномерным (в культурном и социальном плане) обществом, в котором традиционные сельскохозяйственные практики сосуществуют с постиндустриальными городами», что вызывает у «пожилых китайцев, по большей части проживающих в условиях господствующей ментальности “родной почвы”... смешанное ощущение восхищения и враждебности», а список тех, кто делает «алармистские, разоблачительные, кри-

тические высказывания в адрес разрушений, причиненных чрезвычайно стремительной и хаотичной урбанизацией... быстро разрастается — от граждан, подвергнутых переселению, художников, писателей и режиссеров до архитекторов, защитников окружающей среды и сторонников сохранения культурного наследия»²⁰. По сути, китайская модель урбанизации «по большей части продолжает эксплуатировать отвергнутую в 1970-е годы известными теоретиками социального планирования... идею, что перестройка городов создаст эффективный, производительный и функциональный социальный порядок»²¹. Но реализуемая модель городского планирования не должна игнорировать «стратегию подъема деревни»: если уж мы говорим об интеграции городского и сельского развития, то миграционные потоки должны быть двусторонними — «не только миграция сельских элементов в города, но и перемещение передовых элементов (капитала, технологий, управления) и качественных городских ресурсов (экономических, социальных, культурных и других) в сельские районы»²².

Social-spatial features of the Chinese (sub)urbanization²³

Review of the book: Xuefei Ren (2023) *Urban China*, Boston/Saint Petersburg: Academic Studies Press/Bibliorossika.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Department, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

20. *Виссер Р.* (2022). Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика. С. 133–134.

21. Там же. С. 105.

22. Стратегия подъема села (2023) / Под ред. Чжан Сяошань. СПб.: Нестор-История. С. 134.

23. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

Последствия аграрных реформ¹

Рецензия на книгу: Вербицкая О. М. (2022). Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив. — 336 с. ISBN 978-5-8055-0410-6

А. А. Куракин

Александр Александрович Куракин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-280-287

Чтобы историки взялись за изучение какого-либо вопроса, должно пройти определенное время. Судя по книге историка О. М. Вербицкой, время для исторического анализа аграрных преобразований постсоветского села наступило. Разумеется, это не значит, что историки ранее не уделяли внимания этой теме, однако появление целой монографии, посвященной аграрным реформам 1990-х годов, определенно говорит о том, что пора подводить исторические итоги этой эпохи.

В книге «большая» история соединяется с «малой». С одной стороны, описывается аграрная политика как совокупность замыслов и реально осуществленных преобразований, изданных законов и социально-политического контекста, в котором эти законодательные инициативы проводились. С другой стороны, акцент делается на том, как изменилась в результате жизнь простых сельских жителей.

Аграрные реформы 1990-х годов уже исчерпали свою непосредственную инерцию, действительно став историей. Однако их последствия все еще ощущаются, образуя часть фундамента, на котором эволюционирует современное российское село. Точно так же имеют свои последствия и более ранние советская колхозно-совхозная система, коллективизация, Столыпинская реформа, крепостное право и общинное землевладение. Однако 1990-е годы еще свежи в памяти значительной части населения современной России.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Став историей, аграрные преобразования 1990-х годов проводились не в безвоздушном пространстве, имели свои социальные, экономические и политические предпосылки и контекст. Непосредственным их объектом была позднесоветская колхозно-совхозная система, со всеми достижениями, проблемами и противоречиями, сложившимися в советской сельскохозяйственной модели.

С одной стороны, общие валовые показатели были внушительны: 25 тысяч сельскохозяйственных предприятий, из которых чуть более половины — это совхозы, 9,6 млн работников, занятых в колхозах и совхозах, три четверти производимой сельскохозяйственной продукции приходилось на эти коллективные предприятия (доля личных подсобных хозяйств составляла, соответственно, примерно четверть). Кроме того, в рамках колхозно-совхозной системы удалось значительно нарастить уровень механизации и общего технического и научного оснащения сельскохозяйственного производства. К началу реформ в стране существовало механизированное, индустриальное сельское хозяйство. Радикально изменилась по сравнению с царской Россией и демографическая ситуация: из крестьянской Советский Союз превратился в страну с преимущественно городским населением: на селе проживало немногим более 27% жителей, из которых менее половины были заняты в аграрном секторе. Иными словами, сельское хозяйство уже тогда перестало быть фактически безальтернативной сферой занятости для сельчан. Свою роль сыграла и политика так называемых «неперспективных» деревень, приведшая к опустению множества мелких сельских населенных пунктов и усилившая урбанизационные процессы. За годы советской власти были осуществлены серьезные инвестиции в социальную инфраструктуру села: построены школы, учреждения здравоохранения, сельские клубы. Это происходило в русле общесоюзной политики «выравнивания социально-экономического положения города и села».

С другой стороны, повседневный опыт жителей позднего Советского Союза, с хроническим дефицитом и пустыми полками, говорил о том, что продовольственная система страны в кризисе. Импорт зерна из стран Запада превратился в норму. Бесконечные поездки «на картошку» студентов и работников несельскохозяйственной сферы также можно считать признаком нездорового состояния аграрной сферы. Сельский алкоголизм и сложившийся типаж вечно пьяного колхозника дорисовывал общую картину позднесоветского села.

Уже в позднесоветский период в рамках политики перестройки М. С. Горбачева в сельское хозяйство страны начали внедряться, по сути, рыночные элементы. В моду вошли слова «хозрасчет», «подряд» (бригадный, семейный) и «аренда». Появились законы о кооперации, позволяющие создавать кооперативы, альтернативные советской системе Центросоюза. Эти процессы шли во всей советской экономике, сельское хозяйство было лишь частью этих

общих преобразований. В последние годы существования Советского Союза были приняты законы «О земельной реформе», «О собственности», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Насколько успешными могли бы быть их результаты, однозначно судить сложно, ведь история не знает сослагательного наклонения. Однако общую траекторию последних лет советского государства можно назвать деградацией (мы не беремся сказать, возможно ли было переломить этот тренд, не допуская распада страны). Распад Советского Союза полностью изменил ход истории, и свой след оставили совсем другие реформы.

Автор монографии критикует реформы Ельцина–Гайдара в основном по двум пунктам: 1) за их скорость и 2) за игнорирование социальной составляющей. Что касается скорости проводимых реформ, она считает альтернативой концепцию аграрной реформы, подготовленную преимущественно учеными РАСХН (тогда ВАСХНИЛ), предусматривавшую постепенные преобразования колхозно-совхозной системы². Однако накопившиеся внутривнутриполитические и экономические проблемы привели к необходимости проведения этих реформ в кратчайшие сроки. Уже 27 декабря 1991 года был издан указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», который предусматривал двухмесячный срок его реализации. Через два дня, 29 декабря, вышло постановление правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», заложившее основу проводимых аграрных реформ. На реализацию данного постановления отводился всего один год. Разумеется, в реальности все происходило куда медленнее, и еще во второй половине 1990-х годов свой статус сохранили до трети колхозов и совхозов³. Автор довольно подробно рассматривает политические и экономические обстоятельства и процессы, приведшие к осуществлению реформ в том виде, в котором они стали частью истории.

Главной целью проводимых аграрных реформ было преобразование колхозов и совхозов в массовый слой фермерских хозяйств. Их основу должны были составить семьи работников колхозов и совхозов, которые получили бы производственные мощности из имущества коллективных хозяйств в результате приватизации. Это позволило бы добиться не только экономических, но и политических целей, главная из которых — исключить возврат к социалистической системе и советскому строю. Массовый слой фермеров, т. е. фактически мелкой буржуазии (по крайней мере, так его видели реформаторы в то время), рассматривался не только как

2. Никонов А. А. (1995). Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М.

3. Никольский С. А. (1996). «Аграрная реформа» 1991–1995 гг. и проблема модернизации российской деревни // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М.

средство увеличения эффективности сельскохозяйственного производства в стране, но и как политическая опора, противостоящая попыткам коммунистического реванша.

Первое обстоятельство, повлиявшее на ускоренный темп реформ, состояло в том, что не было никакой уверенности, что работники колхозов и совхозов добровольно и массово захотят становиться фермерами, т. е. предпринимателями, ведущими свое хозяйство на свой страх и риск. Как известно, доля людей в населении, готовых на такие рискованные шаги, никогда не бывает значительной. Стоит также учитывать и непростую социально-экономическую обстановку тех лет, а также годы советской власти, когда предпринимателей выставляли в крайне негативном свете. Неудивительно, что реформаторы опасались, что население отнесется к проводимым преобразованиям как минимум осторожно и с подозрением, а возможно, и вовсе враждебно.

Второе обстоятельство заключалось в требованиях международных структур (Международный валютный фонд, Всемирный банк и др.), предоставлявших кредиты стране, отчаянно в них нуждавшейся. Казна была пуста, а ситуация с продовольствием и предметами первой необходимости крайне острая. Именно это подтолкнуло власти перейти к политике свободного ценообразования, которая разогнала инфляцию до невиданных ранее темпов, но наводнила рынки импортными товарами. Тогда же возникла легендарная фигура «челнока», поставляющего ширпотреб на широко распространившиеся по всей стране открытые рынки (они же базары). Однако без получения кредитов эти меры были неспособны стабилизировать ситуацию. Следует также учитывать немалые долги Советского Союза, которые теперь приходилось выплачивать России, а точнее, просить об их отсрочке и/или реструктуризации. Улучшение политических взаимоотношений с западными странами вовсе не облегчило получение кредитов, их выдавали только при соблюдении определенных параметров проводимых реформ. Некоторые авторы видят в этом одну из причин, почему аграрные реформы осуществлялись в столь сжатые сроки⁴.

Само же содержание аграрных реформ, проводившихся новым постсоветским правительством Б. Н. Ельцина, не являлось чем-то до сих пор невиданным. На самом деле, уже в последние годы Советского Союза разрабатывалась программа аграрных преобразований под руководством академика А. А. Никонова, которая предполагала и уход от коллективных форм хозяйствования на селе, и внедрение рыночных отношений, и уменьшение роли государственного регулирования, приватизацию и создание фермерских хозяйств. Также в 1990 году была принята программа «Возрождение российской деревни», содержащая обширные социальные

4. Широкалова Г. С. (1995). Аграрная реформа в России и развитие АПК в странах Запада. Н. Новгород.

проекты в сельской местности. Правда, учитывая плачевное состояние финансов позднего СССР, вряд ли ее удалось бы реализовать. Но в любом случае вектор реформирования советской аграрной сферы был более-менее ясен всем политическим силам. Разница состояла лишь в скорости преобразований и в вопросе сопровождения экономических реформ социальными программами. Правительство Ельцина предполагало сделать все предельно быстро и без оглядки на возможные социальные последствия. Разумеется, данный выбор отчасти объяснялся и тяжелыми экономическими, политическими и социальными обстоятельствами, в которых тогда оказалась страна.

Результаты реформ заложили фундамент современного аграрного сектора России, но не совсем в том виде, как это задумывали реформаторы. Паевая реформа шла с трудом, было много неразберихи с документами, а выделиться из коллективного хозяйства с реальным куском земли и собственности было еще сложнее. Но куда важнее то, что, как и опасались авторы реформ, желающих стать фермерами оказалось не слишком много, так что массового их слоя на селе создать не удалось. Тем более что выживаемость новых фермерских хозяйств также была невысокой. В результате их роль в структуре сельскохозяйственного ВВП России все 1990-е гг. была чисто номинальной. Ситуация медленно стала меняться начиная с 2010-х годов, когда начала расти доля продукции, которая на сегодня вполне заметна.

Одновременно сами колхозы и совхозы понемногу преобразовывались в частные предприятия различных организационно-правовых форм. Зачастую ведущую роль в этом процессе играло руководство этих предприятий, превращаясь в реальных владельцев и хозяев корпоративных сельскохозяйственных организаций. Именно эти выжившие предприятия составили ту базу, на которой уже позже стали расти российские агрохолдинги.

Для аграрного сектора 1990-х годов еще была характерна резко выросшая роль личных подсобных хозяйств населения. Происходило это не от хорошей жизни — людям на селе просто надо было как-то выживать. По иронии судьбы, вместо массового слоя фермеров капиталистического типа образовалось огромное число мелких полунатуральных хозяйств, основанных на ручном труде. Уже после 2000-х годов вследствие стабилизации экономики страны доля личных подсобных хозяйств стала неуклонно снижаться.

Заложив институциональную основу дальнейшего развития аграрного сектора, реформы 1990-х одновременно привели к крайней деградации производственного потенциала сельского хозяйства. Уменьшались валовые сборы, снизилось поголовье скота, изнашивался парк сельскохозяйственной техники, предприятия теряли ценных специалистов и т.п. По оценке автора, в результате аграрных реформ 1990-х годов сельское хозяйство России было отброшено по своим основным показателям на 35–40 лет назад.

В монографии, анализируя реакцию населения на аграрные реформы, автор активно использует результаты различных социологических опросов тех лет. Поскольку перед проведением реформ не проводилось никаких кампаний по информированию населения, неудивительно, что значительная часть сельчан не понимали сути происходящих преобразований. А неведение, как известно, часто порождает не только страх и недоверие, но и приводит к неправильным действиям. Кроме того, основываясь на данных опросов, автор приходит к заключению, что, по мнению сельских жителей, реформы себя не оправдали, а их цели сами респонденты зачастую не разделяли. В целом, учитывая негативные социальные последствия аграрных реформ для подавляющего большинства жителей села, такие результаты несколько не удивительны.

Тяжелые социальные последствия проводимых реформ на селе стали вторым элементом критики автора аграрных реформ 1990-х годов⁵. Здесь можно выделить четыре группы социальных последствий: 1) труд, занятость и расслоение, 2) демография, 3) здравоохранение и 4) образование.

Так, одним из результатов аграрных реформ 1990-х годов стало то, что работа на селе перестала обеспечивать жизненные потребности работников. Реальные доходы резко упали, поскольку рост заработных плат драматически отставал от роста цен. К этому стоит добавить и повсеместный кризис неплатежей, когда предприятия не могли вовремя рассчитаться за поставленную продукцию, а также выплачивать зарплату своим работникам. Задержки могли длиться месяцами. Уровень бедности среди работающего населения резко вырос, и сельская местность не была здесь исключением.

К падению уровня жизни работающих граждан стоит добавить и относительно новое явление — безработицу. Сменившие форму собственности на частную колхозы и совхозы стали активно сокращать работников, т.к. зачастую сами были в плачевном экономическом положении. Преобразование колхозов и совхозов нередко приводило к их дроблению, что только ухудшало шансы на успешную экономическую деятельность. Так, на месте 25 тысяч колхозов и совхозов, существовавших в 1990 году, к 1994 году возникли 27 тысяч предприятий различных организационных форм (без учета фермерских хозяйств). Количество работников в преобразованных сельскохозяйственных предприятиях неуклонно сокращалось: к 1998 году по сравнению с 1990-м оно уменьшилось на 55%. Предприятия не только сами увольняли работников, но и теряли квалифицированные кадры по инициативе последних, стремившихся найти лучшую долю в городской экономике. Сокращали работни-

5. Об экономической составляющей реформ более подробно см. в: *Узун В. Я., Шагайда Н. И.* (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело.

ков не только сельскохозяйственные предприятия, но и другие организации в сельской местности.

Лишь немногие жители села отважились попробовать себя на фермерском поприще, а спасением служили личные подсобные хозяйства. Как говорилось выше, 1990-е годы стали расцветом полунатуральных ЛПХ, которые по своему валовому продукту в какой-то момент превосходили даже сельскохозяйственные предприятия. В 1999 году из 17 млн работников сельской местности 10,6 млн были полностью или частично заняты в личных подсобных хозяйствах. Серьезную помощь им оказывала и занятость в сельскохозяйственных предприятиях, ресурсы которых работники использовали для ведения своих личных подсобных хозяйств. Это было одной из причин, почему, несмотря на низкие заработки, которые к тому же еще и постоянно задерживались, люди все-таки держались за свои рабочие места в них.

Помимо общего падения уровня жизни, российское село не избежало и общего для страны социального расслоения. Традиционно уровень оплаты труда в сельском хозяйстве один из самых низких в России по сравнению с другими отраслями экономики. За годы реформ 1990-х годов он стал еще заметно ниже и не только в реальном выражении. Однако и на этом фоне происходила поляризация населения. Выделялись, прежде всего, высшие руководители сельскохозяйственных предприятий, которые скорее от реформ не проиграли, а выиграли. Также постепенно стали вставать на ноги выжившие фермеры, товарные личные подсобные хозяйства и мелкие предприниматели несельскохозяйственного профиля.

Экономический кризис 1990-х годов повлиял и на сельскую демографию. Естественная убыль сельского населения в 1990-е годы ускорялась как за счет снижения рождаемости, так и за счет увеличения смертности и снижения продолжительности жизни. И если снижение рождаемости соответствовало мировым трендам, то вот рост смертности стал неприятной особенностью периода 1990-х. Впрочем, такие тенденции были характерны и для российских городов того периода. К естественной убыли на селе добавлялся и миграционный отток, в первое время частично компенсировавшийся за счет миграционного притока из бывших республик Советского Союза. Причем отток затрагивал прежде всего молодежь, что делало демографическую структуру деревни поколенчески перекошенной: относительно высокая доля пенсионеров и низкая доля детей. Разумеется, были и есть значительные региональные и этнические различия, характерные для многонациональной России.

Сельское здравоохранение и образование также существенно пострадали. Это были сферы «остаточного финансирования», которые, по сути, весь рассматриваемый период просто жили за счет запаса прочности позднесоветской социальной сферы села.

В итоге общий вывод автора относительно исследуемого периода аграрных реформ 1990-х годов состоит в том, что реформы проводи-

лись непродуманно и поспешно, в результате чего не были достигнуты как заявляемые цели, так и не были предотвращены многочисленные негативные социальные последствия.

287

А. А. Куракин
Последствия аграрных реформ...

Consequences of agrarian reforms

Review of the book: Verbitskaya O. M. (2022) *Russian Village in the 1990s: Agrarian Policy and Society*, Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 336 p. ISBN 978-5-8055-0410-6

Alexander A. Kurakin, PhD (Sociology), Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics; Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: chto-delat@yandex.ru

«Нравственная жизнь требует памяти о прошлом»

Рецензия на книгу: Смирнов А. А. «Поставьте памятник деревне...». Ярославль: Филигрань, 2024. — 448 с., ил.

Л. М. Архипова

Любовь Михайловна Архипова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108. E-mail: Lubov.a2011@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-288-295

Высказывание академика Д. С. Лихачева о том, что человеку тесно жить только в настоящем, его нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее¹, относится в полной мере к Александру Александровичу Смирнову, автору книги «Поставьте памятник деревне...», вышедшей в 2024 году.

Она посвящена советскому периоду жизни населенных пунктов Будущевского и Калининского сельсоветов Покровской волости Буйского района Костромской области. Общее историческое название этих мест — Покров на Удгоде. Отношение автора к негативным сторонам советской истории профильтровано, если можно так сказать, очищено его большой любовью к родному краю и землякам, о чем свидетельствует вся книга, начиная с ее анонса: «Это история сельсоветов и колхозов, где главными участниками исторических событий были наши отцы и деды. Их сложной, очень тяжелой, но вместе с тем жизнерадостной истории посвящена данная книга» (с. 2). А. А. Смирнов хорошо известен на своей малой родине в Костромской области как председатель Буйского историко-родословного общества, командир поискового отряда «Солдаты Победы», автор нескольких книг по краеведению².

«Поставьте памятник деревне...» — это сборник документов, появление которого очень знаменательно для сложившейся историографической ситуации. В последние годы наблюдается рост интереса профессиональных историков и тем более любителей

1. *Лихачев Д. С.* (2000). Русская культура. М.: Искусство. С. 335.

2. *Смирнов А. А.* (2019). Гагарино: история поселка. Краеведческие очерки. Ярославль: Филигрань; *Смирнов А. А.* (2022). Покров на Удгоде: история Покровской на р. Удгоде церкви Буйского района Костромской области. Ярославль: Филигрань; *Смирнов А. А.* (2023). Шагнущие в бессмертие. Ярославль: Филигрань.

книг о прошлом к локальной истории, отличающейся от других исследовательских направлений эмпирическим характером историописания и отсутствием порой навязчивого диктата идеологии, социологических схем и обличительных ударов, травмирующих историческую память соотечественников.

Этот новый социальный запрос — часть современного культурного контекста исторической науки и образования, вполне предсказуемый результат их развития в последние три десятилетия. В какой-то момент отказ от квазимарксизма («марксизма-ленинизма») и формационного подхода отбросил маятник «часового механизма» методологии отечественной истории к нулевой точке, откуда его уже с неистовой силой качнуло в постмодернизм, воспринятый многими как отказ от исторической правды и научной истины. Тогда же выход в свет многотомных изданий рассекреченных документов Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ-НКВД³ кардинально повлиял на всю оптику видения советского прошлого с плюса на минус. Как минимум в пространстве публичной истории стали доминировать негативные историографические образы СССР и советского народа⁴. Стремлением удовлетворить потребность науки и общества в более объемной документальной и теоретической проработке исследовательской проблематики российской цивилизации и аграрного строя как ее основы отличалось современное крестьяноведение⁵.

Одним из его достижений последних лет стало формирование сельского краеведения, нового исследовательского направления, которому придается большое научно-образовательное значение⁶. Его задачи и познавательные возможности отвечают вызовам времени и Концепции национальной безопасности — воспитанию личности, ощущающей и осознающей свою сопричастность к родной истории, уважающей жизненный опыт и духовный подвиг предшествующих поколений соотечественников. Решению именно этой, со всей очевидностью патриотической задачи посвящен рецензируемый сборник документов, автором-составителем которого является историк с педагогическим опытом сельского школьного учителя. «Представленная читателю книга — это мой

3. *Тархова Н. В.* (2006). История российского крестьянства в серийных документальных публикациях 1990–2000-х гг. // Новый исторический вестник. № 1 (14). С. 60–71.
4. *Образы историографии* (2000). Сборник статей / науч. ред. А. П. Логунов. М.: РГГУ.
5. *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия.
6. *Толстов С. И.* (2023). О сельском краеведении замолвили слово // Цивилизационные и конституционные основы российской государственности: сб. науч. тр. Межвуз. науч.-практ. конф. 22 июня 2023 г., г. Москва / ЧУ ВО «ИГА». М.: Юстицинформ. С. 161–169.

памятник всем моим землякам — великим труженикам советской деревни» (с. 5).

Возникает естественное сомнение, не приводит ли этот благородный замысел к очередному историческому вымыслу, поскольку публикация документов заключает в себе не менее коварную ловушку тенденциозности, чем их интерпретация в исследовательском тексте. Не на пустом месте родилось выражение: «Историк создает свой источник». К краеведческому не академическому изданию документов предъявляются те же строгие требования концептуального характера, задается тот же вопрос о репрезентативности проработанной автором-составителем источниковой базы.

Смирнов предельно лаконичен в высказываниях на этот счет, что все же позволяет выделить в его работе несколько принципов, обеспечивших научную объективность созданного им документально-локального образа советской деревни. В их числе — отстраненность составителя от известных историографических моделей советского прошлого; отсутствие оценочного комментария; полнота информации, выраженная в количественной и качественной репрезентативности документов; охват информацией разных сторон колхозной жизни; активное использование биографических сведений о земляках, включая историю собственного рода. Организующей весь материал издания идеей автор считает историческую преемственность поколений: «Одно должно быть понятно, чтобы так жить, как мы живем сегодня, надо было пройти тот путь, который прошли наши предки в прошлом...» (с. 4).

Отмеченные принципы — производное от методологических установок автора-составителя, его взгляда на исторический процесс. Он не декларируется в книге, как это принято в академических изданиях, но вполне отчетливо проступает в контексте.

Несмотря на событийно-фактологическое содержание сборника, предметом документального исследования Смирнова является социально-психическое, на что указывает эпиграф книги — слова Н. М. Карамзина об отражении в исторических фактах народной души. Об этом же свидетельствуют информативные возможности источников, позволяющие составить отчетливое представление о константах и переменных крестьянской ментальности в изменявшихся экономических и политических условиях деревенской жизни. Многое о характере, потребностях и настроениях сельских жителей Покровской волости рассказывают их многочисленные фотографии — портреты и групповые снимки. Подходы автора к подбору документов обеспечили социально-психологическую направленность исторического исследования. Позитивистское отношение Смирнова к ценности исторического факта, который сам по себе способен многое объяснить вдумчивому исследователю, сочетается с восприятием источника как результата психической деятельности человека, со стремлением не столько

объяснить, сколько понять прошлое, что ему удастся посредством актуализации в своем сознании исторической памяти, памяти рода и семьи.

Вот как Смирнов пишет об этом: «Прожив больше пятидесяти лет в лесном поселке, я хорошо знаком с жизнью сельских тружеников. Мы с детства были приучены к труду. Вспоминаю, как я был горд, когда на сенокосе встал на покос за отцом, а за мной вел покос мой дедушка. Старался не отстать от отца и не задерживать деда. Да, мой покос был вполонину меньше, чем у взрослых, но и мне было всего 13 лет. Поэтому, когда знакомился с архивными документами, судьбами людей, мне многое было понятно и знакомо в их жизни, я старался прожить вместе с ними те события, участниками которых они были» (с. 5). В источниковедческом опыте составителя сборника органично соединилось то, что в строго методологических раскладах признается труднодостижимым⁷, и это заставляет оценить рецензируемую книгу как культурный артефакт.

Методология сборника перекликается с тем, чему В. О. Ключевский учил своих студентов: «В исторических явлениях <...> рядом с временным, относительным и преходящим всегда есть элементы внутренние и постоянные, которые поэтому должны быть ценимы и понимаемы всеми одинаково во всякое время <...> Как скоро нашей мысли дается такое понимание, исторические факты тотчас становятся наряду с теми историческими явлениями, которые не нуждаются в нашем оправдании или осуждении; они совершаются, не спрашиваясь, приятны ли они нам или неприятны, и совершаются потому, что не совершиться не могут»⁸.

Заняв такую фундаментальную позицию, можно избежать когнитивного диссонанса между научной объективностью и духовным содержанием документального исследования, что и демонстрирует сборник. Задуманный как мемориальное произведение, как памятник великому подвигу колхозного крестьянства, адресованный землякам, он заключает в себе богатые возможности для историка-исследователя, заинтересованного в разработке сюжетов и проблем в русле современного крестьяноведения.

Исследователь обязательно найдет среди документов не только иллюстрирующий его мысль материал, он обнаружит оригинальные сюжеты и редко встречающуюся информацию. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом.

Тема дезертирства крестьян при мобилизации в Красную армию нашла емкое воплощение в подборке источников (с. 10–14). Здесь есть сведения о насильственном характере мобилизационной

7. *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* (2005). Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 156–163.

8. *Ключевский В. О.* (1997). Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. 1872–1875 гг. / под ред. В. А. Киреевой и А. Ф. Киселева. М.: Владос. С. 559.

политики большевиков — за уклонение от службы и укрывательство дезертиров устанавливались карательные меры от наложения штрафа, лишения «нормированных продуктов», конфискации движимого и недвижимого имущества и вплоть до расстрела. Но также можно наблюдать ментальный конфликт между введением местной уездной комиссией по борьбе с дезертирством общинного принципа круговой ответственности, штраф налагался на село, и противоположной установкой крестьян на личную ответственность виновных, более согласующуюся с их пониманием справедливости (с. 13–14). В этом же сюжете обнаруживается то, что на языке крестьяноведения называют «оружием слабых» — обыденные формы сопротивления давлению властей в виде бойкота распоряжений власти⁹. «28 апреля 1919 г. на граждан д. Горлово был наложен штраф 1000 рублей за укрывательство дезертиров. 1 мая 1919 г. состоялось общее собрание граждан селения Горлово, на котором было принято решение: “Платить не будем, так как дезертиров мы не скрываем, они сами самовольно скрываются, где им вздумается, и уследить селение не в силах”. Печать Горловского комитета бедноты и подписи граждан селения» (с. 14).

Максимально информативные источники, например «Акты описи крестьянского имущества в связи с неуплатой сельскохозяйственного налога 1923 г.», иллюстрируют жесткий административный порядок наказания за этот проступок и одновременно свидетельствуют о низком уровне имущественной обеспеченности крестьянских дворов (с. 21–22). Также мимо внимания историка-аграрника не пройдет информация о том, как крестьяне одной из деревень распорядились полученными бывшими помещичьими землями: завели на них традиционное землепользование — чересполосицу, трехпольный севооборот и никто «не выделился» на хутора, то есть сохранили общинный порядок (с. 17), что было характерно в то время для северных, лесных районов¹⁰.

Под давлением сложных обстоятельств 1920-х годов власть использовала некоторые элементы традиционного крестьянского самоуправления. В каждом сельском обществе из числа активных и сознательных деревенских жителей назначался, иногда помимо его желания, сельский исполнитель. Он был главной опорой волостного милиционера и по должности напоминал сельского старосту, служил связующим звеном между административно-

9. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия. С. 64, 69, 508; *Бабашкин В. В.* (2024). История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации: учебное пособие для вузов. СПб.: Лань. С. 54–55, 94.

10. *Саблин В. А.* (2006). Крестьянский двор на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы. Автореф. д.и.н. Архангельск. С. 28–30.

исполнительной местной властью и крестьянским миром (с. 35–36). Делопроизводственная документация сельских советов за 1928–1929 годы убеждает в том, что конституционные структуры и порядок их формирования не противоречили крестьянским понятиям и обычаю — в Ново-Покровской волости повсеместно жители доверили реализацию новых законов крестьянам средней зажиточности и бедноте, в основном 20–30-летним беспартийным мужчинам. На собрания послушать отчеты сельских советов приходило не менее трети жителей, задававших десятки вопросов (с. 51–56).

Для кого-то изучение документов сборника нарушит сложившуюся в его сознании черно-белую картину Гражданской войны на селе, поколеблет некоторые стереотипы восприятия политических явлений. Так, источник информирует об административном аресте и временном отстранении от должности, ни больше ни меньше, как военного комиссара волости, «не донесшего своевременно о проживающих в районе волости дезертирах» (с. 12). Или другой случай: уездный съезд сельских комбедов признал отсутствие в деревнях «большого отпора со стороны кулаков...», тем более что свою главную задачу буйские комбеды видели в том, чтобы не допустить повторения голода 1917 года, а именно устранить его причины, «вести учет посеянного и убранного хлеба» (с. 15). Вместе с тем «из песни слов не выкинешь», и Смирнов дополнил приведенную цитату своим наблюдением над содержанием всего документа о том, что председатель съезда большую часть выступления все же посвятил рассуждениям о международной обстановке, закончив призывом к мировой пролетарской революции (с. 15).

Отчетные ведомости об имуществе школ Покровской волости информируют о плохой обеспеченности органов народного образования самым необходимым накануне масштабных культурных преобразований советской власти на селе. Из воспоминаний врача узнаем о том, как открывались медпункты в центральных усадьбах сельских обществ в начале 1920-х годов, как сельской интеллигенции приходилось самоотверженным трудом завоевывать доверие крестьян, не сразу отказавшихся от помощи деревенских знахарей и бабок-повитух (с. 33–35). Врачи и фельдшеры не только принимали и лечили больных, но вели широкую просветительскую работу, а также организационную по содержанию медпунктов, наполнению их оборудованием и медикаментами.

Картины сельской повседневной жизни складываются в сознании читателя очень естественно, благодаря подобранным документам. Возможно, вызовет удивление факт того, что в 1926 году в Ново-Покровской волости на 77 сел (почти 2 тыс. дворов и 10 тыс. крестьян) был только один винный магазин, а «тайное винокурение» хотя и было, но в совершенно незначительных объемах — традиционно для свадьбы и похорон; что за мат

и крик в публичном месте жителей реально штрафовали, причем если это нарушение общественного порядка происходило в присутствии молодежи, то сумма штрафа увеличивалась на треть (с. 37). Тема заботы крестьян о культуре поведения подрастающего поколения проходит сквозь весь сборник, как и другие сквозные сюжеты: административные, социальные, производственные, экономические, имущественные, бытовые взаимоотношения людей российской глубинки представлены в сборнике в их развитии на протяжении более ста лет истории — с 1917 до 2010 года.

Погружаясь в этот мир, исследователь сможет уловить разницу между историческим временем и наступившим в 1990-е годы в лесных поселках Покрова на Удгоде безвременьем, вследствие разрушения колхозов, служивших в советские десятилетия центрами организации всей жизнедеятельности на селе, державшими крестьянский мир подобно дореволюционным общинам. Неестественный процесс угасания экономического потенциала колхозов отразился в протоколах их собраний, а затем в протоколах собраний уже последовательно сменявших друг друга организаций — ТОО, СХК, МУП, ОАО, ООО (с. 400–416).

Возвращаясь к мысли о том, что книга «Поставьте памятник деревне...» сама представляет собой культурный артефакт, обусловленный сложившейся историографической ситуацией, заметим, что встречающиеся в ней недочеты типичны для краеведческих изданий. Им свойственны, например, досадные пропуски полного указания на использованный информационный ресурс или отсутствие научно-справочного аппарата, именного указателя — непременных свойств академических изданий. Можно упрекнуть автора за недостаточную проработанность комментария к таким сложным или дискуссионным сюжетам, как землеустройство в ходе реализации Декрета о земле, или антибольшевистские крестьянские выступления, которыми отметилась Костромская губерния¹¹, или попытки крестьян разрушить земледельческие коммуны, созданные городскими пролетариями, и др.

Возможный ответ на них предсказуем: книга адресована землякам и написана с мемориальными целями. Но в этом проявляется недооценка краеведами результатов собственного труда, в данном случае объемного и богатого научно значимой информацией издания. Тем самым подтверждается своевременность уже прозвучавших в среде профессиональных историков-исследователей призывов к тому, чтобы, во-первых, способствовать

11. Лапшина М. А. (1998). Гражданская война в Костромской губернии // Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. Кострома. С. 194–217.

распространению историко-краеведческих сведений в широком, не ограниченном местными территориальными рамками, публичном пространстве; во-вторых, помогать научно-методологическому сопровождению подобных изданий¹².

Л. М. Архипова
«Нравственная
жизнь требует па-
мяти о прошлом»...

“Moral life needs memories of the past”

Review of the book: Smirnov A. A. (2024) “Erect a Monument to the Village...”, Yaroslavl: Filigree, 448 p.

Lyubov M. Arkhipova, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. Respublikanskaya St., 108, Yaroslavl, 150000. E-mail: Lubov.a2011@yandex.ru

12. *Бабашкин В. В.* (2017). Русская революция и сельское краеведение // Великая российская революция 1917 года: историко-философский анализ: материалы Междунар. науч.-практ. конференции (Балашиха 21 февр. 2017 г.) / Рос. гос. аграр. заоч. ун-т. Балашиха. С. 5–8; *Толстов С. И.* О сельском краеведении замолвили слово. С. 164, 166.

Крестьяноведение

2024. Том 9. №3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать . Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru